

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1866.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ

ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1866.

ГЛАВА I.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА I-ГО АЛЕКСѢЕВИЧА.

Внутреннее состояніе Россіи съ 1705 года до учрежденія Сената. — Характеръ правленія.— Кабинетъ-Секретарь Макаровъ.— Зотовъ.— Остерманъ.— Судьба Виніуса.— Дѣятельность Курбатова.— Курбатовъ вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ.— Финансовыя распоряженія.— Полицейскія распоряженія.— Гошпиталь. — Мѣры противъ нищенства. — Разбои. — Заботы Петра о просвѣщеніи.— Духовенство.— Неудовольствія архіереевъ на монастырскій приказъ.— Дѣло Нижегородскаго митрополита Исаіи. — Стефанъ Яворскій. — Дѣятельность митрополитовъ: Іова Новгородскаго и Димитрія Ростовскаго. — Неудовольствія въ низшихъ слояхъ народонаселенія. — Состояніе Малороссіи. — Раздѣленіе Россіи на Губерніи. — Первое сличеніе прихода съ расходомъ. — Учрежденіе Сената. — Опредѣленіе его дѣятельности. — Учрежденіе фискаловъ.— Коммиссары изъ губерній. — Медленность губернаторовъ. — Продолженіе Шведской войны. — Положеніе завоеваннаго прибалтійскаго края. — Женидьба герцога Курляндскаго на племянницѣ царской, Аннѣ Іоанновнѣ. — Дѣла Турецкія. — Разрывъ съ Портою. — Дѣйствія союзниковъ Датчанъ. — Отношенія къ Англіи и Ганноверу. — Отношенія къ Польшѣ. — Печальныя предчувствія Петра предъ началомъ Турецкой войны. — Семейное дѣло.

Въ разсказѣ о внутреннемъ состояніи Россіи мы остановились на 1705 годѣ. Мы видѣли, какъ съ этого года борьба преобразователя и съ чужими и съ своими усиливается, страшный врагъ входитъ въ предѣлы Россіи, и за бунтомъ Астраханскимъ слѣдуетъ бунтъ Башкирскій, Булавинскій, измѣна Мазепы. Во все это время мы не въ правѣ ожидать сильной внутренней дѣятельности, важныхъ преобразованій. Характеръ правленія остается прежній; царь попрежнему въ отлучкѣ, изрѣдка пріѣзжаетъ въ Москву: пріѣдетъ, станетъ заниматься внутренними дѣлами, — и вдругъ вѣсти о приближеніи врага, царь съ досадою покидаетъ важныя правитель-

ственныя занятія и спѣшитъ къ границамъ. Въ отсутствіи царя попрежнему управляютъ бояре, которые носятъ названіе *министровъ;* министры попрежнему съѣзжаются въ Палату, въ Ближнюю канцелярію на общій совѣтъ, *въ конзилію.* Оказались безпорядки: пріѣдутъ не всѣ, а потомъ при взыскѣ отговариваются: я не былъ и дѣла не рѣшалъ. Въ 1707 году Петръ написалъ Ромодановскому изъ Вильны: „Изволь объявить при съѣздѣ въ палатѣ всѣмъ министрамъ, которые въ конзилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что̀ зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли бы, ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ[1]".

Правительственныя лица прежнія, намъ знакомыя; попрежнему сильнѣе всѣхъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ; но подлѣ царя является новое лицо, очень скромное, не видное и не слышное, но расположенія котораго заискиваютъ самые сильные люди. Царь въ отлучкѣ изъ Москвы,— онъ то въ Петербургѣ, то въ Воронежѣ, то въ Азовѣ, то въ Литвѣ; но онъ слѣдитъ за всѣмъ, къ нему обращаются всѣ съ донесеніями, вопросами, просьбами и жалобами. Всѣ эти бумаги поступаютъ въ *Кабинетъ* Царскаго Величества; царь ихъ всѣ прочитываетъ; но онъ то преслѣдуетъ непріятеля, то отступаетъ отъ него, то переѣзжаетъ съ одного конца Россіи на другой: когда онъ прочтетъ ту или другую бумагу, когда дастъ рѣшеніе? прочтя, отвлечется другимъ, болѣе важнымъ дѣламъ: когда опять вспомнитъ о прочитанномъ? Но подлѣ него безотлучно находится человѣкъ, который подаетъ ему бумаги, читаетъ ихъ: отъ этого человѣка, слѣдовательно, зависитъ, когда подать бумагу, пораньше или попозднѣе, отъ него зависитъ напомнить о бумагѣ уже прочитанной, и главное, отъ него зависитъ доложить о дѣлѣ или напомнить о немъ въ благопріятное время, когда царь споконъ, въ духѣ. Этотъ человѣкъ—Кабинетъ-Секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, человѣкъ безъ голоса, безъ мнѣнія; но человѣкъ могущественный по своему приближенію къ царю, и всѣ вельможи, самые сильные обращаются къ

Макарову съ просьбами — обратить вниманіе на ихъ дѣла, доложить объ нихъ царскому величеству и напомнить, чтобъ поскорѣе были рѣшены. Для примѣра, какъ относились первѣйшіе вельможи къ Алексѣю Васильевичу, приводимъ письмо Ѳедора Матвѣевича Апраксина къ нему: „Мой благодѣтель Алексѣй Васильевичъ здравствуй. Объявляю милости вашей: вручилъ я письмо до всемилостивѣйшаго государя чрезъ господина адмирала (Головина). Пожалуй, мой благодѣтель, когда вручено будетъ, вспомози мнѣ о скоромъ отвѣтствованіи, въ чемъ имѣю на тебя надежду. Такожде послано письмо до милостивѣйшаго моего патрона Александра Даниловича: по возможности изволь развѣдать и, по своему пріятству, ко мнѣ напиши. Пріятелемъ моимъ, кои обрѣтаются при его величествіи, господамъ питателемъ и комнатнымъ служителемъ и славному богатырю Екиму и всѣмъ, кто меня любитъ, пожалуй поздравь [2].“ Для письмоводства при Петрѣ была ближняя походная канцелярія, начальникомъ которой былъ *всешутѣйшій* Никита Моисеевичъ Зотовъ, старый, опытный излагатель царской воли въ указахъ; онъ назывался: „Ближній Совѣтникъ и Ближней Канцеляріи генералъ-президентъ.“ Несмотря на этотъ громкій титулъ, Зотовъ далеко не имѣлъ того значенія, какимъ пользовался Макаровъ. Съ 1703 года для иностранной переписки находился постоянно при государѣ Остерманъ, сначала невидный, скромный Нѣмчинъ [3].

Сходитъ со сцены старый, неутомимый работникъ, думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ. Петръ, державшій его прежде въ большомъ приближеніи, сильно охладѣлъ къ нему, замѣтивъ, что старикъ нечистъ на руку. Въ 1703 году Виніусъ, угрожаемый лишеніемъ всѣхъ мѣстъ, обратился къ Меншикову съ подарками, привезъ ему въ Петербургъ три коробочки золота, 150 золотыхъ червонныхъ, 300 рублей денегъ, а въ семи коробочкахъ золота и въ 5000 рубляхъ далъ письмо, въ которомъ обязывался выдать по востребованіи. Данилычъ поступилъ съ нимъ нечисто: далъ ему письмо для доставленія государю: въ этомъ письмѣ, которое Виніусъ прочелъ, было написано, что старикъ оправдался совер-

шенно во всемъ. Но въ то же время Меншиковъ отправилъ къ Петру другое письмо, въ которомъ писалъ, что Виніусъ, несмотря на свое *выкручиваніе*, ни въ чемъ не могъ оправдаться. Разсказавши, какіе подарки далъ ему Виніусъ, Меншиковъ прибавилъ: „Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не познаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами: или они не хотятъ или Богъ ихъ не обращаетъ. А большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ Пушкарскій приказъ и Аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирскій приказъ удержать за нимъ. Изъ чего изволишь познать, для чего такую великую дачу далъ: надѣется отъ Сибирскаго приказа впредъ себѣ большихъ пожитковъ; а прежде много разъ билъ челомъ твоей милости о деревняхъ, говоря, что пить и ѣсть нечего.“ Виніусъ продолжалъ работать, лилъ пушки, но чувствовалъ немилость царскую; въ апрѣлѣ 1705 года онъ писалъ Петру: „Обрадуй мя, своего раба, въ печалѣхъ погружаема во грядущій праздникъ Воскресенія Христа Бога нашего обнадеживаніемъ своея государскія милости [4].“ Обнадеживанія, какъ видно, не было; старику стало очень тяжко: другіе идутъ быстро впередъ, молодой переводчикъ Посольскаго приказа, Шафировъ, въ большой милости, завѣдываетъ почтовымъ управленіемъ, отнятымъ у Виніуса, а старый служака забытъ, въ опалѣ! Не онъ ли умножилъ казну нѣсколькими сотнями тысячъ, нашелъ руды мѣдныя и желѣзныя, устроилъ 4 завода, которые, кромѣ удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, отправляютъ свои произведенія за море; устроилъ китайскій торгъ, нашелъ селитру, въ два съ половиною года изготовилъ больше 600 пушекъ, улучшилъ порохъ, устроилъ математическую школу. И за все это, вмѣсто награды, наложили на него взысканіе въ 13000 рублей; чтобъ заплатить эту сумму, долженъ былъ одинъ дворъ продать, другой заложить, деньги занять; опозоренъ, обницалъ, и наконецъ 65-лѣтняго старика послали въ Гродно, гдѣ цѣлый годъ былъ въ тяжкихъ трудахъ. Въ 1706 году узнали, что Виніусъ ушелъ за границу, откуда написалъ царю оправдательное письмо: „Будучи въ Гроднѣ, въ нашествіе непріятелей лишихся без-

мала не всѣхъ своихъ лошадей и людей. По сихъ, во время похода досталъ скудости ради лошадей и денегъ, иныя и ходосильныя, которыми отъѣхавъ едва до Кнышина, въ томъ мѣстѣ обезсилили и отъ безкормицы стали, и я, видя себя въ такомъ опасеніи нужною смертію погинуть или въ руки достаться непріятелю, принужденъ къ Прусской границѣ удалиться [5].“ Старикъ соскучился по Россіи, просилъ позволенія возвратиться, и получилъ его въ 1708 году. О возвращеніи своемъ онъ такъ увѣдомилъ царя: „Пріялъ резолюцію паки въ нѣдра святыя восточныя церкви и подъ кровъ вашего величества славнаго милосердія вдатися, чрезъ океанъ сѣверный къ Архангельской портѣ и градъ Москву достигохъ; но обрѣте домикъ мой запечатанъ, деревни описаны, книги, имиже нѣкогда вашему величеству служихъ и въ горестѣхъ своихъ довольную пріяхъ утѣху, взяты.“ Виніусъ просилъ возвратить ему все взятое, получилъ и опять сталъ служить книгами: черезъ два мѣсяца по возвращеніи, по царскому приказанію, перевелъ трактатъ механики; объявляя объ окончаніи труда, просилъ прощенія за медленность по старости и недугамъ, особенно по трудности матеріи, въ которой нѣкоторыхъ именъ безъ лексикона перевести было трудно [6].

Дѣятельность Виніуса прекращалась; все сильнѣе и сильнѣе становилась дѣятельность знаменитаго прибыльщика Курбатова. Мы видѣли его дѣятельность въ званіи дьяка Оружейной палаты; въ февралѣ 1705 года онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ Ратуши, т. е. поставленъ въ челѣ финансоваго управленія въ цѣлой Россіи. Прибыльщикъ на своемъ мѣстѣ: письмо за письмомъ шлетъ онъ къ царю, вскрываетъ злоупотребленія, указываетъ новые источники доходовъ, не щадитъ сильныхъ людей, опираясь на могущественнаго милостивца своего Меншикова. Неизвѣстно, къ какому времени относится докладъ Курбатова Петру: „Молю тя государя, повели мнѣ, видя, гдѣ мочно учинить какія въ которомъ приказѣ прибыли, или какія въ дѣлахъ поползновенія, судіямъ наединѣ доносити безбоязненно. И о которыхъ двухъ человѣкахъ въ помощь мнѣ, милости я у тебя

государя просилъ, умилися, государь, ради милосердія Божія, даруй мнѣ ихъ ради истинныхъ услугъ къ тебѣ государю, и повели мнѣ сказать о нихъ указъ твой. Благоволи въ надежду всѣхъ поступокъ моихъ здѣ подписать своею государевою рукою. Истинно желаю работать тебѣ государю безъ всякаго притворства какъ Богу.“ — Петръ подписалъ на докладѣ: „Доносить доброе дѣло самимъ, только надобно смотря по человѣку, о чемъ и приточникъ: обличеніе нечестивому мозоли. А о двух человѣкахъ говори Ѳедору Алексѣевичу (Головину), чтобъ онъ сдѣлалъ.“ Уже въ мартѣ 1705 года Курбатовъ писалъ Петру: „Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ) изволитъ принуждать, чтобъ десятою деньгою обложить вновь гостей и гостиныхъ дѣтей. Они милости просятъ, чтобъ ихъ обложить въ ратушѣ; намъ приносятъ многую жалобу, что растащены всѣ врознь; десятыя деньги сбираютъ мимо ратуши въ разныхъ приказахъ, отъ чего имъ не безъ утѣсненія. А повелѣніе вашего величества намъ, дабы со всѣми околичностями усмотрѣть ратушу, въ чемъ истинно какъ Богу равно желаю тебѣ государю услужити. И надлежитъ не точію однихъ гостей обложить, но, усмотрѣвъ, и всѣхъ слободъ торговыхъ людей, для того что въ прежнихъ окладахъ нималое есть усмотрѣніе: кому мочно платить сто рублевъ, тотъ платитъ пятнадцать, а убогіе отягчены[7].“

Въ наказныхъ статьяхъ, данныхъ Курбатову, было сказано: „Надлежитъ разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями и что возможно еще прибавить прибыли безъ тягости народа. Города, которые можно, вмѣстѣ съ Москвою также осмотрѣть, а прочіе потомъ какъ возможно обнять, единъ по другомъ осматривать и ставить на мѣрѣ“[8]. Курбатовъ принялся за дѣло, и въ октябрѣ того же 1705 года донесъ государю: „Вашего величества повелѣніемъ вручено мнѣ съ товарищи ратушное правленіе, велѣно осмотрѣть ратушу со всѣми ея околичностями. Многій въ томъ належитъ трудъ, того ради, что никакого нѣтъ въ ратушѣ праваго усмотрѣнія винъ ради таковыхъ: 1) что не точію сначала состояніе ратуши, но еще съ 206 года (1698),

съ котораго имъ то чинить велѣно, книгъ московскія таможни по сей годъ въ ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейныя прибыли многихъ же годовъ бурмистры не считаны, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость бурмистры другъ другу тяготы носятъ. 2) Въ городахъ отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашея казны, и въ розыскахъ бурмистры говорили, объявляя о черныхъ зборамъ книгахъ, которыхъ не подаютъ въ ратушѣ, а подаютъ бѣлыя, написавъ какъ хотятъ съ великимъ уменьшеніемъ, и во всѣхъ городахъ такія книги есть, которыя уже многія и выпуты, и для собранія такихъ книгъ хочу послать во всѣ города, а въ иные и посланы: и такимъ клятвопреступникамъ, крадущимъ вашу казну что̀ чинить? Да повелитъ мнѣ ваше величество, въ страхъ прочимъ о самыхъ воровству производителяхъ учинить указъ да воспріимутъ смерть, безъ страха же исправить трудно; ей, ей, государь, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ зборахъ воровство. 3) Подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всякое вышеозначеннымъ ворамъ чинятъ въ ихъ поползновеніяхъ помоществованіе и имѣютъ себѣ повытья за наслѣдства и берутъ премногія взятки, еще жъ даютъ въ города знать, да опасаются нашего правленія, и о таковыхъ, государь, что̀ чинить? Поступаю и такъ, при помощи Божіей, не зѣло имъ въ угодность, но пріемлю ненависть отъ ихъ патроновъ, понеже имѣютъ едва не всякій у себя дядекъ". Курбатовъ приводилъ примѣры, какія средства употребляютъ частные люди для собственныхъ выгодъ противъ выгодъ казны: человѣкъ Кирилла Кирѣевскаго, пришедши въ деревню къ Бѣлевскимъ бортникамъ, говорилъ: вамъ, бортникамъ, конечно, за государемъ не быть, а быть попрежнему за помѣщиками, а на Меншикова въ томъ не надѣйтесь; развѣ двое ихъ за рубежъ въ иное государство уйдутъ. Дворовый человѣкъ княгини Урусовой, пріѣхавъ къ нимъ же на мірской сходъ, сказалъ: какъ пріѣдетъ къ вамъ изъ канцеляріи медоваго сбора описчикъ для описи бортныхъ, и вы бортниками ему не сказывайтесь, и въ томъ на прибыльщиковъ не надѣйтесь, за государемъ вамъ никогда не бывать, а быть за боярынею [9].

Въ 1705 году Курбатовъ доносилъ неопредѣленно о премногомъ воровствѣ; въ 1706 уже указываетъ прямо на лица и на суммы украденныя. 4-го октября онъ писалъ государю: „за градскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усердіе сыскано: въ одномъ Ярославлѣ украдено съ 40.000 рублевъ. На Псковичей Никифора Ямскаго и Михайла Сарпунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей доносятъ, что во время точію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90.000 рублевъ и больше. Они же, воры Псковичи, посланнымъ съ Москвы надзирателямъ всякое чинили противство, отчего и въ зборахъ уменьшеніе, и изъ земской избы ихъ выбили самовластно, въ которомъ противствѣ Иванъ Сарпуновъ нынѣ на Москвѣ принесъ повинную, что то противство чинили они по указу лучшихъ людей, Ямскаго со товарищи. Нынѣ въ такихъ великихъ ихъ воровствахъ и противствахъ велѣно сыскать о нихъ Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину, который въ многихъ взяткахъ съ нихъ самъ приличенъ и во всемъ имъ дружитъ: какъ онъ сыскать можетъ истину? Умилосердись, государь, не вели ему ни въ чемъ ихъ вѣдать; ежели я въ томъ сыску учиню какую неправость, то вѣчно лишенъ да буду вашего милосердія. Доносители такъ написали: ежели они неправо доносятъ и воровство ихъ не сыщутъ, чтобъ ихъ казнить смертію, а чтобъ у того розыска Кириллѣ Алексѣевичу не быть.“ Донося сколько кѣмъ украдено казенныхъ денегъ, Курбатовъ прибавлялъ, сколько онъ самъ сдѣлалъ казнѣ прибыли: „моимъ бѣднаго усердіемъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ одной надъ всѣ годы отъ новопостроенныхъ аптекъ, и что истреблены корчмы многія, со 100.000 рублевъ питейныя прибыли будетъ“. Прибыльщикъ вынулъ корчемное вино у перваго разряднаго подъячаго Топильскаго, который находился у боярской книги: подъячій торговалъ вмѣстѣ съ женою въ ведра и скляницы, продалъ до 400 ведръ и много еще было запечатано. Курбатовъ открылъ и то, откуда подъячій добывалъ вино: это были взятки съ дворянъ, для которыхъ Топильскій обдѣлывалъ дѣла въ разрядѣ; въ два года онъ получилъ такимъ образомъ съ

дворянъ до 1500 ведръ вина и множество другихъ припасовъ; люди, у него служившіе, получены были за долгъ. Оканчивая свое донесеніе, Курбатовъ писалъ царю. „Едва не всѣ ихъ милости объ немъ скорбятъ, подсылаютъ ко мнѣ съ дарами, грозятъ погубить. Молю, спаси! Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20.000 рублевъ, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня“[10].

Кромѣ кражи казенныхъ денегъ, Курбатовъ доносилъ царю о другомъ печальномъ явленіи. Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра было освобожденіе городскихъ жителей отъ воеводскихъ притѣсненій; имъ дано было самоуправленіе; но какъ же они этимъ воспользовались? „Чрезъ московскую ратушу вѣдомо великому государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ въ окладныхъ тяглыхъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжки; въ иныхъ же городахъ предлагаютъ они пожиточные въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно, оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ ровныя съ собою подати числомъ дворовымъ. И чтобъ оные поборы и всякія подати были сбираны по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю, многое въ городахъ земскимъ бурмистрамъ отъ убогихъ было прошеніе; но они, вѣдая о себѣ, что и сами они изъ числа первостатейныхъ же, указу имъ не чинили, инымъ же производили въ тюрьмахъ задержаніемъ и чрезъ иные наказанія озлобленія, отъ которыхъ обидъ многіе изъ числа убогихъ вышли въ стороны городовъ.“ Для отстраненія этихъ злоупотребленій царь велѣлъ „выбирать по общему же съ малопожиточными согласію, особливыхъ изъ первой и изъ послѣднихъ статей, сколько человѣкъ гдѣ прилично, которые бъ брали у сборщиковъ и расходчиковъ всякимъ поборамъ и расходамъ всякіе письменныя вѣдомости помѣсячно, и по тѣмъ вѣдомостямъ сборы и расходы считали самою истинною правдою“[11].

Кромѣ злоупотребленій Курбатовъ жаловался и на нера-

дѣніе выборныхъ бурмистровъ: „Которые при мнѣ и бургомистры есть, ей малое отъ нихъ имѣю помоществованіе, понеже видя они мое усердіе, что я многое усмотрѣлъ не точію за иными, но и за ними, мало за сіе мя любятъ, и лучшій Панкратьевъ однажды или дважды въ недѣлю пробываетъ въ ратушѣ, а въ банкетахъ по вся дни; а я бѣдный, ей ей, государь, едва не всѣмъ управляю своею головою"[12].

Жалуясь на бурмистровъ, Курбатовъ жаловался на губернаторовъ, которые не присылали въ московскую ратушу денегъ, собранныхъ въ ратушахъ другихъ городовъ: „Въ ратушѣ, государь, собрано моимъ усердіемъ изъ доходовъ прошедшихъ лѣтъ денегъ тысячъ со сто рублей. Изъ губерній ратушскихъ сборовъ прошедшихъ лѣтъ въ ратушѣ въ присылкѣ самое малое число, такоже и бурмистровъ къ отчету: да повелитъ ваше величество повторить о томъ именными указами. Премногія тысячи доимочныхъ денегъ довлѣетъ быть въ сборѣ, въ томъ числѣ съ двухъ городовъ точію, съ Астрахани и съ Казани, со 150.000 рублевъ. Ничего Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не присылаетъ, а сказывалъ самъ, что у него въ Астрахани тѣхъ денегъ есть въ сборѣ тысячъ съ 70, а въ ратушу прислано отъ него въ три года только 10.000 рублевъ"[13].

Знаменитый прибыльщикъ попрежнему не ограничивался одними финансами: еще въ 1704 году онъ послалъ Меншикову статьи о умноженіи пѣхотныхъ и конныхъ войскъ и о поселеніи пѣхотныхъ въ городахъ[14]; а въ 1705 году писалъ самому государю: „Доносилъ я вашему величеству въ прошедшихъ лѣтахъ неоднократно, дабы изъ Москвичь и городовыхъ дворянъ учинить полки драгунскіе, понеже не стройный ихъ бой не точію Шведамъ, но и Татарамъ не зѣло страшенъ. А нынѣ еще въ остаткахъ тѣхъ Москвичь слишкомъ 4000, и ежели при нихъ хотя по одному драгуну учинить изъ людей ихъ, то будетъ полковъ тысячныхъ осмь, а иные возьмутъ за собою двухъ и трехъ человѣкъ военныхъ, и служить будутъ безъ жалованья, какъ и нынѣ, аще и не строемъ, однако служатъ едва иные не повсягодно; а

многіе изъ нихъ прикрываются всяко измаляясь, чрезъ посылки, которое ихъ прикровеніе истинно всячески подлежитъ отсѣчь; ясное неусмотрѣніе, что во многихъ городахъ едва не по десяти человѣкъ живутъ ради дѣлъ, которыя дѣла мочно всѣ управить одному воеводѣ; а буде и послать для самыхъ нуждъ въ помощь воеводѣ, то бы конечно изъ отставныхъ или изъ дьяковъ и подьячихъ, а не изъ служилыхъ, отъ которыхъ посыльныхъ дворянъ превеликое чинится народу разореніе, какъ я увѣдомился о Вяткѣ, что изъ ихъ милостей брали съ народу рублевъ тысячи по полторы; ихъ милостей великочестныхъ многихъ есть дѣти, братья, а иные и сами могутъ, но не служатъ, въ примѣръ же сынъ Алексѣя Петровича Салтыкова, или сынъ Тихона Никитича (Стрѣшнева) и прочихъ.“ Такимъ образомъ прибыльщикъ продолжалъ задѣвать сильныхъ людей; продолжалась у него и ссора съ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ. Пресбургскій король избилъ ратушскаго подъячаго безъ розыска въ самую великую пятницу „забывъ величество дня.“ Курбатовъ послалъ жалобу царю, при чемъ отозвался очень нелестно объ умственныхъ способностяхъ страшнаго короля: „Видя такую злобу, я самъ ослабѣваю въ моемъ усердіи: понеже аще и скудный въ своихъ разсудкахъ человѣкъ, но великомочный въ своемъ правленіи, учинитъ что хочетъ. Умилосердись, государь, заступись за насъ; кому было надлежало насъ любить, понеже значится правосуденъ (мнѣніемъ развѣ), тотъ паче всѣхъ ненавидитъ. Не вели ему ни въ какихъ дѣлахъ людей ратушныхъ вѣдать. Ей, ей, государь, многое творитъ по пристрастію“[15].

Въ началѣ 1711 года въ судьбѣ Курбатова произошла перемѣна: Петръ назначалъ его вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, мѣсто важное по своему торговому значенію, ибо Архангельскъ, или *городъ*, какъ его обыкновенно называли, продолжалъ быть единственнымъ морскимъ пристанищемъ въ Россіи; въ 1710 году къ нему приходило Англійскихъ кораблей 72, Голландскихъ 58, Гамбургскихъ 12, Бременскихъ 2, Русскій 1, Испанскій 1, Датскихъ 8, всего 154.[16]

Мѣсто было важное: было надъ чѣмъ присмотрѣть, было гдѣ найти злоупотребленія и новые источники доходовъ зоркому глазу прибыльщика. Несмотря на то, Курбатовъ сильно огорчился, узнавъ о своемъ назначеніи: инспекторство въ Московской ратушѣ онъ имѣлъ полное право считать выше Архангельскаго вице-губернаторства; притомъ изъ столицы, гдѣ онъ имѣлъ такое важное значеніе, перебираться на край свѣта, въ Архангельскъ. Другое дѣло, если бы назначили губернаторомъ! Курбатовъ увидалъ въ своемъ новомъ назначеніи опалу и выразилъ свою скорбь въ письмѣ къ государю. Петръ отвѣчалъ ему: „Господинъ Курбатовъ! вчерашняго дни получилъ я письмо отъ васъ, въ которомъ вы зѣло опечалились ѣздою къ городу образомъ малодушества, то не напоминая, что въ какихъ бѣдахъ вашъ предводитель и печаляхъ обрѣтается; что же мните, будто ради я какого сердца на васъ сіе учинилъ, то извольте вѣрить воистину, что ниже въ мысли моей то было, ибо ежели бъ я хотѣлъ, явно бъ могъ безъ подлоговъ учинить, о чемъ пространнѣе услышите, когда у васъ назавтріе буду. Piter.“ Курбатовъ просилъ губернаторскаго званія: „Построй три корабля, и будешь губернаторомъ“, отвѣчалъ ему Петръ. [17] Не даромъ печалился Курбатовъ: не на добро поѣхалъ онъ къ городу!

Прибыльщики указывали новые источники доходовъ и правительство брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобъ вынести тяжкую войну, предпринятую для пріобрѣтенія средствъ къ народному обогащенію. Съ начала 1705 года мѣры для умноженія казенныхъ доходовъ усиливаются. 1-го генваря два указа: первый объ отдачѣ рыбныхъ ловель на откупъ; второй: на Москвѣ и въ городахъ, у всякихъ чиновъ людей, соль описавъ, продавать изъ казны, а у продажи быть выборнымъ головамъ и цаловальникамъ добрымъ, а надъ ними смотрѣть бурмистрамъ; а впредь соль ставить въ казну подрядомъ, кто похочетъ, а почему по подряду по истинной цѣнѣ на мѣстѣ станетъ, продавать *вдвое* [18]. Въ томъ же мѣсяцѣ велѣно переписать у продавцовъ дубовые гробы, собрать ихъ въ монастыри и прода-

вать противъ покупной цѣны въ *четверо;* а сосновыхъ, еловыхъ и другихъ гробовъ не переписывать и не брать. Въ томъ же январѣ наложена пошлина на бороду и усы: кто не захочетъ бриться, съ тѣхъ брать — съ царедворцевъ, служилыхъ и приказныхъ людей по 60 рублей; съ гостей и гостиной сотни первой статьи по 100 рублей, средней и меньшой статьи, съ торговыхъ и посадскихъ людей по 60 рублей, съ боярскихъ людей, ямщиковъ, извощиковъ, церковныхъ причетниковъ и всякихъ чиновъ московскихъ жителей по 30 рублей ежегодно; съ крестьянъ велѣно брать вездѣ по воротамъ пошлину, по 2 деньги съ бороды, по всѣ дни, какъ поѣдутъ въ городъ и за городъ. Сибирскимъ жителямъ было позволено, для скудости остаться при прежнемъ платьѣ и прежнихъ сѣдлахъ.[19] Въ февралѣ велѣно съ извозчиковъ брать десятую долю съ наемной платы.[20] Въ апрѣлѣ продажа табаку взята у Англичанина Гутфеля и сдѣлана казенною.[21] Издавна въ Москвѣ въ рядахъ и по перекресткамъ, дегтемъ, коломазью, мѣломъ, жиромъ, рыбнымъ саломъ, а въ городахъ и смолою торговали откупщики: въ 1707 году эту торговлю запрещено отдавать на откупъ, велѣно означенные товары продавать выборнымъ изъ слободъ цаловальникамъ, подъ надзоромъ мытенныхъ бурмистровъ.[22]

Несмотря однако на сильную нужду въ деньгахъ, тяжесть нѣкоторыхъ прежнихъ налоговъ была ослаблена: прежде была наложена рублевая пошлина на домашнія бани; въ 1705 изданъ указъ: съ маломочныхъ, служилыхъ и нижнихъ чиновъ людей, дьяковъ и просвирницъ, у которыхъ домашнія есть бани, а на 704 годъ съ тѣхъ бань за скудостію рублевыхъ денегъ не платили и оплатиться съ правежа нечѣмъ, тѣ деньги сложить и впредь не править, а брать съ домашнихъ бань по 5 алтынъ на годъ. Которые имѣютъ у себя пожитковъ на 50 рублей и больше, у тѣхъ брать съ бань по рублю; у кого меньше 50 рублей, съ тѣхъ брать по 5 алтынъ; съ крестьянъ и дѣловыхъ людей брать съ бань по 3 алтына по 2 деньги.[23] Содержаніе постоялыхъ дворовъ, взятое прежде въ казну, въ 1705 году опять от-

дано частнымъ людямъ, съ обязанностію платить четвертую долю съ постоя.[24] Торговля льномъ взята у Англичанина Гутфеля, а велѣно торговать всѣмъ свободно, возить всюду.[25]

Заведеніе флота заставило обратить вниманіе на лѣса; тѣ изъ нихъ, которые доставляли хорошій матеріалъ для кораблестроенія, правительство объявило *заповѣдными:* въ 1705 году было опредѣлено, чѣмъ и для чего можно было пользоваться въ этихъ заповѣдныхъ лѣсахъ: „На сани и телѣги, на оси и полозья и къ большимъ чанамъ на обручи рубить заповѣдные лѣса: дубъ, кленъ, вязъ, корогачь, лиственицу, а на мельничныя потребы, на пальцы и на шестерни рубить нынѣ всѣмъ невозбранно; а на иное домовое и ни на какое строеніе никакихъ заповѣдныхъ лѣсовъ отнюдь никому не рубить подъ смертною казнію безо всякой пощады“.[26]

Брали деньги вездѣ, гдѣ только можно было взять, брали дубовые гробы изъ лавокъ и продавали вчетверо; но доходовъ все не доставало на военныя издержки, и потому собирали деньги на жалованье ратнымъ людямъ съ дьяковъ и подъячихъ, московскихъ и городовыхъ.[27] Ратнымъ людямъ надобно было платить жалованье и платить хорошими деньгами, которыя бы имѣли ходъ и въ чужихъ странахъ; для этого въ 1706 году распорядились: „Деньги мѣдныя держать въ расходъ и давать жалованье и на всякую дачу тѣмъ, которые живутъ на Москвѣ, десятую долю мѣдными, а которые въ приказы приносятъ во всякіе платежи, и тѣхъ мѣдныхъ денегъ принимать пятнадцатую долю на такіе же московскіе расходы; а монеты на жалованье въ полки посылать и давать всегда въ расходъ“.[28] Хорошія же деньги нужно было посылать за границу на жалованье посламъ: Долгорукову въ Копенгагенъ 1685 рублей въ годъ; Фонъ-Деръ-Литу въ Берлинѣ 2700; Урбиху въ Вѣнѣ 9000; Толстому въ Царѣградѣ 4225; Матвѣеву въ Англіи 5265.[29]

Кромѣ усиленныхъ денежныхъ поборовъ, шедшихъ преимущественно на войну, были и поборы другаго рода для внутреннихъ улучшеній: въ сентябрѣ 1705 года велѣно было

мостить московскія улицы камнемъ, для чего крестьяне и торговые люди должны были доставлять дикій камень и песокъ.[30] Но вдругъ всю Москву вымостить камнемъ было нельзя; нужно было поддерживать старую деревянную мостовую и позаботиться объ опрятности улицъ. Въ февралѣ 1709 года велѣно было выбрать во всѣхъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ десятскихъ; если противъ чьего-нибудь двора изъ мостовой будутъ бревна выломаны или покрадены или какой навозъ и мертвечина и пометъ явится, то все это очищать и краденыя изъ мостовыхъ бревна замащивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденыя бревна явятся; ослушниковъ за первый приводъ бить батогами, за второй бить батогами и брать пени по 5 рублей, за третій бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей.[31]

Крестьяне должны были доставлять дикій камень и песокъ для московскихъ мостовыхъ; монастырскіе крестьяне Московскаго уѣзда должны были возить на гошпитальный дворъ можжевельникъ, поставлять быковъ. Въ 1706 году великій государь указалъ построить за Яузою рѣкою противъ Нѣмецкой слободы въ пристойномъ мѣстѣ гошпиталь для леченія болящихъ людей, а у того лѣченія быть дохтуру Николаю Бидлу да двумъ лѣкарямъ, Андрею Рыбкину, а другому кто пріисканъ будетъ. Тогда же велѣно набрать изъ монастырскаго приказа въ ученики къ дохтурственному дѣлу и отослать къ доктору Бидлѣ; между прочимъ изъ адмиралтейскаго приказа былъ отосланъ матросъ Голландскаго ученья.[32] Въ 1707 году гошпиталь, попеченіемъ Мусина-Пушкина, былъ оконченъ. Главный докторъ Бидлоо въ 1712 году писалъ Петру: „Въ семъ гошпиталѣ благоволилъ ваше величество, чтобъ я сего народа нѣсколько молодыхъ людей, кои Галанскаго и Латинскаго языка искусны были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ, и больныхъ посланныхъ ко мнѣ и иныхъ бѣдныхъ увѣчныхъ исцѣлялъ, и всякихъ людей, кои ко мнѣ присланы были, посѣщалъ. Болѣе тысячи больныхъ у меня оздоровѣли. Лучшихъ изъ студентовъ моихъ рекомендовать не стыжусь,

ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежатъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ, отъ главы даже до ногъ, съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ какъ ихъ лѣчить, тако-жь приключающіяся язвы завязывати и ко онымъ завязываніе сочинять, гдѣ повсядневно отъ ста до двухъ сотъ больныхъ суть, зѣло поспѣшно научились. Взялъ я въ разныхъ годахъ 50 человѣкъ до науки хирургической, которыхъ 33 осталось, 6 умерло, 8 сбѣжали, 2 по указу взяты въ школу, одинъ за невоздержаніе отданъ въ солдаты“ [33].

Существовали старыя богоугодныя заведенія при церквахъ, богадѣльни: въ 1710 году упоминаются въ Москвѣ: Николаевская богадѣльня за Яузою на Болвановкѣ, Троицкая у Покровскихъ воротъ на Грязяхъ, Введенская на Срѣтенкѣ, Троицкая въ Мѣщанской, Троицкая въ Сыромятникахъ, Смоленская, Адріанонатальская. Въ декабрѣ 1705 года бояринъ Мусинъ-Пушкинъ, по указу великаго государя, приказалъ: нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просятъ милостыню пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ, ловить и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ монастырскій приказъ и чинить имъ наказанье, и всякаго чина людямъ заказывать, чтобъ тѣмъ бродящимъ нищимъ милостыни никто не давалъ, а кто хочетъ милостыню подавать, пусть даетъ въ богадѣльни; а кто не послушается и будетъ подавать милостыню бродящимъ нищимъ, такихъ хватать, приводить въ монастырскій приказъ и брать съ нихъ пеню по указу; изъ этихъ пенныхъ денегъ половина идетъ въ монастырскій приказъ, а другая тому подъячему, который станетъ такихъ людей приводить въ приказъ, и для того послать изъ монастырскаго приказа подъячихъ съ солдатами и приставами по улицамъ [34].

Въ Москвѣ преслѣдовали нищихъ; въ областяхъ продолжалось преслѣдованіе, и не съ большимъ успѣхомъ, болѣе вредныхъ людей. 11 іюля 1707 года сидѣли бояре въ столо-

вой палатѣ, слушали памяти изъ разряда, отписки изъ Углича и Твери, и приговорили: на Угличъ, въ Тверь, въ Ярославль, въ Пошехонье, въ Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ и другіе города и уѣзды, для розыску и поимки разбойниковъ и смертныхъ убійцъ и зажигателей послать нарочно изъ Московскаго суднаго приказа стольника Князя Василія Мещерскаго, потому что въ этихъ уѣздахъ воровскіе люди ходятъ собравшись многолюдствомъ, много селъ и деревень пожгли, много домовъ розорили. Въ 1710 году въ монастырскій приказъ дали знать, что разбойникъ Гаврила Старченокъ съ 60-ю товарищами пріѣзжалъ днемъ въ вотчину Ипатьевскаго монастыря, села Колщево, съ ружьями, шпагами, копьями и бердышами; въѣхавши на монастырскій дворъ, велѣлъ прикащику купить въ кабакѣ вина и пива, и пилъ до ночи; разбойники побрали монастырскихъ лошадей, сбирали деньги, прикащика, старосту и сторожей били и мучали; крестьяне отъ вора заперты: никого, никуда, ни съ какимъ дѣломъ послать нельзя, проходу и проѣзду нѣтъ, вездѣ разбойники грабятъ. Тотъ же Старченокъ разбилъ вотчину Вздвиженскаго монастыря, село Покотцкое, жегъ огнемъ, топилъ печи и сажалъ туда крестьянъ, а дѣвицъ ругалъ ругательски; сосѣдніе помѣщики и вотчинники всѣ выѣхали въ Кострому, и разбойники, не видя ни откуда сопротивленія, въ полтора мѣсяца отогнали у монастырскихъ крестьянъ 300 лошадей, не считая пограбленныхъ пожитковъ [35]. Въ томъ же 1710 году били челомъ государю Клинскіе, Волоцкіе, Можайскіе помѣщики и вотчинники: пріѣзжаютъ къ нимъ разбойники многолюдствомъ со всякимъ оружіемъ, разбиваютъ и жгутъ села и деревни, днемъ и ночью, мужиковъ бьютъ до смерти, бабъ и дѣвокъ увозятъ съ собою, лошадей берутъ, остальныхъ лошадей и скотъ побиваютъ, хлѣбъ изъ житницъ на улицу высыпаютъ для раззоренія; на разбой они ѣздятъ, собравшись изъ многихъ городовъ и уѣздовъ, бѣглые солдаты, драгуны и Корела. Отъ такого раззоренія и страха, покинувъ домы свои, они скитаются съ женами и дѣтьми по городамъ.—Противъ разбойниковъ отправленъ былъ полковникъ Козинъ [36].

Если разбойничество, по старинѣ, производилось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, если столько людей рѣшалось жить на счетъ своихъ, вести постоянную войну съ своими, обходиться съ ними какъ съ врагами, то нѣтъ ничего удивительнаго, что считали все позволеннымъ для пріобрѣтенія выгоды отъ чужаго, отъ врага, попавшагося въ руки: въ 1706 году Іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ царю, чтобъ запретилъ своимъ подданнымъ продавать туркамъ шведскихъ плѣнниковъ [37]. Но для перемѣны подобныхъ взглядовъ въ обществѣ уже принимались средства, хотя и въ слабыхъ начаткахъ, хотя и долго еще недѣйствительныя: не смотря на тяжкую войну, вниманіе царя было постоянно обращено на школу, на книги, на все то, что могло распространить знаніе. Въ 1707 году пріѣхали изъ Голландіи наборщикъ, тередорщикъ и словолитецъ; послѣдній привезъ три азбуки *новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ*. Этими новоизобрѣтенными литерами, или такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ начали печататься книги съ 1708 года. Первою книгою, такимъ образомъ напечатанною, была „*Геометріа славенскі землемѣріе*.“ За нею слѣдовалъ письмовникъ, переведенный съ нѣмецкаго подъ названіемъ „Приклады како пишутся комплементы разные.“ Эти иностранные приклады начали вытѣснять старинные русскіе образцы писемъ, отличавшіеся своею униженностію [38]. Въ томъ же 1708 году Петръ поручилъ справщику типографіи Поликарпову составить русскую исторію отъ начала княженія Василія Ивановича до послѣдняго времени; Петръ писалъ Мусину-Пушкину, чтобъ Поликарповъ, описавши на образецъ лѣтъ пять, на два манера — пространно и коротко, прислалъ ему немедленно. Въ генварѣ 1709 года, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Карломъ XII, Петръ писалъ боярину Мусину-Пушкину, чтобъ отыскалъ въ монастыряхъ жалованныя грамоты великихъ князей до царствованія Іоанна IV, и у тѣхъ грамотъ какія печати. Тогда же Мусинъ-Пушкинъ получилъ отъ царя для напечатанія книгу историческую о Троянской войнѣ. „По указу твоему, писалъ Петру Мусинъ-Пушкинъ, Шведскіе артикулы, выправя, пе-

чатать будемъ; геометрическая книга скоро не поспѣетъ для фигуръ, архитектурная книга у Гагарина; 2000 календарей послалъ въ армію для продажи, меньшіе по 4 копѣйки, большіе по 5, послалъ 30 книжекъ кумплементальныхъ, тожъ число слюзныхъ. Эзопову книгу Славянскимъ діалектомъ исправили и можемъ напечатать вскорѣ." Петръ былъ недоволенъ печатью и переплетами. Тогда же была напечатана: „Книга Квинта Курція о дѣлахъ содѣяныхъ Александра великаго царя Македонскаго." Кромѣ того напечатано нѣсколько переводныхъ книгъ, относящихся къ военному искусству. Петръ самъ поправлялъ переводы и училъ какъ переводить; такъ въ февралѣ 1709 года онъ писалъ молодому Зотову: „Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификацію дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено, также въ табели мѣра не именована, который листъ, переправя, вклеили въ книгу, а старый, вырѣзавъ, при томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность. И того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ, какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіе выразумѣвъ, на свой языкъ, уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть." [39] Еще въ мартѣ 1705 года велѣно присылать въ Посольскій приказъ всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, потому что государь указалъ въ Посольскомъ приказѣ о Шведской войнѣ дѣлать діаріушъ (дневникъ). [40]

Кромѣ книгъ, издававшихся правительствомъ для русскаго народа, переводовъ съ языковъ иностранныхъ, на счетъ русскаго правительства издавались книги за границею для иностранцевъ. Мы видѣли, что въ 1705 году царь отправилъ въ Германію Гюйсена „съ подлинными коммиссіями". Одна изъ этихъ коммиссій состояла въ томъ, чтобъ издать опроверженіе брошюры Нейгебауера. Это опроверженіе вышло въ 1706 году на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполнен-

наго пасквиля, который за нѣсколько времени передъ симъ былъ изданъ въ свѣтъ подъ титуломъ: Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера.“ Въ сочиненіи Гюйсена Нейгебауеръ величается архи-шельмою; увѣреніе его, что въ Россіи дурно обходятся съ иностранными посланниками, опровергается тѣмъ, что объ этомъ Европа узнала бы не изъ пасквиля, а изъ газетъ и публичныхъ актовъ, и государи отплатили бы за оскорбленія своихъ представителей. Защищается Меншиковъ: его родъ производится отъ хорошей дворянской фамиліи Литовской, утверждается, что его отецъ былъ офицеромъ Семеновскаго полка. О Монсахъ говорится, что они были выведены Лефортомъ, который, умирая, умолялъ царя покровительствовать имъ. Царь далъ обѣщаніе и исполнилъ его; но Монсы употребили во зло царскія милости, за что у нихъ были отобраны данныя имъ деревни и большой каменный домъ. Съ царевичемъ Алексѣемъ Меншиковъ и министры обходятся чрезвычайно почтительно, но самъ царь приказываетъ, чтобъ сына его въ молодости не баловали чрезмѣрнымъ ласкательствомъ. Въ заключеніе характеръ и поведеніе Нейгебауера описываются черными красками. — Нейгебауеръ отвѣчалъ новою брошюрою, въ которой обвинялъ Гюйсена въ воровствѣ, говорилъ, что Гюйсенъ получилъ мѣсто при царевичѣ по ходатайству любовницы Меншикова и т. п. [41]

Мы видѣли, что Петръ, желая поднять духовенство, дать ему силу, потребовалъ отъ него образованія; въ генварѣ 1708 года изданъ былъ указъ: „поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ Греческихъ и Латинскихъ; а которые изъ нихъ учиться здѣсь не захотятъ, такихъ въ попы и въ дьяконы не посвящать, въ подъячіе и никуда не принимать, кромѣ служилаго чина [42]. Управленіе церковными имѣніями находилось по прежнему въ вѣдѣніи Мусина-Пушкина. Сначала давали каждому монаху по 10 рублей денегъ и по 10 четвертей хлѣба; но съ 1705 года царь велѣлъ уменьшить эту дачу вдвое, по 5 рублей денегъ, по 5 четвертей хлѣба съ готовыми дровами. Въ которыхъ монастыряхъ по расходнымъ книгамъ оказалось,

что прежде учрежденія монастырскаго приказа на каждаго монаха приходило меньше пяти и четырехъ рублей, тѣмъ и монастырскій приказъ выдавалъ столько же, а малымъ монастырямъ съ небольшими доходами позволено было вѣдать свои вотчины попрежнему, „понеже, писалъ Мусинъ-Пушкинъ, нималаго прибытка учинить не изъ чего“[48]. Прибытокъ, чинимый монастырскимъ приказомъ, шелъ на благотворительныя учрежденія, на богадѣльни, на новопостроенный госпиталь, также на печатаніе книгъ. Нѣкоторые архіереи были очень недовольны учрежденіемъ монастырскаго приказа и управленіемъ Мусина-Пушкина. Въ 1707 году изъ монастырскаго приказа посланъ былъ драгунскій поручикъ Василій Тютчевъ для розыска про Нижегородскаго митрополита Исаію, и, по возвращеніи, донесъ, что митрополитъ, выслушавъ отъ него, зачѣмъ онъ присланъ, началъ говорить съ крикомъ: „Ты овца: вамъ ли овцамъ про насъ пастырей розыскивать? Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а теперь у насъ и данныя, и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если эти сборы у меня отнимутъ, то я въ своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? какъ хотятъ другіе архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ, а ты по наказу своему розыскивай правдою; и такъ вы пропадаете, какъ червей Шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, и за ваши неправды, да и впередъ, если не отстанете отъ неправдъ, Шведы васъ побьютъ.“ Вслѣдствіе донесеніе Тютчева отправился въ Нижній дьякъ Преображенскаго приказа Нестеровъ, чтобъ допросить архіерея, точно ли онъ говорилъ это Тютчеву; Исаія сказалъ: „Пріѣхавши въ Нижній, свойственникъ боярина Мусина-Пушкина Василій Тютчевъ объявилъ мнѣ о своей присылкѣ въ мірскомъ домѣ, и я къ его словамъ говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: ты овца, вамъ ли овцамъ про насъ пастырей розыскивать? прибавилъ я къ тому правила св. апостолъ и св. отецъ и изложеніе вселенскихъ патріарховъ. Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать обо мнѣ прислалъ свойственника своего

нападкою на меня, мстя недружбу; а напалъ онъ бояринъ не на меня, напалъ на церковь Божію, потому: по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія церковныя нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть нельзя, на вино, просвиры, воскъ, ладонъ, масло сборы съ церквей данные и вѣнечные: онъ эти деньги отнимаетъ, и если эти сборы будутъ отняты, то я церкви затворю и архіерейскому дому правиться будетъ нечѣмъ и архіерейству быть не у чего, поневолѣ надобно будетъ архіерейство покинуть, какое архіерейство, когда данное въ домъ отнимаютъ? Безъ именнаго государева указа я вѣнечныхъ и данныхъ денегъ не отдамъ. Говорилъ я Тютчеву и о томъ, чтобы по наказу розыскивать правдою, помнилъ бы видимое лежащее на нихъ за преумноженіе грѣховъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что Шведы стоятъ такое продолжительное время противно“[44].

Исаія высказалъ открыто и рѣзко свое неудовольствіе; другіе высказывали его скромнѣе, и тайнѣе. Не былъ доволенъ и первый архіерей въ Россіи, блюститель патріаршаго престола, Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій. Мы видѣли, какъ онъ поступилъ предъ поставленіемъ своимъ въ архіереи на великороссійскую епархію: и теперь все рвался изъ Москвы въ Малороссію. Можетъ-быть дѣйствительно ему было тяжело въ Москвѣ, какъ на чужой сторонѣ, гдѣ, по своему скрытному характеру, онъ не могъ возбудить къ себѣ большаго сочувствія и гдѣ вообще тогда не очень доброжелательно смотрѣли на Малороссіянъ. Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ расхваливалъ Петра, его дѣла и поведеніе, иногда приторно, тяжело, иногда удачно, какъ напримѣръ: „Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сѣдитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечеріею и охотою нашею не гнушается.

съ нами аки отецъ съ чадами, больши реку, яко братъ съ братіею, житіе свое проводитъ. Предсѣданіе на сонмищахъ и предвозлеганія на вечеряхъ и цалованія на торжищахъ давно то оставилъ фарисеемъ прегордымъ". Стефанъ самъ свидѣтельствовалъ, что услаждался, какъ сахаромъ, милостію царскаго величества и отеческимъ его благопризрѣніемъ; онъ не могъ жаловаться и на скудость содержанія при новыхъ порядкахъ, какъ жаловались другіе архіереи: „Отъ самого великаго государя, говоритъ Стефанъ, много разъ получалъ за побѣдительныя проповѣди (проповѣди, сказанныя по случаю побѣдъ), иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ царскаго дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія"[45].

Несмотря на то Стефанъ упорно требовалъ увольненія отъ должности, отпуска на родину, представляя свои немощи; но ему, какъ человѣку скрытому, непрямому не вѣрили, предполагали, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, что ему чего-то хочется, что если бы, напримѣръ, его сдѣлали патріархомъ, то онъ бы не пошелъ на покой. Въ 1706 году Яворскій былъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ государемъ и сталъ проситься, чтобъ его тамъ оставили, не возвращали въ Москву; Петръ отказалъ и уѣхалъ; тогда Яворскій приступилъ къ оставшемуся въ Кіевѣ боярину Стрѣшневу съ слезною просьбою о томъ же: „Былъ я у него не одинъ разъ, писалъ Стршѣневъ царю, и много было съ нимъ разговоровъ: и милостью твоею я его обнадеживалъ, и гнѣвомъ выгрозилъ; наконецъ онъ рѣшился выѣхать изъ Кіева, и выѣхалъ, никому не сказавшись, даже въ томъ монастырѣ, гдѣ жилъ, не вѣдали. Просилъ онъ у меня, чтобы гнѣву твоего на него не было за усильныя его просьбы; я ему сказалъ: твои были большія просьбы, и государево изволеніе—велѣно ѣхать; ты такъ и сдѣлалъ, и потому гнѣва государева на тебя нѣтъ и милость государева къ тебѣ попрежнему не умалится"[46].

Милость государева не умалилась попрежнему; но и поводы къ неудовольствію оставались прежніе, а Яворскій

не имѣлъ духу отстранить ихъ откровеннымъ объясненіемъ, только сердился въ тихомолку, да просился на покой. Непріятно блюстителю патріаршаго престола, когда царица Марѳа Матвѣевна пришлетъ сказать ему, что въ Архангельскомъ соборѣ дьяконы кидаютъ въ священниковъ воскомъ; Стефанъ велитъ наказать виновныхъ, посадить въ заключеніе, а тутъ царица опять присылаетъ, чтобъ освободить ихъ[47]. Но это еще ничего, по крайней мѣрѣ царица; но нестерпимо то, что бояринъ Мусинъ-Пушкинъ поставленъ какимъ-то помощникомъ, товарищемъ блюстителю патріаршаго престола. Въ 1707 году Холмогорскій архіепископъ Сильверстъ былъ переведенъ въ Смоленскъ; на его мѣсто нужно было поставить архіерея, и Стефанъ представилъ Петру, находившемуся тогда въ Москвѣ, двоихъ кандидатовъ, архимандрита Троицкаго и Знаменскаго. Ни тотъ, ни другой не понравились, и Головкинъ писалъ Стефану, чтобъ онъ избралъ на Холмогорскую епархію изъ духовныхъ особъ трехъ или двухъ, которые бы были искусные и ученые и политичные люди: „понеже та Холмогорская епархія у знатнаго морскаго порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ областей иноземцевъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично, къ чести и славѣ россійскаго государства яко же и прежде бывшій Аѳанасій архіепископъ со изряднымъ порядкомъ тамо поступалъ“. Царь отвергаетъ кандидатовъ, велитъ выбрать другихъ, но что всего хуже, велитъ Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этомъ выборѣ! Головкинъ писалъ Мусину-Пушкину: „Къ Стефану митрополиту я писалъ, что въ томъ выборѣ будетъ и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно тѣ особы избраны будутъ, о томъ извольте милость ваша съ нимъ митрополитомъ писать къ царскому величеству, на что его величество соизволитъ тогда указъ свой послать, кого изъ тѣхъ особъ на Холмогоры во Архіепископы посвятить“[48]. Въ половинѣ года опятъ новое столкновеніе у митрополита съ Мусинымъ-Пушкинымъ, который жаловался на Стефана Головкину: „Въ письмѣ твоемъ писано, что указалъ великій

государь протопопу Тимоѳею быть въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и чтобъ я о томъ указъ объявилъ рязанскому митрополиту, дабы переведенъ былъ Благовѣщенскій къ Воскресенію. И я посылалъ къ Рязанскому митрополиту съ тѣмъ указомъ, а онъ сказалъ, что того чинить не будетъ, дондеже самъ царское величество увидитъ, и велми злобится на меня, будто все то я промысломъ своимъ дѣлаю. И такъ во нравѣ своемъ перемѣнился, пріѣхавъ изъ Кіева, что никто угодить не можетъ"[49].

Свиданіе съ царемъ въ Москвѣ послѣ Полтавы не успокоило Стефана. Въ 1710 году онъ писалъ поздравительныя письма Петру со взятіемъ городовъ у Шведовъ, натягивая, по своему обычаю, каламбуры; такъ, поздравляя со взятіемъ Риги, писалъ: „Уже и Рыга ихъ славная *изрыгнула* горестно, яже прежде поглощала сладостно труды людей и наслѣдила многихъ потентатовъ богатства: гдѣ твоя Рига пыха, гдѣ твоя Выборкъ гордыня?" По случаю взятія Ревеля писалъ: „Слава Богу пошло намъ на здоровье егда *ревень* или Ревель врачебную вещь далъ намъ Богъ всемогущій стяжати." Стефанъ подписывался: «вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій." Но когда въ сентябрѣ Петръ позвалъ Стефана въ Петербургъ, пастушокъ выпросилъ отсрочку подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ въ Рязань. 2 ноября Мусинъ-Пушкинъ писалъ царю: „Митрополитъ Рязанскій поѣхалъ на Рязань, и я къ нему писалъ три письма, чтобъ изволилъ ѣхать къ Москвѣ, понеже многія дѣла требуютъ его исправленія; на третье письмо отвѣчалъ, чтобъ его не принуждать быть къ Москвѣ, и дѣла духовныя, которыя онъ вѣдалъ, чтобъ приказать вѣдать иному. А слухъ есть, будто хочетъ онъ схимиться, и я писалъ къ нему и послалъ дьяка, чтобъ онъ безъ указу вашего величества того не чинилъ, и велѣлъ я всѣмъ архимандритамъ и священникамъ сказать, чтобъ никто его безъ указу не схимилъ подъ жестокимъ наказаніемъ."

Рязанскій пастушокъ не посхимился; но и не помирился съ своимъ положеніемъ, не помирился и съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Но были въ Россіи два архіерея, два человѣка съ различными характерами, но подававшіе другъ другу руки и стремившіеся къ одной святой цѣли, несмотря на трудности времени, несмотря на то, что Мусинъ-Пушкинъ, обрѣзывая монастырскіе и архіерейскіе доходы для нуждъ государственныхъ, иногда рѣзалъ по живому мѣсту, лишалъ достойныхъ архіереевъ средствъ служить великому дѣлу образованія, не умѣлъ дѣлать различія между Исаіею Нижегородскимъ и Димитріемъ Ростовскимъ. Первый былъ Іовъ, митрополитъ Новгорода Великаго, мало извѣстный какъ писатель, отличавшійся практическою дѣятельностію, но хорошо понимавшій необходимость образованія для духовенства. Въ то время, когда въ Московской академіи, при отсутствіи Греческихъ учителей, учителя Малороссійскіе дали господство Латинскому преподаванію, Іовъ выпросилъ у Петра позволеніе взять къ себѣ изъ ссылки братьевъ Лиходовъ, чтобы, съ ихъ помощію, завести при своемъ домѣ Греко-Латино-Славянскую школу. Но въ Москвѣ, какъ видно, не хотѣли дать преимущества Новгороду, и въ генварѣ 1708 года въ ближней канцеляріи состоялся боярскій приговоръ: іеромонаховъ Греческихъ, Іоанникія и Софронія Лихудьевыхъ, которые нынѣ въ Великомъ Новгородѣ, и при нихъ находящихся людей, которые съ ними посланы съ Москвы, взять попрежнему къ Москвѣ и учить имъ въ школахъ Греческому языку." Знаменитыхъ учителей взяли у Іова; но у него была еще другая дѣятельность: въ Новгородѣ явились построенныя на архіерейскій счетъ три больницы, двѣ гостиницы и домъ для подкидышей. Новгородскій митрополитъ имѣлъ особенное искусство, при тогдашнихъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, заводить училища, больницы и сиротскія дома. Обширная переписка Іова съ сильными міра сего показываетъ его практическое направленіе.

Другимъ характеромъ отличался Ростовскій митрополитъ Димитрій, продолжавшій и въ описываемое время свою святую дѣятельность. Онъ окончилъ обширный трудъ — Четьи-Минеи, имѣющія до сихъ поръ такое важное воспи-

тательное значеніе для Русскихъ людей; но не могъ успокоиться. Лѣтомъ 1705 года онъ поѣхалъ въ Ярославль, важнѣйшій городъ своей епархіи. Здѣсь въ одно воскресенье, когда послѣ обѣдни онъ шелъ изъ собора домой, къ нему подошли два человѣка, не старые, но съ бородами, и сказали ему: „Владыка святый, какъ ты велишь? велятъ намъ по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше намъ пусть отсѣкутся наши головы, чѣмъ бороды обрѣются.“ Изумленный митрополитъ не нашелся что̀ вдругъ отвѣчать имъ отъ Писанія, спросилъ: „что̀ отростетъ — голова ли отсѣченная, или борода обритая.“ Тѣ, помолчавши, отвѣчали: „борода отростетъ, а голова нѣтъ.“ „Такъ вамъ лучше не пощадить бороды, которая десять разъ обритая отростетъ, чѣмъ потерять голову, которая, разъ отсѣченная, уже не отростетъ никогда, развѣ въ общее воскресеніе,“ сказалъ митрополитъ, и пошелъ въ свою келлію. Но за нимъ пришло много лучшихъ горожанъ, и былъ у нихъ длинный разговоръ о брадобритіи. Тутъ митрополитъ узналъ, что многіе, обрившіеся по указу, сомнѣваются о своемъ спасеніи, думаютъ, что потеряли образъ и подобіе Божіе. Митрополитъ долженъ былъ увѣщевать ихъ, что образъ Божій и подобіе состоятъ не въ видимомъ лицѣ человѣческомъ, но въ невидимой душѣ; притомъ брѣются бороды не по своей волѣ, по указу государеву, а надобно повиноваться властямъ въ дѣлахъ непротивныхъ Богу и невредящихъ спасенію. Послѣ этого разговора Димитрій счелъ своею обязанностію написать разсужденіе „Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ,“ которое нѣсколько разъ печаталось по приказанію Петра.

Но на этомъ нельзя было остановиться; за людьми, которые сомнѣвались въ своемъ спасеніи, обривши бороды, и которые, однако, въ своихъ сомнѣніяхъ, обращались къ архіерею, стояли люди, которые уже давно не обращались къ архіереямъ, считая ихъ отступниками отъ истинной вѣры. Какъ Малороссіянинъ, Димитрій не могъ быть знакомъ съ расколомъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ управлять Ростовскою епархіею; здѣсь, увидавши всю силу зла, онъ рѣшил-

ся вооружиться противъ него: „Окаянныя, послѣднія времена наши! писалъ Димитрій: святая церковь сильно стѣснена, умалена, съ одной стороны, отъ внѣшнихъ гонителей, съ другой, отъ внутреннихъ раскольниковъ. Съ трудомъ можно гдѣ найдти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра; простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ.“ Митрополиту указали на священника, преданнаго расколу; убѣдившись, что обвиненный дѣйствительно раскольникъ, Димитрій отрѣшилъ его отъ мѣста, но позволилъ, какъ вдовцу, идти въ монахи. Священникъ нашелъ доступъ къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ; та шлетъ письмо къ митрополиту, проситъ его перемѣнить рѣшеніе. „Не могу сдѣлать вещи невозможной, отвѣчалъ Димитрій: много мнѣ было отъ него досады, передъ многими людьми называлъ меня еретикомъ, римляниномъ невѣрнымъ, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства у него не отнялъ, далъ ему волю постричься въ какомъ-нибудь монастырѣ; но боюсь гнѣва Божія, если волка въ одеждѣ овчей пущу въ стадо Христово губить души людскія раскольническими ученіями.“ Въ концѣ 1708 года Димитрій отправился въ Ярославль „по нуждѣ раскольнической, потому что сильно умножились раскольники въ епархіи.“ Поучивъ съ недѣлю народъ, онъ нашелъ, что устной проповѣди мало, и потому написалъ въ Москву: „Такъ какъ слова изъ устъ больше идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердце слушателя, то, *оставя лѣтописное дѣло*, я принялся писать особую книжку противъ раскольническихъ учителей, потому что Богъ за лѣтопись меня не истяжетъ, а если буду молчать противъ раскольниковъ, истяжетъ.“ Эта книжица была знаменитый „Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ.“

Для *Розыска* Димитрій считалъ нужнымъ оставить *лѣтописное дѣло*. „Помню, писалъ онъ, что въ нашей Малороссійской сторонѣ трудно сыскать Библію славянскую, и рѣдко кто изъ духовенства знаетъ порядокъ исторій библейскихъ, что когда происходило: для того я бы хотѣлъ издать здѣсь краткую библейскую исторію, книжицу не очень

большую, чтобъ всякій могъ дешево купить." Первымъ препятствіемъ, которое встрѣтилъ Димитрій, была хронологическая запутанность; когда онъ сдѣлалъ опытъ разъяснить дѣло и послалъ его на судъ тогдашнимъ ученымъ мужамъ, то они замѣтили, что это не исторія, и видѣли соблазнъ для раскольниковъ въ томъ, что вопросъ о годѣ Рождества Христова оставленъ нерѣшеннымъ. „Это дѣйствительно не исторія, отвѣчалъ Димитрій, а только оглавленіе будущей исторіи, гдѣ предлагается не что-нибудь сомнительное, но указываются ошибки, въ которыхъ наши упорно стоятъ. Что же касается до соблазна раскольниковъ, то мнѣ и хотѣлось показать, что у нашихъ неправое лѣтосчисленіе на основаній хронографовъ. Почему Греческіе хронографы несогласны съ мнѣніемъ нашихъ? Развѣ о такихъ несогласіяхъ молчать, и что ложно, того не обличать и упрямству людскому снисходить? Раскольникамъ же никто ничѣмъ не угодитъ: они и добрыми, полезными и святыми вещами соблазняются."

Крѣпость тѣлесная не соотвѣтствовала силѣ духовной: „Рада душа въ рай,—грѣхи не пускаютъ, писалъ Димитрій. Радъ писать, — здоровье худо. Чего мнѣ, безсильному, надѣяться? Страхъ смерти напалъ на меня. А дѣло лѣтописное какъ останется? Будетъ ли охотникъ приняться за него и довершить? Не жаль мнѣ ничего, да и нечего жалѣть: богатства не собралъ, денегъ не накопилъ, одного мнѣ жаль, что начатое книгописаніе далеко до совершенія. 28 октября 1709 года святой трудолюбецъ скончался на молитвѣ 58 лѣтъ отъ роду; въ гробѣ подъ голову и подо все тѣло, по его завѣщанію, постланы были его черновыя бумаги. Кромѣ книгъ у него ничего не осталось; онъ не хотѣлъ оставить даже и на поминъ души, чтобы не нарушить обѣта нестяжательности.

Жалоба такого архіерея, какъ св. Димитрій, тяжело легла на памяти Мусина-Пушкина. Въ маѣ 1707 года Димитрій писалъ въ Москву о своемъ состояніи: „Часто болѣю, отчасти и печалію смущаюсь, видя бѣды священникамъ, смотря на слезы ихъ; и домъ нашъ годъ отъ году оскудѣваетъ. Хотя

и уповаю на Бога, однако при видѣ ихъ нужды скорблю, потому что естество человѣческое, сердобольно сущее, обыкло соболѣзновать бѣдствующимъ.“ До насъ дошло также письмо Димитрія къ Іову Новгородскому: „Слыша начавшееся у вашего преосвященства Еллино-греческое ученіе тщаніемъ вашимъ архіерейскимъ, трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ, сильно о томъ радуюсь, молю Бога, да содѣйствуетъ преосвященству вашему и пречестнѣйшимъ учителямъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ; ибо что человѣка вразумляетъ какъ не ученіе? И Христосъ Господь, хотя сотворить учениковъ своихъ учителями всей вселенной, прежде всего отверзъ имъ умъ разумѣть писанія. Уподобляешься Господу своему, когда желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ паствѣ своей, собралъ не малое число учениковъ, и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т. е. Еллино-греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространились по всѣмъ народамъ. Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище Греческое и Латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разумѣть не дурно; но, попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapienti.“ [50]

Жаловались архіереи, жаловались и простые священники на небывалыя тягости и поборы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: „Богъ знаетъ что у насъ въ царствѣ стало: Украйна наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижны, а теперь и до нашей братьи священниковъ дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги, этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали; никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ!“ Священникъ читалъ въ пост-

ной Тріодѣ синаксарь въ субботу мясопустную; въ синаксарѣ написано о рожденіи антихристовѣ, что родится отъ блуда, отъ жены скверны и дѣвицы мнимы, отъ племени Данова; и сталъ онъ думать, гдѣ тотъ антихристъ родится, не въ нашемъ ли государствѣ? Въ это время приходитъ къ нему по знакомству Бѣлгородскихъ полковъ отставной прапорщикъ Аника Акимычъ Поповъ; Аника былъ человѣкъ бездомовный, кормился въ разныхъ селахъ, училъ дѣтей грамотѣ. Священникъ началъ говорить Аникѣ: „Въ міру у насъ стало нынѣ тяжело, прежнія подати берутъ сполна, да сверхъ того прибыльщики стали брать съ бань, съ избъ, съ мельницъ, съ пчелъ деньги, лѣсовъ рубить и въ водахъ рыбы ловить не велятъ; въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова.“ Аника отвѣчалъ: „антихристъ уже есть: у насъ въ царствѣ не государь царствуетъ, антихристъ; знай себѣ: толкуется Даново племя царскимъ племенемъ, а государь родился не отъ первой жены, отъ другой, такъ и стало, что родился онъ отъ блуда, потому что законная жена бываетъ первая.“ Священникъ замѣтилъ: „Въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжко стало, того и жди, что отъ Бога станутъ отвращать.“ [51] Игуменъ Троицкаго Смоленскаго монастыря говорилъ то же что и Нижегородскій архіерей, только прямѣе, не загораживая Петра Мусинымъ-Пушкинымъ: „Государь безвинно людямъ Божіимъ кровь проливаетъ и церкви Божіи разоряетъ: куда ему Шведское царство подъ себя подбить? Чтобъ и своего царства не потерялъ!“ [52] Въ Москвѣ недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на Нѣмку Монсову: „Видишь, говорили они, какое бусурманское житье на Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ Нѣмецкой земли Нѣмку Монсову, и живетъ она въ Лафертовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же Нѣмки.“ [53] Недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ: между ними ходили слухи, что наслѣдникъ также недоволенъ, что онъ окружилъ себя всегдашними пред-

ставителями недовольныхъ — козаками и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя: „Царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ Донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина и мигнетъ козакамъ, и козаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ; это не государь, что̀ нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что мнѣ не батюшка и не царь.“ [54]

Одни жаловались на бояръ за то, что они потакаютъ новымъ обычаямъ, другіе жаловались на тѣхъ же бояръ, доносили на нихъ, что не исполняютъ указовъ государевыхъ относительно нововведеній. Въ 1708 году разбросаны были подметныя письма, въ которыхъ между прочимъ говорилось: „Воеводы посулы великіе берутъ и бѣглыхъ не высылаютъ, и мы, сироты твои, отъ того въ конецъ раззорились, что спуста платимъ; воеводы такъ поступаютъ ради себя, что за ними бѣглые крестьяне живутъ, на твоей государской землѣ премножество много деревень населено дворовъ по 200 и по 300. Бояре и другому указу твоему непослушны, о русскомъ платьѣ: какъ ты придешь къ Москвѣ, и при тебѣ ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а безъ тебя всѣ боярскія жены ходятъ въ русскомъ платьѣ и по церквамъ ѣздятъ въ тѣлогрѣйкахъ, а на верхъ надѣваютъ юпки, а на головахъ носятъ не шапки польскія, невѣдомо какія дьявольскія камилавки, а если на комъ увидятъ шапку или фантажъ, то ругаютъ и смѣются и называютъ недобрыми женами тѣхъ, кто ходитъ по твоему указу, а въ заводѣ (зачинщица) Алексѣя Салтыкова жена, князя Петра Долгорукаго, Абрама Лопухина, Ивана Мусина, княгиня Настасья Троекурова, Ивана Бутурлина, Тихона Стрѣшнева, Юрьи Нелединскаго, княгиня Аграфена Барятинская; а брали онѣ образецъ (шапкамъ?) изъ монастыря Чудова отъ чернеца Колтычевскаго. Какъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ приказалъ охабни перемѣнить и въ одинъ мѣсяцъ перемѣнили, и указу его не ругали, а твой указъ ни во что ставятъ, въ семь лѣтъ не переведутъ. И такъ всѣ пропали, что ты наша надежда государь не изволишь быть на Москвѣ, лишь только безъ тебя судьи богатятся, царство твое все раззорилось, а они

о томъ велми радуются, что ты идешь вскорѣ съ Москвы, а мы, сироты твои, и пуще всѣ пропадемъ, что не изволилъ ничего управить при своемъ здоровьѣ и имъ судьямъ за ихъ неправое разсмотрѣніе ничего не учинилъ. Только и всего указу твоего послушенъ учинился князь Александръ Данилычъ — велѣлъ всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ выслать. Воистину, государь, бояре твоего указа такъ не слушаютъ, что Абрама Лопухина, и такъ въ него вѣруютъ и боятся его, и онъ Абрамъ всѣмъ завладѣлъ, и что онъ имъ придумаетъ, такъ и дѣлаютъ, кого велитъ обвинить, того обвинятъ, кого велитъ оправить, того оправятъ, кого захочетъ отъ службы отставить, того отставятъ, а кого захочетъ послать, того пошлютъ. Да онъ же Абрамъ былъ у Алексѣя Салтыкова (сидѣвшаго въ судномъ московскомъ приказѣ), и тутъ многіе были и спросили его, быть ли Троекуровымъ дѣтямъ за моремъ, и онъ Абрамъ посмѣялся: „еще тотъ не родился человѣкъ, кому насъ посылать; развѣ Абрама Лопухина на семъ свѣтѣ не будетъ, тогда моимъ сродникамъ за море идти; *онъ* которыхъ написалъ сродниковъ моихъ за море, и я *имъ* велѣлъ деньги кинуть, на тѣ деньги Меншиковой княгинѣ сѣдла покупятъ, на чемъ ей ѣздить въ полкахъ.“ А сказывалъ про то князь Петръ Долгорукій, какъ княгиня ѣздитъ верхомъ и Анна Даниловна, и всякія слова про нихъ говорили поносныя. За нимъ Абрамомъ и за сродниками его бѣглыхъ крестьянъ премножество много и донынѣ. Воистину намъ твое здоровье надобно для того: если мы достанемся ему вору Абраму во владѣтельство, а онъ чаетъ себѣ скораго владѣтельства [55]“.

Письмо писалъ попъ Алексѣй Ѳедоровъ по приказанію жены Никиты Пушкина. Свидѣтельствами такихъ источниковъ, какъ подметныя письма, надобно пользоваться осторожно: они писались преимущественно подъ вліяніемъ личныхъ отношеній; не смотря на то нельзя не обратить вниманія на сопротивленіе Московскихъ дамъ указу о нѣмецкомъ платьѣ; нельзя не обратить вниманія на значеніе Абрама Лопухина, значеніе, которое основывалось на близости его къ наслѣднику, царевичу Алексѣю: велико было это значе-

ніе въ настоящемъ, еще больше грозило стать въ будущемъ...

Мы уже видѣли, что всѣ эти неудовольствія, выражавшіяся въ разныхъ слояхъ общества, не могли повести ни къ какому серіозному сопротивленію дѣйствіямъ правительства въ областяхъ центральныхъ; вооруженное возстаніе могло вспыхивать только на украйнахъ, въ Астрахани, у Башкирцевъ, между козаками; но и тутъ вездѣ правительство восторжествовало не смотря на развлеченіе его силъ борьбою съ страшнымъ врагомъ внѣшнимъ. Расчетъ Мазепы и Карла XII на сильное неудовольствіе въ Малороссіи на Москву и на царя, также оказался неосновательнымъ: народная масса осталась при народномъ знамени, которое держалъ Петръ; но понятно, что послѣ Полтавы Петръ не могъ оставить всю власть по прежнему въ рукахъ людей, которые, при стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, обращали такъ мало вниманія на народное знамя. Немедленно послѣ Полтавы, 17 іюля, въ Рѣшетиловкѣ, гетманъ Скоропадской подалъ царю статью для утвержденія [56]. Первая статья заключала въ себѣ просьбу объ утвержденіи и сбереженіи всѣхъ правъ, вольностей и порядковъ войсковыхъ. Царь отвѣчалъ, что эти права, вольности и порядки подтверждены имъ *генерально* при поставленіи гетмана въ Глуховѣ, и теперь онъ обѣщаетъ ненарушимо содержать ихъ *по милости своей;* обстоятельныя статьи дадутся гетману послѣ, нынѣ же это невозможно по неимѣнію времени и по случаю похода государева въ Польшу. Во второй статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ въ случаѣ негенеральнаго похода, а выступленіи только части Малороссійскаго войска на службу, наказный гетманъ былъ независимъ отъ генераловъ и офицеровъ, чтобъ они не возили впредь козаками дровъ, сѣна, и не заставляли ихъ пасти рогатый скотъ и коней, какъ то бывало прежде. Царь отвѣчалъ, что нельзя наказнымъ гетманамъ не быть подъ командою великороссійскихъ генераловъ; но генераламъ будетъ настрого приказано не употреблять козаковъ никуда, кромѣ войсковаго дѣла, въ случаѣ непослушанія генераловъ этому приказу, наказные обязаны доносить госу-

дарю, и преступниковъ подвергнуть жестокому гнѣву царскому. Въ третьей статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ великороссійскіе воеводы, гдѣ они на прежнихъ мѣстахъ останутся, ни въ какія распорядки и дѣла городскія и полковыя не вмѣшивались, а присматривали бы только за за́мками, да чтобъ малороссіянъ, разсвирѣпившихъ и законной власти непокорныхъ, къ себѣ на службу не принимали; не обижали бы обывателей, и расправы, безъ малороссійской старшины, сами не чинили. Также чтобъ были выведены гарнизоны, въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ городахъ вновь помѣщенные, потому что непріятель побѣжденъ и нѣтъ уже его больше въ Малороссіи. Отвѣтъ: Воеводамъ дано будетъ повелѣніе, чтобъ они, *безъ указу,* до Малороссіянъ притязаній не имѣли, вольностей ихъ не нарушали, въ суды и расправы не вмѣшивались; а если будетъ какое важное дѣло до малороссіянина, то розыскъ и справедливость чинили бы съ согласія полковниковъ и старшины, не включая въ это постановленіе государственныхъ дѣлъ, измѣны и т. п. Что касается до гарнизоновъ, то они выведены отовсюда, кромѣ Полтавы, потому что большая часть городовъ Полтавскаго полка были замѣшаны въ бунтъ запорожскій. Въ четвертой статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ на козацкихъ дворахъ никто изъ Великороссіянъ не становился самовольно, а посланникамъ квартиры указывали бы старшины городовые или сельскіе „бо чрезъ тое вольность козацкая, за которую едино тылько служать, нарушается.“ Царь отвѣчалъ, что самовольно ставиться на козацкихъ дворахъ будетъ строго запрещено; въ случаѣ же неповиновенія со стороны Великороссіянъ, козаки должны жаловаться находящемуся при гетманѣ ближнему стольнику Андрею Петровичу Измайлову, а въ Кіевѣ и вблизи его воеводѣ князю Дм. Мих. Голицыну. — Въ пятой статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ Великороссіяне не брали смамовольно подводъ, не уводили лошадей, взятыхъ въ подводу, какъ это случалось нѣсколько тысячъ разъ, чтобъ не вымышляли допросовъ на ратушахъ „бьючи и мордуючи людей,“ и чтобы великороссійскія войска, при переходахъ, не обижали обывателей.

Отвѣтъ: Государь дастъ приказаніе, чтобъ постою, безъ крайней нужды, у козаковъ не было; а что въ прежней статьѣ къ лицу государя выражено, что козаки служатъ за одну козацкую вольность, того писать не надлежало: весь народъ довольно испыталъ царскія милости; онъ пользуется и нынѣ привилегіями и вольностями, при томъ государь освободилъ его отъ Шведовъ, отъ Мазепы и отъ тиранства, погибели и разореній польскихъ, турецкихъ и татарскихъ. Въ шестой статьѣ заключалась просьба объ увольненіи отъ походовъ по причинѣ крайняго разоренія жителей. Государь уволилъ на лѣто 1709 года, кромѣ крайней нужды и нѣкотораго числа, по требованію обстоятельствъ. Въ седьмой статьѣ говорилось: хорошо, что проклятые запорожцы чрезъ измѣну утратили Сѣчь; но Малороссіяне пользовались оттуда солью, рыбою и звѣрями: просимъ, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда за добычею, и чтобъ ни Каменнозатонскій воевода, ни гарнизонъ не дѣлали промышленникамъ обидъ и препятствій. Отвѣтъ: на этотъ счетъ будетъ сдѣлано распоряженіе послѣ, а теперь нельзя, потому что подъ этимъ предлогомъ бунтовщики запорожцы могутъ вгнѣздиться на прежнихъ мѣстахъ и устроить собранія бунтовщицкія. Осьмая статья: „одинъ проклятый Мазепа съ малымъ числомъ единомышленниковъ измѣнилъ вашему величеству, а на всѣхъ насъ непоколебимыхъ въ вѣрности лежитъ досада и порокъ: насъ называютъ измѣнниками.“ Отвѣтъ: о томъ уже было запрещеніе, и нынѣ оно строго подтвердится. Девятая статья: „Бьемъ челомъ, чтобъ указы не отъ многихъ въ Малороссіи были посылаемы, и не въ полки; а единственно отъ васъ, великаго и всенадежно милостиваго государя и къ одному только гетману, онъ же ихъ будетъ разсылать куда слѣдуетъ.“ Отвѣтъ: указы будутъ посылаться въ Малороссію прямо на имя одного гетмана и только изъ приказа Малой Россіи и отъ министровъ его величества.

Въ генварѣ 1710 года царь далъ гетману грамоту съ подтвержденіемъ пунктовъ, „на которыхъ приступилъ подъ высокодержавнѣйшую руку отца нашего гетманъ Богданъ Хмельницкій“[57]. Черезъ мѣсяцъ настрого было запрещено

войсковымъ людямъ брать въ Малороссіи подводы сверхъ указнаго числа, ставиться самовольно на козацкихъ дворахъ и вымогать излишніе кормы и питье, велѣно довольствоваться тѣмъ, что̀ дадутъ. „Также дабы отнюдь никто не дерзалъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа людей измѣнниками называть. Ежели же кто сему нашему указу явится въ чемъ преслушенъ; и за то учиненъ будетъ офицерамъ воинской судъ и по тому достойное наказаніе, а рядовымъ жестокое наказанье“[58]. Вѣрныхъ подданныхъ запрещено называть измѣнниками, ибо одинъ Мазепа измѣнилъ съ малымъ числомъ единномышленниковъ: но Мазепа измѣнилъ, его предшественники измѣнили также, или, по крайней мѣрѣ, были обвинены въ измѣнѣ своими. Чтобъ предотвратить на будущее время измѣну и ложныя обвиненія въ ней, вѣрнымъ средствомъ было — поставить подлѣ гетмана великороссійскаго чиновника, который бы отвѣчалъ за его поведеніе и не давалъ мѣста крамолѣ. Жаловаться на такое средство было нельзя, оно оправдывалось необходимостію, а между тѣмъ это былъ шагъ къ уничтоженію сана гетманскаго, ибо власть гетмана стѣснялась присутствіемъ этихъ очей и ушей царскихъ. Ближнему стольнику и намѣстнику Суздальскому Андрею Петровичу Измайлову поручено было находиться при гетманѣ для управленія, по общему съ нимъ совѣту, дѣлами великаго государя по случаю бывшаго возмущенія въ малороссійскомъ краю и бунта Запорожцевъ; ему было наказано стараться, вмѣстѣ съ гетманомъ, о сохраненіи тишины и благоустройства въ Малороссіи посредствомъ поимки всѣхъ возмутителей; препятствовать вооруженною рукою Запорожцамъ селиться вновь въ Сѣчи или въ другомъ какомъ мѣстѣ; иностранныхъ посланцевъ принимать вмѣстѣ съ гетманомъ, доставлять къ государю привозимыя ими письма и безъ высочайшаго соизволенія не отвѣчать, равно и казацкихъ посольствъ никуда не отправлять; смотрѣть, чтобъ гетманъ, безъ указа государева, никого изъ старшинъ и полковниковъ не отставлялъ и чтобъ избирались они съ общаго совѣта и съ утвержденія царскаго; препят-

ствовать принятію въ службу Поляковъ и другихъ иноземцевъ; наблюдать, чтобъ гетманъ никого не казнилъ безъ воли царской; описать все имѣніе измѣнниковъ и прислать ему вѣдомость; впредь гетманъ не долженъ маетностей и земель ни давать, ни отнимать ни укого безъ царскаго соизволенія, за усердную же службу назначать земли съ общаго согласія генеральныхъ старшинъ и потомъ представлять объ этомъ государю; гетману имѣть свое пребываніе въ Глуховѣ, съ городовъ въ Полтавскомъ полку и въ другихъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепиной, взыскать въ казну по два ефимка съ каждаго двора, въ случаѣ неплатежа разорить ихъ до основанія подобно Батурину; истребовать отъ гетмана и полковниковъ подробную вѣдомость о войсковыхъ доходахъ. Кромѣ этого наказа Измайлову былъ данъ еще тайный: имѣть неослабное смотрѣніе за поступками гетмана, старшины и полковниковъ и препятствовать имъ сноситься съ Турками, Татарами, Поляками, Шведами и съ измѣнниками козаками; въ случаѣ же измѣны или народнаго возмущенія требовать пособія отъ воеводы Кіевскаго и отъ другихъ сосѣднихъ, а для скорѣйшаго прекращенія всякаго безпорядка употреблять пѣхотные великороссійскіе полки, данные ему въ комманду и находившіеся прежде при Мазепѣ. Провѣдать тайно, сколько прежде собиралось и теперь собирается доходовъ для гетмана, генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ урядниковъ. Узнавать изъ разговоровъ и обхожденія, кто изъ старшинъ и козаковъ болѣе приверженъ къ государю и какого уряда достоинъ. Но Измайловъ, несмотря на то, что съумѣлъ ужиться съ гетманомъ, не долго однако при немъ оставался, потому что имѣлъ неосторожность подписать, вмѣстѣ съ Скоропадскимъ, увѣщательную грамоту къ Запорожцамъ: „И то мнѣ зѣло удивительно, писалъ Головкинъ гетману, чего ради то онъ учинилъ, ибо ему того чинить ненадлежало, но вашей милости, яко гетману войска Запорожскаго, таковые универсалы и прочія дѣла, надлежащія къ управленію Малороссійскаго народа, одному подлежитъ подписывать“. Въ сентябрѣ 1710 года Измайловъ былъ отозванъ,

и вмѣсто его велѣно быть при гетманѣ думному дьяку Виніусу и стольннику Ѳедору Протасьеву для совѣтовъ о государевыхъ дѣлахъ. Гетманъ, узнавши, что Измайлова хотятъ перемѣнить, просилъ Головкина, чтобъ оставили его при немъ попрежнему, увѣряя, что живетъ съ Измайловымъ согласно, очень доволенъ его благоразумными совѣтами. Желая успокоить гетмана, Головкинъ писалъ ему: „О отозваніи господина Измайлова уже указъ опредѣлился, отчасти по преждебывшему собственному прошенію и нуждъ его домовыхъ и скудости; и опредѣлены вмѣсто его при васъ для потребнаго совѣтованія думный дьякъ господинъ Виніусъ купно съ стольникомъ господиномъ Ѳедоромъ Протасьевымъ, которые вашей вельможности довольно знаемы яко суть люди искусные и поважные, и которымъ приказано будетъ, дабы съ вашею вельможностію во всемъ поступали нисходительно, и вашей вельможности и совѣты и дѣлами вспомогали, и уповаю, что ваша вельможность оными весьма контентъ будете“. Присутствіе при гетманѣ великороссійскихъ чиновниковъ—одного, потомъ двоихъ разумѣется, не могло не возбудить неудовольствія въ Малороссіи, не могло не возбудить опасенія за существующій порядокъ. Въ февралѣ 1710 года Кіевскій воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ писалъ Головкину: „Сказывалъ мнѣ бывшій Чигиринскій сотникъ Невѣнчанный: когда ѣхалъ онъ изъ Москвы, то на дорогѣ встрѣтилъ гетманскаго посланца, отвозившаго къ государю дичину. Этотъ посланецъ спрашивалъ его: На Москвѣ что дѣлается? а у насъ на Украйнѣ слышно, что государь хочетъ украинскихъ всѣхъ людей перевесть за Москву и на Украйнѣ поселить Русскихъ людей. Москва лучшіе города наши хочетъ себѣ побрать. Что̀ наши и за вольности? Министръ, который при гетманѣ, всякое письмо осматриваетъ. Дурно сдѣлалъ гетманъ Мазепа, что не объявилъ о своемъ дѣлѣ всей старшинѣ и посполитымъ людямъ. Теперь гетманъ просилъ всю старшину, чтобъ потерпѣли какія ни есть тягости отъ Русскихъ людей до весны, пока выйдутъ въ поле, а какъ въ поле выйдутъ, тогда будутъ писать къ государю, чтобъ

ихъ вольности по прежнему были; а если государь тѣмъ ихъ не пожалуетъ, то иное будутъ думать. Невѣнчанный спросилъ у того же посланца, не пришли ли Запорожцы съ повинною къ государю? и тотъ отвѣчалъ: „развѣ будутъ дураки, что пойдутъ; они хорошо дѣлаютъ, что орду поднимаютъ; а какъ орду поднимутъ, то вся Украйна свободна будетъ, а то отъ Москвы вся Украйна пропала. Тотъ же Невѣнчанный объявилъ, что встрѣтились съ нимъ два Запорожца, шедшіе съ повинною къ государю и сказывали: „всѣ Запорожцы для того нейдутъ съ повинною къ государю, что изъ Украйны дали имъ знать: если вы пойдете, то всѣ пропадете, заключайте союзъ съ Татарами и освобождайте насъ, потому что мы всѣ отъ Москвы пропали".

Голицынъ, донося объ этомъ канцлеру, предлагалъ свои мнѣнія, какъ надобно поступать въ Малороссіи. Если, писалъ онъ, Турки не объявятъ войны, то Черкасы ничего не могутъ сдѣлать. Для нашей безопасности на Украйнѣ надобно прежде всего посѣять несогласіе между полковниками и гетманомъ: не надобно исполнять всякія просьбы гетмана, особенно когда будетъ просить наградить кого-нибудь деревнями, мельницами или чѣмъ-нибудь другимъ; которые были въ измѣнѣ и произведены въ чины, тѣхъ отставить, и произвесть на ихъ мѣсто тѣхъ, которые хотя малую службу къ государю показали. Когда народъ узнаетъ, что гетманъ такой власти не будетъ имѣть какъ Мазепа, то надѣюсь, что будутъ приходить съ доносами. При этомъ доносчикамъ не надобно показывать суровости: если двое придутъ съ ложью, а суровости имъ не будетъ показано, то третій и съ правдою придетъ, а гетманъ и старшина будутъ опасаться. Слышу цѣлымъ полкомъ доводятъ на Полтавскаго полковника измѣну, что дѣлалъ послѣ баталіи (Полтавской), и слышу, что гетманъ полковника защищаетъ; по моему мнѣнію, вамъ надобно взять къ себѣ кого-нибудь изъ этихъ доносчиковъ и персонально допросить, именно Черныша, который посыланъ былъ въ Крымъ въ измѣну Мазепину; думаю, что обнаружилось бы что-нибудь и о Запорожцахъ. Былъ я въ Глуховѣ и видѣлся съ

гетманомъ, были мы немного пьяны: и изъ словъ гетманскихъ не могъ я выразумѣть ничего добраго; всякими способами внушаетъ злобу на тѣхъ, которые хотя мало къ намъ склонны. Слышалъ я, гетманъ хочетъ просить у государя, или просилъ, чтобъ ему дали Умань; быть можетъ онъ писалъ, что Умань мѣстечко малое; но это мѣсто большое и сосѣднее съ степью, въ городѣ съ уѣздомъ будетъ людей тысячъ съ пять или шесть; по моему мнѣнію, ему Умани давать не слѣдуетъ, пусть живетъ со всѣми своими дѣлами у насъ въ серединѣ, а не въ порубежныхъ мѣстахъ. Умань на границѣ степи, Нагайскимъ Татарамъ, кочующимъ по сю сторону Днѣстра, и Запорожцамъ пристанище, безпрестанно Татары изъ Очакова прiѣзжаютъ туда покупать скотину, а Уманцы къ нимъ въ Очаковъ ѣздятъ, возятъ лубья, доски и уголья. Гетманъ, думаю, многократно писалъ къ вамъ жалобу на Палѣя: ему хочется выжить его изъ порубежныхъ городовъ и на его мѣсто послать когонибудь отъ себя; знаю и то, что если еще не писалъ, то впередъ будетъ писать къ вамъ жалобу на Чигиринскаго полковника Галагана и на Браславскаго: хочется ему, чтобъ ихъ не было, или чтобъ были въ его волѣ, потому что они, сравнительно съ другими, къ намъ склоннѣе. Теперь отъ него въ Корсунѣ полковникомъ Кандыба, который былъ въ измѣнѣ, и Мазепа изъ Ромна послалъ его въ Корсунь въ полковники; я, узнавъ объ этомъ, перестерегъ и не допустилъ его; ему негдѣ было дѣться, пришелъ ко мнѣ своею волею, я послалъ его къ гетману, и тотъ сейчасъ отправилъ его въ полковники туда же, куда и Мазепа посылалъ; а я думаю, что отъ него кромѣ плутовства нельзя ждать никакого добра; хорошо, еслибъ на его мѣстѣ былъ другой съ нашей стороны. Какъ прежде я вамъ писалъ, такъ и теперь повторяю: необходимо, чтобъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ были полковники несогласные съ гетманомъ; если будутъ несогласны, то дѣла ихъ всѣ будутъ намъ открыты[59].

Подозрительность Кiевскаго воеводы относительно порубежныхъ полковниковъ будетъ понятна, если вспомнимъ,

что въ Бессарабіи, при войскѣ Шведскаго короля находился козацкій отрядъ подъ начальствомъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго. Мазепа, убѣжавшій съ Карломъ XII въ Турецкія владѣнія, продолжалъ носить этотъ титулъ; Петръ хотѣлъ добыть въ свои руки измѣнника: отъѣзжая изъ-подъ Полтавы, онъ поручилъ Головкину велѣть Пиперу написать къ своему королю письмо о размѣнѣ его, Пипера на Мазепу. Головкинъ немедленно призвалъ Пипера, письмо было отправлено, но желаннаго отвѣта не послѣдовало.[60] Толстой въ Константинополѣ хлопоталъ о выдачѣ Мазепы, какъ измѣнника, и также понапрасну. 22 сентября 1709 года Мазепа умеръ и похороненъ въ Варницѣ близь Бендеръ; пошелъ слухъ, что, боясь попасться такъ или иначе въ руки царя, онъ отравилъ себя; но по другимъ, болѣе вѣроятнымъ извѣстіямъ, онъ умеръ отъ старости, усталости и горя. Только въ апрѣлѣ слѣдующаго 1710 года рѣшено было, чтобъ козаки, бѣжавшіе съ Мазепою, выбрали вмѣсто его новаго себѣ гетмана. Выбранъ былъ Филиппъ Орликъ, и написанъ былъ договоръ между нимъ и его избирателями. Договоръ начинается возгласами о древнемъ могуществѣ *козацкаго народа*, который одно и тоже, что Козары, гроза имперіи восточной, и одинъ изъ императоровъ Греческихъ долженъ былъ выдать дочь свою за кагана Козарскаго, т. е. за предводителя козаковъ. Потомъ Болеславъ Храбрый и Стефанъ Баторій подчинили козаковъ своему игу; гетманъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ ихъ отъ этого ига, съ помощію Шведскаго короля Карла X и Крымскаго хана. Освобожденная Малороссія соединилась съ единовѣрнымъ государствомъ московскимъ, которое однако посягнуло на права и вольности козацкія, вслѣдствіе чего гетманъ Мазепа и отдался въ покровительство Шведскому королю. Первымъ условіемъ договора съ новымъ гетманомъ козаки постановили нетерпимость никакой чуждой религіи, преимущественно іудейской; потомъ требуютъ усиленія способовъ для русскаго юношества обучаться свободнымъ наукамъ, возстановленія прежнихъ отношеній между Кіевскимъ митрополитомъ и Кон-

стантинопольскимъ патріархомъ; постановляется, чтобъ Малороссія находилась въ покровительствѣ Шведскомъ и союзѣ Крымскомъ, на томъ основаніи, что народъ козарскій или козацкій ведетъ происхожденіе свое отъ храбрыхъ и непобѣдимыхъ Готовъ; постановляется, что гетманъ долженъ созывать раду три раза въ годъ: о Рождествѣ Христовѣ, о Пасхѣ и о Покровѣ; гетманъ не имѣетъ власти наказывать никого изъ войска безъ согласія старшинъ, постоянно при немъ находящихся; управленіе финансами ввѣряется генеральному казначею; гетманъ не имѣетъ права назначать войсковыхъ чиновниковъ, которые выбираются свободными голосами, однако не безъ согласія гетмана. Карлъ XII утвердилъ эти условія и избраннаго гетмана Орлика, который говорилъ ему за это рѣчь, блестящую по тогдашнимъ понятіямъ, напримѣръ: „Мнѣ ли, новому Атласу, съумѣть поддержать на плечахъ своихъ обрушивающуюся твердыню русскаго отечества? Мнѣ ли, неопытному Аргонавту, направить обуреваемый россійскій корабль къ золотымъ островамъ? Мнѣ ли, новому Тезею, вывести стрегомую московскимъ дракономъ Аріадну, нашу родину, изъ лабиринта страшнаго рабства на прежнюю свободу?“ и проч. [61]

Новый Тезей не могъ вывести своей Аріадны изъ лабиринта; но онъ могъ, наоборотъ, ввести ее въ лабиринтъ смутъ, и царь послалъ въ Малороссію *своего* человѣка, который бы, вмѣстѣ съ гетманомъ, старался о сохраненіи тишины и благоустройства. Для тѣхъ же цѣлей въ областномъ управленіи Великой Россіи еще прежде произведена была важная перемѣна: въ концѣ 1708 года она была раздѣлена на 8 губерній: Московскую, С.-Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Управителями были назначены: въ Московскую бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ; въ С.-Петербургскую князь Меншиковъ, въ Кіевскую ближній стольникъ князь Дм. Мих. Голицынъ; въ Смоленскую бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ; въ Архангельскую ближній стольникъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ; въ Казан-

скую боярянъ Петръ Матв. Апраксинъ; въ Азовскую адмиралъ Ѳедоръ Матв. Апраксинъ, въ Сибирскую Московскій коммендантъ князь Матв. Петр. Гагаринъ. Одною изъ главныхъ обязанностей новыхъ *управителей* было доставленіе въ Москву сполна доходовъ, собиравшихся въ ихъ губерніяхъ. 27 января 1710 года государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу 3,051,796 рублей; по табелямъ губернаторскимъ среднихъ доходовъ 3,016,590; изъ общаго сложеннаго трехъ годовъ перечня треть 3,133,879. Расходъ на армію простирался до 1,252,525 рублей; на флотъ до 444,288; на разныя посольскія дачи до 148,031; на артиллерію и припасы до 221,799; рекрутамъ 30,000; на оружейныя дѣла 84,104; гарнизоннымъ служителямъ 977,896; на разныя дачи (царицамъ, царевичу, царевнамъ, на дворцовые расходы, аптекарскаго чина людямъ, на покупку лѣкарствъ духовенству, русскимъ плѣннымъ въ Стокгольмѣ, приказнымъ, мастеровымъ и дворцовымъ людямъ, кормовщикамъ, ружникамъ, ямщикамъ, на постройки) 675,775, итого: 3,834,418.[63] Сумма прихода раздѣлялась по губерніямъ такимъ образомъ: на Московскую 1,140,097 рублей; на Петербургскую 336,627; Кіевскую 114,857; Смоленскую 83,258; Архангельскую 374,276; Казанскую 600,000; Азовскую 154,933; Сибирскую 222,080.

Расходы превышали доходы, и не было сомнѣнія, что неисправность и казнокрадство много уменьшали послѣдніе; обратить все свое вниманіе на эту сторону не было возможности для царя: Шведская война затягивалась и къ ней присоединялась еще Турецкая; денегъ и людей понадобится еще болѣе, царь снова будетъ въ постоянной отлучкѣ. Это заставило Петра усилить внутреннее правительство, дать ему бо́льшее значеніе и вмѣстѣ наложить бо́льшія обязанности, бо́льшую отвѣтственность. 22 февраля 1711 года „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ правительствующій Сенатъ для управленія.“ Новое учрежденіе состояло изъ девяти членовъ: графа Мусина-Пушкина, Стрѣшнева, князя Петра Голицына, князя Михайлы Долгорукаго, Племянни-

кова, князя Григорья Волконскаго, генералъ-кригсъ-цалмейстера Самарина, Опухтина, Мѣльницкаго. Оберъ-секретаремъ былъ назначенъ Анисимъ Щукинъ.[63] 2 марта изданъ былъ указъ о власти и отвѣтственности Сената:[64] „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ, опредѣлили управительный Сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или и смертію, по винѣ смотря. И ежели оный Сенатъ, чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однакожь да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожь справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено и виноватый жестоко будетъ наказанъ." Сознавая весь вредъ, проистекавшій отъ господства личныхъ отношеній, желая ослабить особныя, своекорыстныя стремленія, выдвинувъ понятіе объ общемъ интересѣ, объ отечествѣ, о государствѣ, Петръ тогда же, 2 марта, предписалъ новую форму присяги государю и всему государству.[65]

Дѣятельность новаго учрежденія опредѣлена была въ слѣдующемъ наказѣ: „судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожъ и ябедникамъ да послѣдуетъ. Смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные отставить. Денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны. Дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются сыскать; такожъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для тогожъ. Векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ. Товары, которые на откупахъ или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать. О соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной. Торгъ Китайскій, сдѣлалъ компанію добрую, отдать. Пер-

сидскій торгъ умножить, и Армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для бо́льшаго ихъ пріѣзда. Учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, и какъ быть имъ, пришлется извѣстіе.“ [66] Это извѣстіе состояло въ слѣдующемъ: „Выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть); дѣла же его сія суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить, а буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему фискалу; буде же и не уличитъ, то отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать, подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія. Тако жъ надлежитъ ему имѣть нѣсколько подъ собою провинціалъ-фискаловъ, и у каждаго дѣла по одному (т. е. въ каждой отрасли управленія), которые еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣютъ, которые во всемъ имѣютъ такую же силу и свободность, какъ и оберъ-фискалъ, кромѣ одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ. [67]

Всѣ члены Сената должны были имѣть ровные голоса; каждый указъ подписывали всѣ собственноручно; если одинъ изъ нихъ откажется подписать, объявляя несправедливость приговора, то приговоръ остальныхъ членовъ недѣйствителенъ; но при этомъ сенаторъ, оспаривающій приговоръ, долженъ дать свой протестъ на письмѣ за собственноручною подписью. Для удобнѣйшихъ и быстрѣйшихъ сношеній Сената съ губерніями, должны были находиться въ Москвѣ коммиссары изъ каждой губерніи и безотлучно быть въ канцеляріи Сената для приниманія указовъ и для отвѣта на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній; коммиссары принимали изъ Сената грамоты великаго государя и вѣдѣнія о всякихъ губернаторскихъ дѣлахъ и отсылали ихъ въ свою губернію, и получа вѣдѣнія отъ губернаторовъ, подавали за своими руками въ канцелярію Сената. [68]

Коммиссары должны были сноситься съ губернаторами чрезъ нарочныя почты, потому что медленность губернаторовъ выводила Петра изъ терпѣнія, какъ видно изъ письма его къ Меншикову изъ Преображенскаго отъ 6 февраля 1711 года: „Донынѣ, Богъ вѣдаетъ, въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ, а потомъ буду не словомъ, но руками со оными поступать.“ Меншиковъ не составлялъ исключенія между губернаторами и зѣло раку слѣдовалъ въ сообщеніи о самомъ нужномъ дѣлѣ, которое Петръ называлъ артеріею войны. 19 февраля царь писалъ С.-Петербургскому губернатору: „Дай знать, которые у васъ товары, на сколько когда продано и куды тѣ деньги идутъ, ибо я спрашивалъ Щукина для вѣдѣнія, но онъ сказалъ, что ни о чемъ не вѣдаетъ: и тако о вашей губерніи ни о чемъ не вѣдаемъ будто о иномъ государствѣ.“ Учредивши Сенатъ, Петръ самъ извѣстилъ Данилыча, что и его губернія не должна быть инымъ государствомъ, но, вмѣстѣ съ другими подчиниться Вышнему правительствующему Сенату: „Посылаемъ при семъ указъ равной какъ и прочимъ губернаторамъ о послушаніи избранному Сенату и присягу, какъ Сенатъ такъ и губернаторы какову здѣсь учинили, а коихъ нѣтъ, къ тѣмъ посланы указы, дабы тамъ присягли и подписались. Такожъ правленія ради здѣшнихъ нужнѣйшихъ дѣлъ опредѣлили мы и губерніи вашей къ дѣламъ въ вышнемъ Сенатѣ князь Григорья Волконскаго, Анисима Щукина, о чемъ извольте вѣдать.“ [69]

„Денегъ, какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны“ наказывалъ Петръ своему новому Сенату. Война не прерывалась; Петръ въ 1710 году спѣшилъ къ Балтійскому морю, чтобъ воспользоваться увязнутіемъ Карла XII въ Турціи, какъ прежде здѣсь же воспользовался увязнутіемъ его въ Польшѣ. Въ половинѣ февраля царь выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ: *парадизъ* нужно было обезопасить со стороны Финляндіи, и адмиралъ Апраксинъ отправился съ 18,000 сухопутнаго войска подъ Выборгъ,

флотъ подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса и контръ-адмирала — самого царя, везъ артиллерію и запасы; въ іюнѣ Выборгъ сдался, и такимъ образомъ „была устроена крѣпкая подушка Петербургу", по выраженію Петра.[70] Въ сентябрѣ сдался Кексгольмъ Брюсу и покореніе Кареліи было закончено.[71] Мы видѣли, что Шереметевъ осадилъ Ригу еще въ 1709 году; съ начала 1710 голодъ и моръ опустошалъ осажденный городъ, осаждающіе также много терпѣли отъ язвы, проникнувшей изъ Пруссіи черезъ Курляндію; въ іюлѣ Рига сдалась. Петръ увѣдомилъ Курбатова объ этомъ счастливомъ событіи, и получилъ отвѣтъ: „получилъ я В. В—ства всерадостное письмо, въ немъ же явлено о взятіи Риги, объявилъ оное Московскому купечеству и торжествовахомъ купно въ убогомъ моемъ загородномъ домѣ, по душѣ и плоти, съ немалымъ шумомъ гласовъ гарматныхъ и мусикійскими органы и различнѣ украшенными въ Божію и вашу славу пѣніи. Торжествуй, всеусерднѣйшій расширителю всероссійскія державы, яко уже вносимыми во всероссійское государствіе Европейскими богатствы не едина хвалитися будетъ Архангелогородская гавань! Торжествуй радостно преславный обогатителю Славено-россійскаго народа, яко аще продолженіемъ войны сея зрится оный въ имѣніяхъ и не безъ истощанія, но нынѣ имать надежду возобновитися богатствы вящше."[72] Шведскому гарнизону было позволено выйдти изъ Риги, но природные Лифляндцы должны были присягнуть царю на вѣрность; имъ было оставлено ихъ прежнее провинціальное управленіе, Аугсбургское исповѣданіе; городъ Рига сохранялъ принадлежавшія ему земли, доходы, преимущества, привилегіи, судебную расправу, обычаи, вольности; было обѣщано ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не вводить никакихъ новыхъ судей и законовъ, также не вводить ни въ канцеляріи, ни въ переписки другаго языка, кромѣ до тѣхъ поръ употреблявшагося Нѣмецкаго. Было обѣщано, что какъ скоро городъ Пернау приведенъ будетъ въ царское подданство и находившійся въ немъ университетъ, во время приступа къ городу, не будетъ сопротивляться и не будетъ ни во что

вмѣшиваться, то государь не убавитъ его выгодъ и привилегій, но еще болѣе распространитъ и будетъ заботиться, чтобъ университетъ былъ снабженъ всегда искусными профессорами, учителями языковъ и экзерцицій, потому что его царское величество изъ своихъ собственныхъ государствъ и земель молодыхъ людей для обученія туда посылать будетъ для бо́льшей славы этого университета, въ слѣдствіе чего его царскому величеству свободное отправленіе Греческаго закона предоставляется; царское величество предоставляетъ себѣ учредить особаго профессора въ высокой школѣ, который бы могъ обучать Славянскому языку и ввести его туда, прочихъ же профессоровъ назначаетъ рыцарство вмѣстѣ съ верховною консисторіею. Шляхетство и урожденцы Лифляндскіе имѣютъ передъ другими право при назначеніи во всѣ должности, какъ военныя, такъ и гражданскія въ своей провинціи. Шляхетскихъ маетностей никому, кромѣ Лифляндскихъ шляхтичей, покупать нельзя, и если которыя уже проданы, то шляхтичи могутъ ихъ выкупать [73]

Въ августѣ 1710 года сдались Русскимъ Пернау и Аренсбургъ, главный городъ острова Эзеля, въ сентябрѣ Ревель. По случаю взятія Ревеля Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россіею. Эльбингъ, послѣднее мѣсто, которымъ владѣли Шведы въ Польшѣ, сдался русскимъ же еще въ самомъ началѣ года. Овладѣвъ Лифляндіею и Эстляндіею, Петръ укрѣпилъ свое вліяніе и въ Курляндіи. Молодой герцогъ Курляндскій Фридрихъ-Вильгельмъ въ 1710 году предложилъ руку одной изъ племянницъ царскихъ, Аннѣ Іоанновнѣ; условіями брака герцогъ поставилъ: выводъ изъ Курляндіи Русскихъ войскъ, обязательство со стороны Россіи впредь не занимать Курляндіи своими войсками и не брать съ нея контрибуцію; учрежденіе коммиссіи для изслѣдованія обидъ, причиненныхъ Курляндцамъ русскими войсками; нейтралитетъ Курляндіи на случай будущихъ войнъ, свобода торговли съ Россіею; наконецъ женихъ просилъ 200,000 рублей приданаго. Петръ согласился на условія, но съ при-

бавкою своихъ: изъ 200,000 рублей 50,000 отданы будутъ послѣ утвержденія договора, 50,000 въ день брака, остальныя же 100,000 будутъ уплачены послѣ въ самоскорѣйшемъ времени. Изо всѣхъ этихъ денегъ только 40,000 считаются за приданое, остальные же 160,000 рублей считаются данными взаймы герцогу на выкупъ его заложенныхъ староствъ, и эти выкупленныя староства должны быть отданы будущей герцогинѣ Аннѣ въ закладъ, при чемъ она получаетъ ежегодно по пяти процентовъ. Для герцогини будетъ церковь „по греческому украшенію" въ замкѣ Митавскомъ; сыновья, имѣющіе родиться отъ этого брака, будутъ воспитаны въ Лютеранскомъ законѣ, а дочери въ Грекороссійскомъ.[74]

Но въ то время, когда Петръ закрѣплялъ свои владѣнія на Балтійскомъ морѣ, стали приходить тревожныя вѣсти съ юга, заставившія его покинуть любимыя мѣста.

Мы видѣли, что Турки не воспользовались вторженіемъ Карла XII въ русскіе предѣлы и не объявили войны царю. 28 іюня 1709 года, не предчувствуя, что происходило наканунѣ подъ Полтавою, Толстой писалъ въ донесеніи Головкину: „Опять Порту возмутили пуще прежняго Татары, прислали письмо за многими печатями, отъ всѣхъ Крымскихъ, Ногайскихъ и Кубанскихъ Татаръ, что царь пришелъ въ Азовъ для похода на Крымъ, и что множество судовъ большихъ и малыхъ на Азовское море вышло; просятъ Татары Порту съ великимъ усердіемъ, чтобъ немедленно подала имъ помощь и чтобъ позволила вмѣстѣ съ Шведами и Поляками стать противъ войскъ царскихъ. Съ великимъ трудомъ и съ немалою дачею едва успѣлъ я удержать, что не дали Татарамъ позволенія соединиться со Шведами." Тутъ же Толстой доносилъ, какъ Французскій посолъ сошелъ съ ума: „Посолъ Французскій здѣсь пребывающій обезумѣлъ, тому причина есть сія: когда оный получилъ отъ двора Французскаго указъ, чтобы съ визиремъ всеконечно примирился, тогда оный по всякой возможности искалъ примиренія, и едва возмогъ имѣть съ визиремъ свиданіе, которое послѣдовало ему великимъ несчастіемъ, ибо визирь

огорчилъ его тяжкимъ словомъ, назвалъ его скотиною, а не человѣкомъ, отъ чего возвратяся къ себѣ въ домъ, обезумѣлъ скоро и нынѣ пребываетъ безъ ума.“

Только 22 іюля получилъ Толстой отъ Головкина извѣстіе о преславной викторіи съ ея слѣдствіями, и потребовалъ отъ визиря, чтобъ немедленно былъ посланъ къ Юсуфъ-Пашѣ указъ задержать Шведскаго короля и Мазепу подъ стражею, чтобъ не ушли въ другія мѣста и не послѣдовало отъ того непріятство. Визирь велѣлъ отвѣчать, чтобъ посолъ не сомнѣвался, будетъ все исправлено пріятельскою мѣрою; но что съ Русской стороны поступлено нехорошо: русскія войска, преслѣдуя Шведскаго короля, вошли въ Турецкія владѣнія; при этомъ визирь хотѣлъ вывѣдать у Толстаго, какія будутъ его требованія на счетъ Шведскаго короля и Мазепы; Толстой отвѣчалъ прямо, что онъ потребуетъ немедленной ихъ выдачи. „Домогаюсь, писалъ Толстой, чтобы короля Шведскаго и Мазепу отдали въ сторону царскаго величества; но о королѣ не чаю, чтобъ отдали ни по какой мѣрѣ, развѣ только вышлютъ его вонъ изъ своей области; а о Мазепѣ боюсь, чтобъ оный, видя свою конечную бѣду, не обусурманился, а ежели сіе учинитъ, то никакъ не отдадутъ его по своему закону.“ 8 августа Толстой доносилъ: „Порта въ большомъ горѣ, что Шведскаго короля и Мазепу Очаковскій паша принялъ; очень Туркамъ нелюбо, что этотъ король къ нимъ прибѣжалъ, ибо по закону ихъ и ради стыда отъ другихъ, отдать его невозможно и не хотятъ; однако и то мыслятъ, что царское величество домогаться его будетъ и за то миръ съ ними разорветъ, чего они не хотѣли бы. Теперь съ великою поспѣшностью начали приготовляться къ войнѣ, пославъ въ Румилію и другія мѣста указы, чтобъ войска какъ можно скорѣе сбирались къ Русскимъ границамъ и соберется ихъ осенью около 40,000. Говорятъ, что дѣлаютъ это для своей безопасности, а впрочемъ Богъ знаетъ. На предложенія мои о королѣ Шведскомъ отвѣта не даютъ, на аудіенцію къ султану меня не допускаютъ, даже въ конференцію со мною вступать не хотятъ. Думаю, что это дѣла-

ютъ лукавствомъ: отказать мнѣ явно боятся, чтобъ царское величество вдругъ на нихъ неготовыхъ не наступилъ, и думаю, что не будутъ со мною говорить до тѣхъ поръ, пока ратей своихъ неумножатъ и тогда, можетъ быть, станутъ говорить смѣлѣе. Теперь король Шведскій неизреченные соблазны Туркамъ доноситъ и дѣлаетъ имъ большія обѣщанія, чтобъ они начали войну противъ царскаго величества, въ чемъ ему много помогаетъ ханъ Крымскій, и хотя меня крѣпко увѣряютъ муфтей и другіе, что отъ Порты противности не будетъ, но я сомнѣваюсь, и не изволь удивляться, что я прежде, когда король Шведскій былъ въ великой силѣ, доносилъ о миролюбіи Порты, а теперь, когда Шведы разбиты, сомнѣваюсь! Причина моему сомнѣнію та: Турки видятъ, что царское величество теперь побѣдитель сильнаго народа Шведскаго и желаетъ вскорѣ устроить все по своему желанію въ Польшѣ, а потомъ, не имѣя уже никакого препятствія, можетъ начать войну и съ ними, Турками. Такъ они думаютъ, и отнюдь не вѣрятъ, чтобъ его величество не началъ съ ними войны, когда будетъ отъ другихъ войнъ свободенъ. Визирь требуетъ, чтобъ рати царскаго величества отъ здѣшнихъ границъ удалились; а я доложу, что не только не должно удалять тѣхъ, которыя теперь на границахъ, но надобно еще прибавить, потому что здѣсь дѣлаются большія приготовленія съ великою поспѣшностью. Слышу, что король Шведской стоитъ близь Бендеръ на полѣ, и если возможно послать нѣсколько легкой Польской кавалеріи тайно, чтобъ внезапно схвативъ его увезли, потому что, говорятъ, при немъ людей немного, а Турки, думаю, туда еще не собрались; и если это возможно сдѣлать, то отъ Порты не будетъ потомъ ничего, потому что сдѣлаютъ это Поляки, а хотя и дознаются, что это сдѣлано съ Русской стороны, то ничего другаго не будетъ, какъ только что я здѣсь пострадаю. Если же небудетъ совершенной надежды увезти, то лучше и не начинать."

14 августа муфтій прислалъ сказать Толстому, что этою осенью не будетъ со стороны Турціи никакихъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Россіи, но за будущую весну онъ

не ручается и заранѣе объ этомъ дастъ знать послу, потому что многіе знатные люди совѣтуютъ немедленно начать войну съ Россіею, пока Польша съ нею не въ союзѣ; но совѣтъ этотъ не можетъ быть принятъ, потому что Порта не готова къ войнѣ. Толстой послалъ тайно къ муфтію съ просьбою потрудиться, чтобъ короля Шведскаго и Мазепу выдали царскому величеству, обѣщая за труды 10,000 золотыхъ червонныхъ да на 10,000 соболей. Муфтій отвѣчалъ, что во всякомъ дѣлѣ онъ помочь готовъ, но это дѣло невозможное, ихъ закону противное и говорить ему объ немъ никакъ нельзя.“ Турки размышляютъ, доносилъ Толстой, какимъ бы образомъ Шведскаго короля отпустить такъ, чтобъ онъ могъ продолжать войну съ царскимъ величествомъ, и они были бы безопасны, ибо увѣрены, что кончивъ Шведскую войну, царское величество начнетъ войну съ ними.“

Пока Турки размышляли, Карлъ XII употреблялъ всѣ средства, чтобъ вовлечь ихъ въ войну съ Россіею. Онъ явился въ Турецкихъ владѣніяхъ въ сопровожденіи канцлера Мюллерна, секретарей Клинковстрёма и Нейгебауера, нашего стараго знакомаго, находившагося теперь въ Шведской службѣ, генераловъ Шпарре и Лагеркрона, Польскаго генерала артиллеріи Понятовскаго, Мазепы и племянника его Войнаровскаго. Принятый почетно Очаковскимъ градоначальникомъ Юсуфъ-пашею, король не остался однако въ пограничномъ Очаковѣ и отправился далѣе къ Бендерамъ, отправивъ Нейгебауера къ султану съ письмомъ, въ которомъ просилъ о защитѣ и предлагалъ союзъ противъ Россіи: „Обращаемъ вниманіе вашего императорскаго высочества на то, писалъ Карлъ, что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными отъ нашего несчастія, то онъ вдругъ бросится на одну изъ вашихъ провинцій, какъ бросился на Швецію вмѣстѣ съ своимъ коварнымъ союзникомъ, бросился среди мира, безъ малѣйшаго объявленія войны. Крѣпости, построенныя имъ на Дону и на Азовскомъ морѣ, его флотъ обличаютъ ясно вредные замыслы противъ вашей имперіи. При такомъ состояніи дѣлъ, чтобъ

отвратить опасность, грозящую Портѣ, самое спасительное средство — это союзъ между Турціею и Швеціею: въ сопровожденіи вашей храброй конницы я возвращусь въ Польшу, подкрѣплю оставшееся тамъ мое войско и снова внесу оружіе въ сердце Московіи, чтобъ положить предѣлъ честолюбію и властолюбію царя.“

Приблизившись къ Бендерамъ, Карлъ не остановился въ самой крѣпости, а раскинулъ лагерь подъ ея пушками, на берегу Днѣстра, на лугу, отѣненномъ деревьями; потомъ когда это мѣсто оказалось очень низко, подвержено наводненіямъ, перешелъ на житье въ деревню Варницу. 500 янычаръ составляли почетную стражу короля, ежедневно отпускало ему турецкое правительство съѣстныхъ припасовъ на 500 талеровъ. Карлъ, вылѣчившійся отъ своей раны, велъ прежній простой, дѣятельный образъ жизни, былъ спокоенъ и веселъ какъ прежде до Полтавы. Главное затрудненіе его состояло въ недостаткѣ денегъ. Сначала помогла ему смерть Мазепы: послѣ старика осталось 80.000 дукатовъ чистыми деньгами, которыя племянникъ его Войноровскій отдалъ взаймы королю; потомъ около ста тысячъ талеровъ переслали ему изъ Голштиніи; особенное искусство занимать деньги показалъ казначей королевскій Гротгузенъ; наконецъ въ Константинополѣ Карлъ нашелъ доброжелателей въ банкирахъ англійской Левантской компаніи, братьяхъ Кукъ, которые передавали ему тысячъ двѣсти талеровъ.

Пріѣздъ Нейгебауера въ Константинополь съ королевскимъ письмомъ привелъ визиря Али-пашу въ большое затрудненіе. Отвѣтъ состоялъ въ осторожныхъ выраженіяхъ, что султанъ не прочь принять нѣкоторыя королевскія предложенія. На помощь Нейгебауеру отправленъ былъ въ Константинополь Понятовскій, который и началъ борьбу съ Толстымъ. Сначала осилилъ Толстой: въ ноябрѣ 1709 года возобновленъ былъ миръ между Россіею и Портою; относительно возвращенія Шведскаго короля въ отечество было положено, что онъ тронется отъ Бендеръ съ своими людьми безъ козаковъ и въ сопровожденіи турецкаго отряда

изъ 500 человѣкъ; на польскихъ границахъ Турки его оставятъ, сдавши русскому отряду, который и будетъ провожать его до шведскихъ границъ, наблюдая, чтобъ онъ во время проѣзда черезъ Польшу, не сносился съ приверженцами Лещинскаго и вообще не возбуждалъ никакого безпокойства; козаки, измѣнившіе царю, должны быть выгнаны изъ Турецкихъ владѣній. Смерть Мазепы прекратила дѣло о его выдачѣ, на которую настаивалъ Толстой. Легко понять, съ какимъ чувствомъ Карлъ XII узналъ, что его черезъ Польшу будетъ провожать Русскій отрядъ! Онъ велѣлъ составить меморіалъ, въ которомъ великій визирь былъ представленъ измѣнникомъ, подкупленнымъ Россіею. Понятовскому удалось въ январѣ 1710 года подать этотъ меморіалъ прямо султану, безъ вѣдома великаго визиря. Понятовскій, вмѣстѣ съ врагами Али-паши, хлопоталъ изо всѣхъ силъ о его низверженіи и въ іюнѣ достигъ своей цѣли: Али-паша сосланъ и великимъ визиремъ назначенъ Нууманъ Кёприли. Благодаря новому визирю, Карлъ получилъ отъ Порты 400.000 талеровъ въ видѣ займа безъ процентовъ; но и Кёприли не хотѣлъ разрывать съ Россіею и указывалъ Карлу другую, безопаснѣйшую дорогу для возвращенія въ Швецію, именно чрезъ Австрійскія владѣнія. Но воинственный духъ, раздуваемый Понятовскимъ распространился въ Константинополѣ; янычары начали требовать, чтобъ ихъ вели на Россію, и Кёприли долженъ былъ оставить свое мѣсто, которое занялъ Балтаджи Магометъ-паша. А между тѣмъ Петръ сталъ требовать отъ султана, чтобъ статьи новаго договора были въ точности исполнены, жаловался, что до сихъ поръ Карлъ XII и козаки-измѣнники находятся еще въ Турецкихъ владѣніяхъ, ходятъ слухи, что султанъ, въ угоду шведскому королю, хочетъ расторгнуть миръ, и дѣйствительно Татары и козаки впадаютъ въ Русскія границы, а козаки, на мѣсто Мазепы, выбрали себѣ новаго гетмана Орлика съ позволенія Порты. Въ октябрѣ 1710 года Петръ потребовалъ отъ Порты рѣшительнаго отвѣта: хочетъ ли султанъ выполнить договоръ? если хочетъ, то пусть удалитъ шведскаго короля изъ своихъ владѣній,

въ противномъ случаѣ онъ, царь, вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ и республикою польскою, прибѣгнетъ къ оружію. Но гонцы, везшіе царскую грамоту къ султану, были схвачены на границѣ и брошены въ тюрьму, 20 ноября въ торжественномъ засѣданіи дивана рѣшена была война, вслѣдствіе чего Толстой былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ; весною великій визирь долженъ былъ съ огромнымъ войскомъ выступить въ походъ[75].

Если сохраненіе мира съ Турціею было дѣломъ первой важности для Россіи во время борьбы ея съ Швеціею до „преславной викторіи;“ то и теперь вѣсти о непріязненныхъ движеніяхъ со стороны Порты сильно смутили Петра среди его торжествъ прибалтійскихъ. У него было одно желаніе — кончить какъ можно скорѣе тяжкую войну выгоднымъ миромъ, и потому онъ не давалъ ни себѣ, ни войску, ни народу своему отдыха, чтобъ воспользоваться Полтавою и вынудить у Швеціи миръ поскорѣе и какъ можно выгоднѣе. И вдругъ онъ долженъ оставить войну на сѣверѣ, дать возможность Шведамъ вздохнуть, собрать свои силы; до сихъ поръ онъ велъ войну съ сознаніемъ необходимости ея для народа, видѣлъ благословеніе надъ своимъ дѣломъ, видѣлъ близкій конецъ труднаго подвига, берегъ передъ глазами, и вдругъ сильная волна относитъ челнъ снова въ открытое, безпредѣльное море. Вовсе не любя войны для войны, совершенно чуждый словолюбивыхъ, завоевательныхъ стремленій, Петръ видѣлъ передъ собою новую, безцѣльную войну, и войну, представлявшую большія трудности: Турки поднимались не одни,—съ ихъ войсками нужно было ждать къ себѣ въ гости стараго знакомаго, Карла XII, жаждавшаго возстановить свою силу и свою славу; Польша ненадежна, въ ней попрежнему дѣла идутъ „какъ молодая брага“, партія Лещинскаго поднимется опять при первомъ появленіи Шведовъ; а надежна ли старшина малороссійская? Оборонительною войною на югѣ на границахъ Польши и Малороссіи, ограничиться нельзя, крайне опасно; надобно предупредить врага, искать его въ собственныхъ владѣніяхъ, возбуждать здѣсь противъ

него внутреннихъ враговъ, значитъ надобно сосредоточить главныя силы на югѣ, надобно самому царю перенестись туда; а что будетъ на сѣверѣ? Въ состояніи ли будетъ союзная Данія сдержать Шведовъ? Дѣйствія ея въ 1710 году подавали плохую надежду.

Мы видѣли, что, благодаря Полтавѣ, Долгорукому удалось уговорить Датское правительство начать войну съ Швеціею.

Война началась, но опять пошли тревожныя слухи, что Англичане и Голландцы хлопочутъ о примиреніи Даніи съ Швеціею: „Буду довѣдываться и стараться не допускать до этого, писалъ Долгорукій Головкину въ декабрѣ: хотя эти слухи еще невѣрны, однако я прилежно прошу прислать мнѣ немедленно указъ: если узнаю, что то правда, что̀ мнѣ тогда прикажете дѣлать? а самъ я не вижу другаго способа, какъ *скупить* министровъ, потому что они великую силу имѣютъ въ приговорахъ, король безъ нихъ ничего не дѣлаетъ; думаю, что надобно заранѣе удобрить министровъ, хотя бы двоихъ, чтобъ препятствовали мирнымъ предложеніямъ въ совѣтѣ; а если дожидаться, пока дѣло откроется какъ рѣшенное, то, чтобъ заставить перемѣнить рѣшеніе, надобно будетъ давать дачи великія, да и тутъ мало надежды передѣлать сдѣланное дѣло. Министры, которымъ я обѣщалъ награду отъ царскаго величества, если склонятъ короля къ войнѣ, уже не разъ мнѣ говорили объ исполненіи обѣщанія; я все отъ нихъ отговаривался тѣмъ, что писалъ и не получилъ отвѣта, хотѣлъ отволочь, чтобъ не давать, а теперь, думаю, надобно имъ дать хотя немного, чтобъ имѣть хотя малую на нихъ надежду“.

Дѣйствія Датчанъ въ Шоніи были удачны, и составленъ былъ планъ весною 1710 года соединенными силами Русскими и Датскими сдѣлать высадку у Стокгольма. Петръ одобрилъ планъ; но Датскіе министры объявили Долгорукому, что король къ веснѣ не можетъ вооружить всего своего флота по недостатку денегъ, развѣ царское величество поможетъ: „Я, писалъ Долгорукій Головкину 24 генваря 1710, я всячески буду стараться, чтобъ вооружили флотъ

безъ субсидіи; если же увижу, что иначе дѣло не пойдетъ, то буду обѣщать имъ субсидіи. Невозможно описать, какъ здѣшній дворъ старается какимъ бы то ни было способомъ вырвать денегъ отъ царскаго величества. При малѣйшемъ случаѣ дѣлаютъ все что̀ могутъ, только бы денегъ выпросить".

Отчаявшись вырвать что-нибудь у Долгорукаго, Датскіе министры перестали толковать о субсидіяхъ и объявили даже, что на нынѣшнюю компанію король имѣетъ довольно денегъ. Но Долгорукій не переставалъ внушать своему правительству, что надобно дать министрамъ, особенно когда пошли зловѣщіе слухи о скоромъ прекращеніи войны за Испанское наслѣдство, что давало Англіи и Голландіи возможность вмѣшаться въ сѣверныя дѣла. „Король, писалъ Долгорукій, и безъ субсидій пробыть можетъ, и потому теперь ему субсидій обѣщать не нужно, а надобно беречь субсидіи до того времени, когда придетъ королю нужда отъ военныхъ случайностей, или когда онъ станетъ думать о партикулярномъ мирѣ. Здѣсь опасаются, чтобъ по заключеніи мира съ Франціею Англичане и Голландцы не вмѣшались въ войну короля Датскаго и не уняли бы его. Поэтому очень нужно купить министровъ здѣшнихъ; довольно будетъ раздать тысячъ на двадцать вещей; изъ этой же суммы нужно дать и женамъ ихъ, потому что онѣ надъ мужьями силу имѣютъ. Всѣхъ министровъ четыре и всѣ безстыдно къ дачамъ лакомы: много разъ мнѣ говорили чрезъ Польскаго посланника, чтобъ царское величество ихъ пожаловалъ за договоръ по обыкновенію, и видя, что отвѣту нѣтъ, самъ министръ Сегестетъ мнѣ нѣсколько разъ о томъ говорилъ. Надобно давать имъ не вдругъ, но часто и понемногу, чтобъ всегда смотрѣли изъ рукъ".

Не долго ждали той нужды, въ которой датскому королю понадобились Русскія субсидіи. Послѣ первыхъ успѣховъ въ Шоніи датскія войска, несмотря на увѣщанія Долгорукаго, предались бездѣйствію. Этимъ воспользовались Шведы, собрались съ силами, и въ февралѣ 1710 года разгромили датское войско, которое потеряло 6000 человѣкъ. „Если

царское величество, писалъ Долгорукій, соизволитъ помочь королю Датскому, то теперь настоящее для этого время". Надобно было помочь и войсками, и деньгами; но Даніи, въ тогдашнемъ ея положеніи, помочь было трудно. Долгорукій откровенно донесъ королю о нерадѣніи всѣхъ его правителей, начиная съ министровъ; король отвѣчалъ, что все это правда, и объявилъ Долгорукому, чтобъ о тайныхъ дѣлахъ говорилъ только съ двумя министрами—Выбеемъ и Сегестетомъ, потому что другимъ онъ не вѣритъ. „Здѣшніе дѣла въ самомъ дурномъ положеніи, писалъ Долгорукій: король мало знаетъ военное дѣло, а изъ правителей, приставленныхъ къ этому дѣлу, всякій хлопочетъ только о собственнымъ интересахъ; кромѣ того они ненавидятъ другъ друга, каждый старается какъ бы испортить сдѣланное другимъ, и оттого всѣ дѣла непорядочно идутъ". Въ другой разъ Долгорукій жаловался королю на правителей; король отвѣчалъ: „я самъ вижу, что они негодны, да не кѣмъ перемѣнить". Флотъ, снаряжавшійся съ крайнею медленностію, однако былъ готовъ въ іюлѣ, и стоялъ у Борнгольма. Долгорукому уже объявили, что немедленно пошлется адмиралу указъ о поискѣ надъ шведскими эскадрами, какъ вдругъ Долгорукій узнаетъ, что флотъ вернулся къ Копенгагену. Долгорукій въ тотъ же день поѣхалъ въ загородный дворецъ къ королю, чтобъ „говорить сколько могъ" противъ такого дѣла; король отвѣчалъ, что онъ самъ ничего не зналъ, пока флотъ не приблизился къ Копенгагену: тутъ только адмиралы написали къ нему въ свое оправданіе, что коммиссары замедлили присылкою провіанта и нельзя было оставаться и поморить людей голодомъ; король покончилъ словами: „съ такими людьми, какіе у меня въ службѣ, невозможно ничего сдѣлать".

Понапрасну Долгорукій ѣздилъ на флотъ уговаривать адмираловъ къ дѣйствію противъ Шведскаго флота, чтобъ дать возможность Русскимъ кораблямъ выйти изъ Финскаго залива: адмиралы ни за что не соглашались на это. Флотъ отправился съ транспортными судами къ Данцигу для перевозки русскихъ вспомогательныхъ войскъ, но тутъ не-

счастіе: съ 4 на 5 сентября страшная буря разбила флотъ, и Долгорукому объявили, что при такой бѣдѣ нечего и думать о перевозкѣ Русскихъ войскъ этою осенью. Конференціи послѣ этого были *крикливыя*, по выраженію Долгорукаго: Русскій посланникъ попрекалъ датскихъ министровъ безпорядкомъ, какой господствуетъ у нихъ въ военныхъ дѣлахъ; министры отвѣчали, что еслибы царь прежде помогъ королю деньгами, то все дѣло шло бы порядочнѣе; Долгорукій возражалъ: еслибъ царское величество далъ королю денегъ прежде, то и тѣ также безплодно были бы издержаны, какъ два милліона королевскихъ денегъ, пошедшихъ на вооруженіе флота, отъ которыхъ прибыли ни на шелегъ нѣтъ"[76].

Въ Копенгагенѣ Англія, вмѣстѣ съ Голландіею, шла открыто противъ Русскихъ интересовъ: но въ Москвѣ, послѣ преславной викторіи, хотѣли поступать осторожнѣе. Въ началѣ 1710 года пріѣхалъ въ Москву уже прежде бывшій здѣсь чрезвычайный и полномочный посолъ Витвортъ, и на аудіенціи 5 февраля подалъ государю грамоту королевы Анны. Королева изъявляла глубокое сожалѣніе объ оскорбленіи, нанесеннымъ Матвѣеву въ Лондонѣ, писала, что отсутствіе закона о подобныхъ случаяхъ не позволяетъ ей наказать достойнымъ образомъ виновныхъ, но что для будущаго времени уже изданъ парламентскій актъ, опредѣляющій наказаніе за подобное нарушеніе народнаго права. Витвортъ объявилъ, что виновныхъ въ оскорбленіи Матвѣева парламентъ провозгласилъ безчестными, и что королева исключила ихъ изъ амнистіи, дарованной даже преступникамъ, умышлявшимъ противъ ея особы, и послала его, Витворта, представить ея королевскую особу, какъ бы она сама была въ присутствіи, и извиниться въ оскорбленіи, нанесенномъ публичному министру и еще такому, котораго королева такъ высоко почитаетъ. Царь отвѣчалъ: „Надлежало бы ея королевину величеству намъ дать сатисфакцію и, по желанію нашему, тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать: однакожъ, понеже ея величество, чрезъ васъ посла своего чрезвычай-

наго, извиненіе намъ приносить повелѣла, что того за оскудѣніемъ прежнихъ правъ государственныхъ учинить не могла и для того общимъ согласіемъ парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила, того ради пріемлемъ мы то за знакъ ея пріязни и награжденія“. Такъ какъ въ грамотѣ королевиной царю, по старому обычаю, данъ былъ титулъ императорскій, то Головкинъ потребовалъ, чтобъ этотъ титулъ былъ впередъ постоянно употребляемъ. Витвортъ согласился.

Витвортъ въ Москвѣ толковалъ о дружбѣ и союзѣ, а отправленный въ Лондонъ русскій посланникъ князь Куракинъ писалъ Головкину въ маѣ 1711 года, что Англійскій дворъ одинъ изъ первыхъ противниковъ русскимъ интересамъ. Еще прежде отправленія въ Англію Куракинъ ѣздилъ въ Ганноверъ, чтобъ склонить къ союзу тамошнее правительство, столь враждебное до сихъ поръ къ Россіи. Въ ноябрѣ 1709 года Куракинъ пріѣхалъ въ Ганноверъ и держалъ передъ Курфирстомъ Георгомъ Лудовикомъ такую рѣчь: „Его царское величество имѣетъ особливую склонность и почитаніе къ вашей курфирстской свѣтлости, и желаетъ прежде персональную учиненную знаемость и дружбу съ вашею свѣтлостью не токмо возобновить, но и добрую корреспонденцію впредь сочинить, также и о нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлахъ мнѣ повелѣлъ предложить.“ Курфюрстъ отвѣчалъ: „Его царское величество учинилъ мнѣ особливую склонность; всегда желаю имѣть продолженіе доброй коррешпонденціи и потщуся мои услуги въ чемъ возможно показать.“—Куракинъ продолжалъ: „Хотя царское величество извѣстенъ былъ, какъ ваша свѣтлость електорская отъ нѣкоторыхъ немалыхъ временъ имѣлъ всегда съ короною Шведскою добрую дружбу и союзъ, также и дворъ вашъ во всѣхъ оказіяхъ всякое вспоможеніе интересу шведскому оказывалъ: однако ваша свѣтлость немного благодаренія за то получилъ, но развѣ больше всякія противности видѣлъ; и еслибы амбиція Шведскаго короля счастливымъ оружіемъ царскаго величества не унижена была, то конечно онъ былъ намѣренъ возвратиться въ имперію, гдѣ бы учи-

нилъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ и другимъ не малую руину. Ваша свѣтлость изволишь усмотрѣть прямой свой интересъ и небезопасность своихъ провинцій отъ близости сосѣдства шведскихъ владѣній Бремена и Вердена. И того ради царское величество, получа счастливую викторію надъ королемъ Шведскимъ, сыскалъ способъ, которымъ бы могъ въ будущемъ обуздать силу шведскую и содержать Шведскаго короля въ прежнихъ его терминахъ, чтобъ не могъ впредь чинить розореніе какъ имперіи Римской, такъ и Россійской и всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Однако его царское величество не намѣренъ того искать, чтобъ въ конечное разореніе оную корону привесть, какъ король Шведскій хотѣлъ сдѣлать съ Россіею, но только намѣренъ содержать ее въ умѣренности. Того ради его царское величестве то свое намѣреніе повелѣлъ мнѣ вашей свѣтлости електорской предложить, и желаетъ вѣдать взаимно намѣреніе вашей свѣтлости."— Курфюрстъ отвѣчалъ: „чаю, что царское величество не желаетъ въ имперіи какихъ-нибудь развращеній, изъ которыхъ бы въ нынѣшней войнѣ съ Франціею всѣмъ союзникамъ произошелъ вредъ, и надѣемся, что нынѣшнею зимою его величество учинитъ миръ съ королемъ Шведскимъ."— „Царское величество, сказалъ на это Куракинъ, всегда ищетъ пріязни и дружбы со всѣми сосѣдями; но намѣренъ для общаго интереса обоихъ имперій Римской и Россійской обуздать силу Шведскую, а къ миру никакого вида нѣтъ и не надѣюсь пока будутъ удовольствованы союзники царскаго величества." Курфюрстъ началъ говорить о баталіи (полтавской) и другихъ посторонних дѣлахъ, и между прочимъ сказалъ, что по многимъ обстоятельствамъ думаетъ, что король Шведскій умеръ; тѣмъ аудіенція и кончилась.

Куракинъ писалъ Долгорукому въ Копенгагенъ: „По пріѣздѣ моемъ я дворъ здѣшній нашелъ склоннымъ; однако не надѣюсь, чтобъ онъ согласился въ чемъ-нибудь на наше желаніе, развѣ останется нейтральнымъ." Весною 1710 года Куракину удалось заключить между Петромъ и Георгомъ Лудовикомъ слѣдующій договоръ: 1) Оба государя пребы-

ваютъ между собою въ прямой конфиденціи, содержатъ постоянную дружбу, искренно помогаютъ другъ другу совѣтами и средствами; одинъ другому никакого вреда или предосужденія не чинятъ, непріятелямъ другъ друга ни людьми, ни деньгами, не помогаютъ, развѣ, противъ всякаго чаянія, потребуетъ противнаго составляющееся въ Гагѣ и Регенсбургѣ постановленіе насчетъ содержанія спокойствія въ имперіи. 2) Государи сообщаютъ другъ другу обо всемъ, также своимъ министрамъ повелѣваютъ добрую корреспонденцію и коммуникацію между собою имѣть. 3) Ежели таковые случаи приключатся, что одна сторона другой, когда нужда требовать будетъ, вспоможеніемъ войскъ вспомочи возможетъ, то хотятъ оные увѣдомлены быть, и по изобрѣтенію нужды въ томъ согласиться. 4) Его царское величество великодушную свою декларацію учинить повелѣлъ: если Шведскія войска, находящіяся въ Нѣмецкихъ провинціяхъ, принадлежащихъ коронѣ Шведской, изъ нихъ или другихъ сосѣдственныхъ, къ Римскому государству принадлежащихъ провинцій противъ царскаго величества или его союзниковъ не начнутъ непріятельскихъ дѣйствій, то его царское величество не только самъ не обезпокоитъ оружіемъ Шведскихъ провинцій, въ Римскомъ государствѣ находящихся, особливо же Померанію, но будетъ стараться, чтобъ и союзники его поступали такимъ же образомъ, чтобъ отъ этой войны не начались возмущенія въ Имперіи, и чтобъ высокіе союзники въ войнѣ противъ Франціи не получили препятствія. 5) Его Курфирстская свѣтлость будетъ стараться всѣми силами, чтобъ союзники царскаго величества, короли Датскій и Польскій, не подверглись нападенію въ своихъ Нѣмецкихъ провинціяхъ. 6) Если послѣдуетъ нападеніе на кого-нибудь изъ договаривающихся изъ противности и зависти къ этому трактату, то государи обѣщаютъ согласиться, какъ могутъ оказать другъ другу крѣпкое вспоможеніе. 7) Это обязательство продолжается 12 лѣтъ. [77].

Но важнѣе Ганновера была ближайшая Польша.

По возстановленіи короля Августа чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Польскому двору отправился снова

князь Григорій Өедоровичъ Долгорукій, который былъ встрѣченъ въ Варшавѣ страшными воплями на разоренія, претерпѣваемыя отъ Русскихъ войскъ находившихся подъ начальствомъ фельдмаршала лейтенанта Гольца. Долгорукій счелъ своею обязанностію написать Головкину въ началѣ 1710 года: „Извольте Гольцу указомъ высокомонаршимъ подтвердить, чтобъ хотя немного теперь прежнюю горечь Полякамъ засластить. Извѣстно вамъ самимъ, какъ наши люди съ Поляками обходились, а теперь еще хуже поступаютъ; со всѣхъ сторонъ, особенно же на Гольца, великія жалобы и слезы, что самъ человѣкъ очень корыстолюбивый и своевольныхъ не унимаетъ. Безмѣрная мнѣ тягость отъ жалобщиковъ на нашихъ людей, больше на офицеровъ, и всего больше на иноземцевъ.“ Тягость обнаружилась еще въ томъ, что на первой же конференціи (10 февраля) сенаторы высказали свое удивленіе Долгорукому, что царь послѣ Полтавской баталіи ввелъ въ Польскія и Литовскія земли многія свои войска, вопреки союзному договору, ибо ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ никакого непріятеля больше нѣтъ, и Русскія войска разоряютъ край какъ непріятели. Сенаторы потребовали немедленнаго вывода русскихъ войскъ и объявили, что если у Долгорукаго въ инструкціи объ этомъ ничего нѣтъ, то они не станутъ съ нимъ говорить ни объ какихъ другихъ дѣлахъ. Долгорукій отвѣчалъ, что нѣсколько кавалеріи введено въ Польшу только для изгнанія изъ нея остальныхъ Шведскихъ силъ, для охраненія Польскихъ правъ и вольностей и возвращенія на престолъ законнаго короля. Войска коронныя и Литовскія не могли напасть на непріятеля и выгнать его изъ Польши, а когда Шведы услыхали о приходѣ царскихъ войскъ, то обратились въ бѣгство. За это сенаторамъ слѣдуетъ только благодарить царское величество. Что же они говорятъ о разореніи края Русскими войсками, то пусть покажутъ явныя доказательства, гдѣ, кому и какія именно нанесены обиды, и обидчикъ будетъ наказанъ по военному суду. Для вывода войскъ теперь онъ не имѣетъ указа; и нельзя поручиться, чтобъ непріятель, усилясь, не вошелъ весною опять въ

Польшу, и если войска будутъ выведены „то поворачиваться имъ назадъ опять для изгнанія непріятеля будетъ трудно; если же весною опасности никакой не будетъ, то царское величество велитъ вывести войска. Четыре конференціи прошли съ шумомъ: сенаторы требовали, чтобъ въ апрѣлѣ войска были непремѣнно выведены, кромѣ выговоренныхъ по союзу 12000. „Не только другіе, но и наши доброжелатели противный видъ мнѣ показываюиъ, писалъ Долгорукій: публично говорятъ, что, вопреки союзному договору, что хотимъ, то и дѣлаемъ въ Польшѣ и хуже непріятеля до послѣдняго конца всѣхъ разоряемъ. И отъ короля, кромѣ комплементовъ, никакой помощи въ дѣлѣ своемъ не вижу, только отъ другихъ слышу, что нами не доволенъ; много разъ говорилъ онъ мнѣ, чтобъ я писалъ къ командирамъ нашихъ войскъ о прекращенія грабительствъ. И чужеземные министры съ удивленіемъ мнѣ говорили, для чего такъ безъ всякаго милосердія союзныхъ Поляковъ до конца разоряемъ.“ По этимъ письмамъ отправленъ былъ въ Польшу генералъ-майоръ Полонскій съ приказаніемъ розыскать о всѣхъ грабежахъ и наказать виновныхъ по военнымъ законамъ, не описываясь съ государемъ. Такъ какъ сенаторы и послѣ этого не переставали требовать вывода войскъ, то Долгорукій объявилъ: видя, что Рѣчь Посполитая къ его царскому величеству, въ угоду приверженцамъ Швеціи, никакой пріязни показать не хочетъ, полномочный посолъ проситъ королевское величество отпустить его къ царскому величеству. Сенаторы отвѣчали, что болѣе ничѣмъ не будутъ трудить полномочнаго посла.

Но Головкинъ заставлялъ Долгорукаго трудить короля и Рѣчь Посполитую: „Предлагать и домогаться, писалъ Головкинъ, чтобы какъ на Львовскую епископію, такъ и на прочія благочестивыя епископіи никто изъ уніатовъ допущенъ не былъ, были бы посвящены изъ благочестивыхъ монаховъ.“ Августъ отвѣчалъ, что когда вѣчный миръ между Россіею и Польшею будетъ внесенъ въ конституцію, тогда онъ, король, не позволитъ ставить уніатовъ на православныя епископіи. Вольная рада рѣшила внести вѣчный миръ и по-

слѣдній союзъ въ конституцію, а Долгорукій за это далъ письменное обѣщаніе возвратить украинскіе Палѣевы города.

Въ началѣ 1711 года пріѣхалъ въ Москву чрезвычайный и полномочный посолъ Польскій, Воловичъ, маршалъ Литовскій, и объявилъ царскимъ министрамъ требованія, чтобы 1) на основаніи устныхъ обѣщаній, данныхъ царемъ прошлаго года въ Люблинѣ и Торнѣ, отдана была Польшѣ вся Лифляндія, на укрѣпленіе которой гарнизонами чины Рѣчи Посполитой уже опредѣлили знатную прибавку войскъ; 2) чтобъ отдана была Польшѣ взятая Русскими войсками у Шведовъ крѣпость Эльбингъ; 3) чтобъ Русскія войска были выведены изъ Польскихъ владѣній съ вознагражденіемъ за страшные убытки, ими причиненные; 4) чтобъ отданы были Польшѣ украинскія крѣпости: Бѣлая Церковь, Хвостовъ, Браславль, Немировъ, Богуславъ, а въ Литвѣ Полоцкъ, Витебскъ и другіе города; 5) чтобъ доплачены были всѣ деньги, обѣщанныя по союзному договору; 6) чтобъ освобождена была забранная въ плѣнъ шляхта; 7) чтобъ отданы были Польшѣ въ полное владѣніе города, лежащіе на правомъ берегу Днѣпра: Чигиринъ, Коневъ, Трахтемировъ, Мошны, Сокольница, Черкасы, Ржищевъ, Боровица, Воротковъ, Буринъ, Крыловъ, стоящіе теперь пустыми; но обращеніе земель въ пустыню не водится между монархами христіанскими; 8) чтобъ дана была вольность вѣрѣ католической Римской Латинскаго и Русскаго обряда; также, чтобъ данъ былъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Китай миссіонерамъ Римскимъ; чтобъ дано было мѣсто въ Смоленскѣ для построенія Римской каплицы.

Министры отвѣчали, что теперь, при началѣ Турецкой войны, Риги отдать никакъ нельзя, потому что Поляки не въ состояніи содержать въ ней достаточнаго гарнизона, а по окончаніи войны Рига и Лифляндія имъ отдадутся. Крѣпостей украинскихъ нельзя отдать по причинѣ той же Турецкой войны, ибо эти крѣпости близко границы Молдавской. Точно также и Эльбингъ отданъ будетъ по окончаніи Турецкой войны, а теперь отдать его нельзя изъ опасенія

выхода Шведовъ изъ Помераніи. Войско Русское изъ Польши уже все двинулось. Когда Польское войско въ поле выйдетъ, то царское величество заплатить ему по союзному договору не отрицается, если только войска будетъ выговоренное число; впередъ давать денегъ никакъ нельзя: гетманъ Вишневецкій взялъ русскія деньги на Литовское войско да и пошелъ съ ними къ Шведамъ. Разграничивать земли на Днѣпрѣ теперь некогда; по окончаніи Турецкой войны будетъ назначена для того особая коммиссія. Шляхта, взятая на бою противъ войскъ царскаго величества, содержится какъ непріятели и измѣнники отечества; царское величество, по просьбѣ посла, освободитъ ихъ, но посолъ долженъ дать ассекурацію, что они не будутъ потомъ служить въ рядахъ непріятельскихъ. Вѣрѣ Римской и уніатской никакого утѣсненія со стороны царскаго величества не дѣлано и дѣлать не велѣно; Римская вѣра въ земляхъ царскаго величества отправляется свободно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ есть этой вѣры жители, костелы имѣть позволено, именно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а въ Смоленскѣ жителей католицкой вѣры нѣтъ; а дипломъ дать въ подтвержденіе о вольномъ отправленіи вѣры католицкой и о пропускѣ миссіонеровъ въ Китай и Персію царское величество не отрицается, ежели отъ папы Римскаго къ его царскому величеству покажется склонность и польза въ нынѣшней войнѣ противъ Турка, на что будетъ царское величество отъ того двора ожидать отзыва. Воловичь не могъ вытребовать ничего больше.[78] Но, сохраняя твердость и достоинство въ отвѣтахъ на требованія Рѣчи Посполитой, Петръ въ то же время старался дѣлать всевозможное, чтобъ сохранить доброе расположеніе пановъ, бывшихъ вѣрными русскому союзу; такъ 6 марта онъ писалъ Меншикову: „Посолъ Польскій Воловичь предлагалъ здѣсь о мѣстностяхъ госпожи Огинской, о староствѣ Езерецкомъ (которое заѣхалъ Девицъ будто за вашъ долгъ и владѣетъ), дабы ему возвратить, о чемъ извольте насъ увѣдомить; однакожь для нынѣшняго случая надобно имъ отдать назадъ, дабы ихъ тѣмъ удовольствовать, а особливо такого, у кого отецъ

подлинной былъ вѣрный намъ, и николи-бъ я того отъ васъ не чаялъ, хотя-бъ какой и долгъ на нихъ былъ.“ [79]

Итакъ Данія, единственная дѣятельная союзница, ведетъ плохо свои дѣла; отъ Польши нельзя ждать ничего добраго; Пруссія никакъ не склоняется къ наступательному союзу противъ Швеціи, она ждетъ, какъ пойдетъ Турецкая война. При такихъ-то обстоятельствахъ царь долженъ былъ покинуть сѣверъ и углубиться въ южныя степи. Тяжелыя предчувствія томили его душу, и подъ ихъ вліяніемъ онъ хотѣлъ устроить семейное дѣло, которое лежало на его совѣсти: „Благодарствую вашей милости, писалъ онъ Меншикову, за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ *для безвѣстнаго сего пути*, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, а ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху.“ [80]

Кому же Петръ принужденъ былъ дать пароль для безвѣстнаго пути?

Нѣсколько разъ въ нашемъ разказѣ упоминалось имя Анны Монсъ, красавицы Нѣмецкой Слободы, обворожившей великаго царя. Въ 1704 году эта долгая и, повидимому, крѣпкая связь рушилась: пошли слухи, что красавица сблизилась съ Прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ и приняла предложеніе выйдти за него замужъ: чѣмъ руководилась при этомъ Анна, страстію или желаніемъ, при охлажденіи царя, обезпечить свое положеніе такимъ почетнымъ бракомъ, — мы не знаемъ, знаемъ одно, что она, вмѣстѣ съ сестрою своею Балкъ, подверглась опалѣ, была посажена подъ арестъ. Въ мартѣ 1706 года Головинъ далъ знать царю, что Кейзерлингъ билъ челомъ, „чтобъ Аннѣ Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде мочно, отпустить къ мужу. Сіе проситъ онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику.“ [81] Петръ отвѣчалъ: „О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ велѣлъ я писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить.“ „Всѣ причитаютъ несчастіе Монсъ и сестры ея мнѣ“, говоритъ

Кейзерлингъ, а не говоритъ прямо: „я виновникъ ихъ несчастія.“ Нельзя не обратить вниманія на эту неопредѣленность словъ Кейзерлинга. Но въ какой бы степени ни былъ справедливъ слухъ объ участіи Кейзерлинга въ опалѣ Анны Монсъ съ сестрою, вѣрно также, что дѣло Монсъ не ограничивалось одними ея личными отношеніями къ царю, т. е. перемѣною ихъ; дѣло было гораздо обширнѣе, и въ него замѣшано было съ 30 человѣкъ, что̀ видно изъ письма Ромодановскаго къ Петру въ 1707 году: „Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что̀ мнѣ объ нихъ укажешь?“ [82] Петръ отвѣчалъ: „Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовны колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны.“ [83] Вѣроятно красавица Нѣмецкой слободы и близкіе къ ней люди, пользуясь своимъ *авантажемъ*, позволяли себѣ разнаго рода злоупотребленія. Въ упомянутомъ выше возраженіи Гюйсена на брошюру Нейгебаура говорится о Монсахъ: „Они этимъ снисхожденіемъ (царя) такъ широко воспользовались, что принялись ходатайствовать по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того наемныхъ стряпчихъ. Можно легко догадаться и даже разсчитать, сколько стекалось въ это семейство подарковъ и драгоцѣнностей отъ его кліентовъ. Столь великое и неожиданное счастіе сдѣлало Монсовъ высокомѣрными, и невозможно довольно надивиться, съ какою неблагодарностію они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества.“

Аннѣ Монсъ нашлась болѣе счастливая преемница. При дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны, жило нѣсколько женщинъ, которыя играютъ значительную роль въ судьбѣ Петра и его любимца Меншикова. Здѣсь жили двѣ сестры Меншикова, Марья и Анна Даниловны, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Изъ нихъ Дарья Михай-

ловна Арсеньева была въ связи съ Меншиковымъ и въ 1706 году вышла за него замужъ. Въ сентябрѣ 1705 года Меншиковъ писалъ къ ней: „Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно, какъ Русскому, такъ и Нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило.“ [84]

Мы видѣли, [85] что Меншиковъ готовилъ свою сестру въ невѣсты царю; но его замыслы не осуществились. Съ 1703 или 1704 года въ числѣ названныхъ женщинъ является молодая Екатерина, дочь Лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго, [86] находившаяся, какъ говорятъ, въ услуженіи у Маріенбургскаго пастора Глюка и попавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ къ Русскимъ при взятіи Маріенбурга. Подъ письмомъ названныхъ женщинъ отъ 6 октября 1705 года къ Петру подписались: „Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева). *Катерина сама третья.* Тетка несмышленая (Толстая). Дарья глупая (Арсеньева). За симъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ.“ [87] Если въ октябрѣ 1705 года Екатерина имѣла уже двоихъ дѣтей, то мы можемъ приблизительно опредѣлить начало ея связи съ Петромъ, и когда обратимъ вниманіе на время опалы Анны Монсъ, то эта опала можетъ получить объясненіе.

Счастливая соперница Анны Монсъ называлась сначала Катериною Василевскою: такъ она названа въ собственноручной запискѣ Петра отъ 5 января 1708 года: „Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою.“ По принятіи православія, она начала называться Екатериною Алексѣевною по воспріемнику своему царевичу Алексѣю. [88] При этомъ же перемѣнена была и фамилія: вмѣсто Василевской ее начали называть *Михайловою*, фамилія, которую, какъ извѣстно, носилъ и самъ Петръ. Связь Екатерины Алексѣевны Михайловой съ Меншиковымъ и его семействомъ была самая тѣсная, что̀ видно изъ ея писемъ къ свѣтлѣйшему: тонъ этихъ писемъ хотя и измѣняется вслѣдствіе постепен-

наго измѣненія въ положеніи Екатерины Алексѣевны, но всегда остается очень дружественнымъ. Такъ въ сентябрѣ 1708 года она пишетъ вмѣстѣ съ Анисьей Толстой: „Милостивый нашъ государь батюшка князь Александръ Даниловичъ здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здравіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева отъ вашего сіятельства ни единаго письма не получили, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи отписать про здоровье государево.“ Говоря о сынѣ Меншикова, Екатерина обыкновенно расточаетъ самыя ласкательныя выраженія. Въ письмѣ изъ Москвы отъ 13 февраля 1710 года прежнія дружественныя отношенія, но тонъ уже другой: „Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (Петръ) милостію всевышняго Бога въ добромъ здравіи, такожъ и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здравіи, только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Такожъ доношу, что г. контръ-адмиралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, велми суетно. Иванъ Аверкіевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ Калинкиной деревни на большую дорогу изволилъ дорогу просѣкать; и я хозяину своему о томъ доносила, что̀ зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуетъ по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно.“ Подписано: „Екатерина.“ Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 8 апрѣля 1710 года находится PS: „Маленькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются“ [89]. Тонъ писемъ Меншикова къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ измѣнялся также съ измѣненіемъ отношеній ея къ „хозяину сво-

ему.“ Отъ 12 марта 1711 года послѣднее письмо отъ него къ ней, надписанное: „Катеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой,“ съ обычнымъ обращеніемъ: „Катерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!“ Въ письмѣ отъ 30 апрѣля того же года уже совершенно иное обращеніе: „Всемилостивѣйшая государыня царица!“ и дочери Екатерины Алексѣевны называются государынями царевнами [90]. Екатерина въ письмѣ отъ 13 мая 1711 года подписалась: „Пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина“ [91].

Екатерина Алексѣевна, въ своемъ новомъ значеніи, уже всѣмъ извѣстномъ съ 6 марта, отправлялась съ „хозяиномъ“ въ Турецкій походъ. Меншиковъ, вѣрный прикащикъ, оставался въ Петербургѣ стеречь парадизъ и новыя завоеванія.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА I-ГО АЛЕКСѢЕВИЧА.

Движеніе русскихъ войскъ къ южнымъ границамъ. — Объявленіе народу о войнѣ съ Турками. — Отъѣздъ царя. — Его болѣзнь и печальное состояніе духа. — Веселыя вѣсти. — Свиданіе съ Польскимъ королемъ въ Ярославлѣ и договоръ съ нимъ. — Сношенія съ Турецкими христіанами. — Молдавскій господарь Кантемиръ. — Договоръ его съ царемъ. — Сношенія съ Сербами и Черногорцами. — По просьбамъ христіанъ Петръ торопитъ Шереметева. — Шереметевъ переходитъ Днѣстръ. — Кантемиръ объявляетъ себя противъ Турокъ. — Недостатокъ провіанта. — Переписка Петра съ Шереметевымъ по этому поводу. — Царь у Прута. — Поѣздка его въ Яссы. — Рѣшеніе военнаго совѣта. — Переходъ арміи черезъ Прутъ, она окружена Турками. — Отчаянное положеніе Русскихъ. — Затруднительное положеніе визиря. — Переговоры. — Миръ. — Положеніе Петра. — Его письма въ Сенатъ и къ „своимъ". — Подканцлеръ Шафировъ и молодой Шереметевъ остаются при визирѣ для окончательнаго улаженія дѣла. — Петръ не хочетъ исполнять договоръ, пока Карлъ XII останется въ Турецкихъ владѣніяхъ. — Турки требуютъ, чтобъ Русскіе не входили въ Польшу. — Послы Голландскій и Англійскій помогаютъ Шафирову въ переговорахъ. — Петръ рѣшается исполнить первую статью договора насчетъ отдачи Азова и срытія Таганрога. — Шафировъ заключаетъ новый договоръ. — Издержки при заключеніи этого договора. — Петръ Толстой. — Усилія его и Шафирова противодѣйствовать Шведскимъ внушеніямъ. — Пребываніе Русскихъ войскъ въ Польшѣ служитъ имъ въ томъ главнымъ препятствіемъ, раздражая султана. — Шафировъ, Толстой и Шереметевъ въ Семибашенномъ замкѣ. — Турція снова объявляетъ войну Россіи за невыводъ войскъ изъ Польши. — Трусость султана. — Разладъ его съ Карломъ XII. — Окончательное заключеніе мира между Россіею и Турціею. — Черногорцы. — Дѣла Польскія.

Какъ только было получено извѣстіе о разрывѣ мира со стороны Турокъ, Петръ послалъ повелѣніе князю Мих. Мих. Голицыну двинуться къ Молдавскимъ границамъ съ десятью драгунскими полками и сторожить движеніе Турокъ и Татаръ. Шереметевъ долженъ былъ идти туда же изъ Ливоніи съ двадцатью двумя пѣхотными полками; князь Михайла Ромодановскій отправился въ Путивль съ дворян-

скими полками, а Кіевскій губернаторъ, князь Дм. Мих. Голицынъ, долженъ былъ слѣдить за Запорожцами. 25 февраля 1711 года въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, объявлено было народу о войнѣ противъ враговъ имени Христова; передъ соборомъ стояли оба гвардейскіе полка, готовые къ выступленію въ походъ: на ихъ красныхъ знаменахъ виднѣлся крестъ съ подписью: „Симъ знаменіемъ побѣдиши“ [92].

6 марта самъ царь выѣхалъ изъ Москвы къ Польскимъ границамъ. Въ Луцкѣ остановилъ его сильный припадокъ болѣзни, о которомъ онъ такъ увѣдомлялъ Меншикова 9 апрѣля: „Объявляю, что я зѣло былъ боленъ скорбью такою, какой болѣзни отъ роду мнѣ не бывало, ибо двѣ недѣли съ жестокими *палакъсизмами* была, изъ которыхъ одинъ полторы сутки держалъ, гдѣ весьма жить отчаялся, но потомъ великими потами и уриною свободился и учусь ходить“ [93]. Въ тотъ же день Петръ написалъ и Апраксину: „Я былъ зѣло боленъ и не чаялъ живота себѣ (отъ скорбутики), но нынѣ, слава Богу, прихожу въ прежнее“ [94]. Печальное расположеніе духа не покидало Петра, и, разумѣется, могло только усилиться отъ болѣзни. 12 апрѣля онъ писалъ Меншикову въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти царевича Имеретійскаго, умершаго въ Шведскомъ плѣну: „Зѣло соболѣзную о смерти толь изряднаго принца; но невозвратимое уже лучше оставлять, нежели воспоминать; къ тому-жь имѣемъ и мы предлежащій безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь.“ 24 апрѣля онъ писалъ изъ Яворова Апраксину, попеченію котораго были ввѣрены низовья Дона, и который спрашивалъ, гдѣ ему лучше утвердить свое пребываніе: „Гдѣ вамъ быть, то полагаю на ваше разсужденіе, отвѣчалъ Петръ: ибо вся та сторона вамъ вручена, и что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ такъ отдаленному и почитай *во отчаяніи сущему*, къ тому-жь отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать, ибо дѣла что день отмѣняются“ [95]. Скоро впрочемъ сталъ веселѣе въ Яворовѣ: пришло извѣстіе, что Татары, нападшіе на Украйну, прогнаны съ большимъ урономъ, что Заднѣпровская украйна, при-

ставшая было къ Орлику, сильными мѣрами приведена въ послушаніе. Петръ писалъ Меншикову 3 мая: „Наши войска будутъ на Днѣстрѣ кончая въ 15 сего мѣсяца; о ханѣ, чаю, что вы извѣстны, что съ урономъ великимъ возвратился и сынъ его убитъ на Украйнѣ. Здѣсь Заднѣпрская Украйна вся было къ Орлику и воеводѣ Кіевскому (Потоцкому) пристала, кромѣ Танскаго и Галагана, но оную изрядно наши вычистили и оныхъ скотовъ иныхъ за Днѣпръ къ гетману, а прочихъ, чаю, въ подарокъ милости вашей въ губернію на пустыя мѣста пришлемъ. Христіане бѣдные зѣло ревностно къ намъ поступаютъ, и пишутъ неописанный страхъ и конфузію въ поганыхъ, которую наипаче умножилъ тотъ знакъ, когда пошли изъ Царяграда, тогда сталъ чрезвычайнымъ штурмъ и Магметово знамя, которое несено было предъ янычарами въ полку, то все изорвало и древко втрое изломило“ [96]. Весело было въ Яворовѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ: знатные Поляки давали балы, гдѣ ее принимали уже какъ царицу: „Мы здѣсь, писала она Меншикову, часто бываемъ на банкетахъ и на вечеринкахъ, а именно четвертаго дни (9 мая) были у гетмана Синявскаго, а вчерашняго дни были у князя Радивила и довольно танцовали. И доношу вашей свѣтлости, дабы вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ шаутбенахтъ (Петръ вице-адмиралъ) попрежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ“ [97].

Въ Ярославлѣ Петръ свидѣлся съ королемъ Августомъ, и 30 мая заключенъ былъ между ними договоръ: „Вслѣдствіе опаснаго для сосѣднихъ державъ усиленія Шведскаго корпуса въ Помераніи, король Августъ выставляетъ 10,000 конницы, также изъ регулярнаго Польскаго и Литовскаго войска сколько собрать можетъ полковъ; царь употребитъ для той же цѣли 6000 своихъ войскъ, уже находящихся въ Польшѣ, и къ нимъ присоединитъ еще отъ 8 до 10,000, которые уже получили указъ идти въ Великую Польшу подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Боура; притомъ же царь дастъ королю 100,000 рублей и обязуется не вводить болѣе

войскъ своихъ въ королевство Польское. Датскаго короля обнадежить и склонить ко вступленію въ сей концертъ тѣмъ, что когда экспедиція противъ Помераніи окончится, дастся ему помощь и для его конкетовъ. Царское величество себѣ изъ конкетовъ въ Помераніи ничего не претендуетъ, и обѣщаетъ, ежели возможно, сдѣлать диверсію изъ Финляндіи въ пользу Даніи. О разглашенныхъ сумнительствахъ, будто бы его царское величество имѣетъ намѣреніе на аріентальское (восточное) цесарство, и чтобъ Рѣчь Посполитую разорить и разлучить, объявлено королю, что его величество ни на одно, ни на другое ни мало рефлексіи не сочиняетъ, и того-бъ ради король въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о томъ подозрѣніе воспріято, противное тому наговорилъ"[98]. Такъ какъ ближайшая опасность отъ Турецкой войны грозила Польшѣ, гдѣ успѣхи Турокъ должны были снова поднять партію Лещинскаго противъ Августа, то послѣдній обѣщалъ отрядъ войска для союзнаго дѣйствія съ Русскими противъ Турокъ.

На Поляковъ была плохая надежда; гораздо важнѣе была помощь, какую могли оказать въ самихъ Турецкихъ владѣніяхъ „бѣдные христіане, которые зѣло ревностно къ нимъ поступали". На первомъ планѣ, разумѣется, стояли тутъ Дунайскія княжества. Въ Валахіи господаремъ былъ Бранкованъ; въ Молдавіи прежній господарь Николай Маврокордатъ былъ свергнутъ Димитріемъ Кантемиромъ, который былъ обязанъ своимъ успѣхомъ Крымскому хану. Послѣдній прямо сказалъ султану въ полномъ диванѣ: „Бранкованъ богатъ и силенъ, у него много войска, онъ преданъ Русскимъ; неосторожно при настоящихъ обстоятельствахъ оставить въ его рукахъ Валахію; ежеминутно должно ждать отъ него измѣны и помѣхи успѣху нашего оружія. Надобно захватить его, потому что добровольно онъ не явится въ Константинополь; только Димитрій Кантемиръ въ состояніи исполнить это дѣло, и потому назначьте его Молдавскимъ княземъ, а Николай Маврокордато неспособенъ на это. Не могу сноситься я о важныхъ дѣлахъ съ человѣкомъ, которому не вѣрю"[99]. Кантемиръ получилъ Молдавію съ обѣ-

щаніемъ, что если успѣетъ захватить Бранкована, то ему отдадутъ и Валахію. Между тѣмъ Турки объявили войну Россіи. Съ одной стороны христіанское народонаселеніе съ затаеннымъ восторгомъ ждало Полтавскаго побѣдителя, съ другой Турки дѣлали сильныя вооруженія. На Молдавію долженъ былъ пасть первый ударъ. Кантемиръ, слабый между двумя сильными, прибѣгнулъ къ оружію слабаго, хитрости. Онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Русскимъ царемъ, открывалъ ему планы дивана, и, чтобъ удобнѣе прикрыть свое поведеніе, выпросилъ у визиря позволеніе прикинуться другомъ Русскихъ, чтобъ лучше проникнуть ихъ тайны. Визирь далъ позволеніе, и Кантемиръ дѣйствовалъ на свободѣ: повѣренный его въ Царѣградѣ, Жано, открыто отправлялся въ Семибашенный за́мокъ, переговаривалъ съ Русскимъ посломъ, принималъ отъ него депеши и отсылалъ къ Кантемиру, который пересылалъ ихъ царю. Но долго хитрить было нельзя: два войска — Турецкое и Русское двигались къ Молдавіи. Кантемиръ созвалъ совѣтъ бояръ и спрашивалъ, что̀ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ! Бояре отвѣчали, что надобно удалиться куда-нибудь въ безопасное мѣсто, и дожидаться, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, чтобъ принять сторону побѣдителя. Кантемиръ удалился въ Фальчинскій уѣздъ; но еще прежде отправилъ къ Петру въ Польшу посла Стефана Луку, для заключенія окончательнаго договора, давши знать Туркамъ, что послалъ Луку съ цѣлію развѣдать силы и планы непріятеля. 13 апрѣля 1711 года Лука заключилъ съ царемъ договоръ: „Господарь находится вѣчно подъ защитою царскаго величества, какъ вѣрнымъ подданнымъ надлежитъ, и долженъ сперва секретно принесть присягу, и подписавъ своею рукою и припечатавъ княжою печатью, прислать какъ можно скорѣе съ вѣрнымъ человѣкомъ; крайній срокъ присылки—послѣднія числа мая. Это будетъ содержано въ величайшей тайнѣ до самаго вступленія Русскихъ войскъ въ Молдавію; а между тѣмъ господарь обязанъ показывать царскому величеству всевозможную вѣрную службу въ корреспонденціи и въ прочемъ, какъ можетъ тайно“. Пункты, на

которыхъ Кантемиръ принималъ подданство, были слѣдующіе: 1) Молдавія получитъ старыя границы свои до Днѣстра, со включеніемъ Буджака. До окончательнаго образованія княжества всѣ укрѣпленныя мѣста будутъ заняты царскими гарнизонами; но послѣ Русскія войска будутъ замѣнены Молдавскими. 2) Молдавія никогда не будетъ платить дани. 3) Молдавскій князь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны или отреченія отъ православія; въ такомъ случаѣ будетъ избранъ въ преемники ему одинъ изъ сыновей или братьевъ его; престолъ останется всегда въ родѣ Кантемира до совершеннаго его прекращенія[100]. 4) Царь не будетъ заключать мира съ Турціею, по которому Молдавія должна будетъ возвратиться подъ Турецкое владычество. Кромѣ этого договора былъ еще другой насчетъ будущей судьбы Кантемира, если военное счастіе не будетъ на сторонѣ Русскихъ. Царь обязался: 1) Если Русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ Турками, то Кантемиръ получаетъ два дома въ Москвѣ и помѣстья, равныя цѣнностію тѣмъ, которыми онъ владѣетъ въ Молдавіи, сверхъ того ежедневное содержаніе для себя и для свиты своей онъ будетъ получать изъ казны царской. 2) Если Кантемиръ не пожелаетъ остаться въ Россіи, то воленъ избрать другое мѣстопребываніе.

Въ то время когда Молдавскій господарь договаривался, обезпечивалъ свою судьбу въ случаѣ успѣха и неуспѣха Русскаго оружія, „бѣдные христіане“ дѣйствовали. Еще въ маѣ 1710 года пріѣзжалъ въ Москву сотникъ Богданъ Поповичъ и привезъ грамоту отъ Австрійскихъ Сербовъ, изъ городовъ—Арада и Сегедина, отъ полковниковъ Ивана Текелія и Волина Потыседа. Полковники писали: „О благочестивѣйшій царю, красносіятельное солнце правды! милостивымъ окомъ воззри на насъ убогихъ и твоими царскими щедротами промысли о нашей отеческой Сербской землѣ, отъ многихъ лѣтъ, грѣхъ ради нашихъ, ярмомъ бусурманскимъ обремененной, особенно когда воздвигнетъ Господь Богъ Крестоносную десницу твою на бусурмана; не забудь и насъ малѣйшихъ приглашеніемъ царскимъ и мило-

ваніемъ своимъ, да и мы потщимся службою своею за своего православнаго царя". Когда султанъ объявилъ войну, то Сербскій полковникъ Михайла Милорадовичъ отправленъ былъ для поднятія Черногорцевъ противъ Турокъ. Въ грамотѣ царя къ Черногорцамъ говорилось: „Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ, и всѣмъ народамъ, почитателямъ распятаго Христа Бога нашего, чрезъ Его же всѣ надѣемся въ царствіе Его внити, добросердечно потрудившись за вѣру и церковь. Понеже Турки нечестивцы, видя наше царское величество христіанскому народу доброжелательныхъ и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ преуспѣвательныхъ, и возъимѣвши подозрѣніе, будто мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ игомъ ихъ стонящимъ воспомогать, осоюзились съ еретикомъ королемъ Шведскимъ и нашему царскому величеству безо всякой отъ насъ данной причины войну объявили: того ради мы, видя ихъ такія неправды и призирая на гоненіе христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ потентантовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія его вступить и православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезно вѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно презрѣть страхъ и трудности за церковь и провославную вѣру, и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить, что̀ отъ насъ по возможности и учинено будетъ. Притомъ, понеже извѣстна нашему царскому величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердецъ и искусство, которое прежде сего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ вы оказывали, какъ мы удостовѣрились изъ книгъ напечатанныхъ, и во всемъ свѣтѣ выхваляются искусства вашихъ народовъ, что Александръ Македонскій съ малыми войсками тамошнихъ на-

родовъ многихъ царей побилъ и многія имперіи завоевалъ и безсмертную славу въ военномъ обхожденіи по себѣ оставилъ; что Георгій Кастріотъ, сирѣчь Скандербегъ, во всю свою жизнь съ немногими войсками вашего-жь народа, не токмо лютому поганскому зубу не допустилъ себя терзать, но еще на шестидесяти трехъ главныхъ баталіяхъ непріятеля на голову побилъ; и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такими-жь сердцами трудились, то не допустили бы себя въ неволю и наслѣдниковъ своихъ въ подданство. Въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, осоюзившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу, и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получитъ благовоздаяніе, а отъ насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему привилегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякій по возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится наивящше, и поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арапскія". Весною 1711 года Милорадовичъ писалъ Головкину, что, пріѣхавши въ Македонію, Діоклетію и прочія провинціи, и собравши всѣхъ христіанъ, князей и воеводъ, онъ подалъ царскія грамоты Даніилу, митрополиту Скендеринскому, и другимъ, кому слѣдовало. Христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали всѣ единодушно за вѣру и отечество кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованье отъ Венеціанъ и Турокъ, бросили это жалованье, соединились съ своими и стали воевать, какъ при древнихъ Сербскихъ царяхъ и короляхъ. Все это воины добрые, писалъ Милорадовичъ, только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ. Когда онъ прошлымъ годомъ замки, слободы и

села разорялъ и жегъ, то нуждался въ оловѣ и порохѣ, а достать нигдѣ не могъ, потому что Латины и Венеціане подъ смертною казнію запретили продавать ему эти вещи; также запретили, чтобъ никто не принималъ его къ себѣ въ домъ, и оттого, идя на войну и съ войны, онъ принужденъ былъ ночевать въ церквахъ. По словамъ Милорадовича, Латины гораздо враждебнѣе его дѣлу чѣмъ Турки, ибо Латины надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошелъ на Турокъ, то Латины посылали къ нимъ письма, обнадеживая ихъ, чтобъ не боялись, и уговаривали Турокъ, чтобъ обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане всѣ обѣщались вѣрно государю служить[101].

Между тѣмъ изъ разныхъ мѣстъ Петръ получалъ письма отъ Турецкихъ христіанъ, которые просили о немедленномъ вступленіи къ нимъ Русскихъ войскъ, чтобъ предупредить Турокъ. Сначала царь назначилъ арміи Шереметева стать у Днѣстра къ 15, а по нуждѣ и къ 20 мая; но теперь, послѣ полученія упомянутыхъ писемъ, онъ послалъ сказать фельдмаршалу, чтобъ войска сходились у Днѣстра непременно къ 15 мая и готовили магазины: „Мы, писалъ Петръ 22 апрѣля, такожъ къ 15 числу мая къ вамъ будемъ, и ежели кого въ своемъ мѣстѣ не застанемъ, и тѣ принуждены будутъ послѣ отвѣчать. Для Бога не умедлите въ назначенное мѣсто, ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ паки письма получили, которые самимъ Богомъ просятъ, дабы поспѣшить прежде Турокъ, въ чемъ превеликую пользу являютъ; а ежели умѣшкаемъ, то въ десятеро тяжелѣе, или едва возможно будетъ свой интересъ исполнить, и тако все потеряемъ умедленіемъ“[102]. 7 мая изъ Яворова Петръ отправилъ князя Василья Владиміровича Долгорукаго къ Шереметеву торопить старика и подробно изложить ему причины, почему поспѣшность необходима: „Изо всѣхъ мѣстъ получаются извѣстія, господари Молдавскій и Валахскій и знатные люди этихъ странъ присылаютъ безпрестанныя просьбы, чтобъ мы шли какъ можно скорѣе, если нельзя со всѣмъ корпусомъ главнаго нашего войска, то, по крайней мѣрѣ, значительную его часть, преимущественно ка-

валерію, послали бы въ Молдавію къ Дунаю, гдѣ Турки велѣли дѣлать мостъ. Господари пишутъ, что какъ скоро наши войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся и весь свой многочисленный народъ побудятъ къ возстанію противъ Турокъ; на что глядя и Сербы (отъ которыхъ мы такое же прошеніе и обѣщаніе имѣемъ), также Болгары и другіе христіанскіе народы встанутъ противъ Турка, и одни присоединятся къ нашимъ войскамъ, другіе поднимутъ возстаніе внутри Турецкихъ областей; въ такихъ обстоятельствахъ визирь не посмѣетъ перейдти за Дунай, большая часть войска его разбѣжится, а, можетъ-быть, и бунтъ поднимутъ. А если мы замедлимъ, то Турки, переправясь черезъ Дунай съ большимъ войскомъ, принудятъ господарей по неволѣ соединиться съ собою, и большая часть христіанъ не посмѣютъ приступить къ намъ, развѣ мы выиграемъ сраженіе, а иные малодушные и противъ насъ Туркамъ служить будутъ. Господарь Молдавскій уже присягнулъ намъ на подданство; господарь Валахскій скоро послѣдуетъ его примѣру. Пріѣхавши къ фельдмаршалу, князь Долгорукій долженъ говорить ему, чтобъ немедленно шелъ въ походъ и переходилъ Днѣстръ. По вступленіи въ Молдавію, фельдмаршалъ, посовѣтовавшись съ отправленнымъ къ нему Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ, долженъ немедленно послать къ Молдавскому господарю съ просьбою, чтобъ шелъ тотчасъ же съ своимъ войскомъ для соединенія съ нимъ, фельдмаршаломъ, и въ то же время разослать ко всему Молдавскому народу листы и указы, чтобъ шли всѣ за имя Христово къ войскамъ нашимъ противъ врага Креста Христова. И когда Молдавскій господарь, или воевода его Антіохъ или другіе знатные Молдаване приступятъ къ намъ явно, то поступать съ ихъ совѣту. Послать и къ Валахскому господарю съ просьбою о соединеніи его войскъ съ нашими и присылкѣ напередъ вѣрной особы для совѣта и соглашеній. Самому фельдмаршалу идти съ войскомъ къ Дунаю, и если Турки черезъ мостъ еще не переправились, то стараться овладѣть мостомъ и раззорить его. Если же узнаетъ под-

линно, что Турки через Дунай со всею силою перешли, то стать за Днѣстромъ въ удобномъ мѣстѣ, имѣть добрую осторожность, развѣдывать чрезъ шпіоновъ и Молдаванъ о непріятельской силѣ, походѣ и обращеніи и о всемъ томъ писать; стараться также привлекать къ себѣ Молдаванъ, Валаховъ, Сербовъ и прочихъ христіанъ, и которые станутъ приходить, тѣмъ давать жалованье по разсмотрѣнію, и обѣщать помѣсячную дачу. По вступленіи въ Молдавію стараться устроить въ удобномъ мѣстѣ магазинъ, просить господаря, чтобъ помогъ въ этомъ дѣлѣ, и дать на покупку всего нужнаго до 6000 денегъ. Прочее предается господину фельдмаршалу въ его разсужденіе съ общаго совѣта, только похода ни зачѣмъ и ни за какимъ разсужденіемъ не отлагать, но идти съ поспѣшностію. При входѣ же въ Молдавію, заказать подъ смертною казнію въ войскѣ, чтобъ никто ничего у христіанъ, ни живности, ни хлѣба, безъ указу и безъ денегъ не брали, и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски. Наконецъ разослать универсалы на Татарскомъ языкѣ къ Бѣлгородской (Акерманской) и Буджакской ордѣ для склоненія ея въ подданство къ намъ: старайтесь склонять ихъ угрозами, раззореніемъ, искорененіемъ, также и обнадеживаніемъ милости; а между тѣмъ можно съ нихъ безденежно получать провіантъ и живность и строить магазинъ"[103].

Шереметевъ, получивъ указъ, перешелъ Днѣстръ; Кантемиръ волею, или по нѣкоторымъ извѣстіямъ, неволею [104] долженъ былъ объявить себя на сторонѣ Русскихъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ писалъ фельдмаршалу отъ 4 іюня: „Поздравляю вамъ счастливымъ переходомъ и начатіемъ соединенія съ христіаны утѣсненными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть." Черезъ день, 6 іюня, другое письмо: „Будемъ къ вамъ какъ возможно поспѣшать. Къ генералу Вейду писалъ я, дабы онъ какъ возможно къ вамъ поспѣшалъ, не дожидаяся насъ. Впрочемъ извольте чинить все по крайней возможности, дабы времени не потерять, а наипаче чтобъ къ Дунаю прежде Турокъ поспѣть, ежели возможно. Взаимно поздравляю вамъ приступленіемъ госпо-

даря Воложскаго (Молдавскаго)". 8 іюня Петръ былъ въ Браславлѣ, откуда писалъ Апраксину: „Господинъ фельдмаршалъ Шереметевъ уже въ Яссахъ, котораго господарь Воложской со всѣмъ войскомъ встрѣтилъ и съ онымъ случился, и публично универсалы противъ Турокъ на посполитое рушеніе выдалъ, и поступаетъ зѣло ревностно, чего и отъ Мултянскаго (Валахскаго) и отъ прочихъ вскорѣ ожидаемъ; и тако сею новизною вамъ поздравляемъ, и просимъ у Бога, дабы Самъ за Свое имя вступился и даровалъ сему доброму началу благополучный и скорый конецъ."

Это было послѣднее письмо съ веселыми вѣстями и съ выраженіями надежды. Шереметевъ далъ знать, что онъ не могъ упредить Турокъ, которые уже перешли Дунай; но что̀ всего хуже, фельдмаршалъ давалъ знать о недостаткѣ провіанта; о магазинахъ, которые приказывалъ устроивать царь, не было и помина: „Зѣло имѣю великую печаль, что хлѣба весьма взять невозможно, ибо здѣшній край конечно разоренъ, а впрочемъ буду ожидать вашего величества высокаго указу и свѣдѣнія, что повелите чинить?" — писалъ фельдмаршалъ отъ 8 іюня. 12 іюня Петръ сталъ на берегу Днѣстра, откуда написалъ Шереметеву: „О замедленіи вашемъ зѣло дивлюся, понеже первое хотѣли изъ Браславля идти 16 числа (мая) и такобъ возможно было поспѣть въ четыре дни, т.-е. къ 20 числу; и вы перешли 30 числа, и тако десять дней потеряно, къ тому-жь на Яссы криво; и ежелибъ по указу учинили, тобъ конечно прежде Турковъ къ Дунаю были, ибо отъ Днѣстра только до Дуная 10 или по нуждѣ 13 дней ходу, на которое дѣло я больше не знаю какіе указы посылать, понеже обо всемъ уже довольный указъ данъ, въ чемъ можете отвѣтъ дать. О провіантѣ, отколь и какимъ образомъ возможно, дѣлайте, ибо когда солдатъ приведемъ, а у насъ не будетъ, что имъ ѣсть? Сей моментъ пришли мы съ полками къ Днѣстру, гдѣ вся пѣхота стоитъ; мостъ будетъ дни въ три готовъ, а межъ тѣмъ перевозятся, и скоро могутъ всѣ перейти, только хлѣба почитай нѣтъ, а у Аларта пять дней какъ ни хлѣба, ни мяса. Здѣсь скоро ожидаемъ барановъ 6000, которые раздавъ,

можемъ итить, только оные не долго будутъ. Извольте намъ дать знать подлинно: когда до васъ дойдемъ, будетъ ли что солдатамъ ѣсть, а у насъ кромѣ проходу до васъ ничего провіанта ни скота нѣтъ. О семъ ожидаю немедленнаго отвѣта, яко на главное дѣло и инако невозможное.“ Шереметевъ оправдывался, что еслибъ онъ пошелъ прямо отъ Днѣстра къ Дунаю, то Кантемиръ или былъ бы принужденъ соединиться съ Турками, или былъ бы ими разоренъ; что на прямомъ пути нѣтъ воды и при драгунскихъ полкахъ хлѣба всего было на мѣсяцъ, который уже и употребленъ. Что идя и этимъ путемъ, онъ не могъ бы предупредить Турокъ. „Хотя здѣсь самая нужда въ хлѣбѣ, писалъ Шереметевъ, но по сіе число еще драгуны крайней нужды не видали, также и скотины съ 2000 я купилъ и по полкамъ роздалъ; а въ степи и того бы не получилъ. Буджакская орда всю скотину къ морю и за озеро отправила. Я въ провіантѣ весьма опасенъ и имѣю неусыпный трудъ, и нынѣ съ господаремъ и съ боярами договорились, которые подписались, что скотины 10.000 за деньги — первую 5000 въ семь дней поставятъ, вторую вскорѣ. Турецкой скотины господарь обѣщалъ до 20.000; 30.000 войска чрезъ мѣсяцъ возможно прокормить“[105].

Иностранцы[106] пишутъ, что на берегахъ Днѣстра былъ держанъ военный совѣтъ, что генералы Галлартъ, Енсбергъ, Остенъ и Берггольцъ представляли необходимость остановиться на Днѣстрѣ, указывая на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, на изнурительность пятидневнаго пути отъ Днѣстра къ Яссамъ по степи безводной и безплодной. Но генералъ Рённе былъ того мнѣнія, что необходимо продолжать походъ, что только этимъ смѣлымъ движеніемъ впередъ можно достигнуть цѣли похода и поддержать честь Русскаго оружія. Русскіе генералы согласились съ Рённе и Петръ принялъ мнѣніе большинства.

Мнѣнія на военномъ совѣтѣ могли быть высказаны именно такимъ образомъ; большинство и вмѣстѣ съ нимъ Петръ могли имѣть сильное побужденіе желать продолженія похода: мы видѣли что̀ побуждало царя спѣшить въ Турец-

кія владѣнія: надежда, что при появленіи его здѣсь, христіанское народонаселеніе встанетъ, и войско султаново, окруженное со всѣхъ сторонъ врагами, исчезнетъ. Съ другой стороны, возбудивъ надежды христіанскаго народонаселенія, обмануть эти надежды, остановившись на Днѣстрѣ, было очень тяжело для Петра: Молдавія уже объявила себя за Россію: что будетъ съ нею, когда царь не появится съ главнымъ войскомъ и отзоветъ Шереметева, который одинъ не могъ держаться въ Молдавіи? Несмотря однако на такія сильныя побужденія къ продолженію похода, Петръ не предпринялъ дальнѣйшаго движенія, не обезпечивъ себя насчетъ продовольствія. 13 іюня, отъ мѣста Сороки, онъ писалъ Шереметеву: „Когда я сюда съ гвардіею пришелъ, то обрѣлъ зѣло мало провіанта, а именно только на пять дней; того ради немедленно просимъ дать вѣдать, а именно въ три дни, и отъ сего числа, есть ли у васъ на всю пѣхоту, буде не хлѣба, то хотя скота, недѣль на шесть, а буде хотя теперь нѣтъ, однакожъ надѣетесь конечно получить; и когда сіе получимъ, то тотчасъ пойдемъ къ вамъ; буде же не можете на всю пѣхоту сыскать, то дайте знать, на коликое число можете сыскать, такое число и пошлемъ къ вамъ пѣхоты, дабы ведчи не поморити. Паки скораго прошу отвѣта, ибо не можемъ здѣсь долѣе быть, не имѣючи ничего. Такожъ слышимъ мы, что въ Буджакахъ довольно скота и хлѣба есть, и буде то правда, то лучше-бъ вамъ итить туда, ежели въ Волохахъ нѣтъ, и намъ о томъ дать такожъ знать“. Къ 16-му числу въ Сороки доставлено было столько провіанта, что можно было съ нимъ дойти до Яссъ; несмотря на то Петръ написалъ Шереметеву: „Прежде сего писали мы къ вамъ о нуждѣ въ провіантѣ и чтобъ вы насъ увѣдомили, можете-ль онаго или скота получить на весь нашъ корпусъ нынѣ, или гдѣ хотя вооруженною рукою; и нынѣ о томъ же подтверждаемъ, понеже за тѣмъ нашъ походъ медлится, и нынѣ мы имѣемъ столько провіанта, что къ Яссамъ дойтить совсѣмъ можемъ. И для того трудитесь, чтобъ на предбудущее время получить. И для того разсуждаемъ, чтобъ вамъ итить или всѣмъ, или хотя

половину регулярной и двѣ доли нерегулярной кавалеріи въ Буджаки послать, гдѣ всѣ сказываютъ, что много хлѣба и скота, и велѣть трудиться столько онаго захватить и собрать, сколько можно, и не дать непріятелямъ пожечь и скота выгнать, въ чемъ все наше дѣло состоитъ; а мы надѣемся прибыть къ 20 или 21 туда, гдѣ вы нынѣ обрѣтаетесь.“

По удовлетворительнымъ извѣстіямъ отъ Шереметева, войско двинулось. Фельдмаршалъ писалъ, что ему нужны деньги для покупки провіанта; царь отвѣчалъ ему 20 іюня отъ рѣчки Кейнора: „Денегъ напередъ послать трудно для опасенія отъ непріятеля; а мы какъ возможно поспѣшаемъ, и чаемъ быть на Прутъ-Алартъ завтра или послѣ завтра, а мы дни въ три или кончае въ четыре; и когда будемъ на Прутъ, тогда можемъ послать къ вамъ деньги, для чего просимъ, дабы на Прутѣ, гдѣ первый станъ нашъ будетъ, нѣсколько скота пригнать для солдатъ; впрочемъ инаго писать не имѣю, точію зѣло желаемъ какъ наискорѣе васъ видѣть, и, войско совокупя, прося у праведнаго Судіи милости, искать непріятеля.“ На другой день Петръ написалъ Шереметеву: „Понеже мы уже по извѣстію отъ васъ видимъ, что вамъ далѣ итить, не случась съ нами, опасно и никакой пользы нѣтъ: того ради разсуждаемъ мы за благо, чтобы вы съ корпусомъ своимъ далѣе не шли, но ставъ гдѣ въ удобномъ мѣстѣ у Прута, дожидались насъ, и мы къ вамъ походомъ своимъ елико возможно поспѣшаемъ. А межъ тѣмъ пошлите партію отъ себя съ добрымъ командиромъ тысячахъ въ трехъ регулярной кавалеріи, и сколько пристойно нерегулярной, къ Мултянской землѣ (Валахіи), и пишите съ ними отъ себя, такожь Савѣ (Рагузинскому) велите писать съ общаго согласія съ господаремъ и съ Кантакузинымъ, призывая ихъ, чтобъ по обѣщанію своему къ намъ пристали; а межъ тѣмъ велѣть купить провіанта; и буде провіанта не могутъ весьма получить, то хотя и скота, по послѣдней мѣрѣ на всѣ войска недѣли на двѣ, или сколько возможно, цѣною не гораздо дорогою, для чего съ ними послать денегъ. Буде же станутъ Мултяны от-

говариваться, что не могутъ пристать, то объявить, что мы изъ того увидимъ ихъ самое непріятельство, и велѣть въ такомъ случаѣ тому командиру, посылая, брать самимъ въ Мултянской землѣ хлѣба и скота, сколько могутъ получить безденежно, только чтобъ ничего не грабили“ [107].

Ночью на 24 іюня Петръ достигъ Прута, и, оставивъ здѣсь войско, на другой день отправился въ Яссы, куда пріѣхалъ въ тотъ же день. Кантемиръ встрѣтилъ его за городомъ, жена его и дѣти встрѣтили царицу. Господарь произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Петра, показался „человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ.“ Въ Яссы пріѣхалъ изъ Валахіи великій спаѳарій Ѳома Кантакузинъ и объявилъ, что онъ и весь народъ въ ихъ землѣ вѣренъ царю, и какъ скоро Русскія войска явятся въ Валахіи, то всѣ къ нимъ пристанутъ; но господарь Бранкованъ не склоненъ къ Русской сторонѣ, потому что очень богатъ и не хочетъ поставить себя въ затруднительное и опасное положеніе; поэтому онъ Кантакузинъ, съ согласія народа, но безъ вѣдома господарскаго, тайкомъ пріѣхалъ въ Яссы [108]. Надежды Петра увеличились робостію враговъ: султанъ поручилъ Іерусалимскому патріарху Хрисанѳу снестись съ Бранкованомъ, чтобъ тотъ предложилъ миръ царю. Петръ отвергъ предложеніе „ибо тогда частію не повѣрено, паче же того ради не принято, дабы не дать непріятелю сердца“ [109]. Взявши съ собою Кантемира и Кантакузина, Петръ поѣхалъ къ войску на Прутъ, гдѣ 27 іюня праздновалась Полтавская годовщина стрѣльбою изъ 60 пушекъ и изъ ружей. На другой день у Головкина собрался генеральный военный совѣтъ: главный вопросъ былъ какъ помочь недостатку въ провіантѣ? мало его собрано въ опустошенной саранчею Молдавіи. Вслѣдствіе этого положено было со всѣмъ войскомъ переправиться за Прутъ и идти внизъ по правой сторонѣ до урочища Фальчи, потому что ниже этого мѣста по причинѣ великихъ болотъ непріятелю трудно или и совершенно невозможно было переправиться; отъ урочища Фальчи войско должно было идти лѣсами къ рѣкѣ Серету, за которою, какъ всѣ увѣряли, у Турокъ со-

брано много съѣстныхъ припасовъ, и лежатъ по деревнямъ около Браилова безо всякой обороны. Чтобъ захватить поскорѣе эти запасы и принудить Бранкована открыто пристать къ Русской сторонѣ, отправлены были въ Валахію генералъ Рённе и бригадиръ Чириковъ съ конницею, съ ними отправлены были универсалы, возбуждавшіе Валаховъ къ возстанію; Рённе и Чириковъ должны были идти къ Браилову и, овладѣвши запасами, возвратиться къ Галацу, гдѣ назначено было соединеніе ихъ съ главною арміею. „Хотя и опасно было, однако же, дабы христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе не привесть, на сей опасный весьма путь, для неимѣнія провіанта позволено“ [110]. Рённе съ Чириковымъ отправились 30 іюня, и главная армія перешла Прутъ, и шла въ назначенномъ направленіи до 7 іюля, несмотря на извѣстіе, что ханъ перешелъ рѣку сзади. 7 іюля, въ шестомъ часу пополудни, генералъ Янусъ, шедшій впереди войска мили за три, далъ знать, что визирь у Прута и Янычары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ послалъ указъ Янусу, чтобъ отступалъ для соединенія съ главною арміею, къ Рённе, чтобъ также немедленно шелъ назадъ, захвативъ съ собою провіанта, сколько могъ собрать. Янусъ, получивъ указъ, началъ двигаться назадъ, и несмотря на наступленіе Турокъ, успѣлъ привести свой отрядъ безъ урона. За нимъ по слѣдамъ явился непріятель, и несмотря на то, что былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, до самаго вечера не переставалъ нападать на Русскихъ, а ночью сталъ по горѣ. У Русскихъ въ эту ночь былъ генеральный совѣтъ: разсуждали, что въ провіантѣ и конскихъ кормахъ сильный недостатокъ, конница ушла съ генераломъ Рённе, непріятель въ превосходномъ числѣ: всего Турецкаго войска было 119,665, да Татаръ 70,000, а у Русскихъ только 38,246. Положено было—отступать, и рано утромъ двинулись назадъ вверхъ по Пруту, непріятельская конница преслѣдовала отступавшихъ, но безъ пользы для себя. 9 іюля пополудни войско достигло мѣста, носившаго названіе *Новое Станелище:* здѣсь расположили обозъ къ рѣкѣ и войско стало около него въ линію; къ вечеру яви-

лась непріятельская пѣхота и артиллерія и стала къ горѣ, отъ Русской линіи съ версту; непріятель занялъ также и другой берегъ рѣки. Турецкая пѣхота и конница наступала *прежестоко*, бой продолжался до ночи, но непріятель нигдѣ не могъ повредить Русской линіи; наконецъ непріятельская конница отступила, а пѣхота всю ночь стрѣляла изъ пушекъ, и подъ этою стрѣльбою Турки сдѣлали кругомъ своего лагеря ретраншементъ и выставили 300 пушекъ.

Положеніе Русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Но и визирь находился въ затруднительномъ положеніи: Янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ Русскихъ, потерявши 7000 человѣкъ своихъ, рѣшительно отказались возобновить нападеніе 10 числа и кричали, чтобъ визирь исполнялъ приказаніе султана—поскорѣе заключилъ миръ; кромѣ того получено было извѣстіе, что генералъ Рённе занялъ Браиловъ. 10 іюля захваченные въ плѣнъ Турки объявили, что визирь желаетъ вступить въ мирные переговоры. Это объявленіе подало Русскимъ слабую надежду выйдти мирнымъ путемъ изъ своего ужаснаго положенія [111].

Къ визирю отправился трубачъ съ письмомъ отъ фельдмаршала Шереметева: „Сіятельнѣйшій крайній визирь его салтанова величества! Вашему сіятельству извѣстно, что сія война не по желанію царскаго величества, какъ чаемъ и не по склонности салтанова величества, но по постороннимъ ссорамъ; и понеже нынѣ то ужь дошло до крайняго кровопролитія, того ради я заблагоразсудилъ вашему сіятельству предложить, не допуская до той крайности, сію войну прекратить возобновленіемъ прежняго покоя, который можетъ быть ко обѣихъ странъ пользѣ. Буде же къ тому склонности не учините, то мы готовы и къ другому, и Богъ взыщетъ то кровопролитіе на томъ, кто тому причина, и надѣемся, что Богъ поможетъ нежелающему. На сіе ожидать будемъ отвѣту и посланнаго сего скораго возвращенія.“

Отвѣта отъ визиря не было; послано другое письмо, опять отъ имени Шереметева: „Послали мы сего дня къ вашему сіятельству офицера съ предложеніемъ мирнымъ, но еще респонсу никакого по се время на то не воспріяли: того ради желаемъ отъ васъ какъ наискорѣйшей резолюціи, желаете ли онаго съ нами возобновленія мирнаго, которое мы съ вами можемъ безъ дальнаго пролитія человѣскія крови на полезнѣйшихъ кондиціяхъ учинить. Но ежели не желаете, то требуемъ скорой резолюціи, ибо мы съ стороны нашей ко обоимъ готовы и принуждены воспріять крайнюю резолюцію, однако сіе предлагаемъ, щадя человѣческаго кровопролитія, и будемъ ожидать нѣсколько часовъ отвѣту."

На это второе письмо визирь прислалъ отвѣтъ, что онъ отъ добраго мира не отрицается и чтобъ присылали для переговоровъ знатнаго человѣка. Того же десятаго іюля отправленъ былъ подканцлеръ Шафировъ съ тремя переводчиками и подъячимъ, а для пересылокъ отправились съ Шафировымъ генеральнаго шквадрона ротмистръ Артемій Волынскій, да сынъ оберъ-коммиссара Петра Бестужева, Михайла Бестужевъ, служившій волонтеромъ при арміи [112]. Петръ далъ Шафирову слѣдующую инструкцію: „Въ трактованіи съ Турками дана полная мочь г. Шафирову, ради нѣкоторой главной причины, которое дѣло его не только съ моей воли, но и всѣхъ, и суть истинна: 1) Туркамъ всѣ городы завоеванные отдать, а построенные на ихъ земляхъ разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать. 2) Буде же о Шведахъ станутъ говорить, чтобъ отдать все завоеванное, и въ томъ говорить отданіемъ Лифляндовъ, а буде на одномъ на томъ не могутъ довольствоваться, то и прочія по малу уступать, кромѣ Ингріи, за которую, буде такъ не захочетъ уступить, то отдать Псковъ, буде же того мало, то отдать и иныя провинціи, а буде возможно, то лучше бъ не именовать, но на волю салтанскую положить. 3) О Лещинскомъ буде станутъ говорить, позволить на то. 4) Впрочемъ что возможно салтана всячески удовольствовать, чтобъ для того за Шведа не зѣло старался" [113]. При

этомъ царь позволилъ Шафирову обѣщать визирю и другимъ начальнымъ лицамъ, въ комъ сила есть, большія суммы денегъ, а именно визирю 150,000 рублей, кегаѣ его 60,000, чаушъ-башѣ 10,000, Янычарскому агѣ 10,000; секретарю, переводчику и прочимъ обѣщаны также большія дачи [114]. Между тѣмъ весь генералитетъ и министры по послѣдней мѣрѣ положили на совѣтѣ: „Ежели непріятель не пожелаетъ на тѣхъ кондиціяхъ быть довольнымъ, а будетъ желать, чтобъ мы отдались на ихъ дискрецію и ружья положили, то всѣ согласно присовѣтовали, что итить въ отводъ подлѣ рѣки“ [115].

Шафировъ далъ знать, что хотя Турки и не прочь отъ мира, но проволакиваютъ время. На это Петръ написалъ ему 11 іюля: „Я изъ присланнаго слова выразумѣлъ, что Турки хотя и склонны, но медленны являются къ миру: того ради все чини по твоему разсужденію, какъ тебя Богъ наставитъ, и ежели подлинно будутъ говорить о миру, то ставь съ ними на все, чего похотятъ, кромѣ шклявства, и дай намъ знать конечно сегодни, дабы свой десператной путь могли съ помощію Божіею начать. Буде же подлинно склонность явится къ миру, а сегодни не могутъ окончить договора, тобъ хотя то сегодни сдѣлать, чтобъ косить за ихъ траншаментомъ“ [116]. Въ тотъ же день Шафировъ возвратился въ Русскую армію съ слѣдующими условіями: 1) Отдать Туркамъ Азовъ въ такомъ состояніи, какъ онъ взятъ былъ; новопостроенные города — Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкій на устьѣ Самары разорить, а пушки изъ Каменнаго Затона отдать Туркамъ. 2) Въ Польскія дѣла царю не мѣшаться, козаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ. 3) Купцамъ съ обѣихъ сторонъ вольно пріѣзжать торговать, а послу царскому впредь въ Царѣградѣ не быть. 4) Королю Шведскому царь долженъ позволить свободный проходъ въ его владѣнія, и если оба согласятся, то и миръ заключить. 5) Чтобъ подданнымъ обоихъ государствъ никакихъ убытковъ не было. 6) Всѣ прежніе непріятельскіе поступки предаются забвенію, и войскамъ царскаго величества свободный проходъ

въ свои земли позволяется. Но до подтвержденія мирныхъ договоровъ и до исполненія съ царской стороны всѣхъ обязательствъ подканцлеръ Шафировъ и сынъ фельдмаршала Шереметева, Михаилъ Борисовичъ, полковникъ Астраханскаго полка должны оставаться въ Турціи.

Шафировъ былъ немедленно же отправленъ назадъ въ Турецкій обозъ, чтобъ поскорѣе заключить миръ на этихъ условіяхъ. Договоръ былъ написанъ и скрѣпленъ 12 іюля. Шафировъ далъ знать Петру, что русское войско можетъ безпрепятственно выступить изъ лагеря.

Легко представить себѣ радость русскихъ, когда они узнали о заключеніи мира; радость была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше было надежды на такой исходъ. „Еслибы, говоритъ одинъ изъ служившихъ въ русскомъ войскѣ иностранцевъ, еслибы поутру 12 числа кто-нибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, то всѣ сочли бы его сумасшедшимъ. Когда отправился трубачъ къ визирю съ первымъ предложеніемъ, то фельдмаршалъ Шереметевъ сказалъ намъ, что тотъ, кто присовѣтовалъ царскому величеству сдѣлать этотъ шагъ, долженъ считаться самымъ безсмысленнымъ человѣкомъ въ цѣломъ свѣтѣ, но если великій визирь приметъ предложеніе, то онъ, фельдмаршалъ отдастъ ему преимущество въ безсмысліи[117]."

У войска, у офицеровъ и генераловъ радостное чувство не могло очень уменьшиться и послѣ, когда прошло первое впечатлѣніе. Но другое было съ царемъ. Придти съ тѣмъ, чтобъ своимъ появленіемъ поднять все христіанское народонаселеніе, прогнать Турокъ изъ Европы или, по крайней мѣрѣ, предписать имъ миръ; — вмѣсто того заключить позорный миръ, отказаться отъ Азовскаго моря, отъ южнаго флота, который стоилъ такихъ трудовъ и издержекъ. Какъ освободиться отъ упрековъ, зачѣмъ небольшое войско заведено такъ далеко въ чужую сторону, безъ обезпеченія на счетъ продовольствія, по слухамъ, что народонаселеніе приметъ русскихъ какъ освободителей? зачѣмъ повторена была ошибка Карла XII, который съ такими же надеждами на козаковъ, вошелъ въ Малороссію? И все это безславіе по-

слѣ „преславной викторіи!“ Петръ привыкъ уже писать къ своимъ письма съ извѣстіями о побѣдахъ; а теперь о чемъ онъ долженъ извѣстить ихъ?

Говорятъ, что 10 іюля, когда не было надежды, что визирь согласится на миръ, когда предстояли или смерть или плѣнъ, Петръ отправилъ слѣдующее письмо Сенату: „Господа Сенатъ! Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкой плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники.“

Это письмо заподозрѣвается. Оно не сохранилось въ подлинникѣ; оно заключаетъ въ себѣ странность: Петръ велитъ Сенату выбрать достойнѣйшаго ему наслѣдника, тогда какъ былъ законный наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, у котораго съ отцемъ не было еще, повидимому, никакихъ непріятностей.—Но не смотря на сильныя, повидимому, возраженія противъ достовѣрности письма, мы не считаемъ себя въ правѣ рѣшительно отвергать эту достовѣрность. Здѣсь главные вопросы: могло ли письмо по своему языку и слогу принадлежать Петру? могло ли оно принадлежать ему по его взгляду на свои отношенія къ государству и собственному семейству? Могли ли быть побужденія сочинить подобный актъ? Могли ли быть побужденія уничтожить его въ подлинникѣ? На первые два вопроса всякій, знакомый съ языкомъ и слогомъ писемъ Петра и съ его взглядами, можетъ отвѣтить утвердительно: для Петра на первомъ планѣ было его дѣло, дѣло преобразованія, все другое на второмъ

планѣ. Для сочиненія подобнаго акта мы не найдемъ побужденій; сочинена была духовная Екатерины I-й Бассевичемъ, духовная Петра II-го Долгорукими:[118] вездѣ побужденія открыты и ясны; но кто и для чего сочинилъ бы приведенное письмо отъ Прута? При послѣдующей смѣнѣ линій царствующаго дома, при сверженіи правителей никогда не раздавался голосъ о возможности выбрать кого-нибудь на престолъ не изъ особъ царствующаго дома и не по отношенію къ этимъ особамъ; но при отсутствіи закона о порядкѣ престолонаслѣдія, т. е. до самаго конца XVIII вѣка были побужденія скрыть, уничтожить подлинный актъ, уполномочивавшій Сенатъ выбрать царя мимо царевича, выбрать достойнѣйшаго, особенно когда этотъ актъ исходилъ отъ Петра Великаго, къ памяти котораго питали такое благоговѣніе. Ничье право не утверждалось на этомъ актѣ, слѣдовательно некому было его выдумывать; но могли опасаться, чтобъ актъ не послужилъ опорою для какого-нибудь притязанія, слѣд. имѣли побужденіе уничтожить его. Не нужно впрочемъ и настаивать много на побужденія, могшія заставить уничтожить подлинное письмо: при тогдашней невнимательности къ сохраненію актовъ письмо отъ Прута могло легче другихъ затеряться, ибо, какъ чрезвычайно любопытное, возбуждало вниманіе, переходило изъ рукъ въ руки, тогда какъ бумаги, не возбуждавшія любопытства, не трогались и сохранились. Развѣ всѣ письма Петра дошли до насъ въ подлинникахъ? Что же касается до отношеній Петра къ сыну, то въ 1710 году уже было извѣстно даже въ Германіи, что царевичъ окруженъ людьми, возбуждающими въ немъ ненависть ко всѣмъ новизнамъ:[119] неужели не зналъ этого отецъ? Петръ могъ думать, что съ теченіемъ времени, особенно въ слѣдствіе брака на иностранной принцессѣ, молодой человѣкъ измѣнитъ свои взгляды; но 10 іюля 1711 г., когда дѣло шло о восшествіи на престолъ Алексѣя такимъ, какимъ онъ былъ тогда, могъ ли Петръ считать его *достойнѣйшимъ, способнѣйшимъ* поддержать величіе Россіи и дѣло преобразованія въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы несчастіе случилось, то царевичъ Алек-

сѣй былъ бы провозглашенъ царемъ. Петръ не могъ въ этомъ сомнѣваться; но въ такую страшную минуту, по своему взгляду на отношенія свои къ родной странѣ, онъ могъ желать очистить свою совѣсть, уполномочивая Сенатъ выбрать достойнѣйшаго.

Адмирала Апраксина Петръ долженъ былъ увѣдомить перваго о заключеніи мира, потому что Апраксинъ долженъ былъ исполнять тяжелыя его условія — разорить и сдавать Туркамъ Азовъ и Таганрогъ. „Хотя я николибъ хотѣлъ, писалъ Петръ, къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожь понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8 день сего мѣсяца съ Турками сошлись, и съ самаго того дни даже до 10 числа полуденъ, въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были, и правда, никогда какъ и началъ служить, въ такой дисперація не были (понеже не имѣли конницы и провіанту), однакожь Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вяще 100,000 числомъ насъ превосходили, но однакожь всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами яко фортецію наши единыя только рогатки добывать, и потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченной, то въ вышерѣченной день учинено штильштандъ и потомъ сгодились и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города у Турковъ взятые, и отдать, а новопостроенные разорить: и тако тотъ смертный пиръ симъ кончился. Сіе дѣло есть: хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожь чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть.“

Чрезъ нѣсколько времени, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Петръ извѣстилъ Сенатъ и приближенныхъ къ себѣ людей о Прутскихъ событіяхъ [120]. Сохранился отвѣтъ Меншикова изъ Петербурга: „Съ радостными слезами Всевышнему Богу благодареніе воздали за такое Его Божеское милосердіе, еже вашу милость въ томъ бывшемъ случаѣ со-

хранить и сію войну (которая ко утвержденію мѣста сего не безъ поврежденіябъ была ежелибъ продолжилась) въ татой скорости окончить изволилъ; что же о лишеніи мѣстъ, къ которымъ многой трудъ и убытки положены, и въ томъ да будетъ воля оныя мѣста намъ давшаго и паки тѣхъ мѣстъ насъ лишившаго Спасителя нашего, Который, надѣюсь, что по своей къ намъ милости, либо паки оныя по времени вамъ возвратить, а особливо оный убытокъ сугубо наградить изволитъ укрѣпленіемъ сего мѣста, которое правда воистинно несравнительною прибылью намъ есть. Нынѣ же молимъ того же Всемогущаго Бога, дабы сподобилъ насъ вашу милость здѣсь вскорѣ видѣть, чтобъ мимошедшія столь прежестокія горести видѣніемъ сего парадиза вскорѣ въ сладость претворитись могли [121]."

14 іюля русское войско выступило изъ несчастнаго Прутскаго лагеря и поспѣшно направило путь къ Днѣстру. Для Петра продолжались безсонныя ночи. Главная забота его теперь состояла въ томъ, чтобъ „симъ лишеніемъ другой сторонѣ было великое укрѣпленіе," чтобъ обратить всѣ свои силы и силы союзниковъ противъ Швеціи и принудить ее поскорѣе къ заключенію выгоднаго для Россіи мира. Но для этой цѣли ему необходимо было дѣйствовать заодно съ королемъ Августомъ и проводить свои войска чрезъ Польскія владѣнія; а во второй статьѣ Прутскаго договора говорилось, чтобъ царю въ Польскія дѣла не вмѣшиваться; Петръ боялся интригъ Карла XII, который опять могъ поднять Порту на Россію, боялся, что Турки возьмутъ уступленныя имъ мѣста, а Шведскаго короля не вышлютъ и, по его наущенію, опять начнутъ войну. Чтобъ не быть обманутымъ, царь писалъ Апраксину не отдавать Азова Туркамъ прежде чѣмъ получитъ отъ Шафирова извѣстіе, что султанъ подтвердилъ Прутскій договоръ и Карлъ XII высланъ изъ Турецкихъ владѣній. Въ томъ же смыслѣ Головкинъ писалъ къ Шафирову [122]. Положеніе подканцлера было очень затруднительно. Визирь говорилъ ему, чтобъ царь помирился съ Шведскимъ королемъ: „Жаль мнѣ его, говорилъ визирь, что лѣтъ съ десять уже своимъ безуміемъ отъ своего государ-

ства отлученъ.„ — „Самъ виноватъ,“ отвѣчалъ Шафировъ. Визирь не переставалъ просить его, чтобъ началъ переговоры съ Шведскимъ королемъ; Шафировъ отвѣчалъ, что не имѣетъ указа и полномочія; визирь настаивалъ, чтобъ послать за указомъ къ царю: Шафировъ обѣщалъ писать, но замѣтилъ, что съ царемъ въ союзѣ противъ Шведовъ король Датскій, безъ согласія котораго мириться нельзя[123]. На письмо свое къ царю объ этихъ переговорахъ съ визиремъ Шафировъ получилъ отвѣтъ отъ Головкина: „царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ отвѣтствовать: во первыхъ о вольномъ проѣздѣ короля Шведскаго чрезъ его цар. в-ства земли его величество соизволяетъ противъ того, какъ вы о томъ визирю объявили, и сверхъ того изволяетъ для проѣзду его королевской персоны и сущихъ при немъ Шведовъ дать по 500 подводъ. Писали вы о предложеніи визирскомъ, дабы между его цар. в.-ствомъ и королемъ Шведскимъ учинить миръ, и для того бъ прислать къ вамъ полную мочь: и ваша милость можете о томъ визирю объявить (ежели паки упоминаться о семъ будетъ), что его цар. в-ство, какъ прежде, такъ и нынѣ отъ благополучнаго мира не отрицается и всегда оный учинить готовъ, токмо того его в-ству учинить невозможно, не сообща о томъ союзникамъ своимъ; а ежели онъ, король Шведскій, совершенно съ ихъ царскимъ и королевскими величествы миру желаетъ, то-бъ назначилъ мѣсто и выслалъ своего полномочнаго министра для трактованія того миру, куды его цар. в-ство и его союзники своихъ вышлютъ, въ чемъ его цар. в-ство всякое удовольствованіе показать обѣщаетъ. Что же принадлежитъ о походѣ его цар. в.-ства съ войски, и ваша милость изволите объявить, что его в-ство, высокою своею особою, токмо съ полками гвардіи своей изволитъ итти прямо въ Ригу, не мѣшкавъ нигдѣ, кромѣ обыкновенныхъ наслѣговъ; а господинъ генералъ-фельдмаршалъ, со всѣмъ главнымъ войскомъ переправившись Прутъ, гдѣ удобнѣе, пойдетъ прямымъ путемъ къ Кіеву; а чтобъ Польши не занимать, и того учинить весьма не возможно, понеже оная лежитъ почитай до Очакова и обойтить никуды ея не мочно, только захватится

самый малый Польши край, яко Немировъ, Браславль и прочіе; а идучи Польшею, нигдѣ мѣшкать не будутъ, въ чемъ извольте визиря обнадежить.“ [124]

Между тѣмъ Татары обнаружили враждебныя дѣйствія; царь далъ знать объ этомъ Шафирову, тотъ визирю, и немедленно сдѣлано было распоряженіе — унимать самовольныхъ, казнить смертію. Шафировъ доносилъ Петру 13 іюля: „о Шведскомъ королѣ сегодня не поминали ничего, и я чаю, что на него плюнули; зѣло Турки съ нами ласково обходятся и знатно сей миръ имъ угоденъ.“ Петръ писалъ Шафирову, чтобъ вытребовать и отъ Турокъ обязательство не вмѣшиваться въ Польскія дѣла. „Буду стараться, отвѣчалъ Шафировъ, сколько невольничье мое состояніе позволитъ, ибо мы не столько въ министерскомъ лицѣ, какъ въ аманатахъ здѣсь оставлены, дабы договоръ исполненъ былъ съ вашей стороны. Я представлялъ визирю, какая будетъ польза и Россіи и Турціи, если дать Шведамъ волю именемъ Лещинскаго владѣть Польшею? визирь мнѣ на это отвѣчалъ съ сердцемъ: „вамъ о себѣ надобно говорить и обѣщать не мѣшаться въ Польскія дѣла, а до другихъ какое вамъ дѣло?“ Видя себя аманатомъ въ Турецкихъ рукахъ, боясь, что дорого можетъ поплатиться въ случаѣ нарушенія трактата царемъ, Шафировъ писалъ Петру: „Слыша о пути вашемъ чрезъ Каменецъ прямо Польшею къ Ригѣ, опасаюсь отсюда разныхъ противностей: отъ Турокъ нареканія, что вступили въ Польшу вопреки трактату, потомъ отъ Поляковъ великаго озлобленія, потому что имъ не безъ тягостей будетъ отъ этого похода, а Поляковъ, кажется, теперь надобно было бы приластить; да и неудобно такое долгое путешествіе: по своей землѣ гораздо скорѣе можно было бы доѣхать къ Ригѣ на разставныхъ подводахъ; гораздо лучше бы отъ Каменца идти прямо на Кіевъ; это было бы не такъ продолжительно, не такъ Туркамъ противно и Полякамъ озлобителено. Еще на память приходитъ, что главный вашъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ усилить Датскаго какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, и для того изрядно занять милліонъ-другой у того жида, кото-

рый обѣщалъ дать денегъ Князю Василью Долгорукому, и на тѣ деньги прикупить кораблей, а войско какъ-нибудь къ нимъ переслать, чтобъ по совѣту Анфендейля, могли въ сердце Шведской земли вступить и тамъ принудить Шведовъ къ миру, ибо нынѣ, имѣя съ одной стороны свободныя руки, не надобно ничего желать, чтобъ принудить Шведа къ миру, пока *калигаты* (союзники—Императоръ, Англія и Голландія) мира не заключатъ съ Франціею.“ Головкину Шафировъ передалъ разказъ Грека, бывшаго переводчикомъ между Карломъ XII и визиремъ во время ихъ свиданія послѣ 12 іюля: король говорилъ съ сердцемъ визирю, для чего онъ безъ его совѣта и согласія помирился съ царемъ: могъ бы все получить чего хотѣлъ, и самого царя, имѣя все въ рукахъ; и султанъ безъ его королевскаго совѣта ничего не дѣлалъ, а онъ, визирь, его въ совѣтъ къ себѣ не призвалъ. Визирь отвѣчалъ: „я поступилъ по закону: законъ нашъ запрещаетъ отказывать тѣмъ, кто проситъ мира.“ Ханъ говорилъ то же самое и не хотѣлъ глядѣть на короля, и пересмѣхалъ его съ визиремъ, потому что поссорился съ королемъ въ Бендерахъ.—Ночью съ 15 на 16 іюля привезли въ обозъ деньги, обѣщанныя Шафировымъ визирю и другимъ начальнымъ людямъ, но визирь ихъ не принялъ, опасаясь хана, который эту ночь ночевалъ у него въ обозѣ.[125]

Деньги не достались визирю со товарищами: на первый разъ онъ побоялся принять ихъ при ханѣ, а потомъ боялся принять вслѣдствіе подозрѣній, возбужденныхъ въ Константинополѣ Карломъ XII, на котораго визирь сердился все болѣе и болѣе. 20 іюля Шафировъ видѣлся съ визиремъ и представлялъ ему о необходимости отпустить немедленно Шведскаго короля. Визирь отвѣчалъ: „Я бы желалъ, чтобъ его чертъ взялъ, потому что вижу теперь, что онъ только именемъ король, а ума въ немъ ничего нѣтъ и какъ самый скотъ; буду стараться, чтобъ его куда-нибудь отпустить безсорно“[126]. Но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ. Петръ не хотѣлъ исполнять Прутскаго договора, пока Шведскій король не выѣдетъ изъ Турецкихъ владѣній. 3 августа онъ писалъ Апраксину: „Азова не отдавайте

и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу, ибо Турки нынѣ хотятъ, чтобъ короля Шведскаго проводить чрезъ Польшу въ пятитысячномъ числѣ Турковъ и такимъ же числомъ Татаръ; а ежели не захотятъ чрезъ Польшу, то проведутъ его въ Царьградъ. Хотя и не чаемъ, чтобъ Турки паки зачали войну, получа такъ прибыточный себѣ миръ, однако же мню, что такъ они хотятъ учинить, дабы въ Польшѣ король Шведскій паки возмутилъ и остался въ войнѣ съ нами, а они въ покоѣ безопасномъ. Мы такъ разсуждая сіе, для того войскъ нашихъ изъ Польши не выведемъ по договору, пока подлинно пріѣдетъ король Шведскій къ себѣ. И для того, ежель пойдетъ на Царьградъ, а Шафировъ будетъ писать, что онъ и оттоль отпущенъ, то исполняй по его письму; будеже инымъ путемъ, а именно чрезъ Польшу или Нѣмецкую землю, то хотя и онъ будетъ писать, то, не списався со мною, не совершай отдачею Азова“[127]. Шафировъ, по царскому приказу, объявилъ визирю, что Азовъ не будетъ отданъ и крѣпости не будутъ срыты до тѣхъ поръ, пока Шведскій король не выѣдетъ изъ Турецкихъ владѣній. Визирь возражалъ, что пунктъ объ отдачѣ и срытіи городовъ не имѣетъ ничего общаго съ пунктомъ объ отъѣздѣ Карла XII, что о связи между этими двумя пунктами нѣтъ ничего въ договорѣ. Петръ оставался при своемъ. 17 августа Шафировъ писалъ государю: „Непрестанныя острыя и угрожающія слова и поступки Турскіе, опасность отъ разорванія мира, приводятъ меня до самой, почитай, десперацiи, и будучи въ такихъ рукахъ: и ежели придетъ до того, что постражду отъ нихъ, прошу милостиво призрить на бѣдныхъ моихъ сирыхъ оставшихся мать, жену и дѣтей“.

Но и визирь былъ не въ меньшей десперацiи; тайкомъ чрезъ своего кегаю и секретаря присовѣтовалъ онъ Шафирову объявить торжественно при ханѣ и начальныхъ Турецкихъ людяхъ, будто Русскіе перехватили письма Карла XII къ козакамъ, гдѣ король пишетъ, что надѣется и этотъ миръ разрушить какъ прежній, и нынѣшняго визиря свергнуть, какъ свергнулъ Али-пашу; а между тѣмъ явно кри-

чалъ съ яростію Шафирову, чтобъ первый пунктъ договора былъ исполненъ немедленно, иначе миръ разорванъ, и съ нимъ, Шафировымъ и товарищемъ его Шереметевымъ будетъ поступлено какъ съ обманщиками, а янычарскій ага грозилъ, что янычары изсѣкутъ ихъ въ куски. Шафировъ предложилъ три мѣсяца сроку для исполненія перваго пункта; Турки не согласились; предложилъ два мѣсяца съ половиною—Турки не согласились и на это, и потомъ визирь прислалъ уговаривать Шафирова и Шереметева, чтобъ не губили себя, уменьшили срокъ до двухъ мѣсяцевъ, обнадеживая съ клятвою, что какъ скоро первая статья будетъ исполнена, самъ онъ визирь пойдетъ въ Бендеры и вышлетъ Карла XII силою, что у него уже есть объ этомъ указъ султанскій. Шафировъ и Шереметевъ рѣшились дать письменное обѣщаніе на счетъ двумѣсячнаго срока, послѣ чего Шафировъ писалъ Головкину съ Артеміемъ Волынскимъ, (19 августа): „Если наше обязательство не будетъ исполнено, то мы безвозвратно пропадемъ и миръ разорвется; а надобно разсудить, что и послѣ нашей погибели будетъ: Турки уже теперь ободрились и такъ пѣняютъ на визиря, что до бою не допустилъ, и могутъ они собрать войска вдвое передъ нынѣшнимъ; а на кого у насъ надежда была (на Славянъ), тѣ не посмѣютъ ворохнуться отъ страха, и теперь всѣ злы на насъ и клянутъ, гдѣ увидятъ, ибо многимъ гибель приключилась; о Полякахъ сами знаете, чего въ такомъ случаѣ отъ нихъ ожидать. Напомни его величеству данное мнѣ милостивое обѣщаніе при отпускѣ моемъ сюда (это было при тебѣ); еслибъ я погибъ тогда для избавленія, то не такъ бы чувствительно было, а теперь не знаю, за что намъ пропадать? О господинѣ Волынскомъ прошу предстательствовать, чтобъ его перемѣнить чиномъ и наградить жалованьемъ, потому что изрядный человѣкъ и терпитъ одинакой съ нами страхъ, и прислать его опять ко мнѣ“. Петръ не одобрилъ поступка Шафирова на счетъ двухмѣсячнаго обязательства: „Зѣло удивляемся, писалъ онъ ему, что вы такое письмо дали Туркамъ: нельзя въ такое короткое время и такимъ малолюд-

ствомъ исправить въ Азовѣ и Таганрогѣ, вы этимъ себя только пуще связали; не бойтесь, чтобъ васъ стали мучить, или убили; если и вздурятся, то запрутъ васъ только какъ Толстаго заперли. Они на насъ спрашиваютъ сверхъ человѣческой силы, а сами одного человѣка, короля Шведскаго, выслать не могутъ; если не вѣрятъ, пусть пошлютъ когонибудь освидѣтельствовать, что исполняемъ по возможности, очищаемъ и разоряемъ города"[128].

Чего стоило Петру это очищеніе и разореніе, видно изъ письма его къ адмиралу Апраксину, отъ 19 сентября: „Письмо твое я получилъ, на которое отвѣтствую, что съ слезами прошеніе ваше видѣлъ, о чемъ прежде и больше вашего плакалъ; но буди воля Божія въ томъ, ибо мы въ сей войнѣ зѣло правы, и мню, что праведный Богъ можетъ быть къ лучшему сдѣлалъ для зависти у нѣкоторыхъ, которые впредь кланяться будутъ, чему есть уже видъ; такожь и то разсудить надлежитъ, что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сію Шведскую войну, которой конецъ въ надѣяніи Божіи уже близокъ является, ибо и Померанія такожь какъ и Лифонія слѣдуетъ; сохрани Боже, ежелибъ въ обоихъ войнахъ пребывая, дождались Французской миръ, тобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать, ибо можешь разсудить, которую войну труднѣе скончать. И того ради (*какъ не своею рукою пишу*) нужда Турокъ удовольствовать... Пока не услышишь о выходѣ короля Шведскаго и къ намъ не опишешься, Азова не отдавай, но немедленно пиши, къ которому времени можешь исправиться, а испражненіи весьма надобно учинить какъ возможно скоро изъ обѣихъ крѣпостей. Таганрогъ разорить какъ возможно низко, однако-жь не портя фундамента, ибо можетъ Богъ по времяни инаково учинить, что разумному досыть"[129]. Въ другомъ письмѣ къ тому же Петръ писалъ: „Мѣсто гдѣ хотите изберите для поклажи вывозной, ибо нынѣ каково мнѣ къ вамъ о семъ дѣлѣ писать, самъ разсудишь, ибо ежелибъ не было отрады съ другой стороны, тобъ Богъ знаетъ чтобъ было, которое (т.-е. Шведская война) съ по-

мощію Божіею зѣло изрядно идетъ и ко окончанію есть добрая надежда, что дай Боже, а когда здѣсь скончится, надежда въ Бозѣ, паки оной ущербъ исправится, къ чему уже и теперь со стороны заговариваютъ. Зѣло надобно не точію абрисы Азова, но и профили валамъ, рвамъ и горамъ, такожь и вышину отъ воды вамъ съ собою взять гораздо акуратно“ [130].

Извѣстіе, что Русскія войска остановились въ Польшѣ, еще болѣе затрудняло дѣло и увеличило десперацію Шафирова. Петръ писалъ ему по этому случаю: „Рену указъ данъ, чтобъ перебрался подъ Жванцами, что онъ и сдѣлалъ; войскъ нашихъ у Каменца не бывало и нынѣ нѣтъ; черезъ Польшу, кромѣ нашего полка для моего конвоя не хаживали и не пойдутъ: въ томъ будьте весьма надежны, развѣ зимою, и то черезъ Пруссію отъ Риги въ Померанію къ будущей компаніи. Войско наше стоитъ отъ Корца до Дубны, и приказано фельдмаршалу, что если король Шведскій пойдетъ не черезъ Польшу, то ему тотчасъ выступать въ Кіевъ, а если чрезъ Польшу, то стоять пока пройдетъ; а отрядъ послать бокомъ чрезъ Литву, чтобъ идучи смотрѣлъ на Шведовы поступки. Лучшіе Поляки всѣ очень меня просили, чтобъ войскъ отъ нихъ не выводить, пока пройдетъ Шведъ; однако я это полагаю на ваше разсужденіе: если Турки не отпустятъ Шведскаго короля потому только, что войска наши стоятъ въ Польскихъ мѣстахъ, то пишите фельдмаршалу, чтобъ онъ приказалъ войску выйти, оставя у себя не больше 7000. А ничего въ Польшѣ не оставить очень опасно, ибо Поляки (хотя я ихъ весьма обнадежилъ) сильно сомнѣваются, и говорятъ, что мы ихъ покинемъ, и не въ примѣръ стали ласковы, чѣмъ прежде были въ Ярославлѣ. Но и относительно семитысячнаго отряда—быть ли ему въ Польшѣ или нѣтъ?—рѣшайте какъ заблагоразсудите по тамошнимъ дѣламъ и сноситесь съ фельдмаршаломъ. Что же касается Азова и Таганрога, то я уже много разъ писалъ, что пока Шведъ у нихъ, исполненія не будетъ“ [131].

Но и Турки стояли на своемъ. Двумѣсячный срокъ, которымъ обязались Шафировъ и Шереметевъ, исходилъ; въ

концѣ октября визирь прислалъ объявить имъ, что получилъ султанскій указъ — остановиться въ Адріанополѣ и нейдти въ Царьградъ прежде полученія вѣдомости объ отдачѣ Азова, и потому чтобъ снова слали гонца къ адмиралу Апраксину съ требованіемъ отдачи этой крѣпости, въ противномъ случаѣ объявлена будетъ война и ихъ аманатовъ погубятъ; при этомъ визирь велѣлъ объявить о полученіи другаго султанскаго указа, что до отдачи Азова король Шведскій не будетъ высланъ изъ областей Турецкихъ.

8 ноября пришелъ въ Адріанополь султанскій указъ о смѣнѣ великаго визиря и о назначеніи на его мѣсто Янычарскаго аги, бывшаго при Прутѣ, Юсуфъ-паши. Новый великій визирь призвалъ къ себѣ Шафирова и Шереметева и объявилъ имъ султанскимъ именемъ, чтобъ они не сомнѣвались на счетъ смѣны визиря: миръ будетъ сохраненъ со стороны Порты, если со стороны царской будутъ выполнены всѣ условія, и что они должны вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Константинополь. 20 ноября Шафировъ и Шереметевъ пріѣхали въ этотъ городъ, а черезъ пять дней пріѣхали посыланные въ Азовъ и объявили, что Апраксинъ не отдаетъ города до полученія извѣстія о выѣздѣ Шведскаго короля изъ Турецкихъ владѣній. Въ концѣ декабря Шафирову и Шереметеву было объявлено: такъ какъ миръ нарушенъ съ Русской стороны неотдачею Азова, вступленіемъ царскихъ войскъ въ Польшу и неуступкою Малороссійскихъ козаковъ (ибо въ договорѣ сказано: козаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ), то объявлена война противъ царя, и самъ султанъ пойдетъ въ походъ весною; впрочемъ миръ можетъ быть сохраненъ, если царь согласится на слѣдующія четыре статьи: всѣмъ Русскимъ войскамъ немедленно выступить изъ Польши и впредь въ нее никогда не вступать, хотя бы и Шведъ вступилъ, и ни союзу, ни корреспонденціи съ Польшею не имѣть; короля Шведскаго Турки отпустятъ когда и какимъ путемъ сами захотятъ, а для свободнаго его проѣзда царь долженъ заключить съ нимъ перемиріе на три года; отъ Украйны всей царь долженъ отступиться и отдать ее въ протекцію Пор-

тѣ; Азовъ отдать и Таганрогъ разорить немедленно. Шафировъ, чрезъ посредство Англійскаго и Голландскаго пословъ, возражалъ, что эти статьи никогда не могутъ быть приняты; если относительно всей Украйны Турки ссылаются на пунктъ о козакахъ, то спрашивается, для чего же въ другомъ пунктѣ говорится объ уничтоженіи крѣпостей Каменнаго Затона и Новобогородицкой? еслибъ вся Украйна, по трактату, отходила къ Турціи, то и эти крѣпости необходимо отходили бы къ ней же въ цѣлости. Турки ничего не хотѣли слушать: „Не видимъ почитай надежды, писалъ Шафировъ Петру, и чаемъ себѣ вкратцѣ зѣло злаго трактаменту, и надлежитъ для того вашему величеству конечно съ поспѣшеніемъ готовиться всѣми силами къ войнѣ.“

Наступилъ 1712 годъ. 1-го генваря Шафировъ долженъ былъ писать царю прежнія печальныя вѣсти: трое ближнихъ султановыхъ людей были съ нимъ въ конференціи и объявили прямо: такъ какъ прежній миръ нарушенъ съ Русской стороны неотдачею Азова, вступленіемъ въ Польшу и неуступкою всѣхъ Малороссійскихъ козаковъ, по договору обѣщанныхъ, то объявляется война Россіи; впрочемъ война можетъ быть остановлена уступкою всего Малороссійскаго края Турціи, выходомъ изъ Польши и обязательствомъ никогда въ нее не вступать, хотя бы и король Шведскій вступилъ въ нее. Ближніе люди объявили, что Карла XII вышлютъ изъ Турціи, но не опредѣлили времени, когда это будетъ, не опредѣлили и пути, по которому онъ пойдетъ. „Хотя мы, доносилъ Шафировъ, и доказывали имъ несообразность этихъ требованій чрезъ пословъ Англійскаго и Голландскаго, безъ которыхъ Турки не хотятъ съ нами говорить: однако не видимъ надежды и чаемъ себѣ вкратцѣ зѣло злаго трактаменту; по этому надлежитъ вашему величеству конечно съ поспѣшеніемъ готовиться всѣми силами къ войнѣ и войска всѣ совокуплять, ибо султанъ самъ идетъ въ походъ весною; конечно не извольте въ томъ поступать слабо. Англійскій и Голландскій послы, повидимому, трудятся въ семъ дѣлѣ усердно, и о примиреніи съ Шведомъ ничего намъ не упоминаютъ, ни о выступленіи изъ

Помераніи; и хотя я знаю, что вашему величеству сіе противно будетъ, что мы ихъ до сего дѣла допустили, но буди воля вашего величества, Турки не хотѣли съ нами ни о чемъ болѣе говорить, и ничему вѣрить безъ медіаторовъ не хотятъ; а Французъ денно и ночно старается за Шведа, и для того мы принуждены просить Англичанина и Голландца, не какъ настоящихъ медіаторовъ, но только какъ добрыхъ пріятелей, и если ваше величество заблагоразсудите, то извольте просить и правительства ихъ о формальной медіаціи, ибо я чаю, что они, на перекоръ (на перекосердье) съ Французомъ будутъ стараться въ семъ примиреніи. Хотя визирь, другіе министры и народъ склонны къ миру, но султанъ весьма надутъ отъ хана чрезъ подущеніе Шведовъ, Поляковъ и бунтовщиковъ козаковъ; ханъ ему внушилъ, что теперь самое удобное время вести съ вами войну, когда войска ваши въ розни противъ Шведа, а когда Шведа повоюете, тогда всѣ ваши войска будутъ вмѣстѣ, и можете легко, и отдавши Азовъ, опять въ короткое время назадъ его взять, если Украйна въ вашихъ рукахъ и Поляки въ вашей же волѣ, за принужденіемъ войскъ вашихъ будутъ. Турки проговорились Англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобъ ваше царское величество отнюдь до Польши дѣла не имѣлъ и съ войскомъ въ нее вступать не могъ, ибо если они дадутъ въ этомъ волю вашему величеству, то вы легко повоюете Шведа въ конецъ и потомъ, не только Азовъ отобрать, но чрезъ Польшу опять внутрь ихъ государства вступить можете. И потому нужно вамъ хотя оборонительно собраться, дабы они не могли себѣ никакого выигрыша получить, ибо когда Турки увидятъ, что не легко могутъ Украйну завоевать и Азовъ получить, то соскучатся; а теперь они обнадежены ханомъ, непріятелями нашими и бунтовщиками, будто легко могутъ все получить и Украйна забунтуетъ и поддастся имъ, и для того нужно крѣпкую имѣть осторожность и войска имѣть достаточно въ Украйнѣ, также Калмыковъ и другихъ нерегулярныхъ затянуть на Татаръ“ [132].

Въ февралѣ дѣла перемѣнились: въ Константинополѣ по-

лучено было извѣстіе, что Азовъ отданъ и Таганрогъ срываютъ. Петръ, видя упорство султана и опасаясь вторичнаго отвлеченія своихъ силъ съ сѣвера на югъ вслѣдствіе новой войны Турецкой, рѣшился выполнить первую статью Прутскаго договора, и не дожидаясь высылки Карла XII изъ Турціи. 6 ноября 1711 года онъ написалъ Апраксину, что для избѣжанія войны надобно отдать Азовъ и срыть Таганрогъ: „ибо въ послѣднихъ письмахъ отъ Шафирова зѣло злобны являются Турки для неотдачи Азова“[133]. Въ тотъ же день Петръ написалъ Шафирову: „По совѣту вашему я писалъ къ салтану, что оное учинится конечно (отдача Азова и срытіе Таганрога), лишь бы высланъ былъ Шведъ, и для того посланы двѣ грамоты, обѣ равно писанныя: въ одной написано, что Азовъ отдать на срокъ, лишь бы Шведъ въ то время высланъ былъ; въ другой, ежели и тому не чаешь быть, то хотя бъ письмомъ обязаться крѣпко, чтобъ по отдачѣ Азова тотчасъ высланъ былъ, и сіе даемъ на ваше разсужденіе по тамошнему дѣлу смотря, которую лучше, тое и подашь: лучше бы первую, а по нуждѣ необходимой и другую употребить. Еще же, чтобъ все уже послѣднее сдѣлать и не допустить до войны, то и сіе предлагаемъ, что хотя, паче чаянія, Турки и письмомъ не обяжутся, то ежели отъ васъ въ семъ или декабрѣ мѣсяцѣ писемъ не получимъ, то въ первыхъ числахъ генваря и такъ Азовъ отданъ и Таганрогъ разоренъ будетъ: въ томъ будьте конечно надежны и при послѣднемъ случаѣ (чего не дай Боже!) Туркамъ объявите“[134]. Шафировъ доносилъ: „Если Богъ сіе мирное дѣло благополучно совершитъ, то послы Англійскій и Голландскій достойны великой вашей милости и благодарности, также и правительства ихъ поблагодарить надобно: истинно, государь, можемъ засвидѣтельствовать, что они до сихъ поръ съ такою ревностію и радѣніемъ, какъ о своемъ сущемъ дѣлѣ, стараются. Можно признать по нынѣшнимъ Турскимъ поступкамъ, что если бы Азовъ при прежнемъ визирѣ отданъ былъ, пока еще Турки не озлобились и ханъ съ прочими султану не надули многихъ бездѣлицъ, то бы все по желанію вашего величества окон-

чилось и Шведскій король былъ бы высланъ и излишнихъ запросовъ никакихъ не было; потому что и теперь по отдачѣ Азова лучшіе люди сильно противятся начинанію войны, только султанъ ищетъ причинъ къ нарушенію мира. Но хотя бы и явилась надежда на миръ, то, имѣя въ виду ихъ непостоянные поступки и множество нашихъ недоброжелателей, никакъ нельзя отлагать воинскихъ приготовленій; попрежнему надобно соблюдать крайнюю осторожность въ Украйнѣ, чтобъ не забунтовала при вступленіи въ нее войскъ Турецкихъ."

Муфтій, боясь султана, передъ нимъ толковалъ о необходимости войны, а между тѣмъ тайкомъ подучалъ законниковъ (улемовъ), чтобъ противились объявленію войны, а при ихъ сопротивленіи и муфтій не могъ дать своего благословенія; Шведы сулили ему 30,000 левковъ, но онъ имъ отвѣчалъ, что по закону не можетъ позволить нарушенія мира; опираться на законъ муфтію было тѣмъ легче, что и Шафировъ обѣщалъ ему ту же сумму. Шафирову удалось достать ноту Французскаго посла, въ которой онъ побуждалъ султана къ войнѣ: кто до сихъ поръ имѣлъ дѣло съ царемъ, тотъ знаетъ, что на слова его никакъ нельзя полагаться, говорилось въ нотѣ; посланники Голландскій и Англійскій представляютъ плохую поруку, потому что правительства ихъ, по отдаленности своихъ владѣній отъ Россіи, не могутъ заставить царя исполнить данныя обѣщанія. По мнѣнію посла, султанъ долженъ былъ отправить съ Шведскимъ королемъ 30,000 Турецкаго войска и 15,000 Татарскаго: этого числа достаточно для предупрежденія обмановъ русскихъ, для защиты Карла XII отъ короля Августа и его союзниковъ, Карлъ дойдетъ безопасно до своихъ границъ, Поляки признаютъ его своимъ освободителемъ, и не будутъ имъ страшны навѣты и мученія Московскія.

Но союзники побѣдили Францію и въ Константинополѣ: 8 апрѣля Шафировъ далъ знать, что 5 апрѣля миръ возобновленъ по крайнему радѣнію и старанію посредствующихъ пословъ — Англійскаго и Голландскаго, также Грека Луки Кирикова, болѣе котораго, по словамъ Шафирова, и

природный рабъ не могъ служить царскому величеству. „Еслибъ не Англійскій и Голландскій послы, доносилъ Шафировъ, то намъ нельзя было бы имѣть ни съ кѣмъ корреспонденціи и къ вашему величеству писать, потому что никого ни къ намъ, ни отъ насъ не пускали, и конечно бъ тогда война была начата и насъ посадили бы, по послѣдней мѣрѣ, въ жестокую тюрьму; Англійскій посолъ, человѣкъ искусный и умный, день и ночь трудился, и письмами и словами склонялъ Турокъ къ сохраненію мира, рѣзко говорилъ имъ, за что они на него сердились и лаяли; и природному вашего величества рабу больше нельзя было дѣлать; при окончаніи дѣла своею рукою писалъ трактатъ на Италіанскомъ языкѣ начерно, и вымышлялъ всякимъ образомъ, какъ бы его сложить въ такой силѣ, чтобъ не былъ противенъ интересу вашего величества; Голландскій посолъ ѣздилъ нѣсколько разъ инкогнито къ визирю, уговаривалъ его наединѣ и склонялъ къ нашей пользѣ, потому что самъ умѣетъ говорить по-турецки. И хотя мы имъ учинили обѣщанное награжденіе, однако нужно было бы прислать и кавалеріи съ нарочитыми алмазами, также по доброму мѣху соболью; если кавалеріи не изволите прислать, то, покрайней мѣрѣ, хотя по персонѣ (портрету) своей съ алмазами доброй цѣны.“ Новый договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Царское величество выведетъ свои войска, которыя въ Польшѣ по сю сторону, въ мѣсяцъ, считая со дня заключенія договора, а которыя на другой сторонѣ въ въ Польшѣ же, тѣ выведетъ въ три мѣсяца, и впредь ни подъ какими предлогами не введетъ, но совершенно отниметъ руку свою отъ этой державы. Но если король Шведскій или войска его вступятъ въ Польшу и возбудятъ Поляковъ противъ царскаго величества, тогда и Московскія войска могутъ вступить въ Польшу и дѣйствовать непріятельски. 2) Когда Порта захочетъ выслать Шведскаго короля въ его землю, то вышлетъ, не опредѣляя времени и пути; если захочетъ послать его чрезъ Московское государство, то онъ и войска, которыя будутъ его сопровождать, не должны причинять никакого вреда Русскимъ, и

обратно — русскіе не должны вредить имъ. 3) На западной сторонѣ Днѣпра за Россіею остается только Кіевъ съ принадлежащими къ нему землями и мѣстами; отъ козаковъ же, живущихъ на западной сторонѣ, царское величество отнимаетъ свою руку и отъ полуострова Сѣчи. 4) Между Азовомъ и Черкасскомъ новыхъ крѣпостей не строить. 5) Миръ заключается на 25 лѣтъ. За миръ было заплачено: визирю 30,000 червонныхъ Венеціанскихъ (по 3 рубли 26—24 гривны); муфтію 10,000 червонныхъ; зятю султана, Алипашѣ 10,000; коммиссару султанскому, бывшему въ конференціи 4,000; рейсъ-ефенди 3,000 да мѣхъ соболій; верховному кадію 2,000; Маврокордату 500 червонныхъ и мѣхъ соболій; Англійскому послу 6,000, Голландскому 4,000; переводчикамъ и секретарямъ ихъ 1000, всего съ разными мелкими расходами 84,900 червонныхъ да 22,000 рублей денегъ.

Между тѣмъ Толстой все сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ. 3 февраля 1712 года ему удалось отправить письмо къ Головкину: „Инаго не имѣю что доносить, писалъ онъ, токмо что попрежнему сижу въ тяжкомъ заключеніи, и что день прибавляютъ мнѣ Турки бѣдственнѣйшую тѣсноту. Ради пресвятыя Троицы благоволи возъимѣть о мнѣ бѣдномъ и заключенномъ милостивое попеченіе, чтобъ не умереть съ голоду, какъ и къ домишку моему, въ сиротствѣ сушему, благоволительно призри.“ По заключеніи мирнаго договора съ Шафировымъ, Толстаго освободили изъ едикула и дали дворъ въ Константинополѣ подлѣ двора, занимаемаго Шафировымъ и Шереметевымъ. Извѣщая Головкина о своемъ освобожденіи, Толстой писалъ ему: „Съ кровавыми слезами припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, молю: буди милостивый предстатель всемилостивѣйшему нашему государю, чтобъ умилосердился надо мною и повелѣлъ бы меня изъ сего преисподняго тартара свободить по десятилѣтнемъ моемъ страданіи; аще бы дѣламъ государственнымъ мое здѣсь пребываніе полезно было, я бы не стужалъ и не просилъ милости о свободѣ: а нынѣ въ томъ наигоршая моя печаль, что уже я при семъ дворѣ, какъ видится, дѣйствовать попрежнему не могу, понеже имѣютъ

ко мнѣ Турки великое подозрѣніе, и хотя меня освободили изъ тюрьмы, обаче вельми презираютъ, ниже за министра меня почитаютъ, но живу безъ всякаго дѣла, и по договору, учиненному на рѣкѣ Прутѣ, велми того хотятъ, чтобъ я отсюда поѣхалъ. Нынѣ, возъимѣвъ время дерзновенно доношу мое страданіе и разореніе: когда Турки посадили меня въ заключеніе, тогда домъ мой конечно разграбили, и вещи всѣ растощили, малое нѣчто ко мнѣ прислали въ тюрьму, и то все перепорченное, а меня приведши въ Семибашенную фортецію, посадили прежде подъ башню въ глубокую земляную темницу, зѣло мрачную и срамную, изъ которой послѣднимъ, что имѣлъ, избавился, и былъ заключенъ въ одной малой избѣ семнадцать мѣсяцевъ, изъ того числа лежалъ боленъ отъ нестерпимаго страданія семь мѣсяцевъ, и не могъ упросить, чтобъ хотя единожды прислали ко мнѣ доктора посмотрѣть меня, но безъ всякаго призрѣнія былъ оставленъ, и что имѣлъ и послѣднее все иждивилъ, покупая тайно лѣкарства чрезъ многія руки; къ тому же на всякъ день угрожали мученіемъ и пытками, спрашивая, кому министрамъ ихъ и сколько давалъ денегъ за содержаніе покоя, и наипаче въ то время, когда король Шведскій былъ въ Украйнѣ и Мазепа измѣнилъ; и всѣ сіи смертные страхи терпѣлъ доколѣ прежде бывшему визирю Али-пашѣ отсѣкли голову, тогда и меня о томъ спрашивать престали.“

Государь велѣлъ немедленно освободить Толстаго изъ преисподняго тартара, Головкинъ писалъ ему, что можетъ ѣхать въ Москву; но Турки не пустили его, велѣли дожидаться отъѣзда Шафирова и Шереметева, т. е. дожидаться, пока царь исполнитъ всѣ условія договора, и главное, очиститъ Польшу отъ Русскаго войска: „Если, писалъ Толстой въ сентябрѣ, настоящее правительство перемѣнится, то можетъ случиться тоже, что произошло послѣ смѣны визиря Али-паши, ибо ничто такъ Туркамъ не противно, какъ бытность Русскихъ войскъ въ Польшѣ, и если узнаютъ, что нашихъ войскъ тамъ осталась хотя малая часть, то безъ сомнѣнія рано весною война опять начнется и самъ сул-

танъ выступитъ въ походъ." Толстой сообщилъ вѣсти, полученныя имъ отъ пріятелей изъ султанскаго дворца: 16 сентября былъ султанъ у матери своей и съ сердцемъ говорилъ о враждебныхъ намѣреніяхъ царя, который не исполняетъ своего обѣщанія, не выводитъ войскъ изъ Польши: „Надѣюсь на Бога, говорилъ султанъ, что уже впередъ онъ насъ не обманетъ, не взявъ отъ него всей козацкой земли, мира съ нимъ не заключу." Мать возражала, что надобно разузнать прежде, вѣрны ли извѣстія, не затѣваютъ ли этого Шведы? Муфтій, по старой дружбѣ, далъ знать Толстому, чтобъ домогался себѣ отпуску, хотя бы и далъ что-нибудь визирю или кому другому, потому что дѣла опять запутываются: только дадутъ знать изъ Польши, что Русскія войска еще тамъ, султанъ непремѣнно объявитъ войну. Посолъ Французскій „публично изблевалъ ядъ злобы своей къ сторонѣ царскаго величества", говоря, что Франція и Англія безотложно намѣрены помогать интересу Шведскому.

Между тѣмъ Шафировъ, зная, что интриги враговъ продолжаются и по заключеніи мира, не сидѣлъ сложа руки. Онъ сталъ внушать визирю, что Шведы грозятъ свергнуть его и возвести на его мѣсто своего пріятеля Капитанъ-пашу. Визирь велѣлъ отвѣчать: „правда, что я стараніемъ о благѣ обоихъ государствъ и о сохраненіи мира нажилъ себѣ много враговъ и чуть головы не потерялъ: но теперь надѣюсь на Бога и на свою правду, что непріятели не могутъ мнѣ повредить, и хотя Шведы лжами своими многихъ одолѣли, но меня не одолѣютъ, султанъ уже послалъ сказать Шведскому королю, чтобъ онъ больше на него не надѣялся, а ѣхалъ бы изъ его государства, ибо весь народъ не хочетъ его болѣе видѣть въ своей землѣ. Пишите къ вашему государю, чтобъ поскорѣе присылалъ подтвердительную грамоту и выводилъ войска свои изъ Польши: этимъ онъ зажметъ ротъ непріятелямъ своимъ." Шафировъ не нуждался въ совѣтахъ визиря, чтобъ умолять свое правительство о скорѣйшемъ исполненіи Турецкихъ требованій; онъ писалъ также, что надобно задарить хана Крымскаго и Бен-

дерскаго пашу, вредныхъ своею враждою къ Россіи, послать Французскому королю жалобу на его министра въ Константинополѣ, постоянно дѣйствующаго въ пользу Карла XII; писалъ, что Рагоци Венгерскій также враждебенъ Россіи и потому надобно его схватить и послать соболей ловить, объявивши цесарю, что это дѣлается для него; писалъ, что бывшаго господаря Кантемира надобно взять изъ Харькова куда-нибудь подальше, чтобъ непріятели не знали, гдѣ онъ и не внушали Портѣ ничего противнаго о царскомъ величествѣ, а Кантемиру, по его прежнимъ поступкамъ въ Константинополѣ, вѣрить нечего, потому что и на патріарха, и на брата своего, и на Валахскаго господаря доносилъ много разъ; Шафировъ писалъ, чтобъ недовѣрять ни господарю Валахскому, ни патріарху іерусалимскому, потому что оба Турецкіе пріятели, и патріархъ уже былъ назначенъ *козацкимъ* патріархомъ. „Изо всѣхъ Грековъ, доносилъ подканцлеръ, ни мы, ни Петръ Андреевичъ не сыскали пріятеля, ни добраго человѣка, и бѣгутъ отъ насъ какъ отъ чумы."

Довѣриться было некому, а враги дѣйствовали постоянно и ловко. Шведскій посланникъ писалъ великому визирю, что интересы Порты и Швеціи одинаковы, потому что Москва имъ обоимъ злой врагъ; она съ каждымъ днемъ усиливается; извѣстно, что царь хочетъ быть императоромъ Греческимъ, безпрестанно увеличиваетъ свое войско, безпрестанно обучаетъ его воинской дисциплинѣ; его намѣреніе — одолѣвъ Шведовъ, начать войну съ Портою, при чемъ крѣпко надѣется, что какъ только приблизится къ границѣ, то всѣ христіанскіе подданные султана перейдутъ на его сторону. Этотъ замыселъ его явенъ: Курфирстъ Саксонскій возстановленъ имъ въ Польшѣ съ условіемъ, чтобъ уступилъ ему провинціи, находящіяся на границахъ оттоманскихъ, т. е. Подолію, Украйну, Волынь и половину Литвы. Москвичи уже взяли нѣсколько порубежныхъ мѣстъ въ Польшѣ — ясный знакъ, что договоръ приводится въ исполненіе, хотя дѣло и содержится въ великой тайнѣ. Для уничтоженія замысловъ обоихъ государей одно средство у

Порты: король Августъ похититель чужаго престола, Поляки его не любятъ и у него нѣтъ собственныхъ средствъ держать ихъ въ страхѣ, держится только союзомъ Московскимъ; теперь Августъ отправляетъ къ Портѣ своего посла Рыбинскаго; Портѣ стоитъ только отказать этому послу, объявивъ, что не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ Августомъ, ибо признаетъ законнымъ королемъ Польскимъ только Станислава; въ слѣдствіе этого объявленія Поляки станутъ выгонять Августа, его мѣсто займетъ Станиславъ, другъ Порты, и такимъ образомъ упадутъ всѣ замыслы царя Московскаго, и Оттоманская имперія останется въ безопасности и покоѣ.

Шафировъ принималъ свои мѣры; онъ послалъ сказать визирю, что Шведскій король, если не получитъ отъ Порты требуемыхъ денегъ, именно 1200 мѣшковъ, хочетъ занимать деньги у купцовъ Англійскихъ и Французскихъ; и теперь Шведскій посланникъ, занимая деньги, даетъ по 40 и по 50 процентовъ; если Шведскій король добудетъ денегъ, то употребитъ ихъ на подкупы для произведенія нужныхъ ему перемѣнъ, и прежде всего для перемѣны визиря; и потому царскіе министры совѣтуютъ верховному визирю призвать Англійскаго посла и сказать ему, чтобъ запретилъ своимъ купцамъ давать деньги взаймы Карлу XII, особенно двоимъ купцамъ, братьямъ Кукъ, которые очень склонны къ Шведу; по 18 іюня Карлъ XII набралъ у Французскихъ и Англійскихъ купцовъ около 800 мѣшковъ левковъ, кромѣ того, что отъ Порты дано ему 500 мѣшковъ и ежедневно дается по мѣшку: можно угадать, куда онъ эти деньги дѣвалъ. Визирь отвѣчалъ, что посовѣтуется съ рейсъ-ефенди; а рейсъ-ефенди сказалъ, что дѣло опасное, если султанъ провѣдаетъ.

Шафировъ счелъ нужнымъ подкупить Бастанжи-пашу по его близости къ султану: обязанный по должности своей находиться на кормѣ судна во время султанскихъ прогулокъ по водѣ, Бастанжи-паша пользовался этимъ временемъ и подавалъ султану, мимо визиря, предложенія Шведскаго и Французскаго пословъ; подкупленъ былъ также Шведскій переводчикъ, сообщавшій содержаніе переписки между сул-

таномъ и Карломъ XII и посольскихъ конференцій. Старыя связи Толстаго во дворцѣ были также выгодны: кегая султановой матери далъ ему знать, что Шведскій король прислалъ къ ней въ подарокъ часы и серьги въ 5000 левковъ съ просьбою, чтобъ она уговорила сына дать ему, королю, сильный конвой для провожанія въ Швецію и 1200 мѣшковъ левковъ; кегая спрашивалъ у Толстаго совѣта, принимать ли королевскій подарокъ или нѣтъ? Толстой и Шафировъ, посовѣтовавшись вмѣстѣ, послали сказать кегаѣ, чтобъ султанша не принимала подарка и отказала Шведу во всѣхъ просьбахъ, за что получитъ съ царской стороны подарокъ цѣннѣе и кегая также забытъ не будетъ; къ султаншѣ отправлено было перо алмазное на шапку, да кушакъ съ алмазами и яхонтами въ 6200 левковъ, а кегаѣ 375 червонныхъ, съ просьбою, чтобъ султанша уговорила сына не давать корму Шведскому королю: Русскіе подарки были приняты, Шведскіе отосланы назадъ; при этомъ султанша велѣла сказать Толстому и Шафирову, что она говорила съ сыномъ, и тотъ обѣщалъ этимъ же лѣтомъ выслать Карла XII. Шведскій переводчикъ далъ знать, что Карлу XII дѣйствительно отказано въ деньгахъ, велѣно выѣзжать безъ отговорокъ и объявлено, что въ провожатые ему больше 8000 войска не дадутъ, потому что султанъ хочетъ отправить его черезъ Польшу дружески. Муфтій объявилъ посланному Шафирова, что такъ какъ Азовъ возвращенъ, то вести войну не для чего и противно ихъ закону, что теперь надобно думать о войнѣ не съ Русскими, а съ Венеціанами, неправедно владѣющими Мореею, на эту войну онъ Муфтій самъ готовъ идти на старости лѣтъ, только бы изжить собаку короля Шведскаго, который еще и теперь пытается огонь возжечь, какъ то сдѣлалъ въ грамотѣ, присланной къ султану; эту грамоту самъ султанъ давалъ ему Муфтію читать; оскорбилъ визиря, не давши ему знать о грамотѣ, и за это надобно ему отомстить, потому что визирь такой у нихъ добрый человѣкъ, какого никто не запомнитъ. Самъ визирь сказалъ секретарю, присланному отъ Шафирова: „Король Шведскій самъ дуракъ и посланникъ его

такой же дуракъ; хотя король мною и пренебрегъ и грамоты своей ко мнѣ не прислалъ; однако я знаю, что въ ней писано; скажи подканцлеру, что съ мула сѣдло уже спало, и если этотъ сумасбродный король будетъ еще упрямиться и ѣхать изъ государства нашего не захочетъ, то мы зашлемъ его въ такую даль, гдѣ онъ можетъ и исчезнуть." То же самое подтвердилъ визирь и самому Шафирову: „Не бойтесь, чтобъ Шведскій король могъ теперь здѣсь чтонибудь сдѣлать, хотя онъ и хлопочетъ, и всюду суется, уподобляясь человѣку, посаженному на колъ: съ тоски то за то, то за другое хватается."

Все дѣло зависѣло теперь отъ Польши, которая должна была дать свое согласіе на проѣздъ Шведскаго короля чрезъ ея владѣнія, должна была постановить условія, на какихъ могла согласиться на это. Но Польша медлила, и дѣло затягивалось. Въ концѣ іюля Шафировъ писалъ царю: „Высылка короля Шведскаго, къ которой у Турковъ столь преизрядная склонность есть, за бездѣльною гордостію и медленіемъ господъ Поляковъ остановилась, и, Богъ вѣсть, не испортится ли это дѣло и вовсе, когда оный король время получитъ здѣсь чрезъ зиму паки факціи свои дѣлать; я въ томъ трудился, сколько моего малаго смыслу и силъ стало, истинно ни денно, ни ночно себѣ покоя не давая, и приведено было то къ доброму окончанію, но что̀ чинить, когда тѣ, отъ кого тотъ пропускъ зависитъ, ничего дѣлать не хотятъ и все портятъ; прошу покорно повелѣть королевскому величеству предлагать и домогаться немедленной присылки полной мочи и указу для его посланника, ибо ежели то замедлится въ зиму, то конечно имъ войны чаять на себя отъ Турокъ. Второе принужденъ вашему величеству по должности своей донести, коль противна Туркамъ вѣдомость о бытіи войскъ вашего величества въ Польшѣ, и какъ визирь отъ того трепещетъ и опасается себѣ конечнаго низверженія или погибели, ежели о томъ салтанъ въ правду увѣдомится. А ежели, чего Боже сохрани, ему перемѣна учинится, то всѣ наши дѣла пойдутъ паки худо, ибо можно сказать, что не какъ бусурманъ, но лучше многихъ христіанъ

съ нами поступаетъ и въ вашихъ интересахъ служитъ, хотя и боязнь великую отъ салтана имѣетъ, самъ совѣты намъ подаетъ и все, что съ нимъ государь его говоритъ, то объявляетъ; и не могу тако я оставить по должности своей рабской вашему величеству не донести, что ежели потребно съ симъ краемъ содержать миръ, то конечно надлежитъ вывесть войско изо всѣхъ мѣстъ польскихъ."

Ханъ доносилъ, что русскія войска остаются въ Польшѣ; визирю и другимъ приверженцамъ мира не оставалось ничего больше дѣлать, какъ предложить султану отправить въ Польшу вѣрнаго человѣка для повѣрки ханскихъ донесеній. Этотъ вѣрный человѣкъ былъ солохоръ или подконюшій; Шафировъ обѣщалъ ему шубу добрую соболью и до двухъ тысячь червонныхъ, ели онъ будетъ доброхотствовать царской сторонѣ; не надѣясь впрочемъ ни на шубу, ни на червонцы, Шафировъ отправилъ въ слѣдъ за солохоромъ капитана Жидовинова и переводчика Антонаки, которые должны были хлопотать въ Польшѣ, чтобъ солохоръ былъ задержанъ какъ можно долѣе на границѣ и давать знать русскимъ войскамъ, чтобъ убирались какъ можно скорѣе изъ Польши; самъ визирь секретно прислалъ сказать Шафирову, не можетъ ли онъ уговорить польскаго посланника, чтобъ Поляки на время *прикрыли*, если еще русскія войска не успѣли выйти изъ Польши.

Прикрыть было трудно: ханъ не переставалъ доносить, что русскихъ войскъ въ Польшѣ было много; Шведы зная, какъ сильна русская или мирная партія, и что обычнымъ путемъ, черезъ визиря, нельзя ничего донести султану, подали ему донесеніе въ пятницу, когда онъ шелъ въ мечеть. Султанъ вслѣдствіе этого велѣлъ крѣпко держать русскихъ пословъ и прекратить сношенія Шафирова съ Толстымъ. Визирь объявилъ Шафирову султанскимъ именемъ, что если царь не выведетъ войскъ своихъ изъ Польши, то миръ не состоится; визирь говорилъ съ сердцемъ: „Вамъ бы посламъ можно было донесеніемъ своимъ однажды сдѣлать, чтобъ войскъ русскихъ въ Польшѣ не было, и тотъ бы проклятый король Шведскій не могъ ничѣмъ отговориться, долженъ

былъ бы выѣхать.“ Шафировъ увѣрялъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ: „но что изъ этого, что ихъ тамъ нѣтъ, говорилъ онъ: король Шведскій всеже отсюда не поѣдетъ, если силою не будетъ высланъ, ибо онъ видитъ, что его порта поитъ и кормитъ и всѣмъ довольствуетъ, а пріѣхавъ ему въ свою землю безъ силы и денегъ, никакой пользы не сыскать; сила его ясно оказывается изъ того, что во всю его бытность въ Турціи ни одного пенязя изъ его королевства къ нему не прислано; много хваталъ онъ войсками своими, а теперь эти войска и своей земли оборонить не могутъ: такъ видя свое худое состояніе и не имѣя надежды помочь себѣ собственными средствами, ищетъ онъ какъ бы ввесть Порту опять въ войну, и не поѣдетъ отсюда до тѣхъ поръ пока не получитъ отъ Порты подъ свою команду 100.000 Турокъ да тысячъ 50 или 30 Татаръ, чтобъ войдти съ ними въ Польшу и дѣйствовать тамъ по своей волѣ“. Визирь повторялъ свое: „Еслибъ тотъ проклятый дьяволъ не мутилъ, то бы никакихъ трудностей не было; но правда-ли, что Русскія войка не будутъ зимовать въ Польшѣ?“

Правда! говорилъ Шафировъ.—Неправда! говорилъ французскій посланникъ въ своемъ меморіалѣ: царь стоитъ въ рединѣ Польши съ большимъ войскомъ. Султанъ сердился, грозилъ войною, визирь былъ въ отчаяніи. Ему объясняли, что Русскія войска вышли изъ Польши въ Померанію, а изъ Помераніи назадъ имъ другой дороги нѣтъ, какъ опять черезъ Польшу. „Вы насъ обманули! приказывалъ визирь говорить Шафирову: зачѣмъ вы при заключеніи мира не сказали, что вашимъ войскамъ ни въ Померанію, ни изъ Помераніи нѣтъ другой дороги, какъ черезъ Польшу? Вы насъ обманули, и султанъ на меня гнѣвается!“ 24 сентября визирь позвалъ Шафирова въ конференцію и объявилъ: „Если вашему государю нуженъ миръ, то опредѣлите теперь путь, какимъ ваши войска могли бы пройдти изъ Помераніи домой, только не чрезъ Польшу, а если пойдутъ войска изъ Помераніи чрезъ Польшу, то знайте, что миръ разорвется“.—„Непріятели царскаго величества, отвѣчалъ Шафировъ, внушаютъ вамъ, что Русскія войска въ

Польшѣ и проходятъ чрезъ нее. Русскія войска находятся въ Помераніи, и когда нужно имъ будетъ возвращаться назадъ, то могутъ сыскать путей довольно; но мы здѣсь, не зная воли государя своего, опредѣлять ничего не можемъ. Еслибъ было нужно идти имъ и чрезъ Польшу, то этой дороги только на нѣсколько миль; мы вамъ объявимъ, когда они пойдутъ черезъ Польшу, и вамъ отъ этого прохода войска опасаться ничего не слѣдуетъ, потому что отъ ихъ дороги до вашихъ границъ 200 миль. О Помераніи вамъ говорить не слѣдуетъ, потому что о ней въ договорѣ не упоминается". Визирь настаивалъ на своемъ: „Намъ дѣла нѣтъ, что царскія войска теперь въ Помераніи; царское величество какъ изволитъ: хочетъ Померанію беретъ, хочетъ не беретъ,—намъ нужно только, чтобъ Русскія войска шли изъ Помераніи не чрезъ Польшу. Не думайте, что мы придираемся, желая нарушенія мира; мы говоримъ только для того, чтобъ совершенно окончить пунктъ о Польшѣ, который всего нужнѣе Портѣ. Если царское величество изволитъ и впредь чужія земли и города воевать и забирать, то пусть для прохода войскъ своихъ сыщетъ другой путь, только не черезъ Польшу." Шафировъ принужденъ былъ, при посредствѣ Англійскаго и Голланскаго пословъ, составить слѣдующую статью: царскія войска будутъ возвращаться изъ Помераніи въ Россію моремъ; если же понадобится имъ возвратиться зимою сухимъ путемъ то должны идти не чрезъ средину Польши, но близъ берега Балтійскаго моря владѣніемъ Польскимъ и могутъ пройдти этимъ путемъ только одинъ разъ [135]. Но за эту статью Шафировъ получилъ выговоръ отъ царя: „Претензія Турская, писалъ ему Петръ, — чтобъ, не захватывая Польши, наши войска шли изъ Помераніи въ Россію, не иное что только чтобъ изъ васъ вымуча письмо, имѣть причину разорвать миръ; ибо зѣло удивительно, что сами говорятъ, что инаго пути нѣтъ, а идти заказываютъ. А что вы говорили моремъ, и того за непріятельскимъ флотомъ учинить нельзя; а что чрезъ Датскую землю, то развѣ вы разума отбыли? Будь воля Божія, лишебъ наша была правда: не утѣшишь, кто

хочетъ зла, ничѣмъ, а наипаче чѣмъ невозможно, ибо землю передѣлать нельзя, ниже море осушить, а хотябъ и крилѣ имѣли, тобъ чрезъ оную же землю летѣть, а для отдохновенія на онойжебъ садиться. Что же о выводѣ войска, истинно никакого нѣтъ"[136].

О статьѣ впрочемъ скоро забыли. 25 октября возвратился солохоръ изъ Польши и объявилъ, что въ ней Русскихъ войскъ еще много. Тогда, не смотря ни накакія оправданія и отговорки, пословъ заперли и потребовали отъ нихъ обязательства, что Русскія войска выйдутъ въ два или три мѣсяца изъ Помераніи, хотя черезъ Польшу, потому что пока Русскія войска будутъ въ Помераніи, царь не можетъ отнять руки отъ Польши и Турки не могутъ быть безопасны: „Такъ какъ мы на это никакъ согласиться не можемъ, то не знаемъ, что̀ изъ этого произойдетъ?" доносилъ подканцлеръ царю. Произошло то, что Шафирова, Толстаго и Шереметева заключили въ Семибашенный за̀мокъ, позволивъ взять съ собою только по три человѣка." Ноября они писали государю: „Посадили насъ въ тюрьму едикульскую, въ которой одна башня, да двѣ избы, всего саженяхъ на шести, и тутъ мы заперты со всѣми людьми нашими всего въ 205 человѣкахъ, и держатъ насъ въ такой крѣпости, что отъ вони и духу въ нѣсколько дней принуждены будемъ померетъ". 29 ноября султанъ выѣхалъ въ Адріанополь, разославши объявленіе войны и указы о сборѣ войска. „Но война, писалъ Шафировъ Головкину, противна всему Турецкому народу и начата одною султанскою волею; султанъ съ самаго начала не былъ доволенъ миромъ на Прутѣ, и взыскивалъ съ великимъ гнѣвомъ на визирѣ и на другихъ, зачѣмъ не воспользовались тогда какъ должно счастливыми обстоятельствами; султанъ непремѣнно хотѣлъ начать войну въ прошломъ году, но визирь съ муфтіемъ, янычарскимъ агою и главными офицерами почти силою принудили его къ миру законною причиною; потому всякимъ образомъ искалъ онъ случая, какъ бы разорвать этотъ миръ и поспѣшилъ воспользоваться извѣстіями, привезенными солохоромъ. Хотя и разглашено въ народѣ, что война на-

чата по справедливости, однако многіе въ томъ сомнѣваются, и если она будетъ неудачна, то ожидаемъ народнаго возстанія противъ султана“[137].

Но когда-то будетъ еще возстаніе, а теперь война объявлена, и царь долженъ снова вести борьбу на сѣверѣ и югѣ. Канцлеръ Головкинъ подалъ мнѣніе: „Такъ какъ царское величество имѣетъ теперь противъ себя двухъ непріятелей, и бóльшая часть войскъ нашихъ въ Помераніи, то надобно противъ Турокъ вести войну оборонительную, и фельдмаршалу Шереметеву стоять при Кіевѣ съ войсками регулярными. Когда непріятель будетъ приходить къ Днѣпру, то надобно затруднять его походъ войсками нерегулярными, истреблять запасы, выжигать траву; и если непріятель приблизится къ Кіеву, то гетману съ козаками стоять на сей сторонѣ Днѣпра и не допускать его до переправы; губернатору Казанскому (Петру Апраксину) съ корпусомъ своимъ и съ Калмыками стоять у Полтавы, а царедворцамъ у Бѣлгорода или у Сѣвска, и смотрѣть, чтобъ не впустить Татаръ въ Украйну. Если Турки, пришедши къ рубежамъ Польскимъ, пошлютъ съ королемъ шведскимъ и его приверженцами часть войскъ для привлеченія Поляковъ къ своей сторонѣ, а король Августъ и гетманы потребуютъ отъ фельдмаршала помощи, то послать часть войскъ нерегулярныхъ, отобравъ лучшихъ, а если нужда потребуетъ, послать къ Бѣлой Церкви или Полонному отрядъ регулярнаго войска изъ конницы для устрашенія непріятеля, только смотрѣть, чтобъ послѣдній не отрѣзалъ этотъ отрядъ отъ Кіева. Кіевскую старую крѣпость надобно держать и безъ крайней нужды не покидать; Бѣлую Церковь и Полонное, кажется, можно держать до тѣхъ поръ, пока непріятель не подойдетъ къ Днѣстру; когда же онъ подойдетъ къ этой рѣкѣ, надобно изъ Полоннаго и изъ Бѣлой Церкви гарнизоны вывести и послѣднюю разорить. Кіевскую губернію, для наступающей войны, надобно, по возможности, отъ податей обольготить. Малороссіянъ какъ въ Кіевъ, такъ и въ прочіе гарнизоны, кажется, можно ввести хотя и до половины противъ солдатъ, ибо они и прежде и недавно

въ Полтавѣ въ гарнизонахъ были и держались хорошо, и не непріятно будетъ это другимъ Малороссіянамъ. При гетманѣ Скороподскомъ для совѣтовъ и всякихъ осторожностей надобно быть кому-нибудь изъ знатныхъ людей. Если падетъ подозрѣніе на кого-нибудь изъ знатныхъ Малороссіянъ, то брать ихъ къ себѣ и удерживать политично; если же кто явно измѣнитъ, съ такимъ поступать какъ съ измѣнникомъ для устрашенія другихъ. Волохамъ, Сербамъ надобно давать жалованье, дабы, смотря на то, и другіе изъ этихъ націй въ службу приходить охоту имѣли"[138].

Въ Россіи хотѣли вести войну оборонительную; а султанъ отправился въ Адріанополь для наступательной войны, и отправился съ большими надеждами: Французы и Шведы указывали ему важныя выгоды, которыя онъ получитъ отъ возстановленія Станислава Лещинскаго на Польскомъ престолѣ, ибо тогда Польша будетъ постоянною союзницею Турціи; король шведскій, придя въ прежнее свое состояніе, вступитъ въ Австрійскія владѣнія, и Порта, въ союзѣ съ нимъ, возвратитъ города потерянные ею въ Венгріи по послѣднему миру. Французскій посолъ отправилъ съ Понятовскимъ слѣдующій меморіалъ для врученія султану: Если царь Московскій опять станетъ просить мира, то надобно предписать ему слѣдующія условія: 1) Города около Азова, по берегу рѣки Дона, на 50 часовъ ѣзды, должны быть разорены; 2) Украйна должна быть отдана или Турціи, или хану Крымскому; 3) король Августъ долженъ отказаться отъ Польши; 4) надобно принудить царя къ миру съ королемъ Шведскимъ, причемъ царь долженъ возвратить всѣ свои завоеванія. Онъ непремѣнно долженъ будетъ просить мира, ибо не въ состояніи бороться въ одно время съ султаномъ, ханомъ Крымскимъ и королемъ Шведскимъ, тѣмъ болѣе, что въ Помераніи войска его и союзниковъ его побѣждены.

Новый 1713 годъ Русскіе послы встрѣтили въ Семибашенномъ за́мкѣ, съ ужасомъ помышляя, что-то будетъ лѣтомъ, когда и зимою съ трудомъ можно было дышать въ тѣсномъ заключеніи. Но вотъ начали проникать къ нимъ въ тюрьму пріятные слухи, что у султана

нелады съ королемъ шведскимъ; узники сначала боялись вѣрить, но слухи начали все болѣе и болѣе подтверждаться, и наконецъ 8 марта Шафировъ отправилъ къ царю радостное донесеніе: „Можно признать милость Божію явную къ вашему величеству, что видя вашу правость, посрамилъ непріятелей вашихъ и обратилъ чудесно мечи ихъ, изощренные на васъ, въ междоусобную между ними брань. Вашему величеству извѣстно, съ какою горячностію султанъ стремился къ начатію этой войны, несмотря ни на чьи совѣты, и сначала превеликую ласковость шведскому посланику и Понятовскому и чрезъ Французскаго посла къ королю шведскому показалъ, 600,000 левковъ къ нему послалъ, лошадей и другихъ даровъ много, совѣтовался съ нимъ тайно и явно о дѣйствіяхъ воинскихъ. Но потомъ, вдругъ, неизвѣстно съ какой причины, отмѣнилъ свое намѣреніе“. Причина была ясна: султану внушали, что какъ скоро онъ объявитъ войну, то царь сейчасъ же пришлетъ къ нему съ просьбою о мирѣ и приметъ всѣ предписанныя ему условія; но царь не присылалъ; значитъ, онъ силенъ, значитъ, Французъ и Шведъ обманули; надобно будетъ весною идти въ Польшу или Россію, а что̀ если неудача? война начата противъ народнаго желанія, вспыхнетъ возстаніе, и можно будетъ поплатиться престоломъ и жизнію. По приказанію султана, ханъ отправился въ Бендеры уговаривать Карла XII ѣхать съ нимъ и съ его Татарами немедленно через Польшу; король, разумѣется, сталъ отговариваться, научилъ и Татаръ бить челомъ султану, что имъ нельзя ѣхать, боятся войскъ царскихъ и саксонскихъ. Султанъ послалъ жестокіе укоры къ королю и хану, чтобъ шли непремѣнно; тѣ не трогались; султанъ послалъ въ другой разъ, чтобъ шли безъ отговорокъ, въ противномъ случаѣ пусть король пріѣзжаетъ къ нему въ Адріанополь. Ханъ испугался и вмѣстѣ съ Бендерскимъ пашею сталъ принуждать короля къ походу, „по варварскому обычаю, какъ писалъ Шафировъ, сурово, а король, по своей солдатской головѣ удалой, сталъ имъ въ томъ отказывать гордо, причемъ присланный султаномъ конюшій грозилъ ему отсѣченіемъ го-

ловы; король на это вынулъ шпагу и сказалъ, что султанскаго указа не слушаетъ и готовъ съ ними биться, если станутъ дѣлать ему насиліе. Тогда Турки отняли у него кормъ, пожгли припасы и амбары и окружили его войскомъ, Карлъ окопался около своего двора, убрался по воинскому обычаю, приготовился къ бою, велѣлъ побить лишнихъ лошадей, между которыми были и присланныя отъ султана, и приказалъ ихъ посолить для употребленія въ пищу. Султанъ, узнавши объ этомъ, послалъ указъ взять Карла силою и привезти въ Адріанополь; если же станетъ противиться, то чинить надъ нимъ воинскій промыслъ". Такъ началась эта „разумная съ обѣихъ сторонъ война", по выраженію Шафирова.

Когда Турки и Татары приблизились къ Шведскому окопу, то Карлъ началъ бить по нихъ изъ двухъ пушекъ и мелкаго ружья, и побилъ немало. Турки привезли пушки изъ Бендеръ; когда окопъ былъ разбитъ, то Карлъ, „храбрый и первый въ свѣтѣ солдатъ," по выраженію Шафирова, засѣлъ въ хоромахъ своихъ и отстрѣливался изъ оконъ; Турки зажгли хоромы; „мудрая голова" сталъ перебираться въ другія хоромы, но на дорогѣ былъ обойденъ янычарами и взятъ въ плѣнъ, потерявши четыре пальца, часть уха и кончикъ носа; Карла съ Кіевскимъ воеводою Потоцкимъ посадили въ Бендерахъ въ тюрьму, окружавшихъ его Шведовъ и Поляковъ, мужчинъ и женщинъ, частію побили, частію разобрали Турки и Татары по себѣ и распродали. „Турки, доносилъ Шафировъ, не ради и стыдятся, что объявили противъ вашего величества войну и въ разговорахъ дивятся, для чего ваше величество никого къ нимъ не пришлетъ для обновленія мирныхъ договоровъ."

Шафировъ и Толстой воспользовались этимъ оборотомъ дѣлъ и отправили въ Адріанополь находившагося у нихъ на жалованьѣ переводчика при Голландскомъ посольствѣ Тейльса [139] внушить султанскимъ ближнимъ людямъ, чтобъ они возобновили переговоры съ ними, Шафировымъ и Толстымъ, ибо царь не пришлетъ другаго посла, опасаясь и ему такого же злаго трактамента. Посланный успѣшно ис-

полнилъ свое порученіе, и 21 марта Шафирову и Шереметеву велѣно было пріѣзжать въ Адріанополь. Какъ здѣсь шли дѣла, всего лучше видно изъ донесенія Шафирова царю отъ 17 апрѣля: „Мнѣ стыдно уже доносить вашему величеству о здѣшнихъ происшествіяхъ, потому что у этого непостояннаго и превратнаго правительства ежечасныя перемѣны. Визирь Юсуфъ-паша, преданный Россіи, былъ смѣненъ Солиманъ-пашею, врагомъ ея; Солиманъ-паша былъ смѣненъ Ибрагимъ-пашею, который прежде былъ капитанъ-пашею. Ибрагимъ началъ было склонно поступать къ интересамъ вашего величества: насъ, освободя изъ едикула, взяли сюда для трактованія о возобновленія мира, а господина Толстаго съ остальными людьми велѣно освободить и сюда отпустить; визирь обнадеживалъ насъ, что непремѣнно миръ будетъ возобновленъ. А потому не знаю, по какой причинѣ, вѣрно по наговору, обѣщаніямъ или дачамъ Французовъ, которые денно и нощно трудятся, чтобъ возобновить войну, превратный визирь 13 апрѣля собралъ великій совѣтъ и объявилъ, что надобно ему идти въ походъ къ границамъ вашего величества и взять съ собою насъ и Польскихъ пословъ.“ Но вслѣдъ за этимъ Ибрагима смѣнили, и Рейсъ-ефенди велѣлъ сказать Шафирову: „радуйтесь перемѣнѣ визирской, она вамъ выгодна, султанъ перемѣнилъ Ибрагима, увидавъ, что онъ дуракъ, не можетъ дѣлами порядочно управлять и превратенъ, былъ мужикъ простой, изъ морскихъ солдатъ; дня два посидите тихо, а потомъ васъ позовутъ.“ Но Шафировъ не могъ сидѣть тихо, и написалъ два меморіала для султана и муфтія, „потому что, писалъ Шафировъ, Французскій посолъ и Понятовскій мечутся какъ бѣшеныя собаки, и я принужденъ нынѣ послѣднія силы и умишко въ томъ употребить; за грѣхъ нынѣ я весьма одинъ и не имѣю помощника въ совѣтахъ, и для того ожидаю съ желаніемъ господина Толстаго.“

Когда начались переговоры, то Турки выставили два новые пункта, на которые Шафировъ никакъ не могъ согласиться. Первый пунктъ состоялъ въ томъ, чтобы возобновлена была ежегодная дача Крымскому хану; второй въ

томъ, чтобъ граница проведена была между рѣками Самарою и Орелью, и по этой границѣ съ Турецкой стороны поселены были Запорожцы, измѣнившіе Россіи. Для отстраненія перваго пункта Шафировъ обратился къ хану, дарилъ его, обѣщалъ дать въ Адріанополѣ тайно 30,000 левковъ, обнадеживалъ, что и царь будетъ обсылать его подарками; но Ханъ былъ непреклоненъ, прислалъ подарки назадъ съ ругательствомъ, грозилъ, что если послы не согласятся на эти два пункта, то будутъ посажены въ ямы и сгніютъ. Рейсъ-ефенди также прислалъ сказать Шафирову, что если два пункта не будутъ приняты, то непремѣнно откроется война. „И понеже, доносилъ Шафировъ царю 16 мая, намъ дѣлать болѣе нечего, и на сіи два пункта позволить невозможно, полагаемся на волю Божію и готовы страдать за интересъ вашъ; только радуемся, что хотя съ безчестіемъ нашимъ, а сія кампанія безплодна у нихъ пройдетъ, ибо время упоздало, только надлежитъ въ доброй готовности и вооруженіи быть отъ нападенія Татарскаго.“

На новыхъ конференціяхъ послы согласились, чтобъ граница была проведена между Самарою и Орелью на половинѣ; но никакъ не согласились на поселеніе здѣсь козаковъ, измѣнившихъ Россіи, не согласились и на ежегодную дачу хану, хотя Турецкіе коммиссары объявляли, что миръ, заключенный безъ этого условія, не можетъ быть крѣпокъ. Турки грозили впаденіемъ стотысячнаго Татарскаго войска въ предѣлы Россіи; Шафировъ отвѣчалъ: „Царское величество отъ Татаръ никогда опасенія не имѣлъ и не имѣетъ, и трактуетъ съ Портою, а не съ Татарами, ибо ихъ мужество русскому народу знакомо. Удалось имъ теперь за миромъ войти въ Россію и побрать въ плѣнъ подданныхъ царскихъ, къ чему они заобычны всегда, а во время войны биться неумѣютъ и не охочи.“ Насчетъ Кіевской границы послы согласились, чтобъ она была по договору, заключенному съ султаномъ Магометомъ, т. е. ниже мѣстечка Стаекъ, а отъ этого мѣстечка до самой Сѣчи городовъ строиться не будетъ. Согласились и на то, чтобъ царь не въѣзжалъ въ Польшу хотя бы и безъ войска; а войска русскія

должны оставить Польшу въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Шафировъ согласился на эти условія безъ указа царскаго и, для оправданія своего, изложилъ „*Раціи*," для которыхъ онъ съ Толстымъ разсудили отважиться на заключеніе мира;" въ раціяхъ говорилось: „хотя эти варвары (Турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмѣрно многоденежны и нынѣ имѣютъ благовременство, ибо имѣютъ такихъ учителей, которые всѣ интересы и силу не только Россійскаго государства, но и всей Европы знаютъ и имъ непрестанно внушаютъ, и именно Французскаго посла съ его секретарями и переводчиками, Лещинскаго съ гетманами его въ Бендерахъ, и здѣсь отъ нихъ Понятовскаго и Кришпина: головы преострыя! Король Шведскій хотя не уменъ, но при немъ есть нѣсколько министровъ и генераловъ умныхъ; Орликъ и прочіе измѣнники Черкасы, и Запорожскіе и Донскіе козаки свѣдущи о всемъ внутреннемъ состояніи государства его величества, а имъ всѣмъ промоторъ и ходатай ханъ нынѣшній Крымскій, человѣкъ преострый и за неполученіе своего запроса о дачѣ погодной весьма на насъ непримирительно озлобившійся, такъ что ничѣмъ его склонить не могли. Маврокордато сказалъ намъ: Не думайте, что войска Турецкія пойдутъ прямо на Кіевъ, ибо и сами они то вѣдаютъ, что имъ то опасно и трудно; у нихъ есть способъ лучшій войну продолжать черезъ короля Шведскаго и Лещинскаго, давъ имъ денегъ довольно, и съ знатнымъ корпусомъ войска ввести ихъ въ Польшу и принудить оную отступить отъ Августа, принять Лещинскаго и соединить оружіе противъ царскаго величества, вѣдая что Францція и иныя области христіанскія королю Шведскому противъ царскаго величества вспомогутъ; притомъ Порта, имѣя у себя головы умныя и знатныя изъ царскихъ подданныхъ, надѣется и козаковъ на свою сторону склонить."

Шафировъ безпокоился тѣмъ болѣе, что считалъ канцлера Головкина своимъ врагомъ: „Я имѣю сильныхъ непріятелей, писалъ онъ, межъ которыми ясно себя мнѣ показалъ главный мой товарищъ господинъ канцлеръ: во все мое двух-

лѣтнее здѣсь пребываніе ни одного указа и обстоятельнаго отвѣта мнѣ не прислалъ, а только отвѣчалъ о пріемѣ моихъ писемъ." Въ своемъ безпокойствѣ подканцлеръ обратился къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: „Мы новый договоръ о мирѣ на мѣрѣ поставили; однако же въ томъ обрѣтаюсь въ великой печали, что сіе принужденъ учинить, не получа новаго указа, понеже тому съ 8 мѣсяцевъ, какъ ни единой строки отъ двора вашего ни отъ кого писемъ не имѣли. Того ради прошу о всемилостивѣйшемъ предстательствѣ ко государю, дабы того за гнѣвъ не изволилъ принять, что я не смѣлъ сего случая пропустить и сей миръ заключилъ, дабы изволилъ повелѣть на сей трактатъ немедленно прислать ко мнѣ подтвержденную грамоту, чтобъ отъ медленія присылки тѣхъ грамотъ, какъ и въ прошломъ году учинено, непріятели ваши не нашли паки случая сей миръ разорвать, и мнѣ бы, сирому вашему рабу, отъ сихъ варваровъ не пострадать смертью, какъ и нынѣ тѣмъ многократно угрожали и всеконечно убить хотѣли, называя насъ обманщиками, и пять мѣсяцевъ въ такой тюрьмѣ насъ морили, въ которой ежелибъ не явное чудо Божіе насъ спасло, невозможно бы было живымъ быть, и понеже я сирый никакой иной помощи и заступленія, кромѣ вашей государской милости, которою я взысканъ, не имѣю, но наипаче чаю заочно и многихъ непріятелей безвинно имѣю: того ради припадаю къ стопамъ ногъ вашего величества, со слезами прося, меня, своего раба, по всемилостивѣйшему обѣщанію своему, данному мнѣ при отпускѣ моемъ, въ сей погибели не оставить."

14 іюня новый великій визирь, Али-паша, созвалъ къ себѣ сановниковъ и офицеровъ и спросилъ, начинать ли войну изъ-за двухъ пунктовъ, которыхъ не принимаютъ Русскіе послы? Муфтій, которому Шафировъ посулилъ 10,000 левковъ и мѣхъ соболій, отвѣчалъ, что война будетъ незаконна, ибо царь выполнилъ условія договора; остальные согласились съ мнѣніемъ муфтія, и это рѣшеніе отправлено было къ султану, который отвѣчалъ, что и онъ согласенъ на миръ; а 15 августа послы были обрадованы письмомъ го-

ловкина отъ 15 іюля изъ Петербурга, что царское величество доволенъ заключеннымъ договоромъ[140].

Покончили съ Турками; не щадя ни червонныхъ, ни мѣховъ собольихъ, отклонили опасную войну, могшую помѣшать счастливому веденію войны Сѣверной; надобно было вознаградить и союзниковъ, поставленныхъ въ очень непріятное положеніе Прутскимъ миромъ. Въ октябрѣ 1711 года царь получилъ грамоту изъ Черногоріи, отъ воеводъ, князей и прочихъ всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ Зетскихъ и Черногорскихъ. Воеводы и князья писали, что они царскія грамоты радостно получили и по желанію государя радостно служить начали. Война началась 15 іюня и первая битва произошла близь Гадска въ Захелміи, а другая тамъ же близь города Ниша, палили деревни и села, а города взять не могли за неимѣніемъ оружія; еще имѣли битву съ Турками близь поморія Діоклетіанова, и Турокъ прогнали. 20 сентября Черногорцы просили, чтобъ царское величество наградилъ ихъ за это, и не далъ въ посмѣхъ, чтобъ христіанъ привесть въ соединеніе, не прельщались бы они на супостатскія деньги по своей скудости.

Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило войну. Черногорцы заключили перемиріе съ Турками; Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ; но сношенія съ Черногоріею этимъ не прекратились. Въ ноябрѣ 1713 года митрополитъ Даніилъ писалъ царю, прося рѣшительнаго отвѣта, что̀ дѣлать Черногорцамъ? „Мы съ непріятелями до сихъ поръ еще вѣрнаго мира не имѣемъ, писалъ митрополитъ; также и Венеціане озлобляютъ насъ тайнымъ лукавствомъ, сносятся съ Турками къ нашему вреду, не пропускаютъ купцовъ ни своихъ къ намъ, ни нашихъ къ себѣ, торговля остановилась, и народъ живетъ въ тѣснотѣ и скудости. Премилостивѣйшій государь, царь непобѣдимый! призри на озлобленіе наше, наставь насъ, что̀ намъ дѣлать! и какъ отъ враговъ нашихъ спасеніе получить?“

Посланникъ владыки, архидіаконъ Максимъ, ждалъ отвѣта до конца 1714 года, когда ему на его статьи было объ-

явлено: Бояре и воеводы тамошнихъ мѣстъ, которые не могутъ оставаться въ отечествѣ своемъ, или хотятъ переселиться въ государство его царскаго величества, могутъ пріѣзжать въ Россію съ свидѣтельствомъ отъ митрополита: имъ будутъ даны земли, годныя для поселенія, а денежной дачи, за нынѣшнимъ военнымъ временемъ, дать имъ невозможно. Монахи разоренныхъ Турками монастырей, не имѣющіе мѣста и пропитанія, также могутъ переселяться въ Россію и жить въ здѣшнихъ монастыряхъ. Знаковъ милости царской, какъ-то портретовъ и т. п. давать теперь за мирнымъ съ Турками постановленіемъ невозможно, развѣ когда Турки вступятъ дѣйствительно въ войну съ Венеціанами и въ такое состояніе придутъ, что опасности отъ нихъ не будетъ. Митрополиту архіерейскія одежды, книги и прочее церковное украшеніе дано будетъ; а грамотъ къ митрополиту и къ народу теперь послать нельзя, ибо неизвѣстно, гдѣ они теперь обрѣтаются: есть извѣстія, что они Турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ.

Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію самъ владыка Даніилъ и получилъ за разореніе отъ Турокъ десять тысячъ рублей, полное архіерейское облаченіе, книги. Кромѣ того *министры тайнаго колегія* (Головкинъ, Шафировъ, Петръ Толстой) приговорили сверхъ посылаемыхъ въ Черногорію церковныхъ сосудовъ, одеждъ и десяти тысячъ рублей послать за ихъ службы 160 портретовъ для начальныхъ людей, всего на 1000 золотыхъ червонныхъ. Наконецъ, государь, вѣдая подлинно, что Черногорія раззорена Турками за то, что жители ея единовѣрны съ Русскими, и за то, что во время послѣдней войны они сражались за благочестивую вѣру, соизволилъ изъ монастыря Цетинскаго Черногорскаго Рождества Богородицы присылать въ Россію черезъ два года въ третій за милостынею по два и по три монаха, да по два и по три бѣльца, которые будутъ получать въ каждый пріѣздъ по 500 рублей. Въ царской грамотѣ, данной при этомъ, сказано: „За нынѣшнею долгопротяжною съ еретикомъ королемъ Шведскимъ войною, на которую многія иждивенія употреблять мы принуждены, да-

бы онуio какъ наискоряе окончить, не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденіе учинить; а впредь, когда мы миръ благополучный получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся, не оставимъ за ту вашу вѣрную службу вяще наградити."

Милорадовичъ вступилъ въ Русскую службу и сдѣланъ былъ Гадяцкимъ полковникомъ. Кромѣ него вступили въ Русскую службу другіе Молдавскіе, Волошскіе и Сербскіе офицеры, турецкіе и цесарскіе подданные. Ихъ размѣстили: полковниковъ Кегича и Танскаго въ Кіевской губерніи, съ ихъ офицерами и рядовыми; а Валахскаго полковника Гиню, четырехъ ротмистровъ, поручика, девять офицеровъ, двухъ капитановъ Сербскихъ и 148 рядовыхъ Сербовъ въ Азовской губерніи. Для житья имъ и *контентованія* отведены въ слободскихъ полкахъ — полковникамъ по мѣстечку или по знатному селу, а прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ; на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ, причемъ имъ объявлена царская воля: для лучшаго имъ офицерамъ удовольствованія и пожитка даны будутъ земли, на которыхъ могутъ они поселить людей изъ своихъ народовъ, и потому пусть такихъ людей къ себѣ призываютъ, пишутъ и посылаютъ за ними въ свои края нарочно; надъ этими людьми будутъ они имѣть въ военное время команду, а въ мирное время отъ нихъ пожитокъ.[141]

Въ приведенныхъ сношеніяхъ Шафирова съ Турецкимъ правительствомъ впервые выразилась ясно тѣсная связь Турецкаго или Восточнаго вопроса съ вопросомъ Польскимъ въ русской исторіи. Французъ и Шведъ постарались открыть глаза Туркамъ, и тѣ начали повторять, что для нихъ важнѣе всего, чтобъ царь не вмѣшивался въ Польскія дѣла и не вводилъ войскъ своихъ въ Польшу. По этой тѣсной связи двухъ вопросовъ мы должны обратиться къ Польшѣ и посмотрѣть, какъ опредѣлились отношенія ея къ Россіи въ описываемое время.

Спѣша загладить позоръ Прутскій успѣхами въ Сѣверной войнѣ, и зная, что эти успѣхи во многомъ зависѣли отъ союза съ Польшею, возможностію проводить войска

черезъ ея владѣнія, Петръ 17 іюля, извѣщая своего посланника въ Польшѣ, князя Григорія Долгорукаго о Прутскомъ мирѣ, писалъ: „Можешь короля вѣрно обнадежить, что этотъ миръ служитъ къ великой пользѣ нашимъ союзникамъ, потому что теперь мы праздны со всею арміею, и пошлемъ какъ можно скорѣе добрую часть войска къ Помераніи, и сами пойдемъ въ Пруссію къ Эльбингу, чтобъ тамъ ближе имѣть сношенія объ этомъ дѣлѣ“ [143]. Мы видѣли изъ писемъ царя къ Шафирову, что̀ заставляло его медлить выводомъ Русскихъ войскъ съ юга Польскихъ владѣній; то же писалъ онъ и Долгорукому въ началѣ сентября: „Я видѣлся у Ржевускаго со всѣми гетманами и прочими принципалами, которые единогласно просили, чтобъ не выводить войска нашего; они очень боятся, чтобъ мы не оставили ихъ вовсе; я ихъ накрѣпко обнадежилъ, что не оставимъ. Богъ вѣсть ихъ внутреннее, а нынѣ не въ примѣръ кажутся ласковы“ [143]. Въ случаѣ крайности Петръ рѣшался вывести всѣ войска изъ Польши; но онъ никакъ не хотѣлъ понимать извѣстнаго пункта Прутскаго договора такъ, что онъ не имѣетъ права проводить свои войска черезъ Польскія владѣнія, и двигая ихъ въ Померанію, далъ въ октябрѣ такой наказъ сыну своему, царевичу Алексѣю: „Что дѣлать въ небытіи моемъ сыну моему въ Польшѣ? 1) Сбирать магазейны и устроивать по рѣкамъ обѣимъ Вартамъ, которыя тянутъ въ Померанію, а именно на 30,000 человѣкъ на 6 мѣсяцевъ по 2 фунта хлѣба, по полфунту мяса или по четверти фунта масла, крупъ четверть четверика на мѣсяцъ, соли фунтъ на недѣлю. И для сего надлежитъ устроить коммиссаровъ, какъ своихъ, такъ и польскихъ, и сначала универсалы послать съ срокомъ, а потомъ посылать на экзекуцію офицеровъ и солдатъ. 2) Подъ оные магазейны надобно приготовить плотовъ и судовъ, чтобъ при первомъ вскрытіи воды возможно оное сплавить къ Штетину, сей магазинъ, кромѣ того числа, которой нынѣ въ осень отпустить за корпусомъ Боуровымъ. 3) Для сего магазину употреблять драгунъ, которые оставлены будутъ отъ корпуса Боурова, а надъ ихъ офицерами всегда посылать офицеровъ отъ гвардіи, и на-

передъ передъ посылкою всѣмъ офицерамъ сказать: ежели кто чрезъ указъ возметъ что у Поляковъ, то казненъ будетъ смертію, и чтобъ всѣ тотъ указъ подписали, дабы никто невѣдѣніемъ не отговаривался; а кто сіе преступитъ и отъ кригсрехта обвиненъ будетъ, то безъ всякаго пардона экзекуцію чинить, и самому накрѣпко при тѣхъ кригсрехтахъ смотрѣть, дабы фальши не было. Сію экзекуцію совершать не описываясь до полковника, а буде полковникъ или выше кто то учинитъ, такихъ по осужденію кригсрехта держать за карауломъ и писать къ намъ."

Но Нѣмцы, поступавшіе въ Русскую службу съ единственною цѣлію обогащенія, продолжали думать, что строгіе указы царскіе относятся только къ Русскимъ. Вотъ что писалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій о поведеніи одного изъ этихъ западно-европейскихъ козаковъ: „Опредѣленъ былъ къ моей дивизіи генералъ-квартермистръ фонъ-Шицъ въ то время, когда обѣ дивизіи шли отъ Прутской границы къ Торну: тогда еще началъ помянутый генералъ-квартермистръ показывать себя, бралъ съ Поляковъ червонные; я ему говорилъ, чтобъ онъ отъ взятокъ унялся; но онъ не унялся, началъ брать деньгами и подводами подъ свой багажъ, и за фуражъ хотѣлъ брать деньгами. Пріѣзжалъ ко мнѣ коммиссаръ съ великою жалобою, также и шляхтичъ, у котораго Шицъ взялъ 10 лошадей до Данцига, послалъ человѣка своего на двухъ лошадяхъ, а остальныхъ взялъ съ собою и не хотѣлъ отдать, просилъ 10 червонныхъ. Потомъ сталъ онъ меня просить, чтобъ ему собирать провіантъ, а безъ того дѣла своего не хотѣлъ дѣлать, и чтобъ Польскій коммиссаръ безъ его воли ничего не дѣлалъ; а коммиссаръ мнѣ сказалъ: если мнѣ быть въ его волѣ, то я пойду къ королю, потому что я королемъ и Рѣчью Посполитою назначенъ для прокормленія русскаго войска; а въ пунктахъ отъ фельдмаршала намъ написано: по вступленіи въ Польшу требовать провіанта отъ коммиссаровъ Польскихъ, и если коммиссары будутъ давать провіантъ, то на экзекуціи для сбора провіанта отнюдь не посылать. И я Шицу въ сборѣ провіанта отказалъ, потому что это не

его дѣло: управлялъ бы онъ своею частію, занималъ квартиры на дивизію и расписывалъ по полкамъ, смотрѣлъ бы того, чтобъ въ квартирахъ была людямъ выгода, чтобъ всѣ были подъ кровлею, чтобъ марши были не велики. На это Шицъ мнѣ отвѣчалъ: если не будетъ онъ собирать провіанта, то не будетъ и своего дѣла исправлять, и поѣхалъ въ Пруссію. А я, видя въ немъ такого на корысть слабаго человѣка, дать ему волю боялся гнѣва вашего величества, особенно по нынѣшнему въ Польшѣ непостоянству, и отъ фельдмаршала намъ въ пунктахъ жестоко подтверждено, что все на насъ взыщется и за всю дивизію буду я отвѣчать. Весьма корыстный человѣкъ этотъ Шицъ и никакого стыда въ корысти не имѣетъ: генералу Боуру говорилъ, что онъ для того только и въ службу вашего величества пошелъ, чтобъ идучи чрезъ Польшу, суму денегъ себѣ достать."

Въ концѣ 1711 года посолъ Долгорукій далъ знать, что поѣхалъ лѣчиться въ Карлсбадъ. Будучи въ Дрезденѣ, 29 февраля 1712 года, онъ получилъ царское письмо: „Сколь скоро допуститъ ваше здравіе, писалъ Петръ, то немедленно поѣзжайте на съѣздъ въ Варшаву, и тамъ, будучи при королевскомъ величествѣ и при чинахъ Рѣчи Посполитой, престерегайте нашъ интересъ, а особливо королю и кои надежнѣй Поляки объяви: ежели будетъ что происходить отъ Турковъ о томъ пунктѣ, которой въ мирномъ договорѣ у насъ съ ними учиненъ, что намъ до Польши не интересоваться, то объяви, что оной состоитъ въ той силѣ, что намъ изъ ихъ владѣнія ничего къ себѣ не присвоять и не претендовать, и въ ихъ дѣла, которыя касаются управленія ихъ государства, не мѣшаться, а не въ такой силѣ, чтобъ войскамъ нашимъ не имѣть проходу чрезъ Польшу въ непріятельскія границы, въ Померанію; и ежели будутъ о томъ, такожъ и о тѣхъ, которые при обозахъ обрѣтающихся войскъ въ Помераніи оставлены, Турки упоминаться, тобъ они писали отъ себя къ Туркамъ, что тѣ войска по союзу ихъ съ нами, учиненному чрезъ воеводу Хелминскаго господина Дзялинскаго, посылаются отъ насъ ради дѣйствъ въ

Помераніи противъ непріятеля, короля Шведскаго, и что мы въ ихъ дѣла ничѣмъ не интересуемся, дабы въ томъ у Турковъ отъ насъ всякія подозрѣнія тѣмъ отнять, и чтобъ они прежде назначеннаго воеводу Мазовецкаго конечно послали отъ себя въ послахъ къ Туркамъ и съ нимъ о томъ къ Туркамъ писалижь. О семъ наипаче королю говори, ибо его собственной въ томъ интересъ: ибо ежели они сего не учинятъ, а Турки, толкуя сей пунктъ инако, будутъ намъ объявлять, что ежели не выведемъ войска, то войну объявятъ, тогда мы принуждены будемъ вывесть, и такъ все опровержется. Такожь объяви королю, что мы обѣщанныя войска въ Померанію конечно пошлемъ, хотя бъ противъ всякаго чаянія Турки и миръ разорвали, и я самъ буду, ежели они чрезъ посольство Туркамъ противъ вышеписаннаго объявятъ, ибо у Кіева для всякой осторожности фельд маршала Шереметева опредѣлили."

Поляки ничего не имѣли ни противъ пребыванія Русскихъ войскъ въ Польшѣ, ни противъ прохода ихъ въ Померанію черезъ Польскія владѣнія, только не хотѣли кормить ихъ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Долгорукій писалъ Головкину въ началѣ апрѣля: „О сборѣ въ Познанскій магазинъ провіанту отъ королевскаго величества указу и отъ Поляковъ позволенія здѣсь на сеймѣ домочися мнѣ никоторыми мѣры невозможно, понеже того и слышать не хотятъ, которыхъ я никогда такъ противныхъ къ нашей сторонѣ не видалъ какъ нынѣ, и не токмо до магазину провіантъ собирать, но и въ проходѣ нашимъ войскамъ пропитанія дать не хотятъ, и съ великимъ усиліемъ и голосами просятъ у короля, чтобъ конечно изволилъ выдать универсалы, дабы войску нашему ничего не давать. Пріѣзжая ко мнѣ купно бискупъ Куявской, канцлеръ коронной Шембекъ и маршалокъ сеймовой гетманъ польной Литовской графъ Денгофъ, объявили, что конечно король удержать Рѣчь Посполитую отъ посполитаго рушенья не можетъ, токмо развѣ чрезъ тѣ универсалы, которые принужденъ былъ обѣщать, чтобъ войскамъ нашимъ ничего не давать. Чего ради я довольно его королевскому величеству предлагалъ, дабы

таких универсаловъ выдавать не изволилъ, и тѣмъ насъ въ вящую ссору съ Поляки не приводилъ, и труждаюся, дабы оной сеймъ былъ разорванъ, или лиментованъ до иного времени, понеже изъ оного нашему интересу ни малаго пожитку не будетъ, ибо факціи многія непріятельскія происходятъ, которой сеймъ чаю въ скоромъ времени скончится, и по окончаніи оного въ сенатусъ-консиліумѣ буду по всякой возможности въ интересѣ царскаго величества трудиться, а наипаче о магазинахъ для пропитанія въ Помераніи войскъ."

Сеймъ отложили до декабря, но, грозя посполитымъ рушеньемъ, вытребовали у короля универсалы, чтобъ не давать русскимъ войскамъ продовольствія. Долгорукій объявилъ многимъ сенаторамъ и посламъ публично, что русскимъ войскамъ, служа и умирая за нихъ, безъ провіанта вѣтромъ прокормиться невозможно. Король и доброжелательные Поляки сказали ему, что Русскому войску безъ провіанта пробыть нельзя, только сбирать его надобно *доброю манерою*, безъ отягощенія народнаго. Долгорукій написалъ царевичу Алексѣю Петровичу, чтобъ приказалъ сбирать провіантъ добрымъ порядкомъ, не отягощая чрезмѣрно тѣ воеводства, которыя близки къ Помераніи: иначе жители покинутъ несѣянную землю и уйдутъ за рубежъ; тогда съ пустой земли нельзя будетъ ничего получить. Король по секрету совѣтовалъ Долгорукому, чтобъ Русскіе удерживали въ Торнѣ суда съ хлѣбомъ, плывущія по Вислѣ, и брали съ нихъ провіантъ въ магазинъ; но Долгорукій не послушался, потому что въ такомъ случаѣ озлобленіе дошло бы до высшей степени, такъ какъ суда принадлежали знатнымъ панамъ и богатой шляхтѣ.[144]

Озлобленіе и безъ того было сильное. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій съ начала года нѣсколько разъ писалъ изъ Торна, что Поляки провіанта давать не хотятъ, изъ Краковскаго воеводства выслали Русскаго офицера Соловово съ великимъ безчестіемъ. Гетманъ Синявскій повсюду разослалъ указы, чтобъ не давали Русскимъ провіанта. Въ Радомѣ собралась рада: съѣхались всѣ сенаторы

и со всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ послы и коммиссары, и положили: не давать провіанта и русскихъ офицеровъ, посланныхъ за провіантомъ, выбить. Гетману и сенаторамъ стоило большаго труда удержать шляхту, которая хотѣла непремѣнно разорвать союзъ съ Россіею. 4 февраля пріѣхали къ Долгорукому въ Торнъ послы отъ Рѣчи Посполитой и говорили, чтобъ русскіе офицеры были выведены изъ воеводствъ, и чтобъ войска, стоящія въ Польшѣ по квартирамъ, ничего не брали: „Если вы, говорили послы, будете сбирать провіантъ, то мы непремѣнно всѣ животы свои за вольность свою отдадимъ: никогда не бывало, чтобъ безъ воли Рѣчи Посполитой разсылали универсалы и экзекуціи для сбора провіанта“ [145].

Вслѣдствіе этихъ столкновеній усиливалась партія недовольныхъ королемъ Августомъ. На помощь этой партіи Карлъ XII выслалъ десятитысячное войско, состоявшее изъ Поляковъ, козаковъ и Татаръ, подъ начальствомъ старосты Равскаго Грудинскаго (Яна изъ Грудни). Вступивъ въ Польшу, Грудинскій разослалъ универсалы противъ Русскихъ и короля Августа, и направлялся къ Познани съ цѣлію захватить стоявшіе тамъ Русскіе обозы и сжечь магазинъ. Это сильно встревожило въ Варшавѣ князя Григорія Долгорукаго, потому что обозовъ и драгунскихъ лошадей было много у Познани, а людей мало: онъ немедленно отдѣлилъ отъ войскъ князя Рѣпнина и отправилъ къ Познани три тысячи пѣхоты и одинъ полкъ драгунскій; собрался и самъ идти вслѣдъ за ними, потому что отовсюду приходили тревожные слухи: Поляки цѣлыми хоругвями приставали къ Грудинскому; воеводства Краковское, Сѣрацкое и Калишское, безъ королевскихъ универсаловъ, сѣли на коней для посполитаго рушенья; Любельское воеводство выбрало себѣ маршалкомъ Тарло, непріязненнаго королю Августу; волненія коснулись и Литвы, гдѣ староста Бобруйскій присталъ къ недовольнымъ. Долгорукій писалъ Головкину: „Если король не пріѣдетъ теперь въ Польшу и войска наши выйдутъ въ Померанію, то надобно опасаться, что Польша и Литва взбунтуются на послѣднюю свою гибель и ра-

зореніе, чѣмъ могутъ не только въ Помераніи диверсію учинить, но и опять на нѣсколько лѣтъ войну продолжить, потому что я никогда не видалъ королевскую партію въ такомъ безсиліи, какъ на нынѣшнемъ сеймѣ: противники королевскіе явно что̀ хотѣли, то и дѣлали.

Долгорукій не напрасно безпокоился за Познань: недалеко отъ этого города, при мѣстечкѣ Пыздрахъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ посланный Грудинскимъ стражникъ Загвойскій напалъ на Кіевскій полкъ и разбилъ его: обозъ былъ разграбленъ, полковникъ Гордонъ и майоръ Розенъ взяты въ плѣнъ. Князь Вас. Владим. Долгорукій, бывшій въ Познани съ войскомъ, доносилъ, что несчастіе случилось по глупости полковника Гордона. Князь Василій спѣшилъ поправить эту глупость, и 15 іюня, при мѣстечкѣ Вреснѣ, побилъ на голову соединенныя войска короннаго писаря Потоцкаго и Грудинскаго, причемъ у Поляковъ было 15,000 войска, а у Русскихъ 2,700; Долгорукій преслѣдовалъ непріятеля пять миль: „Многихъ побили и перестрѣляли, писалъ Долгорукій, а въ полонъ я брать не велѣлъ подъ великимъ штрафомъ, велѣлъ рубить и стрѣлять, и рубили, какъ могли догнать, и они пришли въ великій страхъ и побѣжали въ лѣсъ коикуды безпамятно, и далѣ того гнать за ними стало не можно, понеже лошади наши притомились. Непріятель сталъ прониматься къ Калишу, и я писалъ къ рементарю Брюховскому, которой отправленъ отъ Синявскаго съ войскомъ и прибылъ къ Калишу, чтобъ разбитаго непріятеля какъ-нибудь престерегъ, и они попали ему въ руки: Польскія хоронгви сдались, а козаковъ Запорожскихъ и волоскія хоронгви вырубилъ. И сей огнь, Божію милостію и счастіемъ премилостивѣйшаго нашего монарха, пресѣкся“.

Въ Польшѣ огнь пресѣкся, но зажигался съ другой стороны: грозила Турецкая война, при чемъ Россіи нужно было обезпечить себя насчетъ Польши. На Варшавскій сеймъ, собранный въ концѣ 1712 года, отправленъ былъ камергеръ и полковникъ князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, въ характерѣ министра, вмѣстѣ съ секретаремъ государственныхъ дѣлъ, Васильемъ Степановымъ. Они должны

были требовать, чтобъкороль и Рѣчь Посполитая помогали царю въ предстоящей войнѣ Турецкой и выставили бы на границахъ войска свои, коронныя и литовскія, которыя должны дѣйствовать согласно съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, стоящимъ съ войскомъ у Кіева; также чтобъ король отправилъ крѣпкіе указы послу своему въ Константинополѣ — стараться всѣми силами объ отвращеніи войны, представляя, что въ Польшѣ нѣтъ ни одного человѣка изъ Русскаго войска, если же Турки не обратятъ вниманія на эти представленія, то объявить имъ, что король и Рѣчь Посполитая съ царемъ въ вѣчномъ союзѣ, и потому обязаны помогать ему. Если Поляки станутъ упоминать о Лифляндіи, требовать ея отдачи имъ по догору, то Трубецкой и Степановъ должны были обнадежить ихъ, что царское величество не измѣнитъ прежняго рѣшенія своего отдать Лифляндію Польшѣ; если же Поляки не удовольствуются этимъ обнадеживаніемъ и станутъ требовать немедленно отдачи Ливоніи, то объявить имъ, что царское величество согласенъ впустить въ Ригу нѣсколько польскихъ войскъ, которыя будутъ содержать гарнизонъ вмѣстѣ съ Русскими, а доходы будутъ идти въ казну царскую; по окончаніи же войны страна отдана будетъ Польшѣ со всѣми доходами. Если Поляки станутъ говорить, чтобъ быть въ Ливоніи Римскимъ костеламъ, то объявить, что царское величество взялъ Ригу на капитуляцію, причемъ обѣщено свободное отправленіе вѣры, и нарушить этого обѣщанія теперь нельзя; когда же по заключеніи мира Поляки примутъ Ливонію въ свое владѣніе, то могутъ поступать въ ней какъ хотятъ.

Въ генварѣ 1713 года Трубецкой и Степановъ пріѣхали въ Варшаву и застали еще сеймъ. 17 числа король объявилъ имъ наединѣ, что по вѣрнымъ извѣстіямъ Турки войны не начнутъ и раскаяваются въ томъ, что ее объявили. „Донесите объ этомъ царскому величеству, продолжалъ король, и напишите, чтобъ не вводилъ войскъ въ Польшу, ибо этимъ подастся Туркамъ причина къ войнѣ“. Трубецкой отвѣчалъ, что не надобно полагаться ни на какія

извѣстія, а заранѣе сдѣлать всѣ приготовленія къ войнѣ, и просилъ короля дать немедленное рѣшеніе на всѣ его предложенія, чтобъ обнадежить царское величество. „Отнюдь не упоминайте ни о чемъ на сеймѣ, сказалъ король, чтобъ намъ его окончить безо всякаго помѣшательства, а послѣ сейма буду всячески стараться удовольствовать царское величество". Трубецкой и Степановъ доносили, что они и сами видятъ на сеймѣ много непріятельскихъ факцій, и если объявить царское предложеніе на сеймѣ, то получится непремѣнно отказъ, и потому они посполитому народу ничего не объявляютъ, а напоминаютъ о томъ безпрестанно гетману, канцлеру и другимъ доброжелательнымъ людямъ, которые послѣ сейма обѣщаютъ удовлетворить царскимъ требованіямъ въ сенатѣ.

Сеймъ *разорвался*, т.-е. разошелся, не постановивши ничего. 11 февраля Трубецкой и Степановъ подали королю меморіалъ, на основаніи своихъ инструкцій, и получили отвѣтъ, что такъ какъ они не имѣютъ полномочія, то дѣло должно быть отложено до пріѣзда новыхъ царскихъ коммиссаровъ съ полною мочью, а теперь король можетъ обѣщать одно, что весною коронныя войска получатъ указъ стать у Каменца Подольскаго. Послѣ этого канцлеръ и епископъ Куявскій объявили Трубецкому и Степанову, что если будутъ присланы коммиссары съ полною мочью, но не будутъ имѣть указа объ отдачѣ всей Лифляндіи, а не одной только Риги, то Польскіе коммиссары не будутъ съ ними вести переговоровъ.

Трубецкой и Степановъ уѣхали изъ Варшавы, поручивши всѣ дѣла резиденту Дашкову. 1713 годъ прошелъ въ тревожныхъ ожиданіяхъ, что̀ предпримутъ Турки. Въ концѣ года Русское правительство озабочено было слухами, что Августъ II хочетъ заключить съ Шведскимъ королемъ отдѣльный миръ при посредничествѣ короля Французскаго; поэтому въ началѣ 1714 года Головкинъ писалъ Дашкову: „развѣдывай секретно, чрезъ кого можешь, о королевскихъ поступкахъ и намѣреніяхъ, которыя могутъ повредить Сѣверному союзу, а что увѣдаешь или самъ предусмотришь,

о томъ давай сюда знать обстоятельно". Совѣтникъ Польскаго посольства въ Петербургѣ объявилъ словесно Петру, что его король хочетъ заключить союзъ съ Франціею и посылаетъ своего министра въ Парижъ. Это заставило Петра написать Августу: „Не можемъ мы вашему величеству дружебнобратски не объявить, что намъ сія негоціація съ Франціею видится не во время предпринятая, и не иначе намъ какъ зѣло подозрительна быть можетъ. Хотя бы сія негоціація имѣла цѣлію только удержаніе Порты отъ разрыва, какъ вашъ совѣтникъ посольства здѣсь обнадеживалъ: однако мы не знаемъ, какъ можно было надѣяться на французскія обѣщанія, имѣя въ памяти прежніе поступки французскаго двора, какъ сильно онъ всегда у Порты интересовался за Шведа и искалъ его возстановленія. Вашему величеству самому извѣстно, какое тѣсное обязательство всегда между Франціею и Швеціею было, какой великій интересъ Франція имѣетъ въ томъ, чтобъ Швеція была сохранена. Вамъ также извѣстно, какую непримиримую злобу король Шведскій всегда и теперь еще питаетъ къ вашей высокой особѣ; и хотя бы Франція убѣдила его эту злобу на нѣкоторое время отложить, однако это будетъ сдѣлано только для выигранія времени, чтобъ потомъ снова еще съ большею силою обнаружить ее противъ васъ. Кромѣ того извольте разсудить: вы, съ нашего согласія, приказали объявить, что мы готовы принять посредничество императора и обѣихъ морскихъ державъ для заключенія мира съ Швеціею: какое же великое подозрѣніе эта негоціація ваша съ Франціею возбудитъ у цесаря и всего Римскаго государства? и не будетъ ли цесарь побужденъ ею поспѣшить миромъ съ Франціею, который дастъ ему возможность вмѣшиваться въ сѣверныя дѣла къ предосужденію вашего величества, не упоминая о многихъ другихъ вредныхъ послѣдствіяхъ французскаго союза. По нашему мнѣнію, французскій король имѣетъ единственною цѣлію усыпить ваше величество и мнимыми обѣщаніями отлучить отъ союза; и хотя мы не думаемъ, чтобъ вы допустили отлучить себя отъ союза, однако не можемъ не представить вамъ, какое

попеченіе имѣли мы до сего времени о вашемъ интересѣ и удержаніи васъ на Польскомъ престолѣ, какъ вѣрно во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ съ вами поступали, и еще недавно всякое вспоможеніе противъ Порты обѣщали: и потому мы никогда не могли ожидать, чтобъ ваше величество вступили въ союзъ съ Франціею безъ нашего согласія и вѣдома".

Получивши это письмо, Августъ отдалъ его фельдмаршалу Флемингу, потомъ самъ поѣхалъ къ нему и долго съ нимъ разговаривалъ. Флемингъ объявилъ Дашкову, что король и не мыслитъ входить ни въ какія партикулярныя сношенія съ Шведомъ, никакой нужды въ томъ нѣтъ и никакой прибыли; и съ королемъ Французскимъ никакого трактата не заключено: французскій министръ подалъ проектъ и король Франціи не отказываетъ, чтобъ выиграть время относительно Турціи, и дѣйствительно послалъ своего министра въ Парижъ для того только, чтобъ Францію держать въ надеждѣ, а не въ самомъ дѣлѣ выслушивать отъ нея предложенія. „Донесите царскому величеству, говорилъ Флемингъ, что я отнюдь до того не допущу, изволилъ бы на меня надѣяться крѣпко; еслибъ я усмотрѣлъ что-нибудь подобное, то служить бы больше не сталъ, потому что стыдъ и срамъ былъ бы намъ на весь свѣтъ. И то король не хорошо сдѣлалъ, что и первый трактатъ съ Шведомъ заключилъ безъ воли царскаго величества: но тогда были самыя натуральныя причины, потому что Шведскій король былъ въ великомъ счастіи, войска Саксонскія, Польскія и Русскія не могли противъ него стоять, вездѣ проигрывали, притомъ вошелъ онъ въ самое сердце Саксоніи; до того трактата довела короля десперація; а теперь никакой причины нѣтъ; разсѣваютъ такія дѣла наши непріятели".

Не полагаясь на слова Флеминга, Дашковъ всячески провѣдывалъ стороною, и ничего не могъ узнать. Говорилъ съ канцлеромъ короннымъ Шембекомъ, представляя ему послѣднюю польскую пагубу отъ Французскаго союза и партикулярнаго мира съ Швеціею. Шембекъ клялся, что ничего не знаетъ, напротивъ, много разъ слышалъ онъ отъ

короля, что нынѣшній Сѣверный союзъ не только надобно содержать въ цѣлости до конца войны, но и послѣ нея надобно его обновить.

Но Петръ, наученный опытомъ, такъ былъ встревоженъ извѣстіями о сношеніяхъ Августа съ Швеціею и Франціею, что отправилъ къ королю камергера Семена Нарышкина, „дабы подлинно ваше величество намъ объявить изволилъ, истинно-ль сіе, или неправое разглашеніе,“ какъ писалъ царь Августу. Нарышкинъ пріѣхалъ въ Дрезденъ 12 марта 1714 года, и на третій день представился королю. „Можетъ быть, сказалъ Августъ, царское величество получилъ извѣстіе о моихъ сношеніяхъ съ Швеціею отъ тѣхъ, которые сами склоннѣе къ партикулярному миру съ нею чѣмъ я.“ Въ этихъ словахъ заключался намекъ на Датчанъ. 21 числа Нарышкинъ обѣдалъ у короля, который за столомъ тихо говорилъ ему: „Клянусь, что всегда буду въ союзѣ съ царскимъ величествомъ вѣрно и партикулярнаго мира съ Шведами отнюдь не заключу.“ То же самое король повторилъ, отпуская Нарышкина, то же написалъ и въ отвѣтной грамотѣ своей къ царю.

Царь боялся, что Августъ заключитъ отдѣльный миръ со Швеціею; Августъ боялся того же самаго съ Русской стороны. Къ Дашкову обращались съ вопросами: вѣрно ли извѣстіе, что царское величество трактуетъ съ Шведами? Еще болѣе боялись, чтобъ недовольная Августомъ Литва не обратилась къ царю съ просьбою о помощи. Сильное подозрѣніе возбудила поѣздка Огинскихъ въ Петербургъ; король не хотѣлъ вѣрить Дашкову, чтобъ со стороны этихъ вельможъ не было никакого предложенія царю, чтобъ они ѣздили въ Петербургъ по своимъ частнымъ дѣламъ: „Хотя царское величество, говорилъ король, и не принялъ отъ Огинскихъ предложенія, однако они предлагали.“ Начали стращать Дашкова, говорили: „Если царское величество скоро не отдастъ Риги королю съ провинціею, то Англія, Голландія и Прусскій король примутъ свои мѣры.“ Дашковъ отвѣчалъ: „Мы такихъ страховъ не боимся; не изъ страха, но для исполненія договора царское величество

удовлетворить въ этомъ короля.“ А коронный канцлеръ Шембекъ тайно говорилъ Дашкову: „Отправлено полномочіе къ королевскому резиденту въ Россіи, чтобъ требовалъ Риги, а Рѣчь Посполитая о томъ и не вѣдаетъ.“ „Если надобно, писалъ Дашковъ, чтобъ Рига нѣсколько времени осталась за нами, то нужно здѣсь тайкомъ подучить Поляковъ, чтобъ требовали у короля посылки уполномоченнаго отъ Рѣчи Посполитой къ царскому величеству, относительно отдачи Риги съ провинціею; король отнюдь не захочетъ, чтобъ въ Ригѣ былъ Польскій гарнизонъ, и потому не пошлетъ польскаго уполномоченнаго: и такимъ образомъ въ ихъ прекословіи можно Ригу и не отдавать скоро. Королевскіе министры всѣми мѣрами стараются, чтобъ Рига была въ рукахъ королевскихъ, и слышать не хотятъ о томъ, чтобъ была въ рукахъ Польскихъ.“

Прекословіе между Польскимъ королемъ и Польшею становилось день ото дня сильнѣе. Поляки требовали, чтобъ король вывелъ отъ нихъ свое Саксонское войско; король для вывода половины войска требовалъ денегъ, провіанту и подводъ на дорогу; шляхта не хотѣла ничего давать; гетманъ великій коронный Синявскій утверждалъ ее въ этомъ. Подъ Опатовымъ шляхта начала было собираться противъ Саксонцевъ; тѣ, въ числѣ 5000, стали обозомъ, и шляхта утихла, но не прекратилась ненависть между нею и Саксонцами. Канцлеръ коронный Шембекъ жаловался Дашкову, что король ничего ему не сообщаетъ о дѣлахъ между Россіею и Польшею, все дѣлаетъ чрезъ своихъ Саксонскихъ министровъ. Канцлеръ продолжалъ быть на жалованьѣ у Русскаго двора вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими вельможами: „Просилъ меня канцлеръ великій коронный, писалъ Дашковъ Головкину, чтобъ я вашему сіятельству донесъ о годовомъ ему жалованьѣ, ибо уже годъ давно минулъ, а трудовъ его правда здѣсь много и объ интересахъ царскаго величества имѣетъ всегда стараніе и безпрестанно при королѣ живетъ; а бискупъ Куявскій хотя попрежнему нашъ пріятель, но никогда при королѣ не живетъ, пріѣдетъ развѣ на недѣлю и опять уѣдетъ и уже отъ публичныхъ

дѣлъ началъ отваливаться, а живетъ по своимъ деревнямъ, строитъ и деньги сбираетъ, и ему давать не за что, и когда бы пришло какое дѣло на сеймѣ, то и тогда ему можно вексель дать; также и гетману коронному давать нынѣ не для чего, потому что и безъ того можетъ онъ царскому величеству быть вѣренъ, ибо королевское величество гораздо къ нему недобръ.“

Между тѣмъ подозрѣнія насчетъ поведенія короля Августа относительно Россіи все увеличивались. Августъ оказывалъ явное расположеніе прежнимъ врагамъ своимъ, Кіевскому воеводѣ Потоцкому, старостѣ Бобруйскому Сапѣгѣ и другимъ; разказывали, что Сапѣга совѣтуетъ королю начать войну противъ Россіи заодно съ Турціею. Дашкову были подозрительны тайные переговоры короля и Флемминга съ Крымскимъ посланникомъ; онъ далъ 35 червонныхъ переводчику послѣдняго, и тотъ разказалъ ему слѣдующее: посланникъ обнадежилъ короля, что по настоянію хана Порта опять объявитъ войну Россіи, а король ему говорилъ, что и онъ съ Поляками будетъ помогать Туркамъ для отобранія Кіева и Смоленска; и еслибы гетманы не захотѣли ему помогать, то есть люди, которые могутъ отнять у гетмановъ войска коронныя и Литовскія, т. е. воевода Кіевскій и староста Бобруйскій. Воевода Кіевскі съ товарищи писали къ Портѣ свои проекты, обнадеживая, что Поляки всѣ будутъ съ Турками. „Впрочемъ я не думаю, писалъ Дашковъ, чтобъ Поляки послушались короля и начали войну съ нами безо всякой причины: они совсѣмъ обнищали, нѣтъ у нихъ ни денегъ, ни лошадей, ни скота, ради и свое отдать, только чтобъ въ мирѣ жить; Саксонія также обнищала отъ несносныхъ и безпрестанныхъ контрибуцій. Въ Польшѣ никогда такъ голодно не бывало, какъ теперь: во многихъ воеводствахъ начали покупать корецъ ржи по 40 злотыхъ, а корецъ малымъ больше нашей осьмины; недородъ былъ великій; я самъ видѣлъ, что не мужики, а убогая шляхта по нѣскольку недѣль не ѣдятъ хлѣба, только овощами питаются“ [146]. То же самое доносилъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукій: „Въ Польшѣ, го-

сударь, не малая конфузія. Саксонцевъ по квартирамъ въ Польшѣ и Литвѣ, сказываютъ, около 30,000, и поступаютъ они съ Поляками очень гордо, что̀ Полякамъ, по ихъ нравамъ, всего противнѣе; деньги положены съ каждаго двора на мѣсяцъ по 32 злотыхъ. Сильно озлоблены Поляки, и думаю, на сколько я ихъ знаю, что будетъ между ними смута; и какъ мы теперь видимъ житье Польское — несносно имъ, не могутъ выдержать; такъ стали убоги, что повѣрить нельзя“ [147].

Дѣйствительно королю Августу было не до войны съ Россіею: на сеймикахъ Поляки объявили, что добровольно ничего не дадутъ Саксонцамъ, пусть берутъ сами до времени; многіе кричали, что ихъ вольность уже кончается, и остается одно спасеніе — просить обороны у Россійскаго орла. Саксонцы начали собирать деньги сами; Дашковъ началъ говорить пріятелямъ своимъ по секрету, что царское величество, жалѣя пріятелей своихъ, чтобъ не пришли безо всякой нужды до крайняго разоренія, велѣлъ предложить королю о выводѣ Саксонскихъ войскъ изъ Польши. Пріятели были очень благодарны за такую милость и говорили: „Мы до сихъ поръ думали, что король не выводитъ отъ насъ своихъ Саксонцевъ съ позволенія царскаго величества, и потому не смѣли и рукъ поднять на Саксонцевъ; а теперь поведемъ дѣло иначе: если Саксонцы останутся здѣсь до весны, то мы ихъ выгонимъ.“ Со стороны Русскаго двора дѣйствительно было сдѣлано королю предложеніе о выводѣ Саксонскихъ войскъ изъ Польши; Августъ велѣлъ сказать Дашкову, что Саксонскія войска необходимы въ Польшѣ по случаю проѣзда Шведскаго короля изъ Турціи. Дашковъ отвѣчалъ, что царь требуетъ вывода Саксонцевъ, не для своего частнаго, но для общаго интереса, ибо между Поляками сильное неудовольствіе, и готовы они пристать не только къ Шведу, но и къ самому дьяволу; притомъ король Шведскій хорошо знаетъ, что на границахъ Польскихъ и Литовскихъ стоитъ большое русское войско, которое у него въ бо̀льшей консидераціи, чѣмъ Саксонское войско.

Сильно отговаривался отъ вывода Саксонскихъ войскъ

изъ Польши отправленный королемъ въ Россію тайный совѣтникъ Фицтумъ въ концѣ 1714 года. „Если король всѣ войска выведетъ, говорилъ Фицтумъ, то надобно опасаться, что Шведскіе приверженцы опять поднимутся и произведутъ такое возмущеніе, котораго послѣ и усмирить будетъ нельзя, особенво если король Шведскій также что-нибудь предприметъ. Притомъ, если король выведетъ войска изъ Польши, то, не имѣя чѣмъ ихъ кормить, принужденъ будетъ половину распустить, что̀ не будетъ полезно царскому величеству.“ Фицтумъ былъ присланъ съ требованіемъ отдачи Лифляндіи. Ему отвѣчали, что царь отъ исполненія трактата не отречется; но надобно смотрѣть, чтобъ отъ этого исполненія не выросло большаго зла: если царь отдастъ теперь Лифляндію, то Поляки станутъ кричать, что король хочетъ сдѣлаться самовластнымъ, и что царь ему въ этомъ помогаетъ, и станутъ искать покровительства у Турокъ: слѣдовательно всего лучше отложить отдачу Лифляндіи до заключенія мира. Фицтумъ возражалъ, что царь долженъ немедленно отдать Лифляндію для показанія передъ всѣмъ свѣтомъ своей умѣренности: многія державы и такъ уже завидуютъ и внушаютъ королю, что царь никогда не уступитъ ему Лифляндіи; надобно опасаться, чтобъ другія державы не согласились овладѣть Лифляндіею, и тогда она ни царю, ни королю не достанется. Что же касается до неудовольствія Поляковъ, то король беретъ на себя потушить это неудовольствіе. Если Лифляндія отдана будетъ королю Польскому и курфюрсту Саксонскому, то никто не можетъ догадаться, отдана ли она его величеству какъ избранному королю Польскому, или отдана наслѣдственно какъ курфюрсту Саксонскому.

Отношенія Августа II къ Россіи и отношенія Польскихъ его подданныхъ къ нему самому были таковы, что требовали присутствія въ Польшѣ искуснаго дипломата, и весною 1715 года въ Варшаву отправился снова князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, а Дашковъ поѣхалъ на резиденцію при коронномъ гетманѣ. Первымъ дѣломъ Долгорукаго по пріѣздѣ въ Варшаву было требовать отъ короля

пропуска Русскаго войска чрезъ Польскія владѣнія. Августъ отговаривался отъ этого всѣми мѣрами, представляя и голодъ, свирѣпствовавшій въ Польшѣ, и ненадобность въ большомъ войскѣ, потому что Шведовъ мало, и король Прусскій готовъ ударить на нихъ съ многочисленною арміею, и страхъ, что вступленіемъ Русскихъ войскъ въ Польшу возбудятся подозрѣнія Турокъ. Долгорукій не вѣрилъ, чтобы Прусское войско скоро начало дѣйствовать противъ Шведовъ, ибо зналъ, какъ Французскіе министры переѣзжаютъ отъ Прусскаго двора къ Шведскому и трактуютъ, видѣлъ, какъ Французскій министръ при Польскомъ дворѣ Безанваль находится въ необыкновенной милости у Августа II, видится съ нимъ когда хочетъ. О положеніи дѣлъ въ Польшѣ Долгорукій доносилъ: „Примасъ, гетманы и всѣ принципалы сильно недовольны королемъ, всѣ живутъ по своимъ маетностямъ и ѣхать ко двору не хотятъ, потому что не могутъ упросить короля о милосердіи своему народу: сбираютъ новую контрибуцію, не обходя и гетманскія имѣнія; два года уже недородъ, въ сыть не ѣдятъ, но по лѣсамъ и полямъ быліемъ питаются и мрутъ съ голоду; всѣ единогласно говорятъ, что если нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ такой же неурожай, и король милосердія не покажетъ, войскъ Саксонскихъ не выведетъ, то, покинувъ отечество, пойдутъ за границы, гдѣ могутъ сыскать себѣ пропитаніе. Въ такое убожество и безсиліе здѣшнее государство пришло, что хуже быть нельзя, и нельзя повѣрить, если кто самъ не увидитъ; не въ одной пищѣ — во всемъ великая скудость; ни съ какой стороны изъ-за границъ ни съ какимъ товаромъ не ѣдутъ.“ Относительно прохода Русскихъ войскъ чрезъ Польшу Долгорукій переговорилъ съ доброжелательными сенаторами и далъ знать Головкину, что въ случаѣ нужды можно двинуть войска въ Польшу безъ всякихъ предварительныхъ просьбъ и домогательствъ. „Король къ намъ очень холоденъ, писалъ Долгорукій, и знаю навѣрное, что пріѣздомъ моимъ недоволенъ.“

Въ августѣ Долгорукій далъ знать, что были въ Варшавѣ коронные гетманы и нѣкоторые сенаторы и домогались у

короля вывода изъ Польши Саксонскихъ войскъ, но получили отказъ; притомъ же наложена новая тяжкая контрибуція, которой выплатить никакъ нельзя. Долгорукій обнадеживалъ гетмановъ протекціею царскою: „по окончаніи войны принудимъ короля вывести изъ Польши его войска, только потерпите хотя во время нынѣшней кампаніи.“ Гетманы обѣщались терпѣть, только выразили опасеніе, чтобъ шляхта съ отчаянія чего-нибудь не начала, а особенно боялись за Литву, гдѣ гетманъ Потѣй уже выдалъ универсалы противъ войскъ королевскихъ. Долгорукій совѣтовалъ Головкину, что если Потѣй пришлетъ къ царю съ просьбою о покровительствѣ, то не обнадеживать его скоро и не отказывать вовсе, но удержать отъ возстанія на нынѣшнее время, потому что хотя король и думаетъ о самодержавіи, однако скоро достигнуть своей цѣли не можетъ, и ему, Долгорукому, можно еще этому помѣшать, а по окончаніи войны можно взять Поляковъ въ свое покровительство и уничтожить королевское намѣреніе.

Долгорукому было много хлопотъ: король боялся, что Русскія войска вступятъ въ Польшу на помощь недовольнымъ; Поляки, наоборотъ, боялись, что войска эти идутъ на помощь къ королю противъ Потѣя: Долгорукій долженъ былъ увѣрять всѣхъ, что Русскія войска идутъ въ Померанію по требованію Даніи и Пруссіи и никогда не подумаютъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши. Съ другой стороны Долгорукій писалъ Потѣю, чтобъ тотъ подождалъ хотя бы до окончанія Померанской кампаніи; но въ Литвѣ не хотѣли ждать, опредѣлили собрать регулярнаго войска 8600 человѣкъ, собирать на его содержаніе деньги, а Саксонцамъ отнюдь ничего не давать и на квартиры не пускать, отражая силу силою. Король собрался въ походъ на Литву; Долгорукій отговаривалъ его, представлялъ, что этимъ походомъ Потѣя можно привести въ отчаяніе, станетъ онъ ходить со всѣми людьми по Польшѣ и по Литвѣ и всѣхъ бунтовать противъ Саксонцевъ, къ нему пристанутъ не только Литва, но и коронный народъ и всѣ войска, отъ чего можетъ разгорѣться такой великій огонь, котораго долго

погасить будетъ нельзя. Съ другой стороны Потѣю дано было знать, что царь не желаетъ возстанія, и въ Литвѣ все успокоилось; въ сентябрѣ король уѣхалъ въ Саксонію, упросивъ Долгорукаго остаться въ Польшѣ и наблюдать, чтобъ здѣсь не вспыхнуло возстаніе.

Возстаніе вспыхнуло. Коронное войско составило конфедерацію при Сендомирѣ и выбрало въ маршалки ротмистра Гуржинскаго, одного изъ приверженцевъ Лещинскаго; начались у конфедератовъ битвы съ Саксонскими войсками, причемъ послѣднія, захватываемыя по частямъ, терпѣли сильный уронъ; многія воеводства уже садились на коней для соединенія съ возставшими. Долгорукій немедленно написалъ фельдмаршалу Шереметеву, чтобъ помедлилъ походомъ въ Померанію и остановился въ Польшѣ для заданія страху конфедератамъ, писалъ къ короннымъ гетманамъ, чтобъ старались потушить возстаніе, писалъ и къ Гуржинскому, грозя приходомъ Русскихъ войскъ, разослалъ офицеровъ по воеводствамъ съ успокоительными письмами. „Можно за великое счастіе почитать, писалъ Долгорукій Головкину, что войска наши теперь такъ близко стоятъ отсюда, и еслибъ не они, то вся корона и Литва были бы противъ короля, всѣ Саксонцы въ Польшѣ пропали бы и могла бы быть здѣсь въ интересѣ нашемъ великая перемѣна. Войско наше никогда не пользовалось такою довѣренностію въ Польшѣ какъ теперь, ни отъ одного человѣка не слыхалъ я жалобы, а только благодарность, потому что солдаты кормятся по дорогѣ безо всякаго огорченія обывателямъ. Отъ резидента Дашкова до сихъ поръ никакого извѣстія не получаю о конфедераціи, и фельдмаршалъ Флемингъ говорилъ мнѣ, что Дашковъ по своей частной злобѣ, склоняетъ Поляковъ противъ короля и объявляетъ имъ отъ царскаго величества претензію: еслибы Поляки не были имъ обнадежены, то не начали бы возстанія. Я къ нему неоднократно писалъ, чтобъ гетмановъ и войско удерживалъ отъ противности нынѣшнее время; а если онъ впередъ ко мнѣ писать не будетъ, и прежнихъ непотребныхъ глупостей не оставитъ, то я ему прикажу при

себѣ быть, а на его мѣсто пошлю къ гетману кого-нибудь другаго, потому что король и весь дворъ и Поляки имъ недовольны; бискупъ Куявскій, пріѣхавъ изъ Литвы, говорилъ, чтобъ его на нынѣшнее время при гетманѣ не было, и что Потѣй по его обнадеживанію всталъ на короля."

Хлопоты Долгорукаго достигли своей цѣли: конфедерація пріостановилась и заключила съ Саксонцами пятнадцатидневное перемиріе, объявляя, что если королевскія войска выступятъ изъ Польши, то всѣ останутся довольны и спокойны. Воеводства, которыя намѣрены были приступить къ конфедераціи, остановились по письмамъ Долгорукаго. Посолъ надѣялся больше всего на русское войско; но фельдмаршалъ Шереметевъ боялся, остановившись въ Польшѣ, не поспѣть во-время въ Померанію. Долгорукій по этому поводу писалъ Головкину: „Зѣло опасаюсь, ежели войско наше, все перешедъ черезъ Вислу и не остановясь, пойдетъ въ Померанію, то чаю трудно будетъ Поляковъ успокоить, и зѣло опасно посполитаго рушенья. Я непрестанно всѣми силами труждаюсь и къ противнымъ Полякамъ пишу и оныхъ къ трактату склоняю, дабы тотъ огонь какъ наискорѣе угасить и войска бы наши въ Помераніи не остановить: однакожъ, ежели и того скоро не могу угасить, то хотя лучше на нѣкоторое время войска наши остановить, при которыхъ надѣюсь съ помощію Божіей попрежнему въ Польшѣ покой учинить, что и аліатамъ (союзникамъ) нашимъ противно не будетъ и могутъ разсудить, что то ни для чего учинено, токмо для общаго интересу."

Коронные гетманы обратились къ Долгорукому съ просьбою о посредничествѣ, и посолъ отвѣчалъ имъ, что имѣетъ полномочіе для этого, и какъ только король вернется изъ Саксоніи, то съ обѣихъ сторонъ приступятъ къ трактату: „Надѣюсь (писалъ Долгорукій Головкину 25 ноября) оныхъ благополучно безъ продолженія времени къ полезному миру привесть и обѣ стороны удовольствовать и непобѣдимое благодареніе и славу его царскому величеству въ здѣшнемъ народѣ на вѣки оставить; и ежели будетъ которая сторона къ тому покою не склонна, то конечно надле-

жить чрезъ вступленіе нашихъ войскъ — отъ Украйны кавалеріи и изъ Курляндіи пѣхоты — къ благополучному миру принудить, дабы не допустить которой стороны до десператіи и противной Турецкой протекціи.“

Долгорукій дожидался короля; но Августа II нельзя было выманить изъ Саксоніи прежде карнавала, а между тѣмъ фельдмаршалъ его Флемингъ, по выраженію Долгорукаго, заливалъ огонь не водою, а виномъ горячимъ, выдавъ универсалы, въ которыхъ грозилъ Полякамъ огнемъ и мечемъ; тогда конфедераты немедленно собрали *коло рыцарское*, гдѣ воеводства выбрали генеральнымъ маршалкомъ конфедераціи Ледуховскаго, подкоморія Кременецкаго, и отправили пословъ поднимать Литву. Долгорукій началъ хлопотать, чтобъ Рѣчь Посполитая публично просила царя о покровительствѣ и посредничествѣ, вслѣдствіе чего можно было бы ввести Русское войско въ Польшу и успокоить ее. Въ концѣ декабря посолъ доносилъ, что если зимою волненіе не успокоится, то на весну вся Польша и Литва будутъ въ конфедераціи. Нѣсколько разъ Долгорукій давалъ знать королю, что присутствіе его необходимо въ Польшѣ; отвѣта не было. Долгорукій хотѣлъ трактовать и безъ короля: но съ Саксонской стороны разглашалось, что Русская медіація убыточна будетъ Полякамъ, поплатятся они за нее Лифляндіею. Долгорукій, съ своей стороны, велѣлъ Дашкову внушить гетманамъ, что если они заключатъ договоръ съ королемъ безъ гарантіи царскаго величества, то король не станетъ исполнять его.

Между тѣмъ Русское войско, шедши въ Померанію, было удержано въ Польшѣ; королевскій посланникъ при Русскомъ дворѣ Лосъ на письмѣ просилъ объ этомъ царя, и хотя Поляки медлили просьбою къ царю о покровительствѣ и посредничествѣ, не медлила Литва. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій гетманъ Потѣй далъ знать Петру, что въ Польшѣ образовалась конфедерація, конфедераты приглашаютъ и Литовцевъ соединиться съ ними, въ противномъ случаѣ грозятъ силою къ тому ихъ принудить: гетманъ всенижайше просилъ царское величество рѣшить, какъ поступить ему

въ такомъ случаѣ? Много причинъ заставляютъ въ настоящее время желать примиренія и тишины, но это примиреніе можетъ быть получено защитою и посредничествомъ царскаго величества, причемъ не должно быть употреблено оружіе, достаточно будетъ высокой чести союзнаго монарха и его государскихъ увѣщаній; господа коронные обѣщаютъ быть уступчивыми во всемъ, какъ скоро получатъ освобожденіе отъ контрибуціи, налоговъ и утѣсненій, какъ скоро выйдутъ изъ Польши войска Саксонскія, обѣщаютъ подтвердить присягою вѣрность и послушаніе королевскому величеству и готовы всѣ сѣсть на коней противъ Шведа, лишь бы свободны были отъ утѣсненій по правамъ своимъ и вольностямъ.

14 декабря Петръ выслушалъ гетманскіе пункты и далъ такую резолюцію: его царское величество съ милостивою благодарностію признаетъ, что господинъ гетманъ и за его управленіемъ все княжество Литовское по совѣту его царскаго величества въ покоѣ удержались, въ чемъ не царскаго величества, но собственный ихъ интересъ былъ. Его царское величество обнадеживаетъ, что онъ какъ до сего времени, такъ и впередъ объ интересахъ гетмана и великаго княжества Литовскаго и всей Рѣчи Посполитой попеченіе имѣть будетъ и во всякомъ зломъ случаѣ ихъ не оставитъ. Его царскому величеству самому извѣстно, какія обиды и утѣсненія чинамъ Рѣчи Посполитой отъ Саксонскихъ войскъ были, и для того, по особенной своей склонности и дружбѣ къ Рѣчи Посполитой, всевозможныя добрыя средства прилагаетъ у его королевскаго величества, чтобъ имъ облегченіе и освобожденіе въ томъ исходатайствовать; но его царское величество притомъ разсуждаетъ, что не надлежало господамъ короннымъ такіе крайніе способы предпринимать и непріятельски поступать, но должно было законными путями (добродѣтельно) искать себѣ освобожденія, тѣмъ болѣе, что его царское величество свои услуги къ исходатайствованію этого облегченія многократно представлялъ и не безъ надежды былъ его получить. Его царское величество не чаетъ, чтобъ конфедераты ко-

ронные силою княжество Литовское къ соединенію съ собою принудить могли, если Литовцы не захотятъ сами. Царское величество надѣется, что эти безпокойства мирными средствами вскорѣ успокоены будутъ, въ чемъ его величество труды свои дѣйствительно прилагаетъ, и если только его посредничество Рѣчью Посполитою принято будетъ, то не сумнѣвается и короля къ тому склонить. Его царское величество и его, господина гетмана, проситъ, чтобъ и онъ, съ своей стороны, конфедератовъ къ принятію медіаціи царскаго величества и къ добродѣтельному примиренію склонилъ, обѣщая имъ его величества помощь въ исходатайствованіи потребнаго имъ облегченія. Но если, паче чаянія, конфедераты, несмотря на эту его царскаго величества представленную медіацію и обѣщанное вспоможеніе у короля, не успокоятся, но свои волненія продолжать будутъ, то изъ этого ясно окажется, что они подъ предлогомъ притѣсненій отъ Саксонскихъ войскъ войну внутреннюю продолжать намѣрены въ пользу общему непріятелю; въ такомъ случаѣ и его царское величество принужденъ будетъ иныя мѣры принять, ибо его царское величество отнюдь допустить не можетъ, чтобъ въ такомъ сосѣднемъ государствѣ такой огонь разгорался, и тѣмъ непріятелю отдыхъ и польза учинена была.

Отпуская посланнаго Потѣемъ шляхтича Лойку, Петръ велѣлъ ему сказать гетману устно слѣдующее: „Хотя его величество никогда не допуститъ Рѣчь Посполитую до паденія, однако безъ генеральнаго призыва отъ всѣхъ царскому величеству сильно въ эту медіацію вступить нельзя; хотя къ королю и писано въ формѣ совѣта, но это не важно; а когда просить будетъ Рѣчь Посполитая, тогда сильно можетъ его царское величество предлагать королю, и если тогда онъ не приметъ, можетъ его величество и силою принудить. Пусть гетманъ приложитъ стараніе, чтобъ помянутое прошеніе отъ всей Рѣчи Посполитой его царскому величеству надлежащимъ образомъ учинено было, и въ такомъ случаѣ обѣщаетъ его царское величество, по всегдашнему къ Рѣчи Посполитой доброжелательству, въ посред-

ство къ примиренію съ королемъ и къ облегченію ея сильно вступить, въ чемъ они могутъ на его величество твердую надежду имѣть.“

Наступилъ 1716 годъ. Конфедераты заключили съ Флемингомъ мирный договоръ, утвержденіе котораго однако было отложено до сейма, и конфедерація выговорила, что не *развяжется* до тѣхъ поръ, пока король не выведетъ своихъ войскъ изъ Польши. Король, обнадеженный этимъ миромъ, отправилъ посольство къ царю съ требованіемъ немедленнаго вывода Русскихъ войскъ изъ Польши, пославъ такое же требованіе и къ Шереметеву. Но король не долго утѣшался надеждою, что Польша успокоится безъ русскаго вмѣшательства: Литовскій гетманъ Потѣй, по соглашенію съ Долгорукимъ, съѣхался тайно съ маршаломъ конфедераціи Ледуховскимъ и уговорилъ его не утверждать мирнаго договора, вслѣдствіе чего конфедераты начали опять бить Саксонцевъ, и Ледуховскій обратился къ Долгорукому съ просьбою о медіаціи царскаго величества, объявляя, что послы ихъ принуждены были заключить договоръ, не по данной имъ инструкція. Долгорукій отвѣчалъ, чтобъ конфедераты назначили мѣсто и время, и онъ готовъ ѣхать и быть посредникомъ. Въ концѣ генваря король пріѣхалъ въ Варшаву сильно опечаленный неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Долгорукій при первомъ свиданіи съ Августомъ представилъ ему необходимость примиренія съ конфедератами, необходимость вывести изъ Польши Саксонскія войска. Король отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все угодное царскому величеству, съ которымъ сильно желаетъ имѣть личное свиданіе въ Торнѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ. Потомъ прислалъ Флеминга представить Долгорукому, что ему нельзя обратиться къ царю съ просьбою о посредничествѣ, потому что это будетъ противно его чести: конфедерація составилась не противъ короля, и не вся Рѣчь Посполитая вступила въ конфедерацію. Относительно своихъ требованій вывода русскихъ войскъ король оправдывался тѣмъ, что сдѣлалъ это по принужденію отъ сенаторовъ польскихъ. Это желаніе видѣться съ царемь и возобновить

съ нимъ прежнюю дружбу все усиливалось въ королѣ, потому что конфедераты не хотѣли и слышать о мирѣ, въ надеждѣ, что царь, имѣя много причинъ сердиться на Августа, не заступится за него, и они получатъ такимъ образомъ возможность свергнуть Саксонца и выбрать другаго короля. Король просилъ, что если царскому величеству, по состоянію его здоровья, нельзя пріѣхать въ Варшаву или въ Торнъ, то изволилъ бы подождать его въ Данцигѣ.

Дѣло не могло обойтись безъ царскаго посредничества; конфедератамъ не принять этого посредничества было страшно: могущественный царь станетъ тогда на сторону королевскую, и какая возможность успѣха, если русскія войска придутъ на помощь къ Саксонскимъ? И обратно: королю нельзя было не принять царскаго посредничества, ибо въ противномъ случаѣ русскія войска соединятся съ конфедератами. Дѣлать нечего, надобно сблизиться съ медіаторомъ, а медіаторъ сердитъ, и король хорошо знаетъ, за что сердитъ медіаторъ. Какъ же быть? Короля ждутъ въ Варшаву въ началѣ 1716 года; но вмѣсто Варшавы Августъ ѣдетъ въ Данцигъ для личнаго свиданія съ царемъ, для откровеннаго изъясненія. Въ Данцигъ ѣдетъ и князь Григорій Ѳед. Долгорукій: тамъ онъ найдетъ при царѣ и великаго канцлера графа Головкина, и вице-канцлера Шафирова, и Петра Андреевича Толстаго: значитъ, соберутся всѣ „тайнаго иностранныхъ дѣлъ Коллегія министры."

24 Марта собрались царскіе и королевскіе дипломаты въ домъ графа Головкина на конференцію: Бискутъ Куявскій съ товарищими предложилъ статьи: 1) Королевское величество наикрѣпчайшимъ образомъ обнадеживаетъ царское величество, что какъ онъ прежде всегда вѣрнымъ пріятелемъ и союзникомъ царскаго величества былъ, такъ и впередъ желаетъ въ постоянной дружбѣ находиться, и пріѣхалъ сюда, желая имѣть съ царскимъ величествомъ свиданіе для показанія своей пріязни. 2) Добрые союзники должны другъ другу прямо объявлять, въ чемъ одинъ на другаго подозрѣніе имѣетъ; а его королевское величество съ сожалѣніемъ

слышитъ, что его царское величество нѣкоторое недовѣріе и противность къ его королевскому величеству и его министрамъ имѣетъ и поступками ихъ недоволенъ. Поэтому королевское величество проситъ, чтобъ ему всѣ причины недовѣрія были объявлены, дабы онъ могъ въ томъ себя очистить; а онъ, съ своей стороны, обнадеживаетъ, что никакой причины къ тому не подалъ. 3) Когда недовѣріе царскаго величества къ королевскому разгласилось, то изъ этого общему интересу великій вредъ произошелъ, ибо не только король Шведскій еще больше возгордился, въ надеждѣ извлечь пользу изъ этого несогласія союзниковъ, о чемъ прямо объявилъ Шведскій посланникъ Шпаръ при Французскомъ дворѣ; но и Польскіе конфедераты, въ той же надеждѣ, не приняли королевскаго предложенія о выводѣ Саксонскихъ войскъ и сложеніи контрибуціи, отвѣчая, что не могутъ ни на что согласиться безъ вѣдома царскаго величества, и хотя королевское величество совершенно увѣренъ въ добромъ намѣреніи царскаго величества, однако злонамѣренные люди продолжаютъ всѣ поступки царскаго величества въ свою пользу толковать и разглашать, будто царское величество имъ свое покровительство обѣщалъ и хочетъ поддерживать противъ короля. Поэтому королевское величество проситъ царское величество вступиться въ это дѣло такимъ образомъ, чтобъ ни король, ни конфедераты не могли его упрекнуть въ пристрастіи къ сторонѣ противной. 4) Королевское величество желаетъ съ царскимъ величествомъ согласиться въ способахъ, какъ бы внутреннее спокойствіе въ Польшѣ поскорѣе возстановить, а потомъ заключить миръ съ Шведомъ. Эти способы слѣдующіе: 1) предложить конфедератамъ, чтобъ они какъ можно скорѣе назначили мѣсто и время для конгресса. 2) Тотчасъ при открытіи конгресса заключить перемиріе, по которому король всѣ контрибуціи немедленно сложитъ; а потомъ стараться о заключеніи формальнаго трактата, въ которомъ опредѣлится срокъ вывода Саксонскихъ войскъ и созванія сейма. 3) Конфедераты должны покориться королю, который соизволяетъ, чтобъ царскаго величества посолъ былъ на кон-

грессѣ и старался добрыми средствами примирить обѣ стороны, и если одна изъ сторонъ на добрыхъ условіяхъ помириться не захочетъ, то Русскій посолъ долженъ объявить, что царское величество будетъ дѣйствовать противъ стороны, не желающей мира. — Предложенія королевскихъ дипломатовъ оканчивались статьею: всѣ подозрѣнія съ обѣихъ сторонъ оставить и обоимъ монархамъ въ добромъ согласіи и любви между собою пребывать.

Головкинъ съ товарищами отвѣчалъ, что царское величество съ удовольствіемъ согласился на личное свиданіе съ королемъ, для чего замедлилъ походомъ, назначеннымъ для свиданія съ королями Прускимъ и Датскимъ. Какія противности показаны царскому величеству со стороны королевской, о томъ представляется письменное извѣстіе. Царское величество соглашается на всѣ предложенныя королемъ мѣры къ возстановленію внутренняго спокойствія въ Польшѣ, но только съ условіемъ чтобъ король назначилъ срокъ, когда выведетъ Саксонскія войска изъ Польши, и объявилъ здѣсь же статьи, на которыхъ согласенъ помириться съ конфедератами. Царское величество обѣщаетъ оставить всѣ подозрѣнія и жить въ добромъ согласіи и любви съ королемъ, если получится удовлетворительный и откровенный отвѣтъ на письменное извѣстіе о противностяхъ, и дастся обѣщаніе, что впредъ ничего подобнаго не будетъ.

Въ „Меморіи досадамъ", поданной царскими министрами королевскимъ, главнѣйшею досадою было выставлено сношеніе Августа съ Французскимъ дворомъ и принятіе посредничества этого двора въ мирѣ съ королемъ Шведскимъ безъ вѣдома царскаго; потомъ король заключилъ и формальный договоръ съ Франціею, подлинное содержаніе котораго царскому величеству до сихъ поръ неизвѣстно; когда уже царское величество со стороны получилъ объ этомъ извѣстіе, то король сообщилъ кратко содержаніе договора, но даже и въ этомъ краткомъ извлеченіи есть одна статья, очень вредная всему Сѣверному союзу, а именно сказано, чтобъ при заключеніи мира все въ Римской импе-

ріи оставалось такъ, какъ было опредѣлено по Вестфальскому миру; но по этому миру Швеція получила свои Германскія владѣнія, слѣдовательно возвращеніе всѣхъ завоеванныхъ у нея провинцій прямо ей обѣщано. Какъ только этотъ договоръ былъ заключенъ, то Французскій посолъ при Портѣ, дѣйствовавшій прежде противъ короля Августа, получилъ приказаніе хлопотать за него и стараться объ отдѣльномъ мирѣ между нимъ и Карломъ XII, и если этотъ миръ не состоялся, то надобно только благодарить упорство короля Шведскаго. Кромѣ того король Августъ посылалъ многихъ эмиссаровъ секретно въ Бендеры съ предложеніями отдѣльнаго мира Шведскому королю; о томъ же посылалъ и къ хану Крымкому. Король же Августъ посылалъ къ Французскому послу въ Константинополь съ предложеніемъ отдѣльнаго мира съ Шведами, и этотъ посланный, Венгерецъ родомъ, жилъ въ квартирѣ Французскаго посольства, внушалъ Туркамъ и разглашалъ всюду, что царское величество давно намѣренъ воевать съ Турками, и для того хочетъ принять титулъ цесаря Оріентальнаго. Шпигель предлагалъ Портѣ отъ имени королевскаго, что государь его не только желаетъ заключить съ Швеціею отдѣльный миръ при посредничествѣ султана, но желаетъ заключить съ Портою и Шведскимъ королемъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Россіи, представляя, что король обиженъ царскимъ величествомъ, не исполнившимъ своихъ обѣщаній ему. Царское величество много разъ жаловался королю на Шпигеля, требуя розыска, но не получилъ никакого удовлетворенія. Шпигеля укрывали подъ разными предлогами, а когда царскій посолъ пріѣхалъ въ Варшаву, то Шпигеля, вмѣсто розыска, увезли въ Саксонію, и потомъ объявили, что умеръ. Трактовали съ агою, присланнымъ отъ Порты, трактовали долго и тайно съ посланникомъ Крымскимъ, не объявляя царскому величеству. Всѣ Поляки, которые были противной партіи, не только прощены, но въ крайнюю милость и приближеніе у короля приняты, а иные и награждены. Въ 1712 году, когда царское величество хотѣлъ осадить Штетинъ, то со

стороны королевской дѣлались этому всевозможныя препятствія, и кончилось тѣмъ, что вся кампанія прошла понапрасну. Частыя свиданія Саксонскаго фельдмаршала Флемминга съ Шведскимъ генераломъ Штейнбокомъ способны были возбудить сильныя подозрѣнія въ царскомъ величествѣ; слѣдствія свиданій и постороннія вѣдомости показали, что подозрѣнія были основательны. Тотъ же Флеммингъ имѣлъ потомъ свиданіе съ Лещинскимъ, причемъ, какъ подлинно извѣстно, трактовано о партикулярномъ мирѣ между королями Польскимъ и Шведскимъ; Лещинскій обѣщалъ быть посредникомъ, за что ему обѣщана ежегодная дача съ употребленіемъ королевскаго титула по смерть; и кромѣ того у короля Августа были частыя пересылки съ Лещинскимъ. Когда царское величество въ Мекленбургѣ хотѣлъ идти для соединенія съ королемъ Датскимъ, то со стороны короля Польскаго трудились всѣми способами помѣшать этому движенію, вслѣдствіе чего Русскія войска не могли поспѣть прежде Гадебушской битвы, а какія были слѣдствія этого, всему свѣту извѣстно. Извѣстно всему свѣту и то, какимъ образомъ министры короля Польскаго ко вреду королю Датскому вступались за Голштинцевъ, и короля Прусскаго такъ завязали въ интересъ Голштинскаго дома, что онъ уже и войска свои собралъ было, и на короля Датскаго напасть хотѣлъ и только удержался сильными декларацiями царскаго величества. Король Польскій видѣлся и трактовалъ въ Лейпцигѣ съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, союзникомъ и родственникомъ короля Шведскаго, не давая знать объ этомъ царскому величеству; не дано знать и о трактатахъ, заключенныхъ прошлаго года съ Англійскимъ и Прусскимъ королями. Прошлою весною вмѣсто того, чтобъ побуждать Прусскаго короля къ наступательнымъ движеніямъ противъ Шведа, министры Польскаго короля дѣйствовали совершенно въ противномъ смыслѣ. Какія противности со стороны короля Польскаго царскому величеству показаны при отправленіи Русскихъ войскъ на помощь союзникамъ въ Померанію, и пересказать нельзя: старались склонить коро-

лей Англійскаго и Прусскаго къ тому, чтобъ не требовали Русскихъ войскъ, внушая о нихъ все дурное; хлопотали, чтобъ цесарь и имперія мѣшали этому, потомъ запрещая царскому величеству свободный проходъ чрезъ Польшу и возбуждая Поляковъ, чтобъ не пропускали Русскихъ войскъ. Когда, несмотря на все это, Русскія войска вошли въ глубь Польши, а Поляки составили конфедерацію противъ войскъ Саксонскихъ, то вдругъ Русскія войска понадобились, графъ Флеммингъ и Польскіе сенаторы начали просить, чтобъ войска эти были остановлены, и упросили фельдмаршала графа Шереметева. Такимъ образомъ этими войсками и грозными письмами посла князя Долгорукова конфедерація была сдержена въ самомъ сильномъ огнѣ, и Саксонцы получили время собраться. Въ то же время королевскій посланникъ при царскомъ величествѣ, баронъ Лосъ, также просилъ государя о задержаніи Русскихъ войскъ въ Польшѣ, обѣщая пропитаніе и квартиры; Польскіе министры просили и королей Прусскаго и Датскаго, чтобъ согласились на задержаніе Русскихъ войскъ въ Польшѣ. Войска возвратились назадъ въ Польшу въ самую дурную погоду и не участвовали въ славномъ окончаніи Померанской кампаніи. И за все это король не только не поблагодарилъ царское величество по возвращеніи своемъ въ Польшу, но еще велѣлъ тому же Лосу объявить, будто никогда царскихъ войскъ не требовалъ и представилъ при другихъ дворахъ остановку Русскихъ войскъ въ Польшѣ дѣломъ насилія? Самъ король жестоко выговаривалъ фельдмаршалу Шереметеву, зачѣмъ остановился въ Польшѣ и приказалъ немедленно идти къ Русскимъ границамъ, зная очень хорошо, что войска должны были идти не въ Россію, а на помощь королямъ Прусскому и Датскому; а на запросъ царскаго величества, для чего дѣлаются ему такія противности и оскорбленія? полученъ отвѣтъ, что все это дѣлается для виду, въ угоду Полякамъ; но Поляки тутъ ни въ чемъ не причастны, со стороны короля Поляковъ вооружаютъ противъ царскаго величества всякими злыми внушеніями, жалуются и при всѣхъ чужихъ дворахъ, будто

царское величество возбуждаетъ Поляковъ противъ короля и войска свои насильно держитъ въ Польшѣ. Полякамъ внушаютъ, что царское величество хочетъ быть посредникомъ только для того, чтобъ отторгнуть что-нибудь отъ Рѣчи Посполитой: но царское величество можетъ отлично отомстить за это, ясно представивъ Полякамъ замыслы Саксонскихъ министровъ насчетъ Польши, зачѣмъ и войскъ Саксонскихъ король не хочетъ выводить изъ нея, не говоря уже о нѣкоторыхъ соглашеніяхъ ко вреду Польскимъ вольностямъ, о чемъ ясно говорятъ въ Вѣнѣ и при другихъ дворахъ.

Русскіе министры требовали, чтобъ министры королевскіе обстоятельно отвѣчали на каждую статью „*меморіи досадамъ*“. Присланъ былъ отвѣтъ ловко написанный, но далеко неудовлетворительный, потому что главное средство защиты, употребленное королевскими министрами, состояло въ утвержданіи, что король и его министры оклеветаны предъ царемъ, что во всѣхъ ихъ сношеніяхъ, указанныхъ въ меморіи, не было ничего вреднаго для Русскихъ интересовъ и для интересовъ союза, а нѣкоторыхъ сношеній и вовсе не было. Царскіе министры упрекали короля за тайное сближеніе съ Франціею, и въ доказательство сближенія приводили то обстоятельство, что Французскій посолъ въ Константинополѣ изъ врага сдѣлался доброжелателемъ Августа. Что-жь! отвѣчаютъ королевскіе министры: за это вмѣсто упрековъ надобно благодарить короля, который постарался изъ враговъ сдѣлать друзей, а кто ему другъ, тотъ другъ и всѣмъ его союзникамъ.—Относительно Шпигеля отвѣчали, что этотъ человѣкъ дѣйствовалъ какъ глупецъ, не имѣя никакихъ порученій отъ короля, а за глупость нельзя жестоко наказывать, тамъ болѣе, что отъ его глупости ничего вреднаго не произошло; несмотря на то Шпигеля хотѣли заключить въ Зонненштейнъ, самое жестокое наказаніе, какому могъ быть подвергнутъ этотъ дуракъ и послѣ самаго строгаго допроса. Поляки принадлежавшіе къ партіи Лещинскаго, прощены для того, чтобъ отвести ихъ отъ этой партіи. Оправдывая себя, королев-

скіе министры сильно вооружались противъ Даніи: по ихъ словамъ, изобразить обстоятельно всѣ непорядочные поступки Датскаго двора заняло бы слишкомъ много времени; прямо говорятъ, что люди, находящіеся при Датскомъ дворѣ, оклеветали царю Польскаго короля и его министровъ. Любопытно, какъ отдѣлались королевскіе министры отъ упрека, что королевскій посланникъ Лосъ письменно въ меморіалѣ просилъ объ остановкѣ Русскихъ войскъ въ Польшѣ: Лосъ, отвѣчали министры, дѣйствовалъ безъ указа, изъ добраго намѣренія, зная, что царскому величеству это будетъ не непріятно; такой поступокъ можно назвать погрѣшностію министра, а не виною. Ни сенаторы, ни графъ Флеммингъ, по словамъ министровъ, никогда ни просили объ оставленіи Русскихъ войскъ въ Польшѣ, только послано было письмо къ Турецкому сераскиру въ Хотинѣ о вступленіи Русскихъ войскъ въ Польшу, да графъ Флеммингъ о тогдашнихъ конъюктурахъ нѣкоторые не въ указъ резонементы изобразилъ и передалъ Русскому послу Долгорукому, фельдмаршалу Шереметеву и переслалъ къ царскому двору. На угрозу объявить Полякамъ о замыслахъ Саксонскихъ относительно Польши, королевскіе министры отвѣчали, что они этого не понимаютъ: если нѣкоторыя особы говорили объ этомъ въ частныхъ разговорахъ, то ихъ словъ не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣлами министерскими. Царское величество самъ знаетъ, что давно отъ извѣстнаго двора (Прусскаго), который теперь перемѣнилъ свое намѣреніе, объ этомъ дѣлѣ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ предложено было.

Русскіе министры замѣтили королевскимъ, что въ „Меморіи Досадъ“ нѣтъ извѣстій, основанныхъ на ложныхъ слухахъ. Но долго препираться о старыхъ досадахъ было некогда; надобно было рѣшить, какъ дѣйствовать для примиренія конфедератовъ съ королемъ. Въ мартѣ пріѣхали въ Данцигъ къ Петру послы Тарногродской конфедераціи съ изложеніемъ причинъ и цѣлей возстанія. Въ конференціи съ царскими министрами послы засвидѣтельствовали, что конфедерація составлена не по Шведскимъ интригамъ, не

къ пользѣ непріятеля, но единственно для обороны отъ несносныхъ тягостей, разореній, убійствъ и прочихъ насильствъ, какія позволяютъ себѣ Саксонскія войска. Просимъ, говорили послы, чтобъ царское величество ни малаго сомнѣнія или подозрѣнія не имѣлъ, потому что мы во всемъ полагаемся на его царское величество, надѣемся единственно чрезъ его посредство освободиться отъ Саксонскихъ притѣсненій. А что конфедераты давно не прислали къ царскому величеству съ просьбою о посредничествѣ, въ томъ виноваты сенаторы польскіе и гетманы, которые всѣми способами ихъ отъ этого удерживали, представляя опасность, которая всегда грозитъ безсильному отъ сильнаго посредника; но конфедераты, видя, что домашніе посредники, господа сенаторы, не только ничего не сдѣлали къ пользѣ Рѣчи Посполитой, но и принудили депутатовъ конфедератскихъ къ миру для большаго разоренія республики; видя, что и гетманъ Синявскій, вмѣсто того, чтобъ защищать права и вольности Рѣчи Посполитой, только потакаетъ Саксонцамъ и прямо говоритъ, что хотя бы все пропало, только-бъ ему при булавѣ остаться; слыша, что король Польскій отправилъ посланника къ Портѣ, а гетманъ Синявскій къ хану Крымскому, — видя и слыша все это, конфедераты ни за что не хотятъ подтвердить насильно постановленный договоръ и отправили своихъ пословъ къ цесарю Римскому и султану Турецкому не для того, чтобъ просить помощи у султана, но изъ опасенія, чтобъ послы королевскій и гетманскій на нихъ не наклеветали. Такъ какъ гетманъ коронный Синявскій никакой помощи не оказывалъ и не оказываетъ, а только вредъ и помѣшку, то они желали бы другаго гетмана на его мѣсто, желали бы также перемѣны нѣкоторыхъ министровъ, и чтобъ царское величество въ томъ имъ помогъ. Мы пріѣхали, продолжали послы, просить царское величество быть посредникомъ и дать крѣпкое ручательство, что договоръ, который будетъ заключенъ при его посредничествѣ, будетъ соблюдаемъ Саксонцами; въ основаніи договора должны быть два главнѣйшіе пункта: сложеніе всѣхъ податей и поборовъ, о которыхъ и слы-

шать не хотимъ, и выводъ всѣхъ войскъ Саксонскихъ, не исключая и тѣхъ 1200 человѣкъ, которыхъ король называетъ своею гвардіею; пусть эта гвардія состоитъ изъ Поляковъ. Наконецъ послы просили, чтобъ Русскія войска были выведены изъ Польши и никогда впередъ въ нее не входили, чтобъ государь сдѣлалъ это по высокой дружбѣ своей къ Польшѣ и сжалившись надъ бѣдностію ея несчастныхъ жителей. Съ тѣмъ же пріѣхали и особые послы отъ великаго княжества Литовскаго.

Обнадеживъ и тѣхъ и другихъ, что царское величество употребитъ всѣ старанія для успокоенія Рѣчи Посполитой, Головкинъ съ товарищами вошелъ въ переговоры съ королевскими министрами, и было постановлено: чтобъ конгрессъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ открытъ былъ какъ можно скорѣе въ Ярославлѣ, именно въ среднихъ числахъ мая по новому стилю. Царь-медіаторъ назначаетъ полномочнымъ посломъ своимъ на конгрессъ князя Григор. Ѳед. Долгорукаго. При открытіи конгресса провозглашается перемиріе, во время котораго не должно быть никакихъ непріятельскихъ поступковъ и контрибуцій. По заключеніи трактата Саксонскія войска должны быть выведены изъ Польши въ продолженіе четырехъ недѣль; при королѣ остается только, по статутамъ, 1200 человѣкъ гвардіи, которую онъ обязанъ однакожъ содержать на своемъ иждивеніи. Рѣчь Посполитая должна обязаться, въ случаѣ новаго нападенія короля Шведскаго, оборонять саму себя и короля, безъ всякаго вспоможенія съ его стороны. Посолъ царскаго величества, князь Долгорукій, будетъ стараться добрыми средствами примирить обѣ партіи; если же которая изъ нихъ на добрыхъ условіяхъ помириться не захочетъ, въ такомъ случаѣ посолъ объявляетъ, что царское величество будетъ противъ нежелающей мира стороны, и будетъ имѣть посолъ указъ къ генералу Рену, чтобъ тотъ шелъ немедленно изъ Украйны съ войсками и дѣйствовалъ противъ того, кто не хочетъ внутренняго покоя.

Вмѣсто Ярославля конгрессъ собрался въ Люблинѣ, и вмѣсто мая въ іюнѣ мѣсяцѣ. Правленіе конфедераціи помѣ-

стилось въ Ленчнѣ, въ трехъ миляхъ отъ Люблина, куда привезли и гетмана Синявскаго съ тѣмъ, чтобъ его судить. Долгорукій, узнавъ объ этомъ, написалъ тотчасъ маршалкамъ конфедераціи, чтобъ они во время конгресса подъ бокомъ у Люблина не смѣли начинать своихъ судовъ, и чтобъ отдали гетмана ему, послу, на честное слово. „Я чаю, государь (писалъ Долгорукій Петру), что господа конфедераты недовольны тѣми условіями, которыя постановлены въ Данцигѣ, и знатно у оныхъ иное намѣреніе не только о гетманахъ, но и о королѣ, потому что здѣсь конфедератскіе депутаты зѣло упрямо и нескоро къ миру приступаютъ, такъ дѣлаютъ, какъ бы чего иного себѣ ожидали, и есть здѣсь вѣдомость, будто писарь коронный недавно былъ у Турецкаго паши тайно въ Хотинѣ. Фрезеръ, пріѣзжавшій въ Данцигъ посломъ отъ конфедераціи, былъ у меня, и наобѣщавъ мнѣ много подарковъ отъ маршалка конфедераціи Ледуховскаго, объявилъ, что конфедераты опасаются впередъ мести отъ короля и гетмановъ и поэтому были намѣрены хлопотать о королевичѣ Яковѣ Собѣскомъ, также и булавы отдать другимъ. Я ему не гораздо противно отвѣчалъ и просилъ его о полной довѣренности, желая и впередъ вывѣдывать чрезъ него о ихъ намѣреніяхъ. Бискупъ Куявскій публично во всемъ засѣданіи конгресса при мнѣ говорилъ конфедерацкимъ депутатамъ, что резидентъ ихъ въ Вѣнѣ публично послу Шведскому говорилъ, что здѣшняя нынѣшняя медіація не поведетъ къ миру. Если конфедерацкіе депутаты все такъ станутъ трактовать, то, чаю, мы не можемъ и въ полгода миръ учинить; они для того время длятъ, что имъ жаль нынѣшней власти оставить, понеже мало не всѣ конфедерацкіе принципалы изъ незнатныхъ и убогихъ особъ и пришли до великой власти и пожитку, что во всемъ государствѣ всѣ доходы и пошлины самовластно на себя берутъ и всѣмъ повелѣваютъ. Сами депутаты мнѣ въ конфиденціи объявили, что изъ нихъ многіе не хотятъ покоя для своего интереса, и не думаютъ, чтобы конгрессъ окончился счастливо безъ принужденія, потому что непремѣнно хотятъ Литовскую булаву отдать

бывшему гетману Вишневецкому, а коронную прочить себѣ маршалокъ Ледуховскій. Троцкій воевода Огинскій и Новогродскій каштелянъ Новосельскій съ товарищи въ конфиденціи мнѣ объявили, что если нынѣ отъ противныхъ факцій конгрессъ будетъ разорванъ, то они въ Литвѣ будутъ стараться, чтобъ гетману и имъ быть подъ протекціею вашего величества, для чего я оныхъ всемѣрно милостію вашею и протекціею обнадежилъ. Былъ у меня Тарло, воевода Любельскій, и по секрету мнѣ говорилъ, будто нынѣшняя ихъ конфедерація зачата въ той надеждѣ, что между вашимъ и королевскимъ величествомъ недовѣріе, поэтому надѣялись они имѣть отъ вашего величества протекцію, чрезъ которую отъ Саксонскихъ войскъ Польшу освободить и другаго короля учинить. А какъ узнали о персональномъ свиданіи въ Данцигѣ, гдѣ будто обновилась между вашимъ величествомъ дружба, то стали искать другой протекціи и надѣются быть посполитому рушенію. Я къ генералу Рену на Украйну писалъ, чтобъ онъ о вступленіи своемъ въ Польшу напередъ для страха къ конфедерацкимъ маршалкамъ написалъ, что ему указано въ Польшу идти не для войны, а только для усмиренія, чѣмъ можно у нихъ дальніе замыслы пресѣчь. Здѣсь отъ непріятельскихъ партизановъ многія бездѣлицы Полякамъ внушаются, а тѣ легкомысленные всему вѣрятъ и на то смотря безъ ума гордо поступаютъ. Больше тридцати человѣкъ депутатовъ отъ разныхъ провинцій и войскъ здѣсь на конгрессѣ засѣдаютъ, и между ними такихъ немного, которые бы основаніе дѣла знали, только своевольно кричатъ, а которые изъ нихъ лучше знаютъ, тѣ не смѣютъ при оныхъ смѣло говорить. Я чаю, государь, лучше у Донскихъ козаковъ въ кругу, нежели въ нашихъ нынѣшнихъ сессіяхъ; часто съ седьмаго часу до четвертаго съ полудня кричимъ, а ничего сдѣлать не можемъ.“

Въ іюлѣ дѣла пошли еще хуже. Конфедераты начали разглашать, что Шведы берутъ верхъ надъ союзниками, въ Норвегіи у Шведовъ много войска и большой транспортъ войскъ назначенъ къ Данцигу; держали пословъ Турецкаго

и Крымскаго какъ пословъ покровительствующихъ державъ, объявляли, что не развяжутъ конфедераціи безъ сейма. Не смотря на перемиріе, били Саксонцевъ вездѣ, гдѣ только могли; у Литовскаго гетмана Потѣя отняли Литовское войско, и самъ гетманъ едва ушелъ отъ нихъ живой изъ Ленчна въ Люблинъ, гдѣ спрятался въ монастырѣ; перерубили людей, у которыхъ пристали лошади Потѣя; Долгорукій и королевскіе уполномоченные, одѣвши гетмана въ нѣмецкое платье, успѣли выпроводить его въ Саксонское войско; всѣ депутаты конфедераціи выѣхали изъ Люблина въ Ленчно, куда привели къ себѣ войско; королевскіе уполномоченные испугались и уѣхали къ Саксонскимъ войскамъ. Долгорукій отправился въ Ленчно къ маршалкамъ конфедераціи и нашелъ ихъ тамъ „въ великой гордости, какъ будто бы они уже всѣхъ завоевали.“ Видя ихъ гордость и лукавство, посолъ повысилъ голосъ и объявилъ имъ, что до сихъ поръ онъ дѣлалъ все въ ихъ пользу, заставилъ на первой же сессіи королевскихъ уполномоченныхъ признать конфедератовъ за Рѣчь Посполитую, принудилъ прежде времени вывести гарнизоны изъ Львова и Замостья, однако ничѣмъ не могъ склонить ихъ къ примиренію, потому что у нихъ пользуются довѣренностію и даютъ совѣты все партизаны Шведскіе. Долгорукій не ограничился однимъ окрикомъ: написалъ къ Рену, чтобъ выступалъ въ Польшу, написалъ къ гетману Скоропадскому и Кіевскому губернатору князю Голицыну, чтобъ соблюдали осторожность: Поляки публично говорили, что если Ренъ вступитъ въ польшу, то Крымскій ханъ пойдетъ на Украйну. Въ Ленчнѣ Долгорукій имѣлъ возможность познакомиться съ маршалками конфедераціи, и такъ описывалъ ихъ царю: „Литовскій маршалокъ Селистровскій, человѣкъ самый простой, мало что и говорить умѣетъ; а маршалокъ Ледуховскій человѣкъ умный и хитрый и очень похожъ всѣми поступками на Мазепу, онъ теперь во всей Рѣчи Посполитой великій кредитъ имѣетъ: такъ могъ всѣхъ обмануть и привесть себя въ всенародную милость, что которымъ зло дѣлаетъ, тѣ всѣ за него присягать рады, такъ что еслибы случилось какое-нибудь

несчастіе съ королемъ, то Поляки непремѣнно выбрали бы его себѣ въ короли; такой умнолукавый человѣкъ, какого я во всей Польшѣ не видалъ, на видъ святой и праводушный, клянется, что хочетъ мира, а тайно дѣлаетъ факціи, длитъ конгрессъ, усиливаетъ войско и другихъ способовъ вездѣ ищетъ.“ Прошелъ іюль, и дѣла находились въ томъ же положеніи. Долгорукій, по его словамъ, истощилъ всѣ способы къ примиренію и все понапрасну: конфедераты не хотѣли ни на что смотрѣть, и отвѣчали такъ гордо, какъ будто были въ состояніи завоевать весь свѣтъ. Прошелъ августъ и сентябрь, уполномоченные переѣхали изъ Люблина въ Варшаву, и здѣсь дѣло наконецъ подвинулось, благодаря извѣстіямъ, что Ренъ перешелъ Днѣпръ и идетъ въ Польшу. Ледуховскій писалъ къ Портѣ, увѣдомляя о вступленіи Русскихъ войскъ въ Польшу и прося помощи, но получилъ отвѣтъ отъ визиря, что Порта въ Польскія дѣла вмѣшиваться не можетъ. Конфедераты изъявили готовность уничтожить конфедерацію (учинить ексвинкуляцію), но съ условіемъ, чтобъ Долгорукій послалъ Рену приказъ нейдти далѣе въ Польшу. „Чрезъ всю свою въ Польшѣ бытность такого труда не имѣлъ, какъ нынѣ, писалъ Долгорукій: непрестанно отъ осьмаго часа утра до девятаго пополудни въ спорахъ и крикахъ въ сессіяхъ бываемъ, и чаю, конфедерація скоро развяжется и къ безконечной славѣ вашего величества счастливый миръ установится. Чаю, государь, не только у Турокъ, но и при Цесарскомъ и Прусскомъ дворахъ есть не малая *жалюзія*: цесарскій посолъ много трудился, чтобъ и цесарю быть медіаторомъ; съ другой стороны посланникъ Прусскій писалъ ко мнѣ, чтобъ и его королю быть медіаторомъ.“ Въ двадцатыхъ числахъ октября Долгорукій получилъ царскій указъ, что кромѣ Рена въ Польшу вступятъ еще шесть Русскихъ кавалерійскихъ полковъ подъ начальствомъ Боура, и будутъ зимовать. Долгорукому показалось это большою роскошью, и онъ отвѣчалъ Петру: „пока конфедерація не развяжется, и Саксонскія войска не выступятъ въ Саксонію, до тѣхъ поръ о вступленіи нашей кавалеріи Полякамъ объявлять не буду, чтобъ

не повредить заключенію мира; а когда, дастъ Богъ, счастливо все окончится, то, чаю, и Рену надлежитъ изъ Польши возвратиться въ Украйну, а Боуръ съ кавалеріею останется зимовать, и хотя Полякамъ это будетъ и противно, однако ничего не сдѣлаютъ, потому что конфедерація развяжется, и войска коронныя и литовскія будутъ подъ командою прежнихъ гетмановъ.“ 24 октября былъ подписанъ мирный договоръ между королемъ и республикою; и не смотря на то дѣло все еще не оканчивалось. 11 генваря 1717 года Долгорукій писалъ Петру: „Не извольте, государь, за гнѣвъ принять и высокомилостиво разсудить, что многими моими рабскими доношеніями ваше величество о скоромъ здѣшнемъ примиреніи обнадеживалъ, не для чего инаго, только смотря на здѣшнія конъюнктуры и состоянія дѣлъ: однако по се время еще конституцію окончить не могутъ и удерживаютъ за своими партикулярными интересами и своевольствомъ, больше всето тѣ, которые имѣли въ конфедераціи команды и вольны были свой народъ грабить, также натурально во многомъ своевольномъ народѣ не можетъ никакое дѣло скоро окончиться, къ тому же помагаютъ отчасти факціи шведская и Лещинскаго. Однако извольте благонадежны быть, что непремѣнно въ скоромъ времени все окончится, потому что не только принципаламъ и шляхтѣ, но и всѣмъ это разоренье наскучило, также и я, какъ возможно, обѣ стороны къ совершенію примиренія побуждаю.“ Петръ хотѣлъ, чтобъ были употреблены побужденія самыя дѣйствительныя: „Сіятельный намъ любезно вѣрный! писалъ онъ Долгорукому въ рескриптѣ изъ Амстердама 8 генваря 1717 г.: симъ вамъ паки повторяемъ, дабы вы всевозможное стараніе прилагали дѣло примиренія съ конфедератами какъ наискорѣе къ совершенству привесть, и для того ежели потребно будетъ хотя и войскамъ нашимъ далѣе въ Польшу и къ конфедератамъ ближе маршировать, и особливо въ маетности тѣхъ вступать велѣть, которые продолженію сего полезнаго дѣла виновны, дабы такимъ образомъ ихъ къ скорѣйшему окончанію принудить.“ Наконецъ 21 генваря на экстра-ординарномъ однодневномъ

сеймѣ миръ былъ подтвержденъ, и Саксонскимъ войскамъ посланъ приказъ выйдти изъ Польши въ четырнадцать дней. Потомъ обѣ примирившіяся стороны приступили къ Долгорукому, чтобъ велѣлъ также и Русскимъ войскамъ выступить съ своимъ границамъ. Посолъ нашелъ необходимымъ написать къ преемнику Ренову, генералу Вейсбаху, чтобъ шелъ назадъ въ Украйну, относительно же Боура упросилъ, чтобъ дали ему время списаться съ своимъ дворомъ: „а между тѣмъ, за этою перепискою, Боуръ можетъ остаться до весны въ Польшѣ,“ доносилъ Долгорукій царю. Сеймъ былъ безгласный, даже и примасу говорить не позволили, всѣ предложенія отложили до другаго обыкновеннаго сейма: „А ежелибъ тотъ сеймъ былъ съ голосами, доносилъ Долгорукій, то чаю не токмобъ оный продолжился, и весь трактатъ былъ бы опровергнутъ. Богъ знаетъ, ежели и нынѣ надолго тотъ покой продолжится, развѣ счастливо вскорѣ генеральный миръ будетъ. Извѣстно, государь, вамъ самимъ, каковъ здѣшній дворъ и Польскій народъ постояненъ. Теперь меня публично благодарятъ, говорятъ, что долго не было бы миру, потому что многіе противные въ конфедедераціи, невзирая ни на какое свое разореніе, намѣреніе свое хотѣли исполнять, еслибы медіація и войско вашего величества къ тому миру обѣ стороны не принудили. Просили меня гетманы — коронный Синявскій и Литовскій Потѣй, чтобъ при оныхъ быть попрежнему Русскимъ резидентамъ, чтобъ не только войска, и всѣбъ вѣдали, что ваше величество изволите оныхъ имѣть попрежнему въ своей милостивой протекціи.“ Тутъ же Долгорукій сообщаетъ любопытныя извѣстія о поведеніи въ Польшѣ генерала Ренне, не задолго передъ тѣмъ умершаго: „Ренъ, вошедъ въ Польшу, лучшихъ и богатыхъ мало не всѣхъ для своего интересу освободилъ отъ обязанности содержать Русское войско, и всю тягость на бѣдную шляхту возложилъ; шляхта жаловалась мнѣ, я много разъ писалъ Рену, онъ отвѣчалъ, что Поляки говорятъ неправду; а теперь, послѣ его смерти, генералъ Вейсбахъ, по письму моему, прислалъ длинную роспись всѣмъ этимъ освобожденіямъ: изволите,

государь, высокомилостиво разсудить, какъ было такому знатному и заслуженному генералу не повѣрить?"

Вышли изъ Польши Саксонскія войска, вывелъ генералъ Вейсбахъ бывшій Реновъ корпусъ въ Украйну; но съ другой стороны вступилъ въ Польшу корпусъ Шереметева и расположился здѣсь въ ожиданіи, какъ пойдутъ дѣла на западѣ. Долгорукій былъ въ затруднительномъ положеніи: сначала говорилъ Полякамъ, что войскамъ нельзя идти въ распутицу, должны дождаться травы; потомъ говорилъ, что Шведы готовятъ сильную высадку: Поляки не хотѣли ничего слушать, грубо ему выговаривали, грозили посполитымъ рушеньемъ: „хотя они и не могутъ чего-нибудь сильнаго противъ нашихъ войскъ учинить, однако не было бы изъ того поврежденія вашего величества высокимъ интересамъ, доносилъ посолъ: противныя факціи по всей Польшѣ разгласили, будто короли Англійскій, Датскій и Прусскій заключаетъ союзъ, чтобъ наши войска принудить къ выходу изъ Германіи, впредь бы оныхъ никогда не впускать и съ Шведами помириться безъ насъ."

Слухи о враждебныхъ противъ Россіи движеніяхъ на западѣ были основательны: за столкновеніями съ Августомъ Польскимъ послѣдовали у царя столкновенія и съ другими союзниками. Но прежде нежели приступимъ къ описанію продолженія Сѣверной войны и ссоры Петра съ союзниками, обратимся къ явленіямъ, имѣющимъ теперь важность первостепенную, обратимся къ внутренней дѣятельности преобразователя.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА 1-ГО АЛЕКСѢЕВИЧА.

Состояніе Россіи отъ учрежденія Сената до прекращенія Сѣверной войны. — Сенатъ, его отношенія къ царю, къ губернаторамъ; отношенія сенаторовъ другъ къ другу. — Коллегіи. — Областное управленіе. — Уложеніе. — Уничтоженіе правежа. — Майоратъ.—Дворянство. — Войско и флотъ.— Купечество.— Торговля и промышленность. — Крестьяне. — Финансы. — Мѣры противъ казнокрадства. — Фискалы. Дѣятельность оберъ-фискала Нестерова. — Подметныя письма. — Дѣло Сибирскаго губернатора князя Гагарина. — Злоупотребленія въ Астрахани, въ Ревелѣ. — Злоупотребленія магистратскихъ членовъ; злоупотребленія фискаловъ. — Злоупотребленія Меншикова. — Дѣло Курбатова и Соловьевыхъ. — Борьба съ разбойниками. — Полиція. — Преслѣдованіе нищихъ, кликушъ. — Гошпитали для подкинутыхъ младенцевъ. — Мѣры противъ пожаровъ. — Нравы и обычаи въ разныхъ слояхъ общества. — Мѣры для просвѣщенія: училища, изданіе книгъ, собраніе естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей. — Мѣры для распространенія географическихъ свѣдѣній. — Искусство. — Церковь, ея борьба съ раскольничествомъ, съ протестантскою и католическою пропагандою. — Распространеніе предѣловъ русской церкви на востокѣ. — Мѣры для усиленія нравственнаго значенія духовенства. — Церковное управленіе. — Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Учрежденіе Синода. — Дѣла на Украйнахъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1711 года Петръ писалъ Апраксину: „О деньгахъ изволь писать къ Сенату, ибо все на нихъ положено“[149]. Мы видѣли что именно было положено на Сенатъ, который немедленно и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей; но Петръ не всѣми его распоряженіями былъ доволенъ. Царю хотѣлось, чтобъ новое учрежденіи дѣйствовало не по-старому, не довольствовалось только распоряженіемъ, посылкою указа, но старалось, чтобъ все было исполнено немедленно какъ слѣдуетъ. Царь прежде всего требовалъ отъ новаго учрежденія, чтобъ оно не теряло дорогаго времени; 8 апрѣля 1711 года онъ писалъ въ Сенатъ; „за

исправленіе дѣлъ благодарствую, въ чемъ и впредь надлежитъ трудиться и все заранѣе современемъ (своевременно) изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно. "Въ апрѣлѣ 1711 года Сенатъ далъ знать государю, что рекруты, по указу, въ Ригу отправлены; Петръ отвѣчалъ: „Шереметевъ и Меншиковъ доносятъ, что въ Ригу явились рекруты только съ одной Казанской губерніи, и то не всѣ, многіе въ бѣгахъ; вмѣсто бѣглецовъ велите изъ губерній выслать вновь, чтобъ указное число было исполнено. Зѣло дивлюсь, что пишете какъ старые судьи: „послано:" а то позабыли, что дошли ли? Или у васъ уже та клятва вышла изъ души, которую недавно учинили? Надъ денежными дворами учините новаго управителя, придавъ исправныхъ товарищей; также и въ прочихъ прибыльныхъ дѣлахъ усмотрѣніе и добрый порядокъ учините, какъ я самъ далъ указъ при отъѣздѣ своемъ, понеже деньги жизнь войны" [150]. Находясь у Прута, за нѣсколько дней до встрѣчи съ Турецкимъ войскомъ Петръ думалъ о прибыльныхъ дѣлахъ, писалъ въ Сенатъ о распоряженіи на счетъ векселей, поташу, смолы, соли [151].

Сенатъ распоряжался: разослалъ объявленія, не найдутся ли охотники составить компанію для торговли съ Китаемъ, нашелъ выгоднымъ позволить торговать всякихъ чиновъ людямъ, но чтобы каждый торговалъ подъ своимъ именемъ; при этомъ велѣно спросить у купецкихъ людей, не будетъ ли отъ этого позволенія имъ убытку? Петръ опять не былъ доволенъ всѣми распоряженіями Сената. Въ сентябрѣ 1711 года онъ писалъ ему: „Вы сдѣлали хорошо, что послали освѣдомиться о приходѣ и расходѣ товаровъ, которые были въ канцеляріяхъ; старайтесь сдѣлать здѣсь еще бóльшую прибыль, потому что теперь все у васъ въ рукахъ. О Китайскомъ торгу учинили вы весьма не такъ, какъ я говорилъ и писалъ, ибо невозможно посадскимъ однимъ въ такое великое дѣло вступать; надобно искать чтобъ изъ разныхъ людей нѣсколько человѣкъ и при нихъ торговые въ оное вступали. Не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ, ибо вовсе не нужно было спраши-

вать у торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку? Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка? Вы сдѣлали это на-смѣхъ, или взявши съ нихъ взятки, по старымъ глупостямъ, и когда пріѣдете въ Ингерманландію, то у васъ совершенно иначе объ этомъ спросится"[152]. Сенатъ отвѣчалъ на это подробнымъ изложеніемъ своихъ распоряженій: „Доимку выбираемъ мы нынѣ сами. О компаніи торгу Китайскаго во всѣ губерніи указами объявлено давно и по воротамъ здѣсь листы прибиты, дабы въ оную кто похочетъ изъ знатныхъ людей и изъ всякаго чина складывались безо всякаго опасенія. Позволеніе въ торговлѣ всѣмъ чинамъ учинили мы ради умноженія торговъ, и для того губернаторамъ и всѣмъ у дѣлъ находящимся никому подъ именами торговыхъ людей торговать не велѣно; но дабы всякій своимъ именемъ, съ достойнымъ пошлинъ и десятой деньги платежемъ, торги свои имѣлъ свободно. А купецкихъ людей спросить велѣли, не будетъ ли отъ онаго позволенія какого въ торгахъ ихъ препятствія, и то учинено безхитростно, въ чемъ у васъ просимъ милостиваго прощенія. Городскіе товары, которыми изъ приказовъ и изъ губерній торговали, ради большей прибыли, опредѣлили нынѣ и впредь вѣдать и торговать ими у города (Архангельска) и за море отпускать Архангелогородской губерніи вице-губернатору Курбатову, да Дмитрію Соловьеву. Рекрутъ, по требованію Бориса Шереметева, выслали, Преображенскій и Семеновскій полки укомплектовали, въ дивизіи генерала Шица мундиръ у насъ готовъ; Волоскому господарю Кантемиру дворъ очищенъ. Для опредѣленія Китайскаго торгу въ компаніи Филатьевъ, Матвѣй Евреиновъ, Илья Исаевъ и другіе изъ купецкихъ, которые знатные, въ Сенатъ призываны, и они во взятіи онаго торга въ компанію отказали. О позволеніи всякаго чина людямъ въ свободномъ торгу указы въ губерніи посланы, на что Смоленскіе торговые люди подали сказку за руками: ежели-де иныхъ чиновъ люди будутъ въ Смоленску торговать, и имъ будетъ препятствіе и обиды и помѣшательства. О укрывающихся отъ службы въ народное вѣдѣніе указы по воро-

тамъ объявлены и въ губерніи посланы. Дворянскихъ дѣтей, въ службу годныхъ, сыскиваютъ. А изъ людей боярскихъ 1000 человѣкъ грамотныхъ, которые годны были въ офицеры, за нынѣшнимъ здѣсь малолюдствомъ, набрать невозможно; однакожъ грамотныхъ изъ людей боярскихъ и изъ монастырскихъ служекъ и изъ подъячихъ набираютъ" [153].

Петръ требовалъ отъ Сената быстроты и точности исполненія; трудно было удовлетворять этому требованію по новости дѣла, по привычкѣ къ неповоротливости: Сенатъ шлетъ нѣсколько указовъ въ губерніи, нѣтъ ни исполненія, ни отвѣта, а царь все спрашиваетъ на Сенатѣ, „понеже теперь все у него въ рукахъ." Чтобъ имѣть возможность увеличивать доходы и уменьшать расходы, Сенатъ прежде всего долженъ былъ знать состояніе тѣхъ и другихъ, и потребовалъ присылки изъ губерній подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ. Легко понять, сколько могло быть важныхъ причинъ, заставлявшихъ медлить этою присылкою. Сенатъ ждалъ, посылалъ новые указы, наконецъ 28 декабря 1711 года приговорили: „За неприсылку по многимъ указамъ подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ на Сибирскомъ, Архангелогородскомъ губернаторахъ, а на Московскомъ управителѣ на самихъ, для того, что они нигдѣ въ отлучкахъ отъ правленія своего не были, а Казанской, Азовской, Кіевской губерній на ландрихтерахъ, которые въ небытности самихъ губернаторовъ отъ нихъ во всемъ губернскомъ отправленіи были, взять штрафу по 1000 рублевъ" [154]. Чтобъ заставить исполнять немедленно указы, въ ноябрѣ 1715 года опредѣленъ былъ при Сенатѣ особый „генеральный ревизоръ или надзиратель указовъ." Должность эта была поручена Василію Зотову, сыну знаменитаго Никиты Моисеевича. Генеральный ревизоръ долженъ былъ смотрѣть „чтобъ все исполнено было, а ежели кто не исполнитъ въ такое время, въ которое можно было исполнить, или указъ точный имѣетъ съ срокомъ, на того объявлять въ Сенатѣ, которому немедленно штрафовать виновныхъ; если же въ Сенатѣ станутъ тянуть время нѣсколько сенаторовъ или всѣ, то на нихъ доносить государю. Ревизоръ

долженъ имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ Сенатъ сидитъ, и записывать указы" [155].

Оберъ-секретарь сената Щукинъ въ 1714 году писалъ Макарову: „Нынѣ у насъ въ Сенатѣ во всемъ большое правленіе, и всѣ приказныя полаты зависятъ на господахъ мѣсячныхъ сенаторахъ, а общій всѣхъ съѣздъ для общаго дѣлъ рѣшенія бываетъ не по вся дни, но временно; итакъ, слава Богу, правленіе стало быть изрядное" [156]. Но нѣкоторые сенаторы находили, что правленіе не совсѣмъ изрядное. Сенаторъ графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ подалъ извѣтъ: „По указу царскаго величества велѣно намъ въ правленіи Сената дѣла всякія управлять всѣмъ сообща, безъ всякихъ прихотей, по настоящимъ указамъ, съ исполненіемъ правды, подъ опасеніемъ его царскаго величества гнѣву. А въ нынѣшнемъ 717 году привезенъ изъ Кіевской губерніи фискалъ Безобразовъ, у котораго въ Курскѣ была брань съ тамошними подъячими; въ этой брани говорилъ онъ подъячимъ: „что̀ вы бунтуете?" Подъячіе подали на него доношеніе; онъ въ Сенатѣ допрашиванъ и сказалъ, что эти слова говорилъ только въ брани при свидѣтеляхъ. Надлежало бы по тѣхъ подъячихъ и по свидѣтеляхъ послать, и если бы кого довелось по очнымъ ставкамъ пытать, то этотъ розыскъ довелось чинить при всѣхъ нихъ, о чемъ и другіе господа сенаторы приговорили согласно; но сенаторъ князь Долгорукій (Яковъ), безъ приговору всѣхъ сенаторовъ общаго, самовластно, своею силою, являя всѣмъ страхъ свой и по какимъ-то своимъ злобамъ, поѣхавъ въ застѣнокъ одинъ, того фискала Безобразова пыталъ жестоко, а другіе Сенаторы для той пытки, кромѣ племянника его, князь Михайлы Долгорукаго, никто не ѣздили, для того что прежде времени, не дождався помянутыхъ подъячихъ, пытать его не надлежало, въ чемъ я ему, будучи въ Сенатѣ, многими словами спорилъ, при господинѣ сенаторѣ Самаринѣ и при господинѣ генеральномъ ревизорѣ бригадирѣ Зотовѣ, чтобъ онъ такого своевольства не дѣлалъ. И потомъ видя онъ князь Долгорукій, что Безобразова пыталъ безъ приговора общаго

одинъ, спустя больше недѣли, велѣлъ дьяку о той пыткѣ написать приговоръ заднимъ числомъ, какъ не только въ Сенатѣ, но и въ другихъ канцеляріяхъ не бываетъ, а лежалъ оный приговоръ на столѣ не закрѣпленъ долгое время, и по многимъ словамъ его закрѣпили, котораго неправдиваго приговору закрѣпить я не могъ." — Долгорукій оправдывался тѣмъ, что Безобразовъ пытанъ во многомъ воровствѣ и въ бунтовыхъ словахъ, а что не всѣ сенаторы въ томъ застѣнкѣ были, то для этого отлагать пытки до другаго дня было нельзя, потому что Безобразовъ приличился въ воровскихъ бунтовыхъ словахъ, а такія дѣла розыскиваются неотлогательно; приговоръ о томъ застѣнкѣ хотя и послѣ написанъ, однако это сдѣлано для его, графа Апраксина, словъ, по повелѣнію сенаторовъ, да и послѣ сего извѣта Безобразовъ пытанъ безъ приговору же, при которой пыткѣ онъ доноситель и самъ былъ.—Графъ Апраксинъ въ улику говорилъ, что Долгорукій Безобразова пыталъ одинъ прежде времени, а про приговоръ и самъ онъ, князь Долгорукій, сказалъ, что писанъ послѣ пытки. — Дѣло было передано лейбъ-гвардіи майорамъ Дмитріеву-Мамонову и Лихареву и поручику Бахметеву; они рѣшили, что за неправое доношеніе графа Апраксина на князя Долгорукаго, по военному артикулу 6-й главы, надлежитъ взять на Апраксинѣ шрафъ 300 рублей въ лазаретъ на дачу солдатамъ, потому что Безобразовъ пытанъ по настоящей его винѣ. Подъ приговоромъ подписано собственною рукою царя: „Взять."—Въ 1719 году положены были штрафы за два неправыя вершенія на сенаторовъ князя Якова Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина, князя Михайлу Долгорукаго, Самарина и Стрѣшнева.

И генеральный ревизоръ Зотовъ не находилъ, чтобъ правленіе въ сенатѣ было изрядное. Въ 1718 году онъ донесъ царю: „Въ бытность мою при Сенатѣ по многимъ указамъ не исполнено, и хотя сенаторамъ я неоднократно доносилъ, но тѣ мои доношенія уничтожены. Велѣно господамъ сенаторамъ съѣзжаться въ канцелярію и сидѣть въ недѣлю три дни всѣмъ, а мѣсячному каждый день, и ежели

кто не будетъ, на томъ брать штрафу за каждый день 50 рублей: этотъ указъ постоянно не исполняли, о чемъ значится во вседневной запискѣ. По указу 1714 года велѣно въ Сенатѣ, въ войскахъ и губерніяхъ, всѣмъ дѣламъ составлять протоколы и безъ того отнюдь не дерзать: а въ Сенатѣ по протоколамъ дѣлъ рѣшено до моего прибытія одно да при мнѣ въ три года три дѣла. Годовыя вѣдомости ни откуда въ Сенатъ не присылаются, безъ чего не видно ни приходу, ни расходу, ни доимокъ, ни губернаторскихъ или другихъ подчиненныхъ неисправъ. Въ недосылкѣ изъ губерній денегъ съ 714 по нынѣшній годъ близь $1\frac{1}{2}$ милліона рублей; за эти и за иныя неисправы положено было штрафовъ 31,657 рублей, изъ котораго числа взято 3368 рублей, да до указу отсрочено 5613, сложено 2834, не взято 19841 рубль. По нарядамъ съ 714 года въ С.-Петербургъ на житье не переведено шляхетства со 150, купечества и ремесленныхъ съ 3000 домовъ, и за неисполненіе никто не штрафованъ. На содержаніе гошпиталей сборныхъ съ вѣнечныхъ памятей денегъ изъ многихъ епархій съ 714 года ничего не прислано, а изъ иныхъ не на всѣ годы, да и вычетныхъ у офицеровъ денегъ за повышеніе чиновъ не присылаютъ же, о разныхъ рудахъ и краскахъ, про которыя объявляютъ доносители, рѣшенія не сдѣлано“[157].

Зотовъ жаловался на нерадѣніе сената, на послабленіе его людямъ, не исполнявшимъ указы; а съ другой стороны были жалобы не притѣсненія отъ сената. Послѣднія жалобы произошли вслѣдствіе столкновенія сената съ ближайшимъ губернаторомъ, московскимъ, княземъ Михайлою Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Въ 1712 году Ромодановскій жаловался царю: „Купечество всякими дѣлами и сборами и военными постоями вѣдалось въ ратушѣ, а пожарнымъ вѣдомствомъ и объѣздами по Москвѣ въ земскомъ приказѣ. А въ нынѣшнемъ 1712 году *господа сенаты* сами собою повелѣли купечество военными постоями, пожарнымъ вѣдомствомъ и объѣздами вѣдать въ московскомъ гарни зонѣ у *сената жъ* и оберъ-коменданта князя Голицына, по дружескому между ними совѣту, въ чемъ купечеству есть

обиды, а денежнымъ сборамъ съ нихъ въ губернскомъ правленіи остановка великая, потому и многихъ людей изъ купечества взявъ въ гарнизонъ и къ объѣзжимъ, напрасно держатъ. Пришелъ ко мнѣ на дворъ дьякъ и сказалъ словесно: сенатскимъ повелѣніемъ помѣстный приказъ мнѣ не вѣдать, а вѣдать дьякамъ подъ вѣдѣніемъ сенатскимъ; а наборъ рекрутъ и работниковъ изъ помѣстнаго приказа вѣдать въ губернской канцеляріи. Сенаты сами собою, безъ моей вины, помѣстный приказъ съ помѣстными дѣлами взяли у меня изъ губернскаго правленія къ себѣ подъ вѣдомство, чиня московской губерніи и мнѣ напрасную обиду, знатно того ради: въ томъ приказѣ есть ихъ сенатскія (сенаторовъ) многія дѣла, такъ чтобъ имъ самимъ тѣ дѣла вершить было всячески способно безъ всякаго препятствія. А наинужнѣйшія государственныя дѣла — наборъ рекрутъ, работниковъ, плотниковъ они, сенаты, перенесли изъ помѣстнаго приказа въ губернскую канцелярію, не давъ къ тѣмъ наборамъ прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, въ чемъ самая сильная государственная нужда и неуправленіе; а помѣстныя дѣла челобитчиковы, а не вашего величества. Этихъ наборовъ они, сенаты, подъ вѣдомство къ себѣ не взяли, знатно желая меня въ тѣхъ наборахъ за какое-либо хотя малое отъ онаго безлюдства неисправленіе видѣть въ сущей напасти и штрафовать, потому что безъ прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, заобычныхъ вѣдомцовъ управлять тѣхъ наборовъ невозможно. Слободскими посадскими людьми командуютъ господа оберъ-комендантъ и комендантъ и дѣлаютъ что хотятъ и ни въ чемъ нашему слову мѣста нѣтъ. Слезно у тебя, государя, милости прошу: или вели коменданту съ гарнизономъ быть у меня, или губерніею управлять оберъ-коменданту. Указами отъ правит. сената наряжаютъ дѣла очень крутыя, сроки опредѣляютъ очень краткіе, а штрафы сулятъ неслыханные, якобы великому злодѣю; посулили у меня отписать помѣстья и вотчины, ежели я не соберу и не пришлю въ іюнѣ мѣсяцѣ 25000 рублей, чего мнѣ сдѣлать нельзя за ихъ же указами, что о пустотѣ указу не чинятъ, а лишку собирать не велятъ“.

Вслѣдъ затѣмъ новыя жалобы отъ Ромодановскаго: „Велѣно мнѣ вѣдать губернію Московскую, а мнѣ управлять никоимъ образомъ нельзя: добрыхъ царедворцевъ самое малое число и болѣе того сенаты давать не хотятъ и отказали, а солдатъ и начальниковъ *артикульно* и ни одного нѣтъ. И многія команды безъ командировъ, а при которыхъ дѣлахъ командиры и есть, и изъ тѣхъ многіе негодны, также и посылки многія въ остановкѣ, посылать не кого. А по доношеніямъ нашимъ правит. сенатъ довольства и письменаго указа не чинятъ, по многимъ дѣламъ приказываютъ словесно, а многихъ доношеній и не принимаютъ. Отъ гарнизона намъ нѣтъ никакой помощи, а только великія и *многопомышательныя* обиды въ воровствахъ, корчмахъ и другихъ дѣлахъ. Нынѣ ихъ честность опредѣлили ко мнѣ 5000 человѣкъ солдатъ, въ которыхъ ниже вида солдатскаго, люди нищи и многіе дряхлецы, ни мундиру, ни ружья, ни начальныхъ людей, ни командующаго съ ними не прислано. Во всякій спросъ и во всякую отправу и въ тягость мы имъ близки, а въ другія губерніи имъ не видно, и когда еще ихъ гнѣвъ дойдетъ, а мои помощники не только м.... бранью и многими окриками, но и тюрьмами уже наказаны, а вины ихъ Богу только извѣстны, а намъ не показаны.... Да и лучшій мой и добрый помощникъ господинъ вице-губернаторъ (Ершовъ) бранью и окриками наказанъ очень довольно и посулено ему черевы на кнутьяхъ выметать, а за что—не знаю же, и кромѣ добрыхъ его трудовъ въ дѣлахъ вашихъ не вижу и не слышу. Онъ же выбитъ изъ двора и караулъ сенатскій присланъ за штрафныя деньги будто за неприсылку книгъ 710 года; а тѣ книги не его вѣдомства, и стоять ему за нихъ не для чего, и отосланы еще до штрафованья задолго. А хотябъ и подлинно онъ такого штрафа достоинъ, то платить ему конечно нечѣмъ, служитъ тебѣ государю весьма вѣрно и прилежно и безкорыстно, и тебѣ государю служба его много прибыточна: при управительствѣ его учинено тебѣ прибыли 116000 рублевъ; и всякія губернскія дѣла отправлялъ вѣрно и ревностно и народъ охранялъ отъ многихъ обидъ всеусердно

и жалобщиковъ на него нѣтъ; а жалованья ему за губернскіе его труды не учинено, безъ чего ему пробыть нельзя, потому что служитъ безкорыстно и вошелъ во многіе долги.“

По первому письму Ромодановскаго царь послалъ указъ Сенату, чтобъ дали во всемъ управу и объяснили обстоятельно, въ чемъ дѣло. „Но отъ ихъ честности, писалъ опять Ромодановскій, ничего о томъ не учинено, и на меня и на помощника моего день ото дня умножается несносное гоненіе безъ всякой вины. Гарнизонная комендантская канцелярія завербовала всѣми слободами, купецкими разными многими дѣлами, понеже собственные твои государевы сироты, купецкіе люди изстари беззаступны, и того ради всякому они въ команду надобны. Вашему величеству вѣрно извѣстно, что мужикъ я престарѣлый, и въ родѣ поколѣнія моего осиротѣлый повидимому безнадежно и одряхлѣлъ въ достатокъ, и уже что̀ мнѣ рабу твоему надобно? пожалованъ я всѣмъ довольно и больше ничего не требую и прочить мнѣ некому.“ Ромодановскій умеръ въ началѣ 1713 года. У преемника его Салтыкова не было ссоры съ Сенатомъ и шелъ слухъ, что онъ получилъ мѣсто по старанію сенаторовъ, особенно Мусина-Пушкина и Долгорукаго. Но за то началась ссора у губернатора съ вице-губернаторомъ Ершовымъ, который публично, въ глаза упрекалъ Салтыкова въ казнокрадствѣ. Въ 1716 году царь далъ указъ Сенату: „Между губернатора и вице-губернатора московскихъ разыскать въ ихъ ссорахъ, а паче того смотрѣть, въ чемъ они учинили поврежденіе и убытокъ государству, а между тѣмъ на время велѣть быть въ Московской губерніи губернаторомъ Кириллу Нарышкину, а вице-губернатору старому.“ Слѣдствіемъ розыска было то, что Нарышкинъ сдѣлался настоящимъ, а не временнымъ только губернаторомъ вмѣсто Салтыкова, и, подобно Ромодановскому, началъ ссориться съ Сенатомъ. Въ 1717 году Меншиковъ писалъ Макарову: „Просилъ насъ слезно губернаторъ Московскій господинъ Нарышкинъ, что отъ господъ сенаторовъ великія ему и несносныя чинятся напрасныя обиды, а именно приказали у него отписать дворы и деревни безо всякой при-

чины, будто за ослушаніе, а болѣе злясь на него за бывшаго губернатора Салтыкова; могу я истинно засвидѣтельствовать, что они его ругаютъ напрасно; для Бога приложите стараніе свое у ея величества государыни царицы, и у прочихъ у кого надлежитъ, и учините ему вспоможеніе." Не одни Московскіе губернаторы ссорились съ Сенатомъ; въ 1717 году Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ Макарову: „Я послалъ царскому величеству особое просительное писмишко, чтобъ меня помиловалъ за бѣдную мою дряхлость и безпамятство, указалъ меня отъ губернаторскихъ дѣлъ освободить: несносно стало, по указамъ отъ прав. Сената трудно исправляться. Другія губерніи милуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству приносимъ оправданіе, здраваго разсмотрѣнія не чинятъ и не принимаютъ; одно затвердили, что наша губернія богата: она такъ богата сдѣлалась, что передъ другими губерніями съ дворовъ все вдвое сбираемъ и всеконечно опустѣетъ; а перемѣнить нельзя: хотя чего малаго не дошлемъ, все штрафы, да разоренье" [158].

Еще въ 1712 году число сенаторовъ увеличилось тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-пленопотенціаромъ кригсъ-коммиссаромъ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, который занялъ между ними первое мѣсто. Взятый въ плѣнъ подъ Нарвою, Долгорукій чудеснымъ образомъ освободился въ 1711 году; его съ 44 товарищами привезли было для размѣны на восточный берегъ Ботническаго залива, но потомъ опять повезли на Шведскую сторону: „И всемилосердый Богъ, пишетъ Долгорукій, предстательствомъ Богоматери далъ намъ юзникамъ благой случай и безстрашное дерзновеніе, что мы могли капитана и солдатъ, которые насъ провожали, пометать въ корабли подъ палубу и ружье ихъ отнять, и, поднявъ якорь іюня 3 дня, пошли въ свой путь и ѣхали тѣмъ моремъ 120 миль, и не доѣхавъ до Стокгольма за 10 миль, поворотили на островъ Даго. И шкиперъ нашъ и штырманъ знали путь до Стокгольма, а отъ Стокгольма чрезъ Балтійское море они ничего не знали, и никогда тамъ не бывали и картъ морскихъ съ собою не

имѣли; и то море переѣхали мы безъ всякаго вѣдѣнія, управляемые древнимъ бѣдственно-плавающихъ кормщикомъ, великимъ отцемъ Николаемъ, и на который островъ намѣрились, на самое то мѣсто оный кормщикъ насъ управилъ.“ Въ послѣдствіи вступили въ Сенатъ графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, князь Меншиковъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, Яковъ Брюсъ, подканцлеръ Шафировъ, графъ Петръ Толстой, князь Дмитрій Голицынъ, графъ Андрей Матвѣевъ, князь Дмитрій Кантемиръ. Такое увеличеніе числа сенаторовъ произошло вслѣдствіе того, что съ 1718 года въ Сенатъ вошли президенты коллегій. Тогда же Сенатъ получилъ право баллотированіемъ выбирать въ высшіе чины. Въ наказѣ воеводамъ 1719 года говорится, что воевода долженъ вести себя такъ, какъ предъ Богомъ, его царскимъ величествомъ и предъ сенатомъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать можетъ. Объ обязанностяхъ Сената царь писалъ: „Никому въ Сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы нашей, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, понеже Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны. Безъ согласія всего Сената ничего нельзя начинать, тѣмъ менѣе вершить, и надобно, чтобъ всякія дѣла не въ особливыхъ домахъ или бесѣдахъ, но въ Сенатѣ рѣшались и въ протоколъ записывались, и не надлежитъ сенатскимъ членамъ никого постороннихъ съ собою въ Сенатъ брать. Всякое дѣло должно быть исполнено письменно, а не словесно; глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали; ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ не рознится съ измѣною, и не только равномѣрную бѣду принимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ этого еще больше, ибо услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится, и люди въ непослушаніи останутся, чему ничто иное токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то въ Гре-

ческой монархіи явный примѣръ имѣемъ“ [159]. Сначала сенаторы переѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, но потомъ окончательно остались въ новой столицѣ.

Правительствующій Сенатъ, у котораго въ рукахъ было теперь все, по выраженію самого царя, считалъ себя въ правѣ брать дѣла изъ одного приказа и передавать ихъ въ другія вѣдомства, ибо, какъ мы знаемъ, разнородныя дѣла соединялись въ извѣстныхъ приказахъ случайно, и оставались вмѣстѣ по обычаю, по старинѣ. Но теперь, когда всякая старина была тронута, что̀ мѣшало, напримѣръ, возникнуть вопросу: съ какой стати наборъ рекрутъ и работниковъ принадлежитъ къ числу занятій помѣстнаго приказа? При усложненіи правительственной машины, при новыхъ потребностяхъ и взглядахъ, старые приказы не могли долго держаться. Чѣмъ же они могли быть замѣнены? Въ преобразующейся Россіи на всякій подобный вопросъ обыкновенно отвѣчали другимъ вопросомъ: а какъ дѣла дѣлаются за границею, въ образованныхъ государствахъ? Тамъ были коллегіи; слѣдовательно онѣ должны были явиться у насъ. Знаменитый Лейбницъ писалъ Петру, что хорошее правленіе можетъ быть только при условіи коллегій, которыхъ устройство похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе. [160] Сравненіе не могло не понравиться Петру, который именно стремился къ тому, чтобъ Русскіе люди во всемъ приводили другъ друга въ движеніе, ибо все зло происходило отъ разобщенности колесъ. Итакъ надобно старинные приказы замѣнить коллегіями; но гдѣ взять колеса для часовыхъ машинъ, для которыхъ старые колеса негодятся? Первый способъ для этого, разумѣется, взять готовое, взять иностранцевъ. Въ августѣ 1715 года Петръ поручилъ генералу Вейде достать иностранныхъ ученыхъ и въ правостяхъ (правахъ) искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ; иностранцу давали ассессорскій чинъ, 500 рублей жалованья и квартиру; отправлять должность свою они должны были чрезъ толмачей [161]. Это неудобство, разумѣется, заставляло искать другаго способа наполнить коллегіи въ „правостяхъ“ искус-

ными людьми: въ концѣ того же года царь далъ наказъ резиденту при императорскомъ дворѣ Веселовскому: „Старайся сыскать въ нашу службу изъ шрейберовъ (писарей) или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской, изъ Бемчанъ (Чеховъ), изъ Шленцевъ (Силезцевъ) или изъ Моравцевъ, которые знаютъ по-славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла здѣсь основать. Также сыщите книги: лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Симона; другой лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, который выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ, и оный сыщите на Латинскомъ или на Нѣмецкомъ языкѣ; также сыщите книгу юриспруденціи. И какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу, и тамъ въ езуитскихъ школахъ учителямъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на Славянскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, по чему они возьмутъ за работу отъ книги, и о томъ къ намъ пишите; а понеже нѣкоторыя ихъ рѣчи несходны съ нашимъ Славянскимъ языкомъ: и для того можемъ къ нимъ прислать изъ Русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по-латыни, и оные лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ зѣло нужно“ [162]. Но охотниковъ нашлось немного, и потому въ августѣ 1717 года приглашены были Шведскіе плѣнники, хорошо познакомившіеся съ Русскимъ языкомъ, вступить въ службу при коллегіяхъ. [163] И этимъ способомъ, какъ видно, не могли добыть много людей въ коллегіи; по крайней мѣрѣ Измайловъ, имѣвшій порученіе приглашать Шведскихъ плѣнныхъ, жившихъ въ Сибири, писалъ Макарову въ сентябрѣ 1718 года: „Въ Тобольскѣ и въ другихъ Сибирскихъ городахъ въ службу царскаго величества пошло Шведскихъ офицеровъ 9, драгунъ и солдатъ то же число, а болѣе никакимъ образомъ призвать не могъ, потому что имѣютъ довольство не малое, чего и въ отечествѣ своемъ многіе не имѣли, и въ *кальги* (коллегіи) никто

не пошелъ, а больше для того нейдутъ, что ожидаютъ въ скоромъ времени мира" [164]. Между тѣмъ хотѣли приготовить и своихъ русскихъ: въ январѣ 1716 года велѣно послать въ Кенигсбергъ человѣкъ 30 или 40 молодыхъ подъячихъ для наученія нѣмецкому языку, дабы удобнѣе въ *коллегіумъ* были, и послать за ними надзирателя, чтобъ они не гуляли [165].

Въ концѣ 1717 года уже опредѣлено было число коллегій — девять: 1) Чужестранныхъ дѣлъ, что нынѣ Посольскій приказъ. 2) Камеръ, или казенныхъ сборовъ. 3) Юстиція, т. е. расправа гражданскихъ дѣлъ. 4) Ревизіонъ: счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ. 5) Воинскій (т. е. коллегіумъ). 6) Адмиральтейскій. 7) Коммерцъ. 8) Штатсъ-конторъ: казенный домъ, вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ. 9) Бергъ и мануфактуръ. [166] Назначены были президенты и вице-президенты въ каждую коллегію: въ коллегію иностранныхъ дѣлъ президентомъ канцлеръ графъ Головкинъ, вице-президентомъ вице-канцлеръ баронъ Шафировъ; въ камеръ-коллегію президентомъ князь Дм. Мих. Голицынъ (Кіевскій губернаторъ), вице-президентомъ баронъ Нирותъ; въ юстицъ-коллегію президентомъ тайный совѣтникъ Андрей Артем. Матвѣевъ, покончившій свое дипломатическое поприще, вице-президентомъ Бреверъ; въ ревизіонъ-коллегію президентомъ князь Долгорукій, вице-президента не было назначено; въ военную коллегію президентомъ князь Меншиковъ, вице-президентомъ генералъ Вейде; въ Адмиралтейскую президентомъ адмиралъ графъ Апраксинъ, вице-президентомъ Крейсъ; въ коммерцъ-коллегію президентомъ Петръ Андр. Толстой, вице-президентомъ Шмидтъ; въ штатсъ-контору президентомъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, вице-президента не было назначено; въ Бергъ и Мануфактуръ-коллегію президентомъ Брюсъ безъ вице-президента. [167] Такимъ образомъ кромѣ послѣдней, Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи президентами были назначены русскіе, вице-президентами (кромѣ иностранной коллегіи) иностранцы.

Назначенные президенты должны были выбирать совѣт-

никовъ и ассессоровъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе не были ихъ родственники или собственныя креатуры, на всякое мѣсто должны были выбрать по два или по три человѣка, и потомъ представить списки именъ въ собраніе всѣхъ коллегій, гдѣ должна происходить баллотировка. Въ конторы по губерніямъ отправлены были добрые люди, чтобъ и тамъ выборы происходили такимъ же образомъ съ присягою. Въ коллегіяхъ должны были быть русскіе: президентъ и вице-президентъ (впрочемъ вице-президентъ могъ быть и иностранецъ); потомъ изъ Русскихъ должны были быть четыре совѣтника, четыре ассессора, одинъ секретарь, одинъ нотарій, одинъ актуарій, одинъ регистраторъ, одинъ переводчикъ и подъячіе трехъ статей (старые, средніе и младшіе). Изъ иноземцевъ были: одинъ совѣтникъ или ассессоръ, одинъ секретарь, одинъ шкрейверъ.[168] Въ апрѣлѣ 1708 года царь далъ указъ: „Всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ на основаніи Шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ (регламентъ) по пунктамъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ *сетуацїею* сего государства несходны, и оные ставить по своему разсужденію и, поставя объ оныхъ, докладывать, такъ ли имъ быть“?[169] Съ 1720 году уже всѣ коллегіи были въ полной дѣятельности.

Колеса въ новыхъ машинахъ не пошли вдругъ хорошо; вмѣсто того чтобъ приводить взаимно другъ друга въ движеніе, иногда зацѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствію. Еще въ 1719 году царь жаловался на безсоюзство, разности и свары между членами юстицъ-коллегіи, вслѣдствіе чего былъ изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства коллежскихъ членовъ[170]. Въ томъ же году въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ произошло столкновеніе между президентомъ и вице-президентомъ. Мы уже видѣли, что вице-канцлеръ Шафировъ, находясь въ Константинополѣ, подозрѣвалъ канцлера Головкина въ нерасположеніи къ себѣ. По возвращеніи его въ Россію, это подозрѣніе, какъ видно, не уничтожилось. 19 мая означеннаго года были въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ канц-

леръ графъ Головкинъ, да подканцлеръ баронъ Шафировъ, и отъ канцлера было предложено, чтобъ по именному указу великаго государя дѣла слушать, рѣшать и подписывать всѣмъ членамъ коллегіи. На это предложеніе подканцлеръ баронъ Шафировъ объявилъ, что онъ съ находящимися теперь на-лицо членами дѣлъ подписывать не будетъ, въ томъ протестуетъ, причемъ назвалъ одного изъ членовъ Курбатова (Петра) канцлеровою креатурою; Шафировъ говорилъ, что потребно полное число членовъ, и что коллегія иностранныхъ дѣлъ другимъ не примѣръ, а съ членами, которые изъ подъячихъ, и сидѣть стыдно. Канцлеръ ему отвѣчалъ, что эти члены коллегіи написаны уже прежде въ вѣдомостяхъ, поданныхъ за ихъ руками въ Сенатъ, въ камеръ и штатсъ-коллегіи: Василій Степановъ написанъ совѣтникомъ канцеляріи, Петръ Курбатовъ секретаремъ-ассессоромъ, и пока не набрано будетъ полное число членовъ, публичныя дѣла коллегіи, кромѣ чужестранныхъ, надобно управлять съ ними попрежнему, мнѣніе каждаго должно записывать въ протоколъ и крѣпить приговоры вмѣстѣ съ ними. Подканцлеръ сказалъ на это: „Я съ ушниками и бездѣльниками дѣлъ не хочу дѣлать"; и когда канцлеръ заставлялъ совѣтника Степанова подписываться къ указамъ, то Шафировъ сказалъ: „Когда у насъ такой споръ, то надобно требовать опредѣленія отъ его царскаго величества." Сказавши это, подканцлеръ съ сердцемъ всталъ и пошелъ вонъ; но, остановясь въ дверяхъ, закричалъ канцлеру: „Что̀ ты дорожишься и ставишь себя высоко? я и самъ такой же!" Канцлеръ ему отвѣчалъ: „Какъ ты моей старости не устыдишься такими словами мнѣ досаждать и кричать!" Шафировъ, вышедши въ переднюю палату, передъ просителями — гетманскимъ посланцомъ Кегичемъ, Калмыцкими посланцами и Волохами, говорилъ служителямъ канцеляріи, что канцлеръ хочетъ коллежскія дѣла дѣлать съ своими креатурами и хочетъ заставлять ихъ съ собою подписывать. Протоколъ объ этомъ, подписанный Головкинымъ, Степановымъ, Курбатовымъ, Губинымъ, Аврамовымъ, былъ представленъ государю.

Возвратившись домой, Шафировъ послалъ за Степановымъ, тотъ не пришелъ; Шафировъ посылалъ еще два раза,— Степановъ не явился; подканцлеръ подалъ на него жалобу, требуя суда; Степановъ представилъ оправданіе: „Я не пришелъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) 19 числа въ коллегіи подканцлеръ сказалъ, что онъ съ ушниками и бездѣльниками дѣлъ дѣлать не будетъ, и называлъ меня съ прочими креатурою канцлеровою, поэтому канцлеръ мнѣ и другимъ членамъ коллегіи ходить къ нему не велѣлъ. 2) Боялся я того, чтобъ меня не убилъ, потому что прибивши Губина, говорилъ онъ, чтобъ и мы того же опасались. Подканцлеръ потомъ подъячему Аврамову говорилъ, что онъ звалъ меня тогда не для дѣла, но хотѣлъ вѣдать о запискѣ протокола, врученнаго вашему величеству; еще и то говорилъ, что хотя бы онъ и побилъ меня, то-бъ мнѣ можно за его ко мнѣ благодѣянія то снесть. Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брани терпѣть. Онъ же Аврамовъ и то сказывалъ, что подканцлеръ говорилъ ему, будто ваше величество ему обѣщали меня и Губина бить, какъ и Михайла Волкова, а Курбатовъ-де мѣста поищетъ“[171]. Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно, ибо царскимъ расправамъ протоколы не велись.

Когда коллегія иностранныхъ дѣлъ получила полное число членовъ, то 13 февраля 1720 года послѣдовало слѣдующее опредѣленіе: „Когда случатся важныя дѣла, то призывать всѣхъ или нѣсколько (по важности дѣла) тайныхъ совѣтниковъ дѣйствительныхъ, и всѣ должны подавать совѣтъ письменно и потомъ докладывать о рѣшеніи. Канцеляріи совѣтники: тайный канцеляріи совѣтникъ Остерманъ, канцеляріи совѣтникъ Степановъ: ихъ должности сочинять грамоты къ чужестраннымъ государямъ, рескрипты къ министрамъ, резолюціи, деклараціи и прочія бумаги великой важности и тайны, а прочее заставлять сочинять секретарей экспедиціи, и надзоръ за ними имѣть. Когда случатся такія государственныя тайныя дѣла, что его царское величество высокою особою присутствовать въ коллегіи изволитъ, или

для какого-нибудь совѣта другіе тайные совѣтники созваны будутъ, то изъ двоихъ канцеляріи совѣтниковъ одинъ, или, по множеству дѣлъ, и оба присутствуютъ и о предметѣ совѣщанія доносятъ и читаютъ, и, соотвѣтственно рѣшенію, рескрипты или грамоты и прочія резолюціи сочиняютъ; а если понадобится, то имъ и голоса, для бо́льшаго секрета, вмѣсто нотаріуса записывать. Совѣта ихъ притомъ не спрашивается, но могутъ дѣлать ремонстраціи или представленія. Если же въ иностранной коллегіи присутствуютъ только канцлеръ да подканцлеръ для рѣшенія дѣлъ, тогда канцеляріи совѣтники вмѣстѣ съ ними сидятъ за однимъ столомъ, и ко всему, что̀ будетъ въ собраніи опредѣлено, подписываются" [172].

Болѣе другихъ президентовъ коллегій было тяжело президенту юстицъ-коллегіи, какъ видно изъ жалобъ Матвѣева, поданныхъ въ 1721 году: „По указу вашего величества положено на коллегіи юстиціи прежнихъ семь приказовъ, т. е. помѣстный, судные всѣ, сыскной, земскій и прибавлены еще фискальскія дѣла: бремя несносное! Къ тому же всякую недѣлю по три дня всѣмъ президентамъ опредѣленъ съѣздъ въ Сенатъ, а два дни на расправу коллежскую; членамъ коллегіи однимъ во время моей отлучки въ Сенатъ рѣшать дѣла нельзя, отъ чего въ такихъ многочисленныхъ дѣлахъ безпрестанная остановка и на коллегію нареканіе. Въ той же многодѣльной коллегіи нынѣ вице-президента и добрыхъ помощниковъ нѣтъ за разборомъ по инымъ коллегіямъ лучшихъ царедворцевъ; когда при коллегіи бываю я, то работаю сколько могу по малымъ моимъ силамъ, и дѣла рѣшаются; но хотя рѣшаются они и настоящимъ образомъ, однако не только мнѣ, но и ангелу безплотному на народъ нашъ угодить и безъ упрековъ отъ него быть никакъ нельзя, какъ вашему величеству самому извѣстно. Изъ юстицъ-коллегіи въ три года дѣлъ съ 15 перенесено въ сенатъ по челобитью недовольныхъ, да и тѣ еще тамъ не рѣшены и ничего на коллегію не показано. Въ прошлыхъ годахъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій когда сидѣлъ въ Судномъ Московскомъ приказѣ, то въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ

по челобитьямъ на его вершеніе было перенесено въ Расправную палату; и тому судьѣ угодить на нашъ народъ было невозможно. Юстицъ-коллегія, исполняя все вѣрно и неугождая произволамъ нѣкоторыхъ, нажила себѣ многихъ непріятелей, всегда вредящихъ тайно и явно; особливо же нѣкоторая знатная особа, которая съ протоколистомъ Иностранной Коллегіи Протопоповымъ важное имѣло прежде дѣло у насъ въ коллегіи, и по желанію своему не получила успѣха, несетъ на меня партикулярно свою неукротимую злобу, и гдѣ найдетъ случай, великій вредъ мнѣ причиняетъ и другихъ къ тому же подучаетъ; нравъ этой особы, думаю, и самому вашему величеству извѣстенъ. Также и другія знатныя особы, имѣющія по фискальскимъ доношеніямъ на себя дѣло, а иныя за своихъ сродниковъ и пріятелей заступаясь, увидавъ, что я имъ безъ поманки и безъ всякой корысти по дѣламъ ихъ не угождаю, всячески съ своими пріятелями и фамиліями намѣреваются и угрожаютъ у вашего величества и въ сенатѣ всегдашній вредъ мнѣ причинять, отъ чего я, въ такомъ своемъ крайнемъ сиротствѣ будучи постоянно, опасаюсь ихъ, ибо и Геркулесъ едвали бы могъ противъ двоихъ стоять [173].

Мы видѣли, что въ 1708 году Петръ раздѣлилъ государство на губерніи; губерніи раздѣлялись на провинціи. Правители пограничныхъ губерній въ описываемое время назывались генералъ-губернаторами, въ остальныхъ губернаторами; помощниками ихъ были вице-губернаторы; иногда впрочемъ вице-губернаторы управляли цѣлою губерніею: такъ Курбатовъ, въ званіи вице-губернатора, управлялъ всею Архангельскою губерніею; какъ видно, здѣсь была уступка родовитымъ людямъ: царь не хотѣлъ дать человѣку холопскаго происхожденія одинакаго званія съ Ромодановскими, Голицыными и Апраксиными; въ указѣ 6 марта 1712 года было сказано: господъ Петра Апраксина, князя Дмитрія Голицына, Петра Салтыкова, князя Матвѣя Гагарина писать губернаторами, Алексѣя Курбатова вице-губернаторомъ [174]. Провинціи управлялись воеводами; при губернаторахъ и воеводахъ находилась *земская канцелярія*,

приводившая въ исполненіе всѣ распоряженія губернатора или воеводы. Указомъ 24 апрѣля 1713 года въ областное управленіе внесено было коллегіальное начало: велѣно назначить ландратовъ — въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; ихъ должность состояла въ томъ, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ рѣшали и подписывали, и „губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко призидентъ;“ онъ имѣлъ только два голоса и никакого дѣла безъ нихъ не дѣлалъ. Ландраты выбирались въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворянами за ихъ руками. Названія воеводы и ландрата иногда смѣшиваются; такъ въ указѣ 1719 года читаемъ: въ Суздальской провинціи быть воеводою изъ Синбирска ландрату князю Мещерскому, а нынѣ въ Синбирскѣ воеводою на его мѣсто велѣно быть Ивану Кикину [175]. Для суда учреждены были земскіе судьи или ландрихтеры и оберъ-ландрихтеры, и чтобъ дать имъ большую независимость, они и имѣнія ихъ были изъяты изъ-подъ вѣдомства губернаторскаго; судились ландрихтеры въ сенотѣ. Жалобы на несправедливыя рѣшенія губернаторовъ и судей поступили въ Расправную палату при сенатѣ, гдѣ чинили указъ по тѣмъ дѣламъ. Въ 1720 году въ значительныхъ городахъ учреждены были Надворные Суды для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Надворный судъ составлялъ высшую инстанцію въ областномъ судоустройствѣ, среднюю составлялъ судъ Провинціальный, и послѣднюю Нижній городовой судъ; какъ въ Надворномъ, такъ и въ Нижнемъ судахъ въ столицахъ упоминаются оберъ-ландрихтеры въ качествѣ президентовъ [176]. Мысль объ отношеніяхъ судебной власти къ административной находимъ въ слѣдующей инструкціи воеводамъ: „хотя воеводѣ не надлежитъ ссоръ тяжебнаго дѣла судить и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательства чинить, однако ему крѣпко смотрѣть, чтобъ земскіе судьи уѣздный судъ управляли по инструкціи и подданныхъ волокитами не утѣсняли. Воеводѣ велѣть уставы, паче же въ смертныхъ дѣлахъ, по знатнымъ праздникамъ прихожанамъ въ церквахъ трижды въ годъ прочитать. Смертныя дѣла воеводѣ каждое къ своему

подлежащему суду отсылать и по опредѣленію двороваго суда дѣйство производить.“ Въ указѣ изъ юстицъ-коллегіи 1719 года также предписывается губернаторамъ и вице-губернаторамъ смотрѣть, чтобъ не было волокиты и напрасныхъ убытковъ челобитчикамъ всякаго чина, особенно же призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ[177]. Чѣмъ для цѣлаго государства была Камеръ-коллегія, тѣмъ въ губерніяхъ были земскія конторы, управлявшіяся земскимъ камериромъ, или Надзирателемъ сборовъ; у Камерира были три книги: въ первой были обозначены всѣ источники казенныхъ доходовъ; во второй всѣ полученія и выдачи; въ третьей всѣ свидѣтельства и счеты[178]. Земскій Коммиссаръ собиралъ и записывалъ всѣ казенные доходы, кромѣ пошлинъ. Въ генварѣ 1715 года было постановлено, чтобы въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ гарнизоновъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, быть вмѣсто нихъ ландратамъ по одному человѣку надъ каждою долею, въ которой содержится 5536 дворовъ или поскольку будетъ удобнѣе по разстоянію мѣста, больше или меньше по разсужденію губернаторскому. Съ ландратами для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ въ каждой долѣ быть по одному коммиссару. Въ тѣхъ городахъ, которые прилегли къ украиннымъ мѣстамъ и для опасанія отъ непріятельскихъ набѣговъ будутъ въ нихъ гарнизоны изъ ландмилиціи (т. е. *земское войско*), въ такихъ городахъ быть комендантамъ, которымъ вѣдать и ландратское правленіе. Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу или по два мѣсяца, а въ ихъ отсутствіе должность ихъ исправляютъ Коммиссары. Въ концѣ года всѣ ландраты съѣзжаются къ губернаторамъ со всѣми вѣдомостьми своего правленія для счета и рѣшенія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ. Губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать, кромѣ того случая, если кто-нибудь изъ ландратовъ впадетъ въ погрѣшеніе или споръ какой будетъ въ земляхъ: въ такихъ случаяхъ для розыску и межеванья посылать ландрахтеровъ,

а судить ландратовъ губернаторамъ самимъ съ вице-губернаторами и ландратами. Посадскихъ людей ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать и ни въ какія ихъ дѣла не вступать, а имѣть имъ для управленія своихъ дѣлъ и земскихъ сборовъ бурмистровъ, за выборами, съ вѣдома губернаторскаго; въ искахъ своихъ бить челомъ посадскимъ на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ — земскимъ бурмистрамъ. Тогда же назначено было жалованье: губернаторамъ 1200 рублей денегъ, 600 четвертей хлѣба, С.-Петербургскому вдвое. Вице-губернаторамъ — Петербургскому 3000 рублей (?), 300 четвертей хлѣба; прочимъ по 600 рублей и по 300 четвертей. Ландрихтерамъ: Петербургскому 600 рублей и 150 четвертей, прочихъ губерній 300 рублей и 150 четвертей. Оберъ-инспекторамъ (за торговлею) Петербургскому и Рижскому по 1200 рублей. Коммиссарамъ Петербургскимъ и изъ губерній въ Петербургѣ при Сенатѣ находящимся 120 рублей и 60 четвертей; губернскимъ по 60 рублей и по 30 четвертей. Дьякамъ въ губерніяхъ по 120 рублей и по 60 четвертей; подъячимъ старымъ по 60 рублей и по 30 четвертей; середней статьи по 40 рублей и 20 четвертей, молодымъ по 15 рублей и 10 четвертей [179].

Учрежденъ былъ сенатъ, коллегіи, дано новое устройство областямъ, а новаго уложенія не было. Мы видѣли, что въ 1700 году государь велѣлъ боярамъ сидѣть у Уложенья, снести Уложенную книгу 1649 года съ новыми статьями и вершенными дѣлами. Но чѣмъ далѣе шли по дорогѣ преобразованій, чѣмъ болѣе знакомились съ иностраннымъ бытомъ, тѣмъ менѣе становились довольны Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Учрежденъ сенатъ, вмѣсто приказовъ коллегіи, въ областяхъ губернаторы, ландраты и ландрихтеры, надворные суды и канцеляріи, всюду новые порядки: неужели же при этомъ останется старое Уложеніе? Въ апрѣлѣ 1718 года былъ данъ именной указъ о сочиненіи регламента всѣмъ коллегіямъ на основанія Шведскаго устава, и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ послѣдовала резолюція на докладъ юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ Шведскаго уложенія и объ

учиненіи свода россійскихъ законовъ съ шведскими[180]. Президентъ юстицъ-коллегіи Матвѣевъ писалъ Макарову черезъ два мѣсяца послѣ того: „я нынѣ токмо починаю ослабу отъ болѣзни своей имѣть, и хотя тяготою оной болѣзни своей одержимъ, однакожъ въ повсевременномъ нынѣ трудѣ пребываю самъ при сводѣ Шведскаго устава съ россійскимъ уложеніемъ, не покладываяся въ томъ ни на кого; и хотя которые приказные люди при томъ дѣлѣ есть, но во всемъ моя несклонная работа умножается, понеже въ такихъ нужныхъ дѣлахъ на не заобычныхъ людей положиться, ни имъ управить безъ меня невозможно“ [181]. Въ декабрѣ 1719 года былъ данъ указъ сенату о начатіи засѣданій для слушанія Уложенія 7 генваря 1720 года; въ указѣ говорилось: „Слушаючи оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго Уложенія или новые пункты дѣлать; такожъ, ежели покажутся которые въ старомъ уложеніи важнѣе, нежели въ Шведскомъ, тѣ такожъ противу написать, и все то намъ къ слушанью изготовить. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права Эстляндскія и Лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣнія имѣютъ, какъ у насъ“ [182]. Въ маѣ 1721 года коллежскимъ членамъ, которые сочиняютъ уложеніе, велѣно указные три дня въ недѣлю сидѣть до половины дня въ въ коллегіяхъ, а послѣ полудни, отъ третьяго до осьмаго часа, за уложеніемъ [183].

Петръ не дожидался составленія уложенія, чтобъ приступить къ преобразованіямъ въ области права. 15 января 1718 года былъ отмѣненъ правежъ: „Которые люди по подрядамъ и по откупамъ и по вѣрнымъ таможеннымъ и питейнымъ и всякимъ сборамъ, и въ начетныхъ и штрафныхъ деньгахъ, и во всякихъ таможенныхъ государственныхъ сборахъ, на опредѣленные имъ сроки въ платежахъ не исправились, и въ томъ нынѣ въ губерніяхъ и канцеляріяхъ на правежѣ держатся, и впредь ежели кто въ таковыхъ неисправахъ явится, и таковыхъ какъ самихъ, такъ и поручиковъ ихъ, а буде сами должники померли, послѣ ихъ женъ ихъ и дѣтей на правежѣ не держать, а отсылать ихъ въ

С.-Петербургъ, и отдавать въ адмиралтейство, а въ адмиралтействѣ опредѣлять годныхъ въ галерную работу, а старыхъ и малолѣтнихъ мужескаго полу въ другую работу, а женъ въ прядильный домъ: за ту работу зачитать имъ тѣхъ долговыхъ денегъ, на мѣсяцъ по рублю человѣку. Во время той работы давать кормъ наравнѣ съ каторжными; а буде такіе должники будутъ просить въ платежѣ тѣхъ долговыхъ денегъ сроку, и таковымъ сроку давать съ добрыми поруками на полгода. И которые люди тѣ долговыя деньги заработаютъ, и такихъ отъ той работы освобожать, давая имъ отпускныя письма. А которые люди будутъ въ истцовыхъ искахъ должны и на опредѣленные сроки платежемъ не исправятся жъ, и о посылкѣ тѣхъ чинить противъ вышеписаннаго жъ, долги вычитать за работу по рублю жъ на мѣсяцъ человѣку, а заимодавцамъ зачитать каждую персону за работника, кромѣ женъ[184]. Важно было преобразованіе въ области семейнаго права относительно служилаго сословія. Мы видѣли, какія двѣ цѣли назначилъ Петръ для своей преобразовательной дѣятельности: внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска, и обогащеніе страны посредствомъ торговли. Имѣя въ виду эти двѣ цѣли и смотря постоянно на сильныя и богатыя поморскія государства, Петръ приступилъ къ преобразованію служилаго сословія. Оно не могло быть для него, какъ было для его предковъ, только служилымъ сословіемъ; оно было въ его глазахъ и сословіемъ землевладѣльческимъ, и въ этомъ значеніи своемъ имѣло ближайшее отношеніе ко второй цѣли преобразовательной дѣятельности, къ обогащенію страны, именно могло содѣйствовать благосостоянію крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ его землямъ, и внести новыя силы нравственныя и матеріальныя въ среду торговыхъ людей. Поэтому Петра занималъ вопросъ о порядкѣ наслѣдства за границею. Неизвѣстно, къ которому году относится письмо Якова Брюса къ царю: „По твоему государскому писанію къ Адаму Вейду послалъ я къ тебѣ краткое описаніе законовъ (или правилъ) шкоцкихъ, агленскихъ и французскихъ о наслѣдни-

кахъ (или первыхъ сынахъ)“ [185]. Въ апрѣлѣ 1711 года, когда вниманіе было занято Турецкимъ походомъ, Головкинъ писалъ секретарямъ посольскаго приказа: „Желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ Французскихъ, Аглинскихъ и Венецыйскихъ, какое у нихъ опредѣленіе какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и пожиткахъ дѣтямъ по отцахъ оставшимся мужеска и женска пола въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхецкихъ, такъ и купецкихъ фамилій: и вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ, и ежели того нѣтъ, то спрашивайте и ищите оныхъ правилъ на Москвѣ у иноземцевъ, и ежели гдѣ что сыщется, то велите немедленно перевести“ [186]. Въ мартѣ 1714 года оказалось, зачѣмъ Петру нужны были эти правила: онъ издалъ указъ о майоратѣ и, по обычаю, объяснилъ причины этого нововведенія: первая причина — большая исправность въ платежѣ податей и улучшеніе быта крестьянъ: „Если недвижимое будетъ всегда идти одному сыну, а прочимъ движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не раззорять. Вторая причина: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы. Третья причина: прочіе (сыновья) не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что̀ они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть. Понеже раздѣленіемъ имѣній недвижимыхъ великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ какъ интересамъ государственнымъ, такъ и самимъ фамиліямъ паденіе, напримѣръ, ежели кто имѣлъ 1000 дворовъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда же по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые (дѣти), помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ сиро жить, но каждый ясно (хотя и не такъ), то

уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожъ нести, какъ 1000 несли, и тако отъ того раздѣленія казнѣ государственной великой есть вредъ и людямъ подлымъ разореніе, и когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется и тако далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ, и знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ эксемпелевъ есть въ Россійскомъ народѣ. Еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государству безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всяко уклоняться и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерью есть всѣхъ злыхъ дѣлъ.“ Это изложеніе побужденій, заставившихъ ввести майоратъ, показываетъ ясно, что Петръ смотрѣлъ на обязательную службу землевладѣльческаго сословія, какъ на мѣру временную, вынуждаемую обстоятельствами; потому что если бы всѣ сыновья землевладѣльца обязаны были государственною службою на всю жизнь, пока отставятъ за старостію или ранами, то нельзя было бы толковать о возможности для младшихъ сыновей искать хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. Чтобъ побудить младшихъ сыновей къ дѣятельности, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ принята была мѣра, выраженная въ дополнительномъ указѣ: „Ежели кадетъ пойдетъ въ службу воинскую, и получитъ себѣ службою деньги, на которыя себѣ захочетъ купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однако не ранѣе, какъ по истеченіи семи лѣтъ службы его; если же будетъ въ гражданской службѣ, то по истеченіи десяти лѣтъ службы; если будетъ въ купечествѣ или мастерствѣ, то послѣ пятнадцати лѣтъ; а кто ни въ чемъ вышеписанномъ не будетъ, тому никогда нельзя будетъ пріобрѣтать недвижимую собственность“ [187].

Служба, и именно военная давала такимъ образомъ наиболѣе правъ младшему сыну или кадету, какъ тогда выражались. Чтобъ побудить дворянъ къ службѣ, еще ранѣе выданъ былъ указъ: „Сказать всему шляхетству, чтобъ каж-

дый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать, и писаться только офицеромъ, а шляхетству (которые въ офицерахъ) только то (т. е. свое шляхетство) писать, куда развѣ посланы будутъ". Людямъ нисшихъ сословій заслуга открывала дорогу въ офицеры, а чинъ офицерскій возводилъ ихъ въ высшее, дворянское сословіе: 16 генваря 1721 года данъ былъ собственноручный указъ: „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство" [188].

Но для успѣха службы, равно какъ и другихъ занятій признано было необходимымъ образованіе, хотя первоначальное, и преобразователь обязываетъ дворянъ имѣть это образованіе. Вотъ знаменитый указъ 20 января 1714 года: „Послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи, и положить штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучится" [189].

По обстоятельствамъ времени, военная служба требовалась преимущественно отъ дворянина; дворянинъ имѣлъ право на начальническія мѣста въ войскѣ; но для этого онъ долженъ былъ имѣть, во-первыхъ, общее первоначальное образованіе, а потомъ спеціальное военное, знать службу. Чтобъ родовыя связи, покровительство не мѣшали дворянину пріобрѣтать послѣднее, въ февралѣ 1714 года изданъ былъ указъ: „Такъ какъ многіе производятъ сродниковъ своихъ и друзей въ офицеры изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ, ибо не служили въ низкихъ чинахъ, а нѣкоторые служили только для вида по нѣскольку недѣль или мѣсяцевъ: поэтому такимъ требуется вѣдомость, сколько какихъ чиновъ есть съ 709 года; а впредь сказать указъ, чтобъ изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи" [190]. Въ оберъ-офицерскіе чины производились въ войскѣ по свидѣтельству штабъ и оберъ-офицеровъ полка, въ штабъ-офицеры по свидѣтельству всей

дивизіи генералитета и штабъ-офицеровъ.[191] Относительно увольненія отъ военной службы Петръ далъ указъ Сенату въ мартѣ 1716 года: „Которые офицеры служили въ арміи и за старостію и за ранами отставлены, такихъ велите употреблять въ гарнизоны или къ другимъ какимъ дѣламъ, по губерніямъ въ ландраты, а особливо бѣдныхъ, ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые много служили, позабыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили тунеядцы многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное. А которые къ дѣламъ не годятся за дряхлостію и увѣчьемъ, тѣмъ давать нѣкоторое жалованье изъ денегъ, которыя собираются на гошпиталь со всѣхъ чиновъ.“

Въ 1716 году былъ изданъ Воинскій Уставъ[192]. Если заботились объ офицерахъ, то надобно было позаботиться и о солдатахъ, о рекрутахъ, которыхъ обыкновенно не доводили до назначенныхъ мѣстъ въ полномъ числѣ вслѣдствіе дурнаго содержанія и побѣговъ. Въ сентябрѣ 1719 года военная коллегія приговорила: „Сдѣлать въ Сенатъ предложеніе, что такъ какъ рекруты до сего времени изъ губерній очень непорядочно приводятся, и главная тому причина худое пропитаніе въ пути, отъ чего многіе померли и съ дороги побѣжали, какъ-то явилось изъ нынѣшнихъ приводовъ: по этому надобно, чтобъ впередъ не бѣгали и имѣли полное довольство въ пути, давать имъ полное противъ солдатъ жалованье съ обыкновеннымъ вычетомъ съ того времени, какъ въ рекруты приверстаны будутъ; отъ этого имъ въ началѣ будетъ охотно къ солдатству, не будутъ склонны къ побѣгу и немного будетъ больныхъ. Хотя неоднократно въ губерніи были посланы и публикованы указы о порядочномъ сборѣ и приводѣ рекрутъ, однако эти указы по большей части не исполняются, отъ чего происходитъ не малое государству раззореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: 1) Когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованыхъ, и, приведши въ города держатъ въ великой тѣснотѣ, по тюрьмамъ и острогамъ не малое время, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, отправятъ, не разсуждая по

числу людей и далекости пути, съ однимъ, и то негоднымъ офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же поведутъ, упустивъ удобное время жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего хуже, что многіе и безъ покаянія, другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ и пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ, изъ чего злѣйшее государству приключается раззореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но раззорители государства становятся; всякій можетъ разсудить, отъ чего такія великія умножились воровскія вооруженныя компаніи? отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ. 2) Хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но видя сначала такой надъ своею братьею непорядокъ, въ великій страхъ приходятъ. 3) Изъ губерній малое число присылаютъ увѣчныхъ и къ солдатской службѣ весьма негодныхъ, изъ которыхъ въ одни нынѣшніе приводы больше 700 человѣкъ въ военной коллегіи за негодностію въ службу не приняты. Чтобъ такихъ непорядковъ не было, когда нарядъ рекрутамъ учинится, надлежитъ въ военную коллегію тотчасъ прислать вѣдомость, сколько въ которой губерніи опредѣлено будетъ взять рекрутъ, и тогда въ военной коллегіи тѣхъ рекрутъ росписать по командамъ, и командировать для пріема и привода ихъ добрыхъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, смотря по числу рекрутъ, и этимъ офицерамъ принимать у губернаторовъ и воеводъ рекрутъ самыхъ добрыхъ и къ службѣ годныхъ; провожать ихъ должны гарнизонные солдаты; офицеры, принявъ рекрутъ, тотчасъ должны привесть ихъ къ присягѣ, и, чтобъ не бѣгали, перепоручить ихъ круговою порукою; потомъ, соединивъ тѣхъ рекрутъ съ гарнизонными солдатами, развесть по капральствамъ и ротамъ и учить ихъ непремѣнно солдатской экзерциціи и читать имъ воинскій артикулъ, дабы въ полки не сущими мужиками, но отчасти за обычайными солдатами пришли; а опредѣленное имъ хлѣбное и денежное жалованье съ самаго ихъ пріема давать сполна. Чтобъ ихъ не изнурить въ дорогѣ скорымъ походомъ, ве-

сти ихъ по обыкновенію марша солдатскаго: три дня идти, а четвертый отдыхать“[193].

Школою для сухопутныхъ офицеровъ служила гвардія; кромѣ того сыновья знатныхъ лицъ отправлялись въ иностранныя войска къ знатнымъ полководцамъ. Такъ князь Репнинъ писалъ государю въ 1717 году: „Дѣти мои, князь Василій и князь Юрій, отправлены въ цасарскую армію для искусства къ князю Евгенію, и я, вступя въ долгъ, послалъ къ нимъ 800 червонныхъ; они въ Вѣнѣ жили, а теперь въ обозѣ живутъ непотребно со всякимъ непостоянствомъ, и тѣ всѣ деньги и посланныя много еще 300 червонныхъ прожили, и много долгу еще нажили, котораго и заплатить не могу, потому что до сихъ поръ они уже мнѣ стоятъ 15,000 рублей, изъ которыхъ съ семь тысячъ взято мною въ долгъ, кромѣ того, что они безпутнымъ своимъ житьемъ надѣлали долговъ. И для того со слезами рабски прошу ваше царское величество, да повелѣть мнѣ дать указъ, чтобъ дѣтей моихъ взять, для чего послать мнѣ кого-нибудь изъ офицеровъ; а они, дѣти мои, будучи тамъ въ арміи, отъ своего безпутнаго житья вашему величеству нынѣ и впредь никакого плода не покажутъ, только мнѣ вѣчный стыдъ и раззореніе и несносная къ старости печаль“[194].

Если школою для сухопутныхъ офицеровъ служила гвардія и для нѣкоторыхъ иностранныя арміи, то школою для морскихъ офицеровъ служили преимущественно иностранные флоты: въ начали 1717 года послано было во Французскую морскую службу 20 человѣкъ гардемариновъ, да въ Венецію 27 человѣкъ[195]. Корабли покупались за границею и строились у себя; но какъ въ приготовленіи корабельныхъ лѣсовъ, такъ и въ адмиралтействѣ дѣла останавливались за неимѣніемъ рабочихъ. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ царю въ 1717 году: „По вашимъ указамъ корабельные лѣса готовятся; но работники, конные и пѣшіе упорны стали къ найму, нейдутъ; по указу вашего величества беремъ невольныхъ для того—остановить работы не смѣемъ. Да повелѣно будетъ къ ра-

ботѣ надъ корабельными лѣсами опредѣлить изъ гарнизонныхъ офицеровъ, потому что въ народѣ офицеры всегда страшнѣе дворянъ"[196]. Андрей Ушаковъ, наблюдавшій за строеніемъ кораблей, писалъ въ 1717 году Макарову: „При адмиралтействѣ въ строеніи кораблей и прочемъ большая остановка, потому что не имѣемъ на жалованье мастеровымъ и рабочимъ людямъ денегъ, и отъ этого плотники бѣгутъ. Я послалъ за ними погоню, устроилъ въ Бронницахъ заставу, и уже нѣсколько человѣкъ переловлено. Я предлагалъ въ Сенатѣ, чтобъ вмѣсто бѣглыхъ изъ тѣхъ же мѣстъ, откуда они взяты, взять другихъ, пока бѣглые будутъ сысканы; но этого доношенія моего сенаторы не приняли, а велѣли подать въ Камеръ-коллегію, а чтобъ по водяному пути у Шлюссельбурга устроить заставу, это сенаторы отреклись сдѣлать. Я, видя крайнее оскудѣніе въ деньгахъ на жалованье мастеровымъ людямъ, отпустилъ отъ себя въ адмиралтейство взаймы 10,000 рублей"[197].

Денегъ не было на жалованье плотникамъ, строившимъ корабли; корабли были нужны для закрѣпленія за собою моря, море было нужно для усиленія торговли: будетъ большая торговля, деньги будутъ. Чтобъ усилить торговлю, надобно беречь торговыхъ людей, не разорять ихъ, и надобно завести такіе порядки, благодаря которымъ иностранцы усилили свою торговлю и разбогатѣли. Въ началѣ 1712 года Петръ писалъ: „Какъ вино такъ и прочія вещи надлежитъ отдавать на откупъ, дабы въ службѣ находящимся торговымъ людямъ не было разоренья. Учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ торговлю въ лучшее состояніе привесть, къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали), съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ." Въ іюлѣ 1712 года Петръ писалъ Сенату „немедленно потщиться въ купецкомъ дѣлѣ лучшій порядокъ сдѣлать." Сенатъ отвѣчалъ, что этого вполнѣ сдѣлать нельзя, потому что всѣ лучшіе изъ Русскихъ купцовъ теперь въ Архан-

тельскѣ на ярмаркѣ, но до ихъ возвращенія, чтобъ не терять времени, сенаторы послали на Вологду за переведенными туда Нарвскими и Дерптскими купцами и будутъ съ ними совѣтоваться, какимъ образомъ купечество въ лучшее состояніе привести.—Въ ноябрѣ 1711 года сенатъ получилъ письмо отъ канцлера Головкина: „Царское величество указалъ къ сенату писать, чтобъ выбрали на Москвѣ изъ гостей и другихъ лучшихъ купцовъ человѣка четыре или пять, которые бы могли довольно знать о купеческихъ дѣлахъ на Москвѣ, у Архангельска и въ другихъ городахъ, также и о сборѣ пошлинномъ, и прислали ихъ въ въ Петербургъ; также прислать съ ними списки уставовъ, какъ старыхъ такъ и новыхъ, и другія всякія потребныя къ тому вѣдомости и выписки, потому что Англійскій посолъ и Голландскій посланникъ предлагаютъ заключить новый торговый договоръ, и для этого дѣла такіе отъ купечества свѣдомые люди и торговые уставы и вѣдомости надобны.“—Выбраны были: Алексѣй Филатьевъ, Семенъ Панкратьевъ, Илья Исаевъ, Иванъ Стрежневъ, да для Китайскаго торга купчина Ивана Саватѣева, Михайла Гусятниковъ. Изъ этихъ купцовъ Илья Исаевъ въ слѣдующемъ году получилъ важное мѣсто надсмотрщика надъ Рижскимъ магистратомъ; царь писалъ сенату: „Понеже надъ Рижскимъ магистратомъ у надсмотру тамошнихъ купецкихъ дѣлъ опредѣлили быть Ильѣ Исаеву, того для о чемъ онъ будетъ вамъ писать, и по тѣмъ его письмамъ чинить рѣшеніе; также просилъ онъ, чтобъ къ тому дѣлу дать ему въ товарищи Гороховленина Михайлу Ширяева, котораго къ нему выслать, и ежели будетъ просить еще кого изъ купецкихъ и изъ приказныхъ людей себѣ въ помочь, и тѣхъ къ нему отпускать“[198]. Мы видѣли, что устраивая областное управленіе, Петръ запретилъ ландратамъ вмѣшиваться въ дѣла посадскихъ людей, которые должны были вѣдаться у своихъ выборныхъ земскихъ бурмистровъ. 13 февраля 1720 года сенату былъ данъ указъ: „Объявить бригадира Трубецкаго надъ здѣшнимъ (Петербургскимъ) и прочими магистраты оберъ-президентомъ, и чтобъ онъ вѣ-

далъ всѣхъ купецкихъ людей судомъ и о ихъ дѣлахъ доносилъ въ сенатъ, и разсыпанную сію храмину паки собралъ; въ товарищи ему надъ здѣшнимъ магистратомъ президента опредѣлите Илью Исаева." 16 генваря 1721 года изданъ былъ регламентъ главнаго магистрата. Онъ имѣлъ коллегіальное устройство, непосредственно былъ подчиненъ сенату, и состоялъ изъ членовъ Петербургскаго городоваго магистрата, которые на половину были иностранцы; президента назначалъ самъ царь. По своему регламенту[199], Главный магистратъ былъ обязанъ устроить магистраты во всѣхъ городахъ и дать имъ инструкціи; покровительствовать торговлѣ и промышленности; смертные приговоры, произнесенные городскими магистратами, не приводились въ исполненіе безъ утвержденія главнаго магистрата; въ гражданскихъ дѣлахъ недовольные рѣшеніями магистратовъ аппеллировали къ главному магистрату; тяжбы между горожанами и магистратами передавались прямо на рѣшеніе главнаго магистрата; наконецъ главный магистратъ утверждалъ членовъ, избранныхъ горожанами въ городскіе магистраты. Главный магистратъ долженъ былъ раздѣлить всѣ Русскіе города на пять отдѣловъ, на основаніе числа дворовъ: къ первому отдѣлу принадлежали города—Петербургъ, Москва, Новгородъ, Казань, Рига, Ревель, Архангельскъ, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижній-Новгородъ, въ которыхъ число дворовъ было отъ 2 до 3000 и больше; во второмъ отдѣлѣ были города съ числомъ дворовъ отъ 1000 до 1500 и больше; въ третьемъ отъ 500 до 1000; въ четвертомъ отъ 250 и выше; въ пятомъ всѣ остальные малые города и слободы. Подвѣдомственные магистратамъ городскіе жители дѣлились на двѣ гильдіи[200]. Мысль Петра о *коллегіумѣ*, который бы приводилъ торговлю въ лучшее состояніе, осуществилась въ Коммерцъ-коллегіи, которая должна была заботиться о торговлѣ внутренней и внѣшней; подъ ея надзоромъ должны были строиться корабли и производиться работы по водянымъ сообщеніямъ и по устройству сухопутныхъ дорогъ. Она должна была защищать матросовъ и корабельныхъ капита-

новъ отъ всякихъ непріятностей, рѣшать споры между ними, равно какъ между всѣми иностранными купцами, наказывать за нарушенія таможенныхъ предписаній. По ея представленію сенатъ назначалъ консуловъ и таможенныхъ чиновниковъ, которые находились съ коллегіею въ постоянныхъ сношеніяхъ и давали ей отчетъ о состояніи торговли въ иностранныхъ государствахъ; они давали инструкціи посланникамъ для заключенія торговыхъ договоровъ.

Смотря постоянно на Россію, какъ на посредницу въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею, Петръ уже давно задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ своимъ *парадизомъ*. Въ 1706 году, подъ надзоромъ князя Матвѣя Гагарина, соединена была рѣка Цна каналамъ съ Тверцою; но въ 1717 году каменную „слюзу" занесло пескомъ и по этому случаю начало производиться слѣдствіе. До учрежденія коммерцъ-коллегіи устройство каналовъ было непосредственно поручено сенату; но Меншиковъ, зная, какъ соединеніе Волги съ Невою важно для *парадиза*, а слѣдовательно и для его основателя, вмѣшался въ дѣло и въ іюнѣ 1717 года писалъ царю: „Господа сенаторы, по указу вашему, послали отъ себя механика для осмотра коммуникація съ Волгою, но, какъ слышу, онъ едва ли могъ что сдѣлать, только что хотѣлъ очистить Боровицкіе пороги, куда онъ отъ нихъ и отправленъ, обо всемъ же прочемъ сказалъ, что ничего сдѣлать нельзя. Я, видя, что ничего не будетъ, старался всячески, какъ бы это нужнѣйшее дѣло подвинуть, и посылалъ нарочно Новгородскаго дворянина Пустошкина ниже Мстинскихъ пороговъ рѣками, озерами и всякими проливами до Мологи, дабы осмотрѣть какъ устроить сообщеніе съ Волгою. Пустошкинъ ѣздилъ и привезъ чертежъ, изъ котораго я выразумѣлъ, что ничего еще нельзя сдѣлать. Поэтому я посылалъ туда полковника инженера Кулона, чтобъ по чертежу Пустошкина осмотрѣлъ, можно ли что тамъ сдѣлать, сдѣлалъ бы особый отъ себя чертежъ и мнѣ объ этомъ репортовалъ. Кулонъ репортовалъ, что находитъ вполнѣ возможнымъ устроить это дѣло и въ непродолжительномъ

времени, а именно въ два года, если добрые будутъ надзиратели".—Но для соединенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ надобился еще другой каналъ для обхода бурнаго Ладожскаго озера. Любопытенъ указъ Петра Сенату насчетъ Ладожскаго канала, данный въ сентябрѣ 1718 года: „Понеже всѣмъ извѣстно есть, какой убытокъ общенародный есть сему новому мѣсту отъ Ладожскаго озера, чего для необходимая нужда требуетъ, дабы каналъ отъ Волхова въ Неву былъ учиненъ, къ которой работѣ, ежели дастъ Богъ миръ, намѣреніе наше есть, чтобъ оную всею арміею исправить, но сіе еще безызвѣстно, а нужда — челобитчикъ неотступный: того ради надлежитъ резолюцію взять, хотя и не будетъ мира, дабы оную работу, яко послѣднюю главную нужду сего мѣста немедля начать; чего для надлежитъ мыслить и поставить на мѣрѣ, какимъ образомъ сіе учинить, и именно не такими работниками, какъ до сего времени дѣлали, изъ чего больше разоренія нежели пользы было, къ чему я свое мнѣніе прилагаю при семъ и вамъ въ разсужденіе отдаю; но такъ ли или инако, однако конечно надобно"[201].

Въ то время какъ хлопотали о соединеніи Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, шла сильная борьба по вопросу о томъ, направлять ли движеніе внѣшней торговли къ Балтійскому морю, къ Петербургу, или оставить товары идти старымъ, привычнымъ путемъ къ Архангельску? Петръ, разумѣется, хотѣлъ перваго, и, не дожидаясь, пока сами купцы, иностранные и русскіе предпочтутъ Балтійскую дорогу Бѣломорской, хотѣлъ измѣнить направленіе правительственными распоряженіями. Противъ этихъ распоряженій начали сильно хлопотать купцы Голландскіе: они уже издавна устроились въ Архангельскѣ, и переноситься въ Петербургъ, гдѣ ихъ ждали всѣ неудобства только что основаннаго города, было крайне затруднительно, убыточно и непріятно; потомъ Балтійское море не было безопасно по причинѣ войны Россіи и ея союзниковъ съ Швеціею; наконецъ Голландцамъ вовсе не хотѣлось развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ. Голландскій резидентъ жало-

вался, что въ Петербургѣ за деревянный домъ, который не можетъ идти въ сравненіе съ самою скромною избою Голландскаго крестьянина, надобно платить 800, 900 или 1000 флориновъ, тогда какъ въ Москвѣ или Архангельскѣ иностранный купецъ можетъ жить хорошо за 200 флориновъ въ годъ; говядина въ Петербургѣ 5, 6 и 8 копѣекъ фунтъ и дурнаго качества. Но если Голландцы хлопотали, чтобъ осталось все по прежнему, то жители Любека и другихъ прибалтійскихъ городовъ старались, чтобъ торговля была переведена изъ Архангельска въ Петербургъ.

25 марта 1714 года царь объявилъ Голландскому резиденту Деби, что по представленію Штатовъ относительно перемѣщенія торговли и навигаціи изъ Архангельска въ Петербургъ, онъ рѣшилъ, что всякій воленъ везти пеньку и ленъ въ Архангельскъ. На третій день послѣ этого разговора, Деби далъ знать въ Голландію, что хотя большая часть этихъ товаровъ была уже на дорогѣ къ Петербургу, однако хозяева какъ скоро узнали о царскомъ позволеніи, то немедленно велѣли поворотить ихъ къ Архангельску. Лѣтомъ тогоже года Деби опять имѣлъ разговоръ съ царемъ, опять настаивалъ, чтобъ не переводить торговлю изъ Архангельска въ Петербургъ, представляя всѣ трудности — малую широту водъ, удобныхъ для плаванія, малую величину кораблей, которые должны будутъ плавать на этихъ водахъ, тяжести, которыя должно будетъ переносить, плату за проходъ чрезъ Зундъ, конвои необходимые особенно во время войны, выгоду, которую Любскіе негоціанты, по своему положенію, получатъ передъ всѣми другими, дурное помѣщеніе для иностранныхъ купцовъ въ Петербургѣ, недостатокъ магазиновъ и погребовъ для товаровъ, рабочихъ для ихъ переноски. Царь отвѣчалъ: „Приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся.“ Пословамъ Деби, за перенесеніе торговли изъ Архангельска въ Петербургъ стоялъ одинъ Меншиковъ, всѣ другіе министры были противъ. Видя однако, что въ слѣдствіе желанія самого царя торговля будетъ перенесена, Деби началъ настаивать на заключеніе новаго, болѣе выгод-

наго торговаго трактата между Россіею и Голландіею. Заключеніе трактата откладывалось, Деби сердился; Остерманъ, утѣшая его, говорилъ: „между нами я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ." Русскіе, писалъ Деби своему правительству, боялись основанія предлагаемаго трактата, которое заключалось въ томъ, что Голландцы могли торговать свободно по всѣмъ областямъ Россіи; возражали, что это разоритъ въ конецъ русскихъ купцовъ, которые не будутъ въ состояніи соперничать съ Голландцами.

Петръ приводилъ въ исполненіе свой планъ постепенно. Въ январѣ 1718 года въ Архангельскѣ былъ публикованъ указъ, позволявшій торговлю пенькою, но запрещавшій вывозъ хлѣба, ввозъ шелковыхъ матерій и парчей и повелѣвавшій привозить въ Петербургъ двѣ трети всѣхъ товаровъ. Указъ привелъ въ отчаяніе Голландскихъ купцовъ: они боялись, что чрезъ это распоряженіе количество суммъ имъ должныхъ увеличится и уплата сдѣлается еще труднѣе, потому что время, назначенное для распродажи запрещенныхъ товаровъ, было коротко; при этомъ Голландцы удивлялись, что запрещая ввозъ Европейскихъ шелковыхъ матерій, царь не запретилъ ввоза матерій Персидскихъ и Китайскихъ. Въ апрѣлѣ тогоже года Деби писалъ въ Голландію: „На будущее лѣто будетъ въ Петербургѣ огромное количество русскихъ товаровъ; уже навезено много пеньки и города — Тверь, Торжокъ и Вышній Волочокъ завалены товарами, которые будудъ перевезены въ Петербургъ Ладожскимъ озеромъ, потому что вощики отказались перевозить ихъ сухимъ путемъ по дороговизнѣ конскихъ кормовъ и дурнаго состоянія дорогъ." О состояніи дорогъ видно изъ того, что иностранные посланники ѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ по 5 недѣль въ слѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ; дней по 8 приходилось дожидаться лошадей на станціяхъ. И не смотря на то Русскіе люди, на лошадяхъ и пѣшкомъ, толпами тянулись къ устью Невы. Правитель-

ственныя лица обязаны были переѣхать въ Петербургъ и строить тамъ дома; кромѣ того переселялись туда семьи дворянскія, купеческія, ремесленничьи; въ XV вѣкѣ, по волѣ Ивана III, тянулись изъ Новгорода въ Москву переселенцы, умножившіе народонаселеніе и богатство новой столицы Всея Руси: теперь по той же дорогѣ, только въ обратномъ направленіи, изъ Москвы тянулись переселенцы въ новый городъ, имѣвшій стать столицей русской имперіи. Работниковъ недоставало для построекъ въ Петербургѣ, и чтобъ здѣсь не останавливались работы, остановлены были на время каменныя постройки въ цѣлой Россіи. Для примѣра, какъ набирались работники въ Петербургъ и собирались на нихъ деньги, приведемъ таблицу, въ которой разложены были люди и деньги по губерніямъ на 1712-й годъ: съ Московской губерніи 1192 человѣка и 2942 рубля денегъ; съ Петербургской 1052 человѣка и 2604 рубля; съ Кіевской 190 человѣкъ, денегъ недостаетъ въ таблицѣ; съ Смоленской 342 человѣка и 846 рублей; съ Архангельской 703 человѣка и 1739 рублей; съ Казанской 799 человѣкъ и 1974 рубля; съ Азовской 285 человѣкъ и 705 рублей; съ Сибирской 342 человѣка и 846 рублей. Кромѣ Петербурга нужно было населить Кронштадтъ, и въ 1712 году Петръ велѣлъ Сенату „объявить шляхетскимъ тысячѣ домамъ, купецкимъ лучшимъ пятистамъ и среднимъ пяти же стамъ, рукомесленнымъ всякихъ дѣлъ тысячѣ же домамъ, что имъ жить на Котлинѣ островѣ по окончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы готовые за ихъ деньги, а шляхетству дворы и земли подъ деревни (послѣднее безъ денегъ), и кой часъ будетъ, дастъ Богъ, миръ, тотчасъ будутъ переведены, и для того сказываютъ заранѣе, чтобъ никто невѣдѣніемъ не отговаривался.“ [20]

Въ то время, какъ между иностранными купцами и резидентами въ Россіи шло сильное движеніе по поводу важнаго для нихъ вопроса о перемѣщеніи торговли изъ Архангельска въ Петербургъ, происходили сношенія объ усиленіи русской торговли съ Испаніею и Франціею. Здѣсь столкнулись два царскихъ агента, иностранецъ Лефортъ,

племянникъ знаменитаго любимца Петровой молодости, и Русскій, молодой Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисѣевича. Кононъ Зотовъ, кромѣ близости къ Петру по отцѣ, расположилъ царя въ свою пользу еще слѣдующимъ поступкомъ: въ 1707 году, находясь въ Лондонѣ для науки, онъ написалъ отцу, чтобъ ему позволено было остаться еще на нѣсколько времени въ Англіи и служить здѣсь на корабляхъ. Старикъ Зотовъ показалъ письмо царю: Петръ пришелъ въ восхищеніе, благословилъ письмо и выпилъ кубокъ Венгерскаго за здоровье Конона, какъ перваго охотника на любимыя его дѣла. Находясь теперь во Франціи, Зотовъ выставляетъ свою ревность, идя на перекоръ своекорыстнымъ намѣреніямъ иностранца Лефорта. Лефортъ хлопоталъ о составленіи во Франціи компаніи для торговли съ Россіею, и требовалъ для этой компаніи большихъ выгодъ; Зотовъ настаивалъ на пользѣ свободной торговли для каждаго подданнаго обѣихъ державъ. Въ октябрѣ 1716 года Зотовъ писалъ царю изъ Парижа: „Ваше величество по первому предложенію о коммерціи съ Испаніею изволили сказать, что пошлете не только 6 кораблей съ товарами, нужными для строенія и вооруженія кораблей, но 18, если миръ будетъ съ Швеціею. Вспомнивъ это, думаемъ, что также изволите послать во Францію все, въ чемъ она будетъ имѣть нужду-а Франція взаимно вышлетъ все, чего ваше величество будете требовать. Такимъ образомъ Россія и Франція свой народъ сильно побудятъ подражать этому примѣру, не давая ни малыхъ, ни великихъ привилегій купцамъ, и не нужно будетъ послѣднимъ составлять какія-нибудь компаніи, но всякій пользуйся и своему государю должное съ товаровъ плати. Ваше величество, давъ нѣкоторыя привилегіи Французамъ, будетъ также требовать взаимно отъ Франціи для Русскихъ такихъ же привилегій, чего Франція не можетъ сдѣлать никогда, потому что Англичане, Голландцы и другіе народы потребуютъ отъ нея того же. Если ваше величество повелите дать мѣста подъ дворы и магазины первопріѣзжимъ Французскимъ купцамъ, то будетъ ваша отмѣнная къ нимъ милость, а не привилегія. Я не могъ отказать г. Лефорту

въ переводѣ на русскій языкъ его привилегій, которыхъ онъ хочетъ домогаться у вашего величества; я съ нихъ здѣсь посылаю копію, открестивши тѣ пункты, которые считаю вредными. Онъ хочетъ требовать этихъ привилегій но имя своей фамиліи: но тогда какая будетъ Французскому двору угодность, и за что этотъ дворъ вашему величеству будетъ обязанъ, потому что милость ваша оказана будетъ одной Женевской фамиліи? Я, по прибытіи моемъ сюда, хотѣлъ отъ самого маршала д'Этре (вице-адмиралъ и президентъ въ консиліи морской) искусно освѣдомиться, можно ли ожидать отъ Франціи угоднаго вашему величеству, если она получать будетъ отъ Россіи помощь къ возстановленію своего флота? но этому помѣшалъ безпорядокъ, случившійся въ мою небытность: г. Лефортъ, бывши арестованъ за какіе-то старые долги, просилъ маршала д'Этре объ освобожденіи, что̀ тотъ немедленно приказалъ исполнить. Но Лефортъ потомъ, вмѣсто того чтобъ благодарить маршала, пришелъ къ нему съ выговоромъ, требуя удовлетворенія отъ тѣхъ, кто его арестовалъ и объявляя, что его арестомъ нарушено право народное. Маршалъ, справедливо разсерженный, сказалъ ему: „Ты самъ себя не знаешь; и то милость тебѣ оказана, что тебя выпустили, потому что агента, какъ всякаго другаго, можно арестовать, нельзя только, безъ нарушенія права народнаго, арестовать посла, посланника и резидента." Лефортъ, не зная народнаго права, еще грубѣе сказалъ ему: „Я буду объ этомъ писать къ царскому величеству." Маршалъ отвѣчалъ: „Я также буду писать, и думаю, царское величество больше повѣритъ моимъ письмамъ. Выди вонъ и заплати долги." Зотовъ не удовольствовался письмомъ къ царю, и написалъ къ Макарову: „Здѣсь посылаю письмо отъ г. Лефорта къ царскому величеству. Извольте хорошенько выразумѣть его, а мнѣ кажется, что все къ себѣ, по просту сказать, мякишемъ воротитъ. Я съ нимъ ни о чемъ не спорилъ, только послѣ письма выговорю, что вѣрно онъ и компанія думаютъ о нашемъ дворѣ, какъ не знающемъ ни чести своей, ни интереса, домогаясь такихъ ужасныхъ при-

вилегій, отъ которыхъ государевы доходы всѣ пропадутъ: Голландецъ, Англичанинъ, Русакъ и дьяволъ — всѣ будутъ подъ именемъ этой компаніи торговать; однимъ словомъ, они думаютъ царское величество обрать кругомъ и не назвать другомъ. Еще доношу, что Лефортъ здѣсь арестованъ въ покупкѣ нѣкоторыхъ вещей для государыни царицы: ради Бога въ деньгахъ ему не извольте вѣрить впередъ; я думаю, что деньги государыни онъ издержалъ на себя, а потомъ нечѣмъ стало выкупить вещи. Также долженъ я донести, что онъ держитъ въ своемъ домѣ игралище картное: большое отъ этого безчестіе царскому величеству, всякій говоритъ: вѣрно мало ему жалованья отъ его государя! поэтому или прибавьте ему жалованья и игрище закажите держать, или что иное извольте сдѣлать. Я ему въ этомъ дѣлѣ не удивляюсь: скудость ко всему пригоняетъ.“ Въ томъ же мѣсяцѣ новое письмо отъ Зотова къ царю: „Маршалъ д'Этре принялъ меня такъ милостиво, будто сына своего; онъ назвалъ ваше величество творцемъ россійскаго народа: что можетъ быть сказано въ вашу хвалу лучше этого? Потомъ я ему предложилъ, что ваше величество желаете имѣть коммерцію со всѣми окрестными государствами, особенно же съ Франціею, что̀ ему очень было пріятно слышать, и сказалъ онъ мнѣ: „Я такъ сдѣлаю, что и Россійской коронѣ и нашей угодно будетъ.“ Въ скоромъ времени буду имѣть трактатъ о коммерціи. Правда, что это не мое дѣло, да что же дѣлать, когда Богъ сподобилъ птенцамъ служить вашему величеству въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ посолъ, г. Матвѣевъ, и прочіе не могли ничего достигнуть“ [203].

Петръ былъ радъ отпускать и въ Испанію, и во Францію какъ можно больше кораблей съ сырыми матеріалами, нужными тамъ для построенія флота; но при этомъ старался, чтобъ Россія переставала нуждаться въ иностранныхъ мануфактурныхъ товарахъ, чтобъ начинала пробавляться своими, начинала обдѣлывать сырые матеріалы и обдѣланные отпускать за границу. „Наше Россійское государство, говорилъ Петръ, предъ многими иными землями преизоби-

луетъ, и потребными металлами и минералами благословенна есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла, частію же иждивенія и трудовъ не хотѣли къ оному приложить [204]. Чтобъ заставить употреблять иждивеніе и трудъ, Петръ въ декабрѣ 1719 года объявилъ, [205] что всѣ въ собственныхъ и чужихъ земляхъ имѣютъ право искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы и минералы. Помѣщики, въ чьихъ земляхъ откроется руда, могли прежде всѣхъ другихъ просить о дозволеніи построить здѣсь заводы; но если они не могутъ или не захотятъ того, то право на построеніе заводовъ предоставляется другимъ, съ уплатою землевладѣльцу 32-й доли прибыли, „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось." Кто утаитъ руду или будетъ препятствовать другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергается тѣлесному наказанію и смертной казни. Бергъ-коллегіи велѣно было призывать иностранныхъ охотниковъ до рудокопныхъ дѣлъ. Мы видѣли, какъ Виніусъ восхищался обиліемъ и добротою желѣза въ Сибири и какъ немедленно было приступлено къ его обработкѣ. Въ Нерчинскѣ упоминаются серебряные заводы, въ Тобольскѣ два желѣзныхъ; въ Верхотурьѣ два желѣзныхъ, въ Кунгурѣ мѣдные. Еще въ 1702 году Верхотурскіе желѣзные заводы отданы были Никитѣ Демидову; заводы эти были построены государевою денежною казною и городовыми и уѣздными людьми, и на строеніе ихъ вышло изъ казны 1541 рубль, да сверхъ того съ крестьянъ на наемъ работниковъ взято 10,347 рублей. По жалованной грамотѣ Демидову, онъ долженъ былъ уплатить тѣ деньги, которыя вышли изъ казны на постройку заводовъ, также за готовые припасы, въ нихъ имъ найденные, съ зачетомъ желѣза, которое вышло изъ заводовъ до отдачи ихъ ему; все это онъ долженъ былъ уплатить съ разверсткою на пять лѣтъ. Кромѣ того у Демидовыхъ были желѣзные заводы въ Алексинскомъ уѣздѣ съ 1703 года. Въ Тульскомъ и Каширскомъ уѣздахъ находились желѣзные заводы Александра Львовича Нарышкина; въ Мало-

ярославскомъ — иноземцевъ Меллеровъ. Упоминаются желѣзные заводы *Липскіе*, гдѣ лили пушки и книпели, *Кузминскіе;* въ Романовскомъ уѣздѣ желѣзные заводы дьяка Борина. На казенныхъ Тульскихъ оружейныхъ заводахъ (съ 1715 года) велѣно было выдѣлывать въ годъ ружей 15,000, пистолетовъ 1000 паръ, пикинерныхъ копій 1209, и на все это издерживалось по 30,000 рублей въ годъ. Въ 1717 году заведена была игольная фабрика Томилинымъ и Рюминымъ съ привилегіею на 30 лѣтъ при запрещеніи вывоза иголъ изъ-за границы.[206] По близости къ Петербургу важное значеніе имѣли Олонецкіе заводы, которыми управлялъ иностранецъ Геннинъ. Мы должны познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ эпохи преобразованія, и самое лучшее средство къ этому знакомству — переписка его съ царемъ. Такъ въ мартѣ 1715 года Геннинъ писалъ Петру: „Воистинну я опасаюсь вашего царскаго гнѣва, что не могъ исполнить всѣхъ указовъ. Почитай на каждую недѣлю вновь указы присылаются, а тутъ еще вновь работы и припасовъ спрашиваютъ въ Петербургъ и въ Архангельскъ, и отъ такой великой и крутой работы, и отъ высылки подводъ, и отъ строенія катъ и шкутъ, и отъ смолянаго куренья сверхъ заводской нужды, остальные мужики разбѣгутся: они складываютъ уголь, известь, руду, гоняютъ подводы, отправляютъ заводскія работы, да еще платятъ мелкія подати, такъ что приходится на каждый дворъ по 30 рублей: самъ изволь разсудить о такой тягости! Я не для себя только, а для тебя и для народа, а тебѣ необходимъ будетъ заводъ въ нынѣшнее время.“ Что отвѣчалъ ему на это Петръ, видно изъ письма Геннина къ нему, написаннаго въ апрѣлѣ: „Вашего царскаго величества всемилосердное письмо съ великою радостію я принялъ, и за такое милостивое благодарное письмо я долженъ рабъ не только ручки, но и ножки у тебя государя батюшки поцѣловать и радъ тебѣ, сколько мочи есть, въ вашемъ дѣлѣ радѣть съ радостію. Прошу и пишу безкумплементно: ежели не помилосердствуешь о прибавкѣ къ здѣшнему уѣзду другаго, то истинно содержать всѣхъ заводовъ будетъ невозможно.

Я тебѣ, батюшка, лучшаго ищу: ежели будетъ хотя немного легче здѣшнему народу и прибавлено въ помощь ему, то надѣюсь, что 8000 дворовъ, которые давно пусты, опять наполнятся. Ты нынѣ пойдешь въ походъ, а безъ тебя въ Сенатѣ на мою просьбу рѣшенія не будетъ, и опять дѣло будетъ отложено въ долгій ящикъ." Упоминаются селитряные заводы въ Казанской губерніи майора Молоствова; въ Воронежской губерніи — въ Тамбовскомъ, Шацкомъ, Темниковскомъ, Кадомскомъ уѣздахъ, также въ Кіевской губерніи; купоросные заводы Савелова и Томилина въ Московскомъ уѣздѣ. [207] Убѣжденный въ важности ископаемаго топлива, Петръ старался разузнать о каменномъ углѣ въ Россіи.

Камеръ-коллегія, между прочимъ, обязана была сообщать свѣдѣнія о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи, стараться населять пустыя земли и всякую пустоту предупреждать осторожнымъ домодержавствомъ. Въ маѣ 1721 года Петръ велѣлъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ. [208] Разведеніе табаку началось при Петрѣ; но царь обращалъ особенное вниманіе на производство льну и пеньки, какъ по усилившемуся внутреннему потребленію, такъ и вслѣдствіе большаго отпуска за границу. Въ декабрѣ 1715 года онъ приказалъ: во всѣхъ губерніяхъ размножать льняные и пеньковые промыслы, и для того приготовляли бы земли и прибавляли сѣву на всякій годъ, а гдѣ къ этому непривычны, чтобъ обучали крестьянъ, и о томъ объявить въ народѣ, что этотъ прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и для прибыли крестьянамъ. Желая пріучить къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, царь тогда же издалъ указъ: чтобъ сѣмени льнянаго и конопляннаго къ морскимъ пристанямъ для продажи отнюдь не возили, а чтобъ привозили масломъ. [209] Приняты были мѣры для сбереженія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ.

Въ началѣ 1712 года Петръ далъ указъ Сенату: завесть конскіе заводы, а именно въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ, а для заводу кобылъ и жеребцовъ купить въ Шлетзіи и Прусахъ. [210]

При учрежденіи постояннаго войска Петра тяготила необходимость выписывать изъ-за границы сукно для обмундированія, и потому онъ долженъ былъ обратить вниманіе на улучшеніе овцеводства. Въ 1716 году капитанъ Норовъ посланъ былъ за границу нанимать овчаровъ и суконниковъ.[211] Въ 1719 году овчаръ иноземецъ Каминскій, который находился при овчарномъ дѣлѣ въ Ярославскомъ уѣздѣ, объявилъ, что всего въ этомъ уѣздѣ шерсти 52 пуда 28 фунтовъ; тотъ же овчаръ представилъ въ коллегію шерсть для образца, ее показывали директору мануфактурнаго двора Роде, и тотъ сказалъ, что она лучше шерсти, присылаемой на мануфактурный дворъ изъ Кіевской губерніи. На казенныхъ овчарныхъ заводахъ Азовской губерніи считалось 10,080 овецъ, и при нихъ было три овчара изъ Силезіи.[212]

О суконныхъ фабрикахъ въ Москвѣ Петръ хлопоталъ уже давно; еще въ 1705 году онъ писалъ Меншикову: „Сукны дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ (себѣ) кафтанъ къ празднику.“ Потомъ въ Азовской губерніи, въ Сокольскомъ ландрадствѣ, заведена была суконная казенная фабрика съ 48 станами; заведена шляпная фабрика для солдатскихъ и матросскихъ шляпъ; здѣсь употреблялась шерсть негодная на суконныя фабрики.[213] Казенныя суконныя фабрики находились въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Чебышева и въ Казани подъ вѣдѣніемъ Грузинцева. Но царь имѣлъ въ виду, заведши фабрики отъ казны, отдать ихъ частнымъ людямъ, съ двоякою цѣлію — освободить казну отъ издержекъ и побудить русскихъ людей къ мануфактурной дѣятельности. Взглядъ Петра на средства къ этому побужденію выраженъ въ одномъ указѣ мануфактуръ-коллегіи: „Что мало охотниковъ (заводить фабрики), и то правда, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что̀ ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое

благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ [214]. На этомъ основаніи въ январѣ 1712 года данъ былъ указъ Сенату: „Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ чтобъ въ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, и, заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ кумпанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легостью, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было.“ Но, какъ видно, и неволею нельзя было заставить; казенныя фабрики продолжали существовать; о Казанской фабрикѣ вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ въ 1719 году: „На заводахъ сукна ткутъ и все готово, только некому ихъ красить; и нынѣ прошу ваше величество, чтобъ присланъ былъ мастеръ, кому тѣ сукна красить, а здѣсь такого сыскать нельзя, а прежній мастеръ только краски теряетъ“ [215]. Изъ частныхъ суконныхъ фабрикъ была извѣстна Воронина въ Москвѣ; въ началѣ 1720 года заведена была фабрика Щеголина съ товарищи, съ выдачею 20,000 рублей изъ казны; [216] въ 1721 г. въ Москвѣ суконная фабрика Александрова съ товарищи. Упоминается также суконная фабрика огородника Соболникова. [217] Уже въ 1718 году было дано приказаніе дѣлать мундиръ на гарнизонныхъ солдатъ всѣхъ губерній изъ суконъ Московскаго дѣла. Изданъ былъ и другой любопытный указъ: „велѣть людямъ боярскимъ либереи (ливреи) или платья носить изъ суконъ россійской мануфактуры, а заморскихъ не носить, тожь разумѣется и о посадскихъ нижнихъ, однакожь напередъ удовольствовать сукнами солдатъ. Людямъ боярскимъ ежели не будетъ доставать сукна, то дѣлать съ каразей, и для того дѣлать каразеи двойныя. Позументовъ убавить, или и вовсе заказать, ибо въ обычай входить почало, что много носятъ, отъ чего не только убытокъ партикулярнымъ, но и государству, ибо Агличане богатѣе насъ, а позументовъ не носятъ“ [218].

Въ Петербургѣ заведена была шпалерная фабрика; директоръ ея Багре былъ спрошенъ: можетъ ли въ шпалеры и ковры употреблена быть Русская шерсть, и показали ему всѣхъ Русскихъ шерстей пробы; о шерсти, которая взята

изъ Кіевской губерніи къ коломиночному дѣлу, Багре сказалъ, что она къ шпалерному дѣлу годна для ученія учениковъ, а если лучше будетъ прядена, то пригодится въ дѣло и мастерамъ.[219] О работахъ на Петербургскомъ мануфактурномъ дворѣ доносили въ іюлѣ 1719 года: шпалерные мастера Французы дѣлаютъ: Гринконь де-Бурденъ государеву персону, которая на конѣ; мастеръ Берагье другую государеву персону поясную; мастеръ Гошеръ св. Анисіи персону, при которой дьяволъ; мастеръ Вавокъ — цвѣтникъ въ которомъ шептала̀ и прочіе фрукты. Коломинки начали ткать на семь становъ, салфетки на одинъ станъ.[220]

Понятно, что усердно старались объ улучшеніи тѣхъ производствъ, которыя уже были прежде, и чрезъ это улучшеніе усилить сбытъ ихъ за границу. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ; въ 1702 году онѣ заведены въ Москвѣ и въ 1719 году встрѣчаемъ слѣдующую краткую ихъ исторію: „Въ 1702 и 1705 годахъ парусные заводы были такъ хороши, якобы близъ Голландскихъ. Въ 1711 году, находясь въ завѣдываніи Григорья Племянникова, онѣ были въ очень дурномъ состояніи. Въ 1715 и 1716 годахъ, во время управленія Андрея Бѣляева, едва не разорились въ конецъ, только три четверти парусной холстины было прислано въ Петербургъ, и то все гнилое. Когда послѣ этого времени онѣ были отданы въ завѣдываніе князя Одоевскаго, то до сихъ поръ находятся въ изрядномъ состояніи и парусныя полотна доставляютъ добрыя.[221] Въ 1711 году полотняный заводъ, вѣдомый прежде въ посольскомъ приказѣ, отданъ былъ купецкимъ людямъ, Туркѣ съ товарищи на 30 лѣтъ, и къ нему приписано Суздальскаго епископа село Кохма съ деревнями въ Суздальскомъ уѣздѣ.[222] Въ декабрѣ 1714 года велѣно было отдать въ вѣдомство Московскаго губернатора скатертное, салфеточное и полотняное дѣло.[223] Въ слѣдующемъ году распоряженіе: полотна дѣлать широкія противъ Европейскихъ государствъ, какія за великія цѣны въ Россійское государство вывозятся, для того, что во всѣхъ Европейскихъ государствахъ дѣлаютъ полотна широкія и отъ большихъ цѣнъ

имѣютъ многое народное пополненіе, понеже тѣмъ широкимъ полотнамъ великіе расходы состоятъ паче другихъ товаровъ; а въ Россійскомъ государствѣ отъ негодныхъ узкихъ полотенъ, которыя самыми малыми за негодностію цѣнами продаются, не только прибытковъ, но и своихъ издержанныхъ вещей не получаютъ, и отъ того въ излишнія скудости приходятъ.[224] Въ 1718 году данъ былъ указъ о свободной торговлѣ холстами всѣхъ рукъ, какіе у кого есть, и о пропускѣ ихъ въ заморскій отпускъ;[225] но въ томъ же году резидентъ Ѳедоръ Веселовскій писалъ изъ Лондона: „Говорили мнѣ здѣшніе купцы, что въ Россіи дѣлаются полотна трехъ разныхъ рукъ, только все узки, и за этою узкостію худо продаются.“ Въ 1720 году директоромъ полотняной фабрики былъ назначенъ иноземецъ Томесъ, который долженъ былъ призывать къ себѣ въ компанію изъ купечества; компанія должна была умножить свое производство (полотенъ, скатертей, салфетокъ и тиковъ) по возможности до 500 становъ, причемъ произведенія фабрики должны были равняться съ заморскими. Члены компаніи не выбираются ни въ какія службы, на ихъ дворахъ не ставятся постои, судомъ и расправою, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, вѣдаются они въ бергъ и мануфактуръ-коллегіи. Содержать имъ фабрику 30 лѣтъ, если будутъ содержать въ добромъ порядкѣ, мастеровъ иноземцевъ выписывать имъ изъ-за моря съ свободными контрактами, а изъ русскихъ въ мастеровые, ученики и работники нанимать свободныхъ, а не крѣпостныхъ, съ платежемъ за труды ихъ достойной платы, и содержать ихъ при фабрикѣ 7 лѣтъ какъ учениковъ, сверхъ того три года какъ подмастерьевъ, и по прошествіи урочныхъ лѣтъ давать имъ письма. Въ томъ же году государь указалъ: холстъ, хрящъ толстый за границу отпускать невозбранно, а тонкихъ полотенъ узкихъ не отпускать, дѣлать широкія по прежнимъ указамъ. Въ 1718 году запрещено было ввозить въ Москву заграничные чулки, позволено было продавать только чулки Московской фабрики Француза Мамвріона.[226]

Важно было по заграничному отпуску производство ко-

жевенное. Въ 1716 году къ Архангельску было привезено юфти 135,467 пудъ: изъ этого числа Строгановымъ принадлежало 991 пудъ, Петербургскимъ купцамъ 12,057, гостиной сотни 9,908, Казанцамъ 10,709, Гороховцамъ 11,173, Москвичамъ 16,901, Ярославцамъ 38,161.[227] Царь занялся улучшеніемъ этого выгоднаго производства, и въ концѣ 1715 года издалъ указъ: понеже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, разползывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ 2 года, послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфти попрежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія.[228] Въ Казани учрежденъ былъ заводъ пумповыхъ кожъ подъ надзоромъ Англичанина Умфри;[229] въ 1720 году Кудрявцевъ доносилъ царю: „Англичанинъ, пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри, учениковъ, повидимому, учитъ прилежно, и ученики сказываютъ, что ни въ чемъ отъ нихъ не скрывается“[230]. Въ Азовской губерніи существовали кожевенные заводы съ 1714 года; въ 1719 г. велѣно было юфтянаго дѣла мастеровъ иноземцевъ для размноженія производства и обученія русскихъ людей послать въ Кіевскую и Азовскую губернію по два человѣка; губернаторы, по своему усмотрѣнію, должны были опредѣлять ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно было сыскать наиболѣе матеріаловъ къ этому производству. Въ томъ же году мануфактуръ и бергъ-коллегіи приговорили коломиночный, шпалерный и кожевенный заводы въ Петербургѣ отдать въ содержаніе охочимъ людямъ;[231] а въ слѣдующемъ году явился въ Петербургѣ кожевенный заводъ президента главнаго магистрата Исаева съ товарищи.[232]

До описываемаго времени все потреблявшееся въ Россіи количество писчей бумаги привозилось изъ-за границы; те-

перъ заведены были свои фабрики; въ апрѣлѣ 1714 года изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Петербургскую канцелярію пометнаго холста и лоскутья съ платою по 8 денегъ за пудъ собравшимъ [233].

Чтобъ уменьшить роскошь въ тяжелое время великой войны, уменьшить ввозъ изъ-за границы дорогихъ матерій и украшеній и въ то же время дать возможность подняться своимъ мануфактурамъ, царь въ концѣ 1717 года издалъ указъ: объявить для настоящей войны, чтобъ вновь никакого золота и серебра пряденаго и волоченаго не носили и нигдѣ не употребляли, а донашивали-бъ старые, а вновь отнюдь не дѣлали подъ великимъ штрафомъ. А носить только Китайскія изъ Сибири шелковыя матеріи и Персидскія, также изъ здѣшнихъ мануфактуръ всякія, кромѣ золота и серебра. [234] Адмиралъ Апраксинъ, Шафировъ и Петръ Толстой завели фабрику шелковыхъ парчей съ привилегіею на 50 лѣтъ продавать произведеніи фабрики безпошлинно. Но дѣло у нихъ пошло не очень успѣшно; въ генварѣ 1719 года они подали прошеніе: „Такъ какъ мануфактура наша не можетъ вскорѣ въ такое состояніе придти, чтобъ могла удовольствовать парчами все государство, хотя мы, не щадя никакихъ иждивеній, стараемся усиливать производство чрезъ иноземцевъ и русскихъ, и уже понесли убытку больше 40,000 рублей, и такъ какъ ввозъ Европейскихъ парчей запрещенъ, а азіатскихъ недостаточно, то нареканіе идетъ на насъ. Поэтому мы просимъ позволить иноземцамъ ввозъ тѣхъ парчей, которыхъ производства мы не можемъ усилить вскорѣ, и просимъ, чтобъ это позволеніе положено было на насъ, чтобъ мы, по своему усмотрѣнію, могли ввозъ однихъ парчей позволять, а другихъ запрещать. [235] Дѣла не поправились, и Апраксинъ съ товарищи просили, чтобъ взять у нихъ мануфактуру и отдать купецкимъ людямъ, которыхъ и указали, а имъ возвратить затраченный капиталъ. Въ Москвѣ была шелковая фабрика истопника Малютина: онъ завелъ ее въ 1714 году на свои деньги, со всякими инструментами русскими и заморскими. [236]

Приведенныя распоряженія относительно промышленности

во многомъ касались крестьянъ: и они должны были измѣнять, усиливать свою дѣятельность по указаніямъ преобразующаго правительства. Измѣненія въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ не могло быть произведено; крѣпостное состояніе произошло вслѣдствіе бѣдности страны, финансовой несостоятельности государства; эта несостоятельность не исчезла, принимались только сильныя, болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры къ обогащенію народа и казны. Вольный трудъ былъ невозможенъ: доказательствомъ служило то, что правительство набирало работниковъ какъ солдатъ; другое доказательство: когда понадобились заводы, къ нимъ начали приписывать окрестныхъ крестьянъ, и явился новый разрядъ заводскихъ крестьянъ, крестьянъ, крѣпкихъ не землѣ, но фабрикѣ или заводу. Объ основномъ измѣненіи участи крестьянъ, повторяемъ, нельзя было думать; эпоха преобразованія была еще очень близка къ древней Россіи, прикрѣпившей крестьянъ; въ 1713 году возмутились крестьяне села Лыскова въ Нижегородскомъ уѣздѣ, принадлежавшаго Грузинскому царю Арчилу, села Порѣчья Ростовскаго архіерея, Вышегородской волости Верейскаго уѣзда наземляхъ иноземца Меллера, Вознесенскаго села, принадлежавшаго Воскресенскому монастырю (Новый Іерусалимъ): *отложившіеся* крестьяне были приведены въ повиновеніе, причемъ заводчики были биты кнутомъ.[237] Можно было только принимать мѣры къ облегченію участи крестьянъ: такъ эта цѣль имѣлась въ виду при учрежденіи мойората хотя, по хозяйственнымъ же условіямъ, какъ увидимъ, цѣль не могла быть здѣсь достигнута. Въ 1719 году воеводамъ было наказано: „Такъ какъ есть непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть и ради пьянства или инаго какого непостояннаго житья вотчины свои не только не улучшаютъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучатъ, отъ чего крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и происходитъ отсюда пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка; поэтому воеводѣ и земскимъ коммиссарамъ смотрѣть накрѣпко и до такого разоренія не допускать;

когда для денежныхъ и другихъ сборовъ поѣдутъ въ уѣзды земскіе коммиссары и найдутъ пустоту или сильное умаленіе крестьянъ передъ переписнымъ числомъ, то должны объ этомъ объявлять воеводѣ, воевода разыскиваетъ, отъ чего пустота явилась, и не было ли крестьянамъ отъ помѣщиковъ большаго разоренія; обыски съ достовѣрными свидѣтельствами присылаются въ сенатъ; и если по сыску и по свидѣтельству подленно обнаружатся разорители своихъ имѣній, такихъ велѣть исправлять ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ и, до исправленія, завѣдывать ихъ деревнями этимъ сродникамъ и свойственникамъ, довольствуя помѣщиковъ доходами изъ тѣхъ деревень; которые не исправятся, посылать подъ началъ до исправленія; которые не исправятся и подъ началомъ, тѣхъ не освобождать, но доходами довольствовать ихъ самихъ, женъ ихъ и дѣтей, а по смерти отдавать деревни кому будетъ слѣдовать по линіи.“ Въ апрѣлѣ 1721 года былъ изданъ именной указъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ, и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ: и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то-бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь.“ Цѣны за крестьянскія семьи были разныя, смотря по обстоятельствамъ; такъ въ протоколахъ Сената читаемъ: „Димитрію Шулепникову за крестьянина его Ивана Ѳомина съ женою и дѣтьми, который взятъ къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы, выдать денегъ 35 рублей.“ Или: „Противъ прошенія компаты царевны Анны Петровны карлицы Устиньи изъ крестьянства отца ея съ женою и дѣтьми уволить, и помѣщику за него заплатить денегъ 50 рублей.“

Относительно управленія монастырскихъ крестьянъ дошла до насъ любопытная челобитная крестьянъ Можайскаго Лужецкаго монастыря въ 1720 году: „Державнѣйшій царь,

государь милостивѣйшій! въ прошлыхъ годахъ по нынѣшній 720 годъ былъ у насъ архимандритъ Сергій и вѣдалъ насъ, и слугъ и служебниковъ судомъ и расправою и всякими дѣлами, а нынѣ оный архимандритъ волею Божіею очами обнищалъ и отъялъ Богъ очесъ его зрѣніе; а въ прошломъ году присланъ намъ Знаменскаго монастыря іеромонахъ Іосифъ Бронцовъ, и въ нынѣшнемъ году оный келарь взятъ къ Москвѣ за его немалыя неистовства, и нынѣ у насъ судомъ и расправою вѣдать и отъ стороны оберегать некому; а у насъ въ Лужецкомъ монастырѣ есть іеромонахъ Іоасафъ Каржавинъ, человѣкъ добрый, не пьяница, судъ и расправу межъ нами и отъ сторонъ оберегать станетъ: просимъ іеромонаху Іоасафу быть судебнымъ монахомъ." Подписались выборные крестьяне.[238]

Война продолжалась и финансовыя затрудненія не уменьшались. Старое препятствіе къ уравнительному сбору, укрывательство тяглыхъ людей существовало, не смотря на мѣры Царя Алексѣя и повторительные указы сына его. Въ 1714 году повелѣно было Сенату: таможенные, кабацкіе и оброчные сборы положить въ каждомъ городѣ на купечество по большому окладу, а откупы и счеты отставить и отъ двороваго съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и сбирать особо. По старымъ и по новымъ указамъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ, которые имѣютъ торги, выключая тѣхъ крестьянъ, которые продаютъ то что у нихъ родится, взять въ посадъ и поселить въ слободахъ, а закладчиковъ и выходцевъ и бѣглецовъ взять и съ наказаніемъ. Уравнять всѣ губерніи какъ дворами такъ и душами и съ нихъ сборы, чтобъ во всѣхъ губерніяхъ было равенство.[239] Никакія мѣры не помогали, доходы не высылались сполна, важнѣйшія дѣла останавливались за неимѣніемъ денегъ. Мы видѣли донесеніе Ушакова, какъ разбѣжались строившіе корабли работники за неимѣніемъ денегъ. Это не былъ единственный случай: въ декабрѣ 1716 года адмиралъ Апраксинъ писалъ Макарову: „Истинно во всѣхъ дѣлахъ какъ слѣпые бродимъ и не знаемъ что дѣлать, стали вездѣ великіе разстрои, а гдѣ прибѣгнуть и что впредь дѣлать? не знаемъ,

денегъ ниоткуда не возятъ, дѣла почитай всѣ становятся.[240]" О недосылкахъ можно судить изъ донесенія князя Якова Долгорукаго въ 1719 году: „Военный коммиссаріатъ учрежденъ съ начала 1712 года, а по табели положено изъ губерній, кромѣ С.-Петербургской, денежной казны присылать на дачу арміи жалованья и на строеніе мундира и амуниціи 1.578,333 рубля; и хотя того постояннаго числа изъ губерній въ присылкѣ сполна никогда не было и осталось въ доимкѣ многое число, однако армія вашего величества съ того года какъ жалованьемъ, такъ мундирамъ и амуниціею удовольствована, еще же сверхъ указу прибавлены строить многія амуничныя вещи вновь, а на провозъ мундира и амуниціи до разныхъ мѣстъ въ расходѣ безъ малаго 300,000 рублевъ. Нынѣ въ мундирныхъ канцеляріяхъ покупныхъ суконъ, мундиру и амуниціи и другихъ припасовъ въ остаткѣ на 350,000 рублевъ, да изъ губерній не дослано по табели съ 712 года на семь лѣтъ 2.500,000, въ томъ числѣ на два года 717 и 718, на которые велѣно по указу вашего величества весьма доправить, 950,000 рублевъ, а на достальные пять лѣтъ править современемъ исподоволь." Такъ какъ главною причиною скудости доходовъ были злоупотребленія при переписи дворовъ, то Петръ рѣшился ввести подушную перепись. 22 генваря 1719 года былъ изданъ указъ: ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки о душахъ мужескаго пола; за утайку душъ прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ смертная казнь безо всякой пощады. 19 генваря 1720 года новый указъ: хотя сказки и высылаются, однако въ нихъ пишутъ однихъ крестьянъ, а дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и въ дворахъ бывала, и потому писать всѣхъ, кто живетъ въ деревняхъ. 16 декабря того же года новый указъ: назначенъ былъ срокъ подачи сказокъ 20 іюля, и все сказки не поданы, ландраты и коммиссары пишутъ, что помѣщики, люди ихъ и крестьяне сказокъ не подаютъ, изъ дворовъ бѣгаютъ и укрываются, вслѣдствіе чего у ослушниковъ указа отписать деревни, а самихъ выслать къ розыску.

Указъ 15 марта 1721 года говоритъ, что доносители показали утайку до 20,000 душъ, и потому велѣно сказать всѣмъ землевладѣльцамъ, чтобъ объявляли объ утайкѣ безъ всякаго страха, на виноватыхъ не будетъ взыскано, въ противномъ случаѣ они подвергаются наказанію по прежнимъ указамъ. [241]

Страна была дѣйствительно бѣдная, малолюдная, безъ промысловъ, тяглые люди дѣйствительно бѣгали и употребляли всѣ средства, чтобъ уклониться отъ платежа денегъ въ казну; но Петръ хорошо зналъ, что одною изъ главныхъ причинъ скудости казны была закоренѣлая болѣзнь русскаго общества, воспитаннаго на *кормленіи*. Тщетно преобразователь выставилъ понятіе о государствѣ, о безкорыстномъ служеніи ему, тщетно толковалъ о пользѣ всенародной; русскій человѣкъ въ продолженіи многихъ вѣковъ привыкъ смотрѣть на службу какъ на средство кормленія, и вѣка должны были пройти прежде, чѣмъ онъ могъ отстать отъ этой привычки. Но Петръ не былъ такой человѣкъ, который могъ спокойно передать времени извѣстное улучшеніе, извѣстную работу; чувствовать всю нужду въ деньгахъ и знать, что вмѣсто употребленія на общее дѣло, они расходится по частнымъ корманамъ,— было для него невыносимо, и какъ вездѣ, такъ и здѣсь, онъ принялъ самые сильныя мѣры, началъ кровавую борьбу съ казнокрадцами, какъ въ старину съ стрѣльцами.

Петръ по частнымъ дѣламъ долженъ былъ допустить то, что мы называемъ взяточничествомъ: бѣдное государство не могло обезпечить жалованьемъ служащихъ ему, и потому должно было позволить имъ кормиться отъ дѣлъ. Къ 1713 году подъячіе секретнаго стола сенатской канцеляріи били челомъ государю, что имъ, кромѣ жалованья, прибытка нѣтъ никакого и пропитаться съ домашними своими невозможно, и потому просили прибавки жалованья. Государь на ихъ просьбѣ написалъ: „вмѣсто жалованья вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія и Строгоновы дѣла, кромѣ городскихъ (Архангельскихъ) товаровъ“ [242]. Но онъ неумолимо рѣшился преслѣдовать похищенія казенной соб-

ственности, взяточничество, вредившее государственнымъ доходамъ. Въ августѣ 1713 года читали указъ: „Великій государь, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственной казны, понеже извѣстно ему учинилось, что возрастають на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность. И того ради его царское величество указалъ объявить всенародно на удержаніе оныхъ злыхъ вымысловъ и лукавыхъ корыстей и грабленій сей свой указъ, дабы впредь невѣдѣніемъ никто не отговаривался, чтобъ всѣхъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ съ вымысла, кромѣ простоты какой, и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тягости искоренить, а именно: всякіе сборы, всякія покупки и продажи и подряды чинить въ приказахъ и губерніяхъ съ великихъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и безпосульно, ища государственной прибыли безъ тягости народной, и къ покупкѣ и къ продажѣ и къ подрядамъ призывать, объявляя всякихъ чиновъ людямъ не тайно; а самимъ судьямъ и приказнымъ и инымъ подчиненнымъ ихъ на свои или на чужія имена, и людямъ ихъ и крестьянамъ отнюдь не подряжаться и никакимъ образомъ не вымышлять; а доходы окладные съ купечества и съ уѣздныхъ двороваго числа, и иные неокладные, сложа все вкупѣ, сбирать на четыре срока, и объявить всенародно, чтобъ на тѣ сроки всѣ доходы изъ уѣздовъ привозили платить въ города бездоимочно“[243]. Въ слѣдъ за тѣмъ другой указъ: „Къ положеннымъ законамъ о грабителяхъ народа въ пополненіе объявить всенародно: ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей вѣдаетъ, и тѣ-бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно

донесетъ, тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до землѣдѣльцевъ, время же къ доношенію отъ октября мѣсяца по мартъ"[244].

Указъ, обѣщавшій такое богатое вознагражденіе за доносъ на казнокрадцевъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на людей, знавшихъ кой-что за собою; между ними начались толки: „донести, доказать легко, но за что же наказывать? вѣдь прежде это не было запрещено." Узнавъ объ этихъ толкахъ, 24 декабря 1714 года Петръ издалъ новый указъ: „Понеже многія лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены и прочія тому подобные дѣла, которыя уже наружу вышли, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ (которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслами. А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шелмованъ и изъ числа добрыхъ людей извержепъ, или и смертію казненъ будетъ; то же слѣдовать будетъ и тѣмъ, которые ему въ томъ служили, и чрезъ него дѣлали, и кто вѣдали, а не извѣстили, хотя подвластные или собственные его люди, не выкручаяся тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель, а дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, велѣть всѣмъ у дѣлъ будучимъ къ сему указу приложить руки, и впредь кто къ которому дѣлу приставленъ будетъ прикладывать, а въ народѣ вездѣ прибить печатные листы"[245].

Указами, угрозами, вызовомъ доносителей дѣло не огра-

ничилось. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ учрежденіемъ сената Петръ учредилъ и фискаловъ. Въ августѣ 1711 года старикъ Зотовъ взялъ на себя званіе государственнаго фискала: „Понеже видя безпорядокъ, господинъ графъ Никита Моисеевичъ Зотовъ взялъ на себя сіе дѣло государственнаго фискала, т.-е. надсмотрителя, дабы никто отъ службы не ухоронивался и прочаго худа не чинилъ, и сей свой урядъ подписалъ своею рукой". Но о дѣятельности Никиты Моисеевича въ этомъ новомъ званіи мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ указѣ 28 генваря 1721 года говорится: „Понеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ: того ради пока оный учиненъ будетъ, опредѣляемъ по одному изъ штабъ-офицеровъ отъ гвардіи быть при сенатѣ, перемѣняясь помѣсячно. Онъ долженъ смотрѣть, дабы сенатъ должность свою исправляли по данной имъ инструкціи. Смотрѣть того, дабы указы не только что на письмѣ были сдѣланы, но чтобъ экзекуція на всѣ указы, какъ возможность допустить, чинена была. Ежели кто того чинить не будетъ, то три раза напомянуть, а буде по третьемъ словѣ кто не будетъ чинить тотчасъ идти къ намъ, или писать." Первымъ оберъ-фискаломъ былъ назначенъ дьякъ Былинскій; но онъ скоро былъ уволенъ по просьбѣ князя Ромодановскаго, которому онъ былъ нуженъ для строенія дома его въ Петербургѣ. Вмѣсто Былинскаго былъ назначенъ стольникъ Михайла Желябужскій, въ товарищи къ нему назначены коммиссаръ Нестеровъ и шесть человѣкъ царедворцевъ[246]. Въ апрѣлѣ 1712 года уже встрѣчаемъ извѣстія о дѣятельности фискаловъ. Трое фискаловъ — Михайла Желябужскій, Алексѣй Нестеровъ, Степанъ Шепелевъ подали царю жалобу на сенатъ: „Изволилъ ваше царское величество учинить фискальное дѣло, для чего, по указу изъ сената, опредѣлены мы. И мы, рабы твои, по должности своей всячески провѣдывая и усмотря какъ въ сборахъ, такъ и въ расходахъ и объ иныхъ нуждахъ, подали въ сенатъ многія разныя доношенія. А по другимъ дѣламъ въ разныхъ приказахъ какъ за судьями, такъ и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чемъ на-

писано порознь въ нашихъ особливыхъ доношеніяхъ и обличеніяхъ, по которымъ, противъ твоихъ пунктовъ, указу и опредѣленія не учинено и по се число, и на судъ намъ неправду сотворшихъ не токмо котораго судью, но и послѣдняго подъячаго ко обличенію не поставлено. А когда приходимъ въ сенатъ съ доношеніями, и отъ князей Якова Өедоровича (Долгорукаго) да отъ Григорья Племянникова безо всякой нашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, еще-жь съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ и входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Өедоровичъ—антихристами и плутами"[247].

Въ томъ же 1712 году оберъ-фискаломъ былъ назначенъ Алексей Нестеровъ, отличавшійся особенною любовію и ревностію къ своему дѣлу. Онъ доносилъ въ 1713 году: „Князю Якову Өедоровичу Долгорукому даны волости въ уѣздѣ Юрьева Польскаго съ условіемъ, чтобы доходы, прежде шедшіе въ казну, собирались въ нее безъ умаленья; но въ 1713 году Долгорукій, по согласію съ Казанскимъ губернаторомъ Апраксинымъ, сложилъ много сборовъ, а именно 4755 рублей, и приписалъ къ себѣ землю, которой въ именномъ указѣ не было означено. Съ 1704 года, кромѣ государева клею, нигдѣ никому держать и продавать не велѣно; а онъ, Долгорукій, далъ изъ сената указъ господину Рагузинскому, велѣно ему купить клею у другихъ, кромѣ государева, 2000 пудовъ для продажи въ отпускъ за море, отъ чего государю убытка больше 10,000 рублей. Долгорукій не принялъ ружей, которыя Стрежневъ продавалъ по рублю 20 алтынъ, а принялъ у Строганова, который написалъ по 2 рубля за ружье, принялъ не освидѣтельствовавши и не призвавши къ торгу никого, и этимъ доставилъ Строганову прибыли 8420 рублей. Долгорукій подрядилъ иностранца ставить селитру дороже, чѣмъ предлагали Русскіе; ставилъ наемщиковъ вмѣсто своихъ крестьянъ въ рекруты вопреки указу[248]. Со многихъ сильниковъ солдатъ не брано, а только берутъ съ тѣхъ, кто безотвѣтенъ и богобоязливъ и страхъ

имѣетъ отъ вашего величества; да которые солдаты съ таких сильниковъ и съ другихъ и взяты, и тѣ помѣстнаго и военнаго приказовъ дьяками и подъячими распущены будто негодные, а вмѣсто нихъ другихъ не взято, то изъ взятокъ, то придабриваясь. Теперь, какъ за прежними, такъ и за нынѣшними нашими фискальными доношеніями, въ приказы привели и приводятъ не малое число солдатъ, начали и изъ вышнихъ персонъ, а именно сенаторъ князь Григ. Иван. Волконскій бѣглыхъ солдатъ привелъ изъ подмосковной съ отпускомъ и безъ отпуска 5 человѣкъ; князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій сказалъ, что у него бѣглыхъ солдатъ въ Хатунской волости есть и обѣщалъ ихъ поставить, а самъ его благородіе едва не все лѣто тамъ былъ, да безъ доношенія нашего прислать не соизволилъ. Капитанъ Алексѣй Буторинъ, по согласію съ дьяками и подъячими помѣстнаго приказа, когда велъ солдатъ въ Ригу, отпустилъ изъ полку съ дороги, будто перемѣною, годныхъ 12 человѣкъ, которые солдаты и отцы ихъ повинились. Тотъ же капитанъ съ дороги отпустилъ больше ста подрядныхъ подводъ, отъ чего солдаты разбѣжались и въ Ригу доведена развѣ половина.

„Въ монастырскомъ приказѣ не малыя тысячи старыхъ денегъ и нѣсколько пудовъ серебряной посуды и другихъ вещей разныхъ, которыя въ правленіе графа Мусина-Пушкина забраны изъ Ростова съ митрополичья двора и изъ другихъ разныхъ монастырей. Князь Яковъ Ѳедоровичъ взялъ у насъ объ этомъ доношеніе себѣ собственно, и въ сенатѣ не объявилъ; зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ — укрыть ли хочетъ или тайно донесть? подлинно не знаемъ, только повидимому доношенія ихъ другъ па друга не ожидаемъ, ибо и онъ нечище другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ сенаторовъ не только по даннымъ имъ пунктамъ за другими не смотрядъ, но и сами вступили въ сущее похищеніе казны вашей подъ чужими именами, отчего явно и отречься не могутъ: какой же отъ нихъ можетъ быть судъ правый и оборона интересовъ вашихъ[249]?

„Майоръ Волконскій, будучи для розыску въ Архангело-

городской губерніи, взялъ безъ указа самовольно у подъячаго Ерофеева изъ казны денегъ 1500 рублей, и не отдавъ, уѣзжаетъ въ Ригу; подъячій опасается, чтобъ за Волконскимъ эти деньги не пропали. А о другихъ Волконскаго худыхъ и указу противныхъ дѣлахъ, также о взяткахъ, и что онъ бралъ изъ земскихъ избъ деньги, и о прочемъ, подамъ обличенія тогда, какъ повелѣно будетъ мнѣ дѣла его привезенныя „оказать.“ Петръ написалъ на этомъ доношеніи: „Приготовляй къ зимѣ.“

Нестеровъ указалъ и на печальное состояніе торговыхъ людей, о которыхъ уже писалъ прежде и Курбатовъ: „Купечество, доносилъ Нестеровъ, въ Москвѣ и городахъ само себѣ повредило и повреждаетъ: сильные на маломочныхъ налагаютъ поборы несносные, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ, отъ чего маломочные въ бо́льшую приходятъ скудость и безторжицу; къ тому же у нихъ отняты всякіе промыслы и прочіе торги, которые за ними издревле бывали, и въ рядахъ стало уже вотчинъ и всякихъ торговыхъ мѣстъ больше за бѣломѣстцами, нежели за купечествомъ, да и торговать уже имъ за нападками не безопасно; напримѣръ одинъ Волынскій, будучи въ Персіи, насильно взялъ болѣе 20,000 рублей съ прикащиковъ Евреинова и прочихъ, будто бы на государевы нужды, а выходитъ на свои прихоти; бить челомъ на него не смѣютъ, потому что имъ миновать нельзя Астрахани, гдѣ онъ губернаторомъ, о чемъ и вышнимъ господамъ извѣстно, да молчатъ. Иные купцы, отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерію, въ извощики и воротники, также записались въ Покровское и Тайнинское, отдались въ защиту разныхъ господъ на дворы ихъ Московскіе и загородные, у своей братьи и у другихъ разныхъ чиновъ въ домахъ нанимая мѣста и избы особыя за землянымъ городомъ, мимо настоящихъ своихъ слободъ, построя дворы живутъ; кромѣ того живутъ въ защитѣ и въ закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги, не только сами, но и съ торгами своими

и съ винными заводами. Другіе подлогомъ, будто бы заскудостію и болѣзнями, въ богадѣльни вошли, иные разошлись на заводы и промыслы въ прикащики и сидѣльцы и работники, несмотря на то, что свое имѣніе довольное имѣютъ. Въ противность указамъ, мимо ратуши забираютъ и таскаютъ купцовъ въ Преображенское и другіе приказы. Притомъ явилось отъ бурмистровъ и ларечныхъ съ прочими служителями превеликое воровство и кража казны и взятки. Московскіе бурмистры Антипъ Михайловъ и Василій Горскій съ Московскихъ слободъ себѣ въ прихоть собрали не малыя деньги, обличены, а надворный судъ приговорилъ только на нихъ доправить тѣ сборныя деньги да штрафу по гривнѣ на рубль, а жестоко при народѣ не истязаны. Не только купецкіе люди, но и многіе дворовые крестьяне отъ всякихъ тягостей разошлись въ разныя губерніи, въ Сибирь и въ Черкасскіе города, въ Ивановское и въ Почепъ, живутъ тамъ домами, имѣютъ торги и промыслы и заводы, не малое число ушло и въ Керженцы. Дорогомиловской слободы ямщики, по прозванію обыденки, разбогатѣли, покинувъ гоньбу и отбывая съ торгу платежей, записались пролазомъ своимъ и подлогомъ чрезъ Полибина въ сѣнные истопники къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны и донынѣ подъ тою опекою имѣютъ торги и лавки не малыя. Купецкіе люди, которые вышли изъ слободъ, покинувъ свои прежнія жилища, и донынѣ на лицо живутъ явно въ Москвѣ на господскихъ дворахъ слободами, напримѣръ за Москвою рѣкою на Пятницкой и Ордынкѣ, на Офросимова и Ржевскаго дворахъ, за Мясницкими воротами, на Шеинскомъ и Долгорукаго, за Арбатскими на Головкинѣ дворѣ и у прочихъ такихъ же, а въ слободы, на тяглыя свои жилища нейдутъ; старосты и другіе, видя это, для своихъ пользъ, имъ позволяютъ“ [250].

Послѣ того, что̀ было раскрыто фискалами, понятна будетъ инструкція, данная Петромъ майору Ушакову въ 1714 году: „Смотрѣть 1) подрядовъ, которые почитай всѣ на Москвѣ чинятся, и невозможно статься, чтобъ безъ великой кражи государственной казны были, и чтобъ хотя про одно

такое дѣло провѣдать подлинно. 2) Въ канцеляріи военной такожъ сборовъ много, а денегъ, сказываютъ, нѣтъ, а наипаче въ мундирномъ дѣлѣ посмотрѣть, понеже чаю, и тутъ не безъ тогожъ, также и о денежныхъ дворахъ. 3) Въ Московской губерніи въ ратушныхъ и въ иныхъ дѣлахъ сколько возможно провѣдывать зѣло тайно чрезъ посторонній способъ, чтобъ никто не зналъ, что сіе тебѣ приказано. 4) Такожъ о утайкѣ дворовъ крестьянскихъ, гдѣ возможно, провѣдать же. 5) Провѣдать также, которые кроются отъ службы, также которыхъ можно послать для ученья и, провѣдавъ о всемъ, а наипаче о деньгахъ, которые по зарукавьямъ идутъ, пріѣхать сюды"[251].

Мы видѣли, что, кромѣ фискаловъ, Петръ требовалъ, чтобъ каждый объявлялъ о казнокрадствѣ. Несмотря однако на богатыя награды, обѣщанныя за такія объявленія, явно никто не указалъ ни на кого, а явились подметныя письма. 29 декабря 1713 года поднято было письмо, подписанное такъ: „Вашего величества нижайшіе богомольцы, убогіе сироты, соборнѣ и келейнѣ Бога всеблагаго моля, падши умоляемъ." Доносъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Господинъ Мусинъ извѣстный коварный лукавецъ и гонитель всякія правды. Долгорукіе вора Наумова отписныя деревни отдали, по свойству, сыну его; они же, укрывая Ильина въ пріемѣ бѣглыхъ рекрутъ, Колычева въ кражѣ и продажѣ фузей, забрали дѣла отъ Ершова (Московскаго вице-губернатора) въ Сенатъ и по указу не учинили. Господинъ Волконскій Тульскихъ купцовъ разорилъ въ конецъ: повелѣно на государя дѣлать по 15 фузей въ годъ на сроки, и между тѣми сроками, исполняя свои прихоти, заставляетъ ихъ дѣлать многое свое ружье обронным лучшимъ мастерствомъ; а который не сдѣлаетъ указнаго ружья на срокъ, такихъ мучитъ жестокимъ истязаніемъ, и надсмотрщикъ стольникъ Чулковъ съ нихъ за то великія взятки беретъ и у выдачи денегъ вычитаетъ и говоритъ, что половина князю, а другая половина ему. Никита Демидовъ обѣщалъ поставлять желѣзо не выше 13 рублей двухъ денегъ, поставилъ въ Тверь 20,000 пудовъ и, по заступленію Волконскаго, полу-

чилъ по 16 рублей 4 деньги за пудъ, а съ купцовъ беретъ по 13 и меньше за пудъ; да и другіе артиллерійскіе припасы другіе возьмутся поставлять за половинную противъ Демидова цѣну. Демидовъ неправдивецъ, но ему доставалось не столько барыша, сколько Волконскому и другимъ. Ежели изволишь о томъ розыскивать, прикажи вице-губернатору Ершову, ибо онъ, никого не боясь, ни для какой корысти неправды не сдѣлаетъ. О иконоборцѣ Самаринѣ и Апухтинѣ уже и писать оставляемъ, понеже того ли они состоянія, что имъ сидѣть въ повѣренномъ Сенатѣ? Ни." Доносъ оканчивается похвалами Ершову: „въ 1712 году, какъ былъ губернаторомъ Ромодановскій, съ тѣмъ онъ будто съ чертомъ возился, ибо хотя и уменъ былъ, да слабъ и завладѣлъ имъ человѣкъ его Фатуевъ. А нынѣшняго губернатора, слышно, что вставили сенаторы, а больше Мусинъ да Долгорукій, стараго плута и всесвѣтнаго труса, вступилъ съ Ершовымъ въ контру, да и у этого есть подобенъ Фатуеву прозваніемъ Лаговчинъ, отъ котораго уже бѣдный Ершовъ и лаю слышалъ. По мірской пословицѣ: хорошо государю вѣрно служить, да было-бъ кому хвалить, а его Ершова право никто изъ нихъ тебѣ не похвалитъ" [252].

Умноженіе подметныхъ писемъ заставило Петра издать такой указъ въ началѣ 1715 года: „Понеже многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничьихъ вымышленій, которыми, подъ видомъ добродѣтели, ядъ свой изливаютъ, того ради повелѣваемъ всѣмъ: кто какое письмо подниметъ, тотъ бы отнюдь не доносилъ объ немъ, ниже челъ ни распечатывалъ, но, объявя постороннимъ свидѣтелямъ, жгли на томъ мѣстѣ, гдѣ подниметъ; ибо недавно нѣкто подкинулъ письмо, якобы о нужномъ дѣлѣ, въ которомъ пишетъ, ежели угодно, то онъ явится; почему не только позволено оному явиться, но и денегъ въ фонарѣ 500 рублей поставлено и болѣе недѣли стояли, а никто не явился. А ежели кто сумнился о томъ, что ежели явится, то бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю

какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явно показана; къ тому же могутъ на всякъ часъ вѣдать, какъ учинены фискалы, которые непрестанно доносятъ не точію на подлыхъ, но и на самыя знатныя лица безо всякой боязни, за что получаютъ награжденіе. И тако всякому уже довольно изъ сего вѣдать возможно, что нѣтъ въ доношеніяхъ никакой опасности; того для, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ самому государю, или, пришедъ ко двору его царскаго величества, объявить караульному сержанту, что онъ имѣетъ нужное донесеніе, а именно о слѣдующихъ: 1) о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны его величества или измѣнѣ; 2) о возмущеніи или бунтѣ; 3) о похищеніи казны; а о прочихъ дѣлахъ доносить кому тѣ дѣла вручены, а писемъ не подметывать“ [253].

„Фискалы доносятъ безо всякой боязни и получаютъ награжденіе“, говорилъ указъ. Но извѣстно было, какъ обращались съ ними въ Сенатѣ; впослѣдствіи Петръ долженъ былъ сознаться, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ.“ Рязанскій митрополитъ Стефанъ, блюститель патріаршаго престола, въ торжественный день имянинъ царевича Алексѣя, 17 марта 1712 года, въ проповѣди сдѣлалъ сильную выходку противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ, говорилъ митрополитъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны; а какой-то законъ, напримѣръ, поставити назирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити да обезчеститъ; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ — пусть самъ впадетъ вонь“ [254]. Петръ не отмѣнилъ фискаловъ, но выходка Яворскаго не осталась безъ вліянія на новое рас-

поряженіе о нихъ, выданное 17 марта 1714 года: оберъ фискалу быть при государственномъ правленіи, да съ нимъ же быть четыремъ фискаламъ, въ томъ числѣ двоимъ изъ купечества, которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать; а въ губерніяхъ во всякой при губернаторскомъ правленіи быть по четыре человѣка, въ томъ числѣ провинціалъ-фискалъ, изъ какихъ чиновъ достойно, также и изъ купечества. А въ городахъ во всѣхъ, смотря по препорціи города, быть по одному и по два человѣка. Должность ихъ состоитъ во взысканіи всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, т. е. 1) Всякія преступленія указамъ. 2) Всякія взятки и кражи казны и прочее, что ко вреду государственнаго интереса быть можетъ. 3) Прочія дѣла народныя, въ которыхъ нѣтъ челобитчиковъ, наприм. ежели какого пріѣзжаго убьютъ, или наслѣдникъ, послѣдній въ своей фамиліи, въ младенчествѣ умретъ безъ завѣщанія предковъ его и т. п. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ фискаламъ надлежитъ только провѣдывать, доносить и при судѣ обличать, а самимъ ничемъ ни до кого, также и въ дѣла, голосъ въ себѣ имѣющія, отнюдь ни тайно, ни явно не мѣшаться подъ жестокимъ штрафомъ или разореніемъ и ссылкою. Если фискалъ на кого и не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить, ибо невозможно о всемъ томъ аккуратно вѣдать; а если ни въ маломъ не уличитъ, но всѣ доносы его будутъ не правы; однако ежели фискалъ сдѣлалъ это не изъ корысти и не по злобѣ, то взять съ него штрафъ легкій, дабы впредь доносилъ съ большимъ осмотрѣніемъ. Если же фискалъ по какой нибудь страсти или злобѣ затѣетъ, и предъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого взвелъ, обличенъ будетъ: то ему, какъ преступнику, тоже учинить, что довелось было учинить обвиненному, еслибъ по доносу подлинно виноватъ былъ. Также если фискалъ изъ взятки или изъ дружбы не извѣститъ о кражѣ казны и проч., то учинить надъ нимъ тоже, чего винный достоинъ будетъ. Провинціалъ-фискалу надлежитъ своей губерніи города объѣзжать самому въ годъ однажды для осмотру состоянія фискаловъ, какъ они дѣла свои отправляютъ: неприлежныхъ фискаловъ отстав-

лять, и на ихъ мѣста выбирать людей добрыхъ и правдивыхъ, только изъ дворянъ молодыхъ не принимать, а быть именно отъ сорока лѣтъ и выше, кромѣ тѣхъ, которые изъ купечества. Въ дѣлахъ взысканіе имѣть съ 1700 года, а дѣла не начинать [255].

Между тѣмъ Нестеровъ становился все усерднѣе и даже сына своего началъ обучать фискальству. Въ 1714 году онъ нашелъ кражу за шатерничимъ, но сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ не обратилъ вниманія на его донесеніе; нашелъ кражу на денежномъ мѣдномъ дворѣ; обличилъ дворцоваго судью Савелова, укрывавшаго бѣглыхъ, тотъ повинился, но указу не учинено, потому что Савеловъ шуринъ Мусину-Пушкину. Нестеровъ жаловался на фискаловъ Московскихъ, которые далеко отставали отъ него въ усердіи; но если плохи были фискалы Московскіе, то въ другихъ губерніяхъ еще хуже: „А въ другихъ губерніяхъ и спрашивать уже нечего, писалъ Нестеровъ: многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ остуды принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобъ отбыть службы и посылокъ, и живутъ какъ сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискалъ сложилъ, потому что у нихъ общая дворянская компанія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству.“ Впрочемъ относительно губернскихъ фискаловъ были исключенія; до насъ дошло донесеніе Нестерову отъ Данилова, провинціалъ-фискала Воронежской губерніи: „Отбываютъ отъ службы царедворцы и другіе обыватели: мы вице-губернатору Колычеву и воеводамъ тѣхъ провинцій доносили, чтобъ опредѣлить ихъ въ службу, но они наши доношенія уничтожаютъ и въ службу не пишутъ, и нынѣ живутъ праздно безо всякаго обученія; такихъ сыщется человѣкъ съ 500, живутъ у воеводъ, добиваются къ дѣламъ и къ сборамъ, происходятъ всячески, многіе нигдѣ въ переписи не написаны, и другіе по канцеляріямъ сидятъ и пишутъ и на подъячихъ работаютъ, и такимъ происхожденіемъ вѣкъ свой безъ дѣла коротаютъ, а воеводы ихъ у себя охраняютъ.“

Нестеровъ не ограничился открытіемъ казнокрадства, но сталъ пересылать царю мнѣнія свои объ улучшеніи финансовъ. Въ 1714 году онъ уже совѣтовалъ произвести ревизію и уравнительный поборъ. „Собравъ въ одно мѣсто списки наличныхъ людей всѣхъ губерній, выложа отъ нихъ особо таможенные, кабацкіе и другіе оброчные, всегда кромѣ народа надежные сборы, остаточный положенный по табелямъ окладъ росписать, почему изъ того оклада достанется по расположенію во всякой губерніи на всякаго человѣка. И когда сверхъ того табельнаго платежа понадобится взять въ службу и въ работу людей и деньги, надѣюсь, никто укрыться не можетъ, сборщикамъ и приказнымъ людямъ, какъ прежде было и нынѣ есть, нельзя будетъ обходить вымышленною пустотою или переводимыми на другія мѣста и выморочными дворами, также нельзя будетъ изъ двухъ, трехъ, четырехъ дворовъ, для отбыванія платежа сводить многихъ людей въ одинъ дворъ, дворы и ворота разгораживать и въ одинъ пригораживать, и никакого прежняго или новаго лукавства дѣлать будетъ нельзя, только надобно утвердить за утайку душъ жестокій и неотмѣнный штрафъ. Всѣ будутъ, особенно маловотчинные довольны, и платить станутъ безъ доимокъ, развѣ не захотятъ этого одни только многовотчинные, за которыми написано, по страсти и въ угожденіе, дворовъ мало, а людей въ нихъ много. Въ иныхъ губерніяхъ нынѣ въ дворахъ мужеска и женска пола есть душъ по 20 и по 30 и больше, а въ другихъ только по 10 и по 6, и противъ 30 этимъ малымъ какъ можно всякія ваши подати управлять? Не боязливые люди разные дворы сносятъ въ одинъ и людей многихъ сводятъ въ одинъ дворъ, а богобоязливые и страшливые остаются съ малыми душами во дворахъ, и тянутъ, и платятъ тоже, что многосемейные. Отъ *уравнительнаго опредѣленія* будетъ и та польза, что бѣглые не будутъ укрываемы.“

Нестеровъ доносилъ, что выморочные пожитки Шеиныхъ расхищены, много перевезено къ князю Якову Долгорукому, къ князю Мих. Владим. Долгорукому, къ Коломенскому

архіерею. Нестеровъ добрался и до Сибирскаго губернатора, бывшаго Московскаго коммenданта, князя Матвѣя Гагарина, о которомъ писалъ царю въ 1714 году: „Провѣдалъ я *въ подлинникѣ*, что князь Гагаринъ свои и другихъ частныхъ людей товары пропускаетъ въ Китай подъ видомъ государевыхъ съ особенными отъ него назначенными купчинами, отъ чего какъ самъ, такъ и эти его пріятели получаютъ себѣ превеликое богатство, а другихъ никого къ Китайскому торгу не допускаютъ; отъ этого запрета и безторжицы многіе пришли во всеконечное оскудѣніе. Предлагалъ я въ Сенатъ, чтобъ послать въ Сибирь вѣрнаго человѣка и съ нимъ фискала изъ купечества для осмотру и переписки товаровъ въ послѣднемъ городѣ, куда приходитъ караванъ, но учинить того не соизволили“ [256].

Мы видѣли изъ подметнаго письма, что въ Москвѣ вице-губернаторъ Ершовъ былъ въ ссорѣ съ губернаторомъ Салтыковымъ. Въ декабрѣ 1715 года Нестеровъ писалъ: „Въ губернской канцеляріи вице-губернаторъ Ершовъ, при ландратахъ, при мнѣ и провинціалахъ, говорилъ въ лице губернатору Салтыкову съ укоризною не малою, что-де ты ворамъ потакаешь? и въ той же контрѣ онъ Ершовъ говорилъ ему губернатору въ укоризну, что онъ Салтыковъ потерялъ у вашего величества казны тысячъ съ 50, въ чемъ и обличать его впредь хотѣлъ“ [257]. Нестеровъ обвинилъ Матвѣя Головина, который, будучи судьею въ Ямскомъ приказѣ, отдалъ подрядъ подъ артиллерійскіе припасы въ отвозъ подрядчику безъ торгу, взявши за это съ него 200 рублей, тогда какъ другіе подрядчики просили торгу и уступали; Нестеровъ обвинилъ Казанскаго губернатора Петра Апраксина за немалый ущербъ казнѣ въ продажѣ табаку [258].

Но самое важное дѣло, начавшееся вслѣдствіе доношеній Нестерова, было дѣло о злоупотребленіяхъ Сибирскаго губернатора князя Гагарина. Еще въ 1711 году до царя дошли свѣдѣнія, что Сибирскій губернаторъ ведетъ себя не очень чисто, вслѣдствіе чего Гагаринъ получилъ приказаніе вывести изъ Сибирской губерніи свойственниковъ сво-

16*

ихъ [259]. Мы видѣли, что доносъ Нестерова о Китайскомъ караванѣ былъ поданъ въ 1714 году; чтобъ понять сущность дѣла, надобно обратить вниманіе на то, какъ производилась у насъ въ это время торговля съ Китаемъ. Туда отправлялся царскаго величества купчина, съ которымъ отпускались казенные товары изъ Сибирскаго приказа и изъ Сибирскихъ городовъ тысячъ на 200 рублей. Купчина этотъ забиралъ также въ Москвѣ и въ городахъ по договору всякіе товары у всякаго чина людей, по настоящей московской цѣнѣ или въ какомъ городѣ какая цѣна товарамъ будетъ; по выходѣ изъ Китая купчина отдавалъ за взятые въ Россіи товары каждому по договору китайскими товарами вдвое; договоры о томъ, какими товарами отдать вдвое, заключались въ Сибирскомъ приказѣ. Люди, отдавшіе свой товаръ купчинѣ, назывались складчиками. Несмотря на то, что Сенатъ необратилъ вниманія на представленіе Нестерова о необходимости послать въ Сибирь вѣрнаго человѣка, оберъ-фискалъ не унывалъ, провѣдывалъ явно и тайно, расхищенія казны въ Сибирскомъ приказѣ усмотрѣлъ не мало, запечаталъ два ящика съ дѣлами и далъ знать въ Сенатъ. Сенаторы опять не занялись этимъ дѣломъ; а сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, велѣлъ ящики распечатать и все уничтожить, говоря, что фискаламъ въ приказахъ по десятый годъ ничего смотрѣть не велѣно. Но Нестеровъ не отставалъ отъ своей добычи и обвинилъ купцовъ Евреиновыхъ, которые торговали табакомъ въ Сибири и незаконно обогащались по губернаторской поблажкѣ. Дѣло пошло на разсмотрѣніе къ князю Якову Долгорукому, но вопросы, какъ доносилъ Нестеровъ, были предложены Гагарину и Евреиновымъ „самые фальшивые съ закрытіемъ, какъ ему Гагарину въ томъ надобно.“ Это было въ печальный 1717 годъ; Нестеровъ воспользовался прибытіемъ Петра въ Москву по дѣлу царевича Алексѣя, и дѣло Евреиновыхъ было взято отъ Долгорукаго и поручено коммиссіи, составленной изъ офицеровъ гвардіи — Дмитріева-Мамонова, Лихарева, Пашкова и Бахметева. Нестеровъ былъ тутъ при допросахъ Евреино-

вымъ, которые, какъ писалъ фискалъ: „моими усердными трудами и призываніемъ чрезъ разговоры, со всякимъ увѣщаніемъ въ надѣяніе вашего къ нимъ милосердія, объявили мнѣ письменное извѣстіе о всякихъ сибирскихъ и китайскихъ торгахъ немалыя дурости, показано великое похищеніе вашей государевой казны и взятки золотомъ и прочими вещами, а именно на губернатора Гагарина и на людей его Якова Матвѣева съ другими, и на племянниковъ его, князя Василья и князя Богдана Гагариныхъ и купчинъ китайскихъ каравановъ и на купецкихъ людей, какъ на Бориса Карамышева, который согласникъ губернатору все вѣдаетъ въ Сибирскомъ приказѣ и всякаго зла въ похищеніи исполненъ, и на другихъ разныхъ купецкихъ же людей, также и на тамошнихъ коммендантовъ. Истину вашему величеству пишу, а не лжу: но только великое чудо или ужасъ какъ тамъ дѣлано не боясь Бога и забывъ души свои и присягу. Еще жъ Евреиновы показали, что за нихъ, какъ взяты были къ Долгорукому по доношенію моему въ распросъ, далъ онъ Гагаринъ князю Долгорукому не малыя взятки“ [260]. Послѣ Нестеровъ доискался подробностей и представилъ: „Генералъ князь Долгорукій во время розыску по дѣламъ, которыя были въ канцеляріи его вѣдомства, получилъ себѣ въ презентъ съ разныхъ персонъ, а именно съ князя Богдана Гагарина 500 червонцевъ; князь Матвѣй Гагаринъ прислалъ къ нему изъ Сибирскаго приказа мѣхъ, цѣною въ 600 рублевъ, который уступилъ онъ свѣтлѣйшему князю; да съ него же князь Матвѣя за Евреиновыхъ 1000 червонныхъ, съ Никиты Демидова 500 рублей да къ палатному строенію желѣза 1030 пудъ и 20 заслонокъ трубныхъ; съ дѣтей думнаго дьяка Автомона Иванова 500 червонныхъ за то, что къ нимъ былъ милостивъ; Красноселецъ Иванъ Симоновъ на дачу ему Долгорукому поручилъ госпожѣ Балкшѣ коробочку серебряную во 100 рублей, а въ ней 100 червонныхъ да 500 рублей за то, чтобъ отъ розыску быть свободну; да у него же съ свѣтлѣйшимъ княземъ и съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и съ господами Апраксиными и съ Кикинымъ между собою были подарки лошадьми

съ конскими уборами, что оберъ-фискалъ прилагаетъ во взятку"[261].

Дмитріевъ-Мамоновъ съ товарищи дали знать царю, съ своей стороны, что Евреиновы въ нѣкоторыхъ худыхъ своихъ дѣлахъ повинную принесли, и Алексѣй Евреиновъ просилъ написать государю, чтобъ приказалъ остановить и осмотрѣть караванъ, идущій изъ Китая съ купчиною Гусятниковымъ, потому что въ немъ много было провезено неявленыхъ товаровъ. Евреиновъ же написалъ и сказалъ въ допросѣ: „Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ въ Китайское государство купчинъ избираетъ по своему нраву, которые къ тому дѣлу доступаютъ великими дачами и во всемъ съ нимъ общее согласіе имѣютъ, и болѣе угождаютъ ему, нежели усердствуютъ о пополненіи казны и о государственной пользѣ. Въ караванѣ, котораго ждутъ теперь изъ Китая, товаровъ Гусятникова на 40,000 рублей, да у цѣловальниковъ пошло товаровъ тысячъ на сорокъ же"[262]. Для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ отправленъ былъ въ Сибирь майоръ гвардіи Лихаревъ и прислалъ цѣлый реестръ взятокъ и сборовъ, которыхъ въ приходѣ не оказалось[263]. По слѣдствію оказалось, что Гагаринъ утаилъ хлѣбъ, купленный на Вяткѣ для отпуска за море; велѣлъ брать казенныя деньги и товары на свои расходы, а приходныя и расходныя книги кинулъ; бралъ взятки за отдачу на откупъ винной и пивной продажи; писалъ угрожающее письмо къ купчинѣ Гусятникову, чтобъ прислалъ ему китайскіе подарки, что̀ и было исполнено; взялъ у купчины Карамышева казенные товары и заплатилъ за нихъ казенными же деньгами, причемъ переводныхъ писемъ въ Сибирскомъ приказѣ записывать не велѣлъ; взялъ у князя Якова Долгорукаго въ китайскій торгъ товары безъ оцѣнки, и, не дождавшись купчины съ карваномъ, велѣлъ выдать деньги вдвое; удержалъ три алмазныхъ перстня и алмазъ въ гнѣздѣ, купленный на деньги, взятыя въ китайскій торгъ изъ комнаты царицы Екатерины Алексѣевны; взялъ себѣ товары изъ каравановъ купчины Худякова, и принявъ у купчины книги этихъ каравановъ, сжегъ[264].

Гагаринъ во всемъ повинился и написалъ письмо государю: „Припадая къ ногамъ вашего величества, прошу милосердія и помилованія ко мнѣ погибающему: розыскиваютъ много и взыскиваютъ на мнѣ управленія во время вѣдѣнія моего Сибирской губерніи и покупки алмазныхъ вещей и алмазовъ, что я чинилъ все не по приказному обыкновенію. И я, рабъ вашъ, приношу вину свою предъ вашимъ величествомъ, яко предъ самимъ Богомъ, что правилъ Сибирскую губернію и дѣлалъ многія дѣла просто, непорядочно и не приказнымъ поведеніемъ, такожъ многіе подносы и подарки въ почесть и отъ дѣлъ принималъ и раздачи иныя чинилъ что̀ и не надлежало, и въ томъ погрѣшилъ предъ вашимъ величествомъ, и никакого ни въ чемъ оправданія кромѣ винности своей принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилованія для милости Всевышняго къ вашему величеству: сотвори надо мною многобѣднымъ милосердіе, чтобъ я отпущенъ былъ въ монастырь для пропитанія, гдѣ бъ могъ окончить животъ свой, а за преступленіе мое на движимомъ и недвижимомъ моемъ имѣніи да будетъ воля вашего величества“ [265].

Вмѣсто монастыря Петръ назначилъ Гагарину висѣлицу. Поведеніе Гагарина не было новымъ явленіемъ. Мы видѣли, что Сибирскіе воеводы издавна позволяли себѣ большія злоупотребленія, потому что до царя имъ было далеко. Та же отдаленность усиливала безпорядки и злоупотребленія въ Астрахани. Въ 1719 году произведено было здѣсь слѣдствіе и открылось, что дворянинъ Тютчевъ, съ вѣдома оберъ-комменданта Чирикова, посылалъ свинецъ въ Персію; что Чириковъ посылалъ отъ себя за море соколовъ и кречетовъ, что̀ было запрещено; отъ откуповъ и отъ прочихъ дѣлъ взялъ посуловъ 2135 рублей, а государственнымъ доходамъ сдѣлалъ недобору 17098 рублей; изъ государевыхъ учуговъ рыбу себѣ на потребу бралъ. Солдаты команды поручика Кожина подрались съ солдатами полковника Селиванова; Кожинъ велѣлъ своимъ солдатамъ бить и рубить Селивановскихъ солдатъ и полковника вытащить

изъ дому, дрались съ обнаженными палашами и порублено было два человѣка. Тотъ же Кожинъ ѣздилъ на святкахъ славить въ домы Астраханскихъ обывателей на верблюдахъ и на свиньяхъ, пріѣхалъ на свиньяхъ и къ Бухарскому посланнику, который принялъ это себѣ за большое оскорбленіе. Въ Ревелѣ коммиссаръ Яковъ Лопухинъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровымъ-Соловымъ и Никитою Скульскимъ, сдѣлалъ три подложные подряда; школьникъ Ѳедоровъ составилъ имъ подложныя пріемныя письма, по которымъ они взяли изъ казны деньги сполна и раздѣлили по себѣ, а школьнику дали 340 рублей. Лопухинъ былъ казненъ смертію [266].

Преобразователь показалъ, что онъ не намѣренъ потворствовать старому злу: Сибирскій губернаторъ былъ казненъ; горожане давно уже были изъяты изъ вѣдомства городскихъ правителей, судились своимъ судомъ; но мы видѣли, что̀ доносили преобразователю о состояніи торговыхъ людей, получившихъ самоуправленіе и свой судъ, и напослѣдокъ преобразователь долженъ былъ выслушать мнѣніе, что лучше возвратиться къ старинѣ, снова возстановить власть воеводъ надъ горожанами: „Когда учинены магистраты по провинціямъ и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны, то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостиные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ, и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безочередными службами и постоемъ; и пріѣзжему продавцу не безъ разоренія, ибо достойной цѣны взять не можетъ, долженъ брать, что̀ дадутъ магистратскіе. Заморскіе товары магистратскіе засѣдатели продаютъ гражданамъ такимъ порядкомъ: который товаръ стоитъ 100 рублей, на тотъ положатъ цѣну 150 или 130 рублей, и продаютъ по этой цѣнѣ купцамъ средней статьи, которые торгуютъ въ лавкахъ; который купецъ не захочетъ взять, того отягощаютъ безочереднымъ постоемъ, службами и другими нападками; податей сами магистратскіе не платятъ, торгу-

ютъ свободно, и вмѣсто нихъ подати платятъ гражданскою суммою. Еслибъ велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго напрасно притѣснять не могъ бы и купечеству была бы отъ того ревность. А перемѣнять бы гражданамъ магистратскихъ членовъ съ вѣдома и разсмотрѣнія воеводъ, и воеводамъ бы имѣть смотрѣніе надъ магистратами, такъ какъ изстари бывало. Еслибъ всякаго званія людей, въ томъ числѣ и купечество, вѣдать воеводамъ попрежнему, то бы всякаго званія людямъ была польза не малая и обиды было бы меньше; ибо у многихъ правителей обидимый не можетъ управы получить, понеже истецъ и отвѣтчикъ не единаго суда, а именно одинъ воеводскаго, а другой магистратскаго, и въ томъ бываетъ несогласіе, а бѣдные люди разоряются“ [267].

Магистратскіе члены притѣсняли торговыхъ людей; фискалы изъ купечества мало помогали. Мы видѣли, какъ Нестеровъ жаловался на нерадѣніе фискаловъ въ провинціяхъ. Но другіе фискалы позволяли себѣ больше чѣмъ нерадѣніе. Нестеровъ донесъ объ утайкѣ пошлинъ фискаломъ Косымъ. Что это былъ за человѣкъ, видно изъ слѣдующаго письма президента юстицъ-коллегіи графа Матвѣева къ Макарову: „Въ коллегіи юстиціи фискалъ Косой подъ надеждою свободы своей великую образу и безчиніе оной же коллегіи чинилъ, что вся коллегія та, паче же иноземцы, за многій себѣ афронтъ приняли, якобы коллегія та больше торжищемъ есть, на что извольте добрую регулу впредь учинить и такія наглости подлыхъ людей въ подобострастіе привесть. Дѣло было такъ: великій государь указалъ фискала Михайла Косаго, по дѣлу оберъфискала Нестерова объ утайкѣ пошлинъ, по которому онъ въ Сенатѣ и въ коллегіи юстиціи обвиненъ и держанъ подъ карауломъ, отдать на росписку знатнымъ людямъ. И онъ фискалъ Косовъ призванъ былъ въ коллегію юстиціи для прикладыванія руки къ роспискѣ; и онъ Косовъ со измѣнительнымъ лицемъ и съ крикомъ великимъ, приблизясь къ президентскому столу, ударя во столъ рукою, говорилъ,

что онъ непослушенъ будетъ никакому суду до прибытія государя“ [268].

Страшное зло, застарѣлая язва древне-русскаго общества была вскрыта сильными мѣрами преобразователя, и самъ онъ, какъ ни былъ знакомъ съ этимъ зломъ, не могъ не содрогнуться. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда, возвращаясь изъ заграничныхъ походовъ въ Россію, вмѣсто отдохновенія въ кругу людей, которыхъ хотѣлъ любить и уважать, долженъ былъ испытывать сильное раздраженіе, получая извѣстія о противозаконныхъ поступкахъ этихъ самыхъ людей. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда онъ узнавалъ о незаконныхъ поступкахъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, того, кого онъ называлъ „дитею сердца своего (mein Herzenskind),“ того, кого онъ возвысилъ и обогатилъ больше всѣхъ, кто слѣдовательно не имѣлъ уже ни въ чьихъ глазахъ ни малѣйшаго оправданія въ своей алчности къ обогащенію, когда онъ узнавалъ о противозаконныхъ поступкахъ Данилыча.

Сколько мы знаемъ, впервые негодованіе Петра противъ своего любимца было возбуждено поведеніемъ Меншикова въ Польшѣ: „Николи бъ я того отъ васъ не чаялъ“, писалъ къ нему царь, какъ мы видѣли, въ мартѣ 1711 года. Отправившись въ Турецкій походъ, Петръ съ дороги писалъ къ Меншикову въ томъ же необычномъ тонѣ: „Зѣло удивляюсь, что обозъ вашъ слишкомъ годъ послѣ васъ мѣшкаетъ (въ Польшѣ); къ тому же Чашники (мѣстечко) будто на васъ отобраны. Зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ будучи въ такихъ печаляхъ уже пришло до себя, и не буду жалѣть никого.“ Чѣмъ дальше въѣзжалъ царь въ Польскія владѣнія, тѣмъ сильнѣе становились жалобы на Меншикова. Свѣтлѣйшій князь оправдывался, писалъ, что нельзя обращать вниманія, если какая бездѣлица и взята у Поляковъ; Петръ отвѣчалъ ему: „Что ваша милость пишете о сихъ грабежахъ, что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей. Богъ

знаетъ, каково здѣсь отъ того, и намъ жаднаго (никакого) прибытку нѣтъ; къ томужь такъ извольничались, что сказать невозможно и указовъ не слушаютъ, въ чемъ принужденъ буду великимъ трудомъ и непощаднымъ штрафомъ живота оныхъ паки въ добрый порядокъ привесть. О обозѣ объявляю, что не безъ лишняго было, ибо сверхъ вашей указной 1000 порціи, еще много порцій брано на вашихъ людей, которые побравъ, иные къ вамъ, а кои иноземцы, и домой отпущены, въ чемъ адъютантъ Жуковъ никакого оправданія яснаго не положилъ, ни указу, почему то дѣлалъ, не сказываетъ; что дѣлалъ по письму Гольцова секретаря, отъ котораго указовъ безъ самого Гольца подписи принять было не довелось, для чего нынѣ онъ за арестомъ и розыскиваютъ. Что же вы пишете, что вы послали для обоза своего адъютанта Гопа, и онаго я самъ наѣхалъ недалеко отъ Алыки — выбираетъ деньги себѣ“ [269]. У Меншикова была при царѣ сильная покровительница, царица Екатерина Алексѣевна; мы видѣли, какъ она успокоивала своего стараго пріятеля письмомъ изъ Яворова: „Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели съ стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ шаутбенахтъ попрежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ.“ Петръ могъ ограничиться первою бранью относительно поведенія Меншикова въ Польшѣ; но, возвратясь въ Россію, онъ увидѣлъ, что Данилычъ и въ ввѣренной его управленію губерніи, и въ самомъ парадизѣ употребляетъ во зло довѣренность царскую. Въ началѣ 1712 года, отправляя Меншикова въ походъ въ Померанію, онъ говорилъ ему: „Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію; не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя.“ Въ то же время Голландскій резидентъ Деби доносилъ своему правительству, что Зотовъ, одинъ изъ сыновей Никиты Моисеевича, Ревельскій

коммендантъ, страшно притѣсняетъ иностранныхъ купцовъ и дѣлится добычею съ Меншиковымъ, хотя тотъ не терпитъ его и отца его [270].

Въ 1713 году началось знаменитое Соловьевское дѣло, въ которомъ Курбатовъ столкнулся съ старымъ своимъ благодѣтелемъ, Меншиковымъ. Мы видѣли [271], что Курбатовъ, задѣвая сильныхъ людей, донося на нихъ царю, постоянно опирался на сильнѣйшаго изъ сильныхъ, Меншикова, называя его въ письмахъ къ Петру „избраннымъ отъ Бога сосудомъ, единственнымъ человѣкомъ, который безъ порока передъ царемъ". Чтобъ имѣть поддержку въ Меншиковѣ, Курбатовъ всячески ему услуживалъ, былъ посредникомъ между нимъ и людьми нуждавшимися въ милости князя и щедро платившими за эту милость; такъ въ 1704 году онъ писалъ къ свѣтлѣйшему князю: „Благодарствуя твое милосердіе, Григорій Племянниковъ прислалъ ко мнѣ въ почесть тебѣ государю денегъ двѣ тысячи рублевъ, которыя нынѣ до повелѣнія твоего и соблюдаются у меня въ палатѣ" [272]. Бывали и столкновенія у Курбатова съ Меншиковымъ. Такъ Меншиковъ, неизвѣстно почему, настаивалъ, чтобъ нѣсколько городовъ и слободъ было взято изъ вѣдѣнія ратуши и отдано въ Сибирскій приказъ и въ дворцовую канцелярію; настаивалъ, чтобъ извѣстное уже намъ Псковское дѣло розыскивать съ Кирилломъ Нарышкинымъ. Курбатовъ настаивалъ на противное, писалъ царю: „Что за причина быть городамъ въ Сибирскомъ приказѣ? Въ приказѣ сборовъ нѣтъ и 100,000, въ ратушѣ 1,500,000; ей-ей, во единособранномъ правленіи всегда лучше бываетъ." О Псковичахъ писалъ, что скорѣе ему живота лишиться, чѣмъ такимъ воромъ быть помилованнымъ. Меншиковъ, узнавши о сопротивленіи Курбатова, разсердился, началъ называть его своимъ противникомъ и ругателемъ. Курбатовъ испугался и писалъ къ государю: „Всемилостивѣйшій государь! Не дай мнѣ бѣдному погибнуть въ нынѣшнемъ страхѣ: уже премилостивѣйшаго моего патрона привели на гнѣвъ, отъ котораго трепеща, ужасаюся. Сотвори, да милостивъ ко мнѣ будетъ." Государь помирилъ ихъ, послѣ чего Курбатовъ

сталъ еще сильнѣе услуживать Меншикову. Прибыльщикъ имѣлъ очень широкій, по нашему, взглядъ на средства къ этимъ услугамъ: мало того, что онъ считалъ совершенно законнымъ принимать благодарность за дѣла, прямо говорилъ царю, что онъ принимаетъ эту благодарность, и другіе принимаютъ и должны принимать: такъ онъ писалъ, что напрасно давать жалованье судьямъ, судьи люди нескудные, имъ не мало добровольныхъ приношеній отъ приказныхъ дѣлъ, причемъ поставилъ въ примѣръ самого себя, получивши въ два года болѣе 600 рублей[273]; мало этого, Курбатовъ, хлопоча изо всѣхъ силъ объ увеличеніи казенныхъ доходовъ, думалъ, что имѣетъ право распоряжаться прибылью, его трудами полученною, и часть ея употреблять въ пользу своего милостивца, въ награду за услуги послѣдняго царю! Такъ въ 1708 году онъ писалъ Меншикову: „Получивши я, вашего свѣтлѣйшества рабъ, ваше о присылкѣ водокъ повелѣніе, изготовилъ ихъ какъ могъ съ поспѣшеніемъ и послалъ ихъ къ вашему свѣтлѣйшеству въ сулеяхъ. А денегъ за тѣ водки, во что онѣ стали, у господина Кузьмы Думашева я брать не велѣлъ, для того, что онѣ (водки) изъ прибыльныхъ денегъ строены, денегъ этихъ прежде въ ратушѣ не бывало, и въ помощь ратушскимъ окладнымъ доходамъ припложено ихъ многое тысячь число, которое всегда можетъ причитаться вашего свѣтлѣйшества къ усмотрѣнію, для того что чрезъ ваше премилостивѣйшаго нашего патрона къ всемилостивѣйшему государю доношеніе къ той работѣ я убогій опредѣленъ, и впредь къ тебѣ государю посылать со всякимъ усердіемъ готовъ, не точію такое какъ нынѣ число малое, но сколько на весь вашего свѣтлѣйшества домъ потребно, за ваши къ всемилостивѣйшему государю услуги“[274]. Мы видимъ здѣсь, какъ прибыльщикъ пріучаетъ любимца государева смотрѣть на казенныя деньги какъ на свое, Меншиковъ велитъ на строеніе водокъ взять деньги у своего управителя, Курбатовъ говоритъ ему: зачѣмъ эта трата? вся прибыль, сдѣланная мною казнѣ, къ услугамъ вашего свѣтлѣйшества, потому что благодаря вамъ я получилъ возможность сдѣ-

лать эту прибыль и потому что вы оказали такія важныя услуги государю! За то, когда нужно было Курбатову насильно притянуть въ ратушу способнаго человѣка, онъ обращался за помощію къ сильному любимцу: Казанецъ гостиной сотни Микляевъ былъ нѣсколько лѣтъ въ ратушѣ бургомистромъ, потомъ отпущенъ и жилъ въ домѣ своемъ лѣтъ пять; Курбатовъ вспомнилъ объ немъ, какъ о человѣкѣ способномъ и царскимъ указомъ опредѣлилъ его опять бургомистромъ въ ратушу и послалъ приказаніе ѣхать въ Москву; но Казанскій коммендантъ Кудрявцевъ отвѣчалъ, что онъ опредѣлилъ Микляева въ Казани къ кожевеннымъ заводамъ. Курбатовъ сейчасъ письмо къ Меншикову: „Въ Казани можно-бъ къ такимъ дѣламъ выбрать и другихъ, довольно тамъ купецкихъ людей нарочитыхъ, а въ бургомистрахъ быть не всякій можетъ, Микляевъ къ ратушскому дѣлу человѣкъ привычный и въ ратушѣ онъ необходимъ: умилосердись, повели Микляева отпустить въ ратушу безъ задержки; онъ сдѣлалъ это нарочно, не хотя служить; ей-ей, притворно это съ нимъ сдѣлано, или по дружбѣ, или для его богатства; паки молю тебя государя, ей-ей, доношу тебѣ по самой нуждѣ, ей—выбрать некого“[275].

Мы видѣли, какъ въ 1711 году Курбатовъ волею или неволею, отправился вице-губернатомъ въ городъ. Здѣсь онъ опять долженъ былъ столкнуться съ своимъ старымъ милостивцемъ. Меншиковымъ были выведены трое братьевъ Соловьевыхъ: одинъ изъ нихъ, Өедоръ, управлялъ имѣніями свѣтлѣйшаго князя, другой Осипъ былъ царскимъ коммиссаромъ въ Голландіи, занимался продажею казенныхъ товаровъ, переводомъ денегъ изъ Россіи за границу и т. д.; третій братъ, Дмитрій былъ оберъ-коммиссаромъ въ Архангельскѣ, и коммиссаромъ при немъ былъ Племянниковъ, который, какъ мы видѣли, подарилъ Меншикову черезъ Курбатова 2000 рублей въ почесть. Соловьевы и Племянниковъ дѣйствовали за одно, дружно въ интересахъ своего благодѣтеля. Въ слѣдъ за назначеніемъ Курбатова вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, въ сентябрѣ 1711 года вышелъ сенатскій указъ: „Всѣ товары (казенные) велѣно принимать

и у города продавать и за море отпускать вице-губернатору Курбатову да оберъ-коммиссару Дмитрію Соловьеву вмѣстѣ; а прежде эти дѣла вѣдали Соловьемъ съ коммиссаромъ Племянниковымъ“[276]. Такимъ образомъ Племянниковъ отстранялся, и Соловьевъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, при которомъ необходимо долженъ былъ играть уже второстепенную роль. Прошелъ годъ; въ маѣ 1713 года новый сенатскій указъ: „Государевы товары, которые вѣдали у города Архангельскаго вице-губернаторъ Курбатовъ и оберъ-коммиссаръ Соловьевъ обще, и тѣхъ товаровъ вице-губернатору, кромѣ таможеннаго усмотрѣнія и пошлиннаго счета, ни чѣмъ не вѣдать, для того, что отъ разныхъ управителей чинится въ торгахъ царскаго величества не безъ поврежденія: убытокъ отъ икры, что прислана къ веснѣ, упустя самую добрую пору зимнее время. Вѣдать товары оберъ-коммисару одному“[277]. Стало быть Курбатовъ помѣшалъ и отстраненъ сенатомъ, съ которымъ у него нелады и который поэтому легко исполнилъ желаніе свѣтлѣйшаго князя. Но Курбатовъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ могъ позволить отстранить себя безнаказанно. Въ іюнѣ 1713 года онъ подалъ доносъ: „Дмитрій Соловьевъ отпустилъ за море своего хлѣба въ 1709 году 8081 четверть, въ 1710—7556, въ 1711—6973, пшеницы 155 четвертей, и того въ три года отпущено 22766 четвертей, а государева хлѣба отпущено 32,709 четвертей. А указъ 1705 года подъ смертною казнію запрещаетъ торговымъ людямъ закупать хлѣбъ въ отпускъ за море, закупается хлѣбъ на государя. А въ прошломъ 1712 году въ письмѣ его Соловьева къ нему вице-губернатору писано, что писали къ нему изъ Амстердама изъ конторы брата его, что хлѣбъ нынѣ покупать не надлежитъ, ибо и стараго за моремъ не продано ничего. И сіе призналъ онъ вице-губернаторъ за нимъ Соловьевымъ неправду, ибо пишетъ, чтобъ хлѣба государева не посылать, что и стараго ничего не продано и купцовъ нѣтъ, и по сему можно разумѣть какъ можетъ государевъ хлѣбъ быть въ продажѣ, что своего ими отпущено за море число многое, и знатно

того ради онъ Соловьевъ посылку государева хлѣба удержалъ, дабы имъ прежде свой хлѣбъ продать, а государевъ послѣ". Въ концѣ августа новое письмо отъ Курбатова Макарову: „Свѣтлѣйшаго князя и г. барона Шафирова у города у насъ содержатся компанія—торгъ солью, трескою и моржевыми костьми, а вѣдаютъ торгъ Дмитрій Соловьевъ да племянникъ его Яковъ Неклюдовъ и покупаютъ у города на имя свѣтлѣйшаго князя премногіе товары, какъ будто на тѣ товарныя деньги, для домоваго расхода свѣтлѣйшему князю, но весьма не приличные для его свѣтлости, наприм. нѣсколько сотъ паръ руковицъ, чулковъ, платковъ, а изъ знатныхъ товаровъ множество; видно, что свѣтлѣйшій князь о томъ ничего не знаетъ, и покупаютъ они эти товары подъ его именемъ, себѣ, не платя пошлинъ". Курбатовъ и въ Архангельскѣ былъ такимъ же неохотникомъ до Нѣмцевъ, какъ прежде въ Москвѣ, попрежнему пользовался случаемъ указать на недостоинство Нѣмца и просить о замѣщеніи его Русскимъ. Въ томъ же письмѣ онъ писалъ Макарову: „Просилъ я царское величество о присылкѣ вмѣсто полковника Вебера (комменданта) другаго полковника; а тотъ Веберъ, ей-ей, ни къ чему негодный, всегда пьянъ и безъ моего вѣдома ловитъ къ себѣ на дворъ въ ярмарку торговыхъ людей, бьетъ и беретъ взятки, только стыдъ передъ иноземцами; умилосердись надо мною, сдѣлай, чтобъ былъ присланъ добрый человѣкъ, кто-нибудь изъ Русскихъ"[278]. Но теперь Нѣмцы соединились съ Русскими противъ прибыльщика: двое Голландскихъ купцовъ подали своему резиденту въ Петербургѣ жалобу, что Курбатовъ заставилъ ихъ заплатить самымъ незаконнымъ образомъ 6000 рублей[279]; въ сенатѣ противъ Курбатова дѣйствовалъ Самаринъ: онъ поднялъ старое, извѣстное намъ дѣло о фальшивомъ серебрѣ. По доносу Курбатова на Соловьева, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалобамъ Русскихъ и иностранныхъ купцовъ на Курбатова, отправленъ былъ въ Архангельскъ майоръ князь Волконскій. Вице-губернаторъ былъ недоволенъ дѣйствіями слѣдователя и писалъ Макарову въ ноябрѣ 1713 года: „Г. майоръ князь Волконскій Соловьева и

другихъ только допросилъ, а о совершенномъ розыскѣ, Богъ вѣсть, будетъ ли имѣть стараніе, ибо, повидимому, очень съ ними поступаетъ легко. Прошу васъ всеусердно, по твоей отеческой ко мнѣ милости яви мнѣ, что онъ къ его величеству на меня пишетъ? Я думаю онъ очень хлопочетъ, чтобъ по сенатскому указу меня ему допрашивать и турбовать, и тѣмъ препятствовать мнѣ въ дѣлѣ Соловьева; и если будетъ ему это позволено, то лучше мнѣ умереть, нежели такое безславіе во всей губерніи имѣть: неужели такое мнѣ будетъ воздаяніе за мои истинно усердные труды! Я писалъ на Соловьева по ревности моей, никого не боясь; а что онъ вралъ на меня въ допросѣ и тому будутъ вѣрить, то гдѣ же будетъ истина? Какъ возможно будетъ впередъ въ усердіи простираться? Еслибы я захотѣлъ молчать, то, знаю, получилъ бы отъ него очень хорошій гостинецъ. Но все это по ревности моей презрѣно. Премилостивѣйшій мой государь батька! если ты меня въ моемъ сиротствѣ оставишь, то мнѣ уже не укого больше будетъ искать помощи, истину тебѣ говорю: едва не вси мя возненавидѣша"[280].

Но въ то время какъ Курбатовъ писалъ это письмо, Голландскій резидентъ Деби подалъ мемуаръ о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ Архангельскаго вице-губернатора. Въ генварѣ 1714 года Курбатовъ пріѣхалъ въ Петербургъ; Деби, узнавши объ этомъ, нѣсколько разъ ходилъ къ Головкину и Меншикову, водилъ и двоихъ своихъ купцовъ, жаловавшихся на обиды вице-губернатора. Съ Голландцами Курбатовъ уладился полюбовно, не дожидаясь сенатскаго рѣшенія,[281] и былъ отпущенъ въ Архангельскъ; но тутъ Волконскій представилъ на него обвиненіе во многихъ взяткахъ. Тогда Петръ, наученный опытомъ не полагаться ни на кого и рѣшившійся не щадить никого, отправилъ Лодыженскаго на смѣну Курбатову, и написалъ собственноручно новому вице-губернатору въ маѣ 1714 года: „Пріѣхавъ къ городу, объявить бывшему вице-губернатору Курбатову, что писалъ на него во многихъ взяткахъ Волконскій: для того вамъ велѣно его перемѣнить, а отъ города (ему) не

уѣзжать, пока паки будетъ Волконскій; а о чемъ будетъ Волконскій писать про него и тѣхъ сыскивать и держать, дабы при прибытіи его скорѣе розыскъ кончиться могъ, и того Волконскаго, Курбатова и прочихъ, до кого розыскъ сей касаться будетъ, отправить сначала сентября мѣсяца насюды, а далѣе чтобъ отнюдь не было"[282]. Но Петръ напрасно надѣялся, что къ сентябрю все дѣло могло кончиться. Слѣдствіе перенесено было въ Устюгъ, центральное мѣсто Архангелогородской губерніи; въ Августѣ мѣсяцѣ Курбатовъ былъ допрошенъ въ разныхъ пунктахъ; дѣло, по его мнѣнію, должно было принять благопріятный для него оборотъ, и онъ послѣ допроса съ торжествомъ писалъ Макарову: „Волконскій съ плутомъ Пивоваровымъ и безд ѣльниками Устюжскими фискалами совѣтуютъ намъ тщетная; но знаю, въ надеждѣ на Бога и на мою правду, что совѣты ихъ злонамѣренные разорятся, потому что этотъ господинъ едва уже не въ десперацiи, во многомъ и самъ узналъ, что понапрасну оклеветалъ меня передъ царемъ, а именно, будто сверхъ оклада общаго платежа приписано и взято съ губерніи лишку 84,817 рублей: въ томъ явилась ложь; будто со всего Важскаго уѣзда собирали на меня по 6 алтынъ со двора, и въ проѣздъ съ Вологды къ Городу поднесено мнѣ въ почесть 805 рублевъ: и въ томъ явилась самая ложь. И едва не во всемъ писалъ ложно, кромѣ того, что мнѣ подносили въ городѣ харчевые припасы и малое нѣчто отъ камокъ изъ мірскихъ сборовъ, и то я принималъ по ихъ многому прошенью истинно безъ моихъ запросовъ. И нынѣ онъ и самъ говорилъ такъ: „Хотя я и писалъ къ государю, а теперь явилась и неправда, то я писалъ не съ вымыслу, сколько могъ справиться, въ то время не было у меня подлинныхъ вѣдомостей." И поэтому изволь, мой государь, разсудить: уязвивъ меня смертельно, да чѣмъ мнѣ извиняется? кто его заставилъ писать не справившись? Сбираетъ нынѣ со всей губерніи всякія вѣдомости, по которымъ ничего не сдѣлать ему и въ три года, и никакого не найдетъ погрѣшенія нашего. Свидѣтель Богъ, что я работалъ отъ души и сердца моего и, сколько могъ, на-

родъ берегъ. Слышу, будто свѣтлѣйшій князь доносилъ государю, что я со 100,000 рублей у него, государя, укралъ и губернію разорилъ: донеси, мой батька, что не только 100,000 рублей, даже 100 копѣекъ вымышленно не похитилъ; а что малое ради прокормленія отъ денегъ и питей и провіанта себѣ бралъ, о томъ явно въ канцеляріяхъ и въ сенатѣ, и то дѣлалъ, надѣясь на его государеву милость, вѣдая свое усердіе и многосотныхъ тысячъ приложеніе; а если бы такъ я жилъ, то могъ бы прожить и безъ жалованья, еще бы осталось и внучатамъ моимъ. Если живъ буду и пріѣду въ Петербургъ, подамъ государю вѣдомость всему моему богатству, что̀ я въ 16 лѣтъ нажилъ; изволитъ познать тогда, какъ я богатъ; а можно было въ ратушѣ въ шесть лѣтъ косыхъ мѣшковъ нажить сотню“ [283].

Меншиковъ доносилъ на Курбатова въ то время, когда его собственное положеніе было очень плохо въ слѣдствіе открывшихся злоупотребленій по управленію С.-Петербургскою губерніею. Отношенія его къ царю перемѣнились, прежняя фамиліарность исчезла, исчезъ въ письмахъ дружественный, товарищескій, шутливый тонъ. Меншиковъ сталъ писать къ Петру какъ подданный къ государю. Горе и невоздержаніе разстроили и здоровье свѣтлѣйшаго князя. Въ маѣ 1714 года сдѣлался съ нимъ такой припадокъ, что лѣкаря объявили, если немедленно же не произойдетъ перемѣны къ лучшему, то останется мало надежды спасти его. Уже болѣе трехъ лѣтъ Меншиковъ харкалъ кровью, и видимо ослабѣлъ, но не перемѣнялъ образа жизни, попрежнему много пилъ, и говорили, что у него сильная чахотка.[284] Желѣзная природа Данилыча обманула лѣкарей; онъ оправился, не смотря на невоздержную жизнь и усиливавшіяся непріятности: въ концѣ 1714 года, пріѣхавши къ Меншикову, по-старинѣ, на семейный праздникъ, царь укорялъ его въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ за его поведеніе и за поведеніе его креатуръ, говорилъ, что всѣ онѣ обогатились въ короткое время отъ грабежей, а казенные доходы истощились. Вслѣдъ за тѣмъ были перехватаны всѣ чиновники Ингерманландской канцеляріи, также город-

ской и адмиралтейской; схвачены были два сенатора: Волконскій и Опухтинъ; мы видѣли жалобу на злоупотребленія Волконскаго по управленію Тульскимъ заводомъ; Опухтинъ провинился по управленію монетнымъ дворомъ. Петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ подвергнутъ былъ пыткѣ: царь видѣлъ въ немъ самаго тонкаго и хитраго изъ слугъ Меншикова. Арестованъ былъ и Александръ Кикинъ, считавшійся царскимъ любимцемъ и стоявшій въ челѣ адмиралтейскаго управленія; арестованъ былъ Синявинъ, главный коммиссаръ при постройкахъ, въ четыре года нажившій огромныя деньги. Въ апрѣлѣ 1715 года Корсакова публично высѣкли кнутомъ. Ходили слухи, что свѣтлѣйшій потеряетъ свое Ингерманландское намѣстничество, которое перейдетъ къ царевичу Алексѣю Петровичу. Говорили, что сильные враги Меншикова, потерявъ надежду погубить его, стараются, по крайней мѣрѣ, удалить его отъ царя и отъ правленія. Вмѣстѣ съ Корсаковымъ подвергнуты были публичному наказанію два сенатора — князь Волконскій и Опухтинъ, которымъ жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ. Присутствовавшіе при экзекуціи говорили, что царь очень раздраженъ на Волконскаго и называлъ его Іудою[285]. Кикинъ писалъ къ царю умилостивительное письмо, каялся, что совершилъ преступленіе, не смѣетъ просить милости, проситъ только позволенія жить въ деревнѣ у брата. Онъ заплатилъ денежный штрафъ и получилъ позволеніе жить въ Москвѣ.[286]

Между тѣмъ дѣло Курбатова тянулось; въ мартѣ 1715 года онъ написалъ Макарову: „Великою печалію объятъ я нынѣ, боюсь, не отвратилъ ли кто, по ненависти, вашей отъ меня милости, на которую я больше всего имѣлъ несомнѣнную надежду. Нѣсколько разъ писалъ я бѣдный къ царскому величеству, чаще къ вамъ, изъясняя мою невинность; но письма мои нисколько мнѣ не помогли, а письма Волконскаго, лукаво писанныя идутъ въ дѣло. Или я уже порочнѣе всѣхъ, обращавшихся у дѣлъ монаршихъ, что такъ со мною поступаютъ? Я не бѣгу отъ правосудія, но прошусь къ нему.[287]“ Въ 1716 году Волконскаго отставили отъ слѣдствія, производить которое было поручено полковнику Ко-

шелеву; но Волконскій медлилъ сдачею дѣлъ, и Курбатовъ въ іюнѣ жаловался царю: „Вашего величества повелѣніемъ слѣдують дѣла наши, и г. Полковникъ Кошелевъ, а паче дьякъ Вороновъ усердіе въ томъ имѣютъ доброе; но дѣло замедляется тѣмъ, что Волконскій въ сдачѣ дѣлъ умышленно тянетъ время, боясь, чтобъ не обнаружились вскорѣ его несправедливости: съ 15 мая по 18 іюня не очистилъ сдачею ни одного сундука, а дѣла у него въ четырехъ сундукахъ.“ Новый слѣдователь не могъ скоро окончить дѣла, заключавшагося въ четырехъ сундукахъ. Въ октябрѣ Курбатовъ писалъ Макарову: „Всемилостивѣйшій государь изволилъ ко мнѣ своею рукою написать: если я сдѣлаю три корабля, то буду пожалованъ въ губернаторы; я сдѣлалъ не три, но семь кораблей, и не только не получилъ губернаторства, но и прежняго чина лишился и уже нищенствую. [288]

Курбатовъ находился въ это время въ Петербургѣ, и не могъ не безпокоиться, видя, что свѣтлѣйшій князь попрежнему силенъ. Не смотря на перемѣну своихъ отношеній къ прежнему любимцу, царь не могъ забыть его заслугъ въ прошломъ и нуждался въ его способностяхъ для настоящаго. Постройки въ Ревелѣ и Петербургѣ шли успѣшно, благодаря тому, что ими завѣдывалъ энергическій Данилычъ. Петръ снова началъ ласкать его, освѣдомлялся объ его здоровьѣ, прислалъ изъ Данцига фунтъ тобаку. Меншиковъ теперь могъ отвѣчать на эту ласку только почтительными письмами. Такъ, отъ 20 апрѣля 1716 года написалъ: „Зѣло соболѣзную, что ваше величество въ прямое состояніе здравія своего еще не пришелъ; но молю Всевышняго, да ниспошлетъ Духа Своего Святаго на воды, которыми изволили пользоваться, къ совершенному исцѣленію здравія вашего. Что же о моей скорби, и оная съ помощію Божіею, почитаю, миновалась, о внутренней же моей болѣзни описаніе, по вашему милостивому повелѣнію, къ доктору Арескину на будущей почтѣ пошлю, и за оное ваше обо мнѣ милостивѣйшее отеческое попеченіе всепокорнѣйше благодарствую; но понеже ваши милостивѣйшія писанія паче всякаго медикамента меня пользовать могутъ, того ради

всепокорно прошу, дабы и впредь такимъ же образомъ, какъ и нынѣ, по превысокой вашей ко мнѣ милости жаловать меня ими изволили."

Въ отсутствіе Петра, 18 іюня 1716 года умерла въ Петербургѣ любимая сестра его, царевна Наталья Алексѣевна. Меншиковъ, извѣщая объ этомъ царя, писалъ: „И понеже, какъ вы сами, по своему мудрому разсужденію изволили знать, что сіе необходимо есть къ тому же мы всѣ по христіанской должности такія печали сносить повинны: того ради всепокорно прошу, дабы не изволили вы сію печаль продолжать, но послѣдовать своему мудрому разсужденію, которымъ и другихъ обыкли отъ такихъ печалей отводить, къ чему извольте вспомнить свою бабушку Анну Леонтьевну, ибо во многихъ бывшихъ ея печаляхъ мужество ея сами вы изволите всегда похвалять, и, отводя другихъ отъ печалей, за эксемпель брать.[289]"

Перемѣнивши свой тонъ въ обращеніи съ царемъ, свѣтлѣйшій не хотѣлъ перемѣнять его въ отношеніи ни къ кому другому. Понятно, что ему не нравилось учрежденіе Сената, который стѣснялъ его самовластіе, и онъ не упускалъ случая сдѣлать выходку противъ медленности и нераспорядительности правительствующей коллегіи. Однажды на свадьбѣ у одного гвардейскаго офицера Голландскій резидентъ Деби спросилъ Меншикова, рѣшенъ ли вопросъ о хлѣбной пошлинѣ? Меншиковъ отвѣчалъ, что сенаторы не оканчиваютъ никакого дѣла и проводятъ время въ пустякахъ. Въ іюлѣ 1716 года адмиралъ Апраксинъ, находившійся съ войскомъ въ Финляндіи, прислалъ отчаянное письмо въ Петербургъ, что войско его погибаетъ отъ голоду, и если ему сейчасъ же не пришлютъ припасовъ, то онъ возвратится. Меншиковъ явился въ Сенатъ и началъ упрекать правительствующихъ господъ въ нерадѣніи. Поднялся сильный споръ: сенаторы говорили, что не ихъ вина, если суда съ припасами еще не пришли въ Петербургъ, что въ казнѣ нѣтъ денегъ, что всѣ источники доходовъ истощены, и что государь не можетъ требовать отъ Сената невозможнаго. Меншиковъ возражалъ, что Сенатъ занимается только

пустяками и пренебрегаетъ государственными интересами, что въ настоящемъ случаѣ онъ имѣлъ средство снабдить армію. Раздраженные сенаторы закричали, какъ онъ смѣетъ такъ говорить? онъ забылъ, что Сенатъ представляетъ особу и власть царскаго величества, что имѣетъ власть посадить его подъ арестъ и потомъ требовать удовлетворенія у царя! Меншиковъ вышелъ изъ Сената, и сейчасъ же, собственною властію, велѣлъ взять припасы изъ купеческихъ магазиновъ на 200,000 рублей и нагружать ихъ на суда для отправленія въ Або. Сенаторы еще болѣе осердились, стали говорить, что у Меншикова собственные магазины съ хлѣбомъ, который онъ скупаетъ и производитъ этимъ дороговизну и голодъ въ Петербургѣ, чтобъ послѣ продавать по высокой цѣнѣ. Меншиковъ говорилъ, что этого ничего нѣтъ, а сенаторы раздражены его мѣрою, потому что у каждаго изъ нихъ есть доля въ хлѣбѣ, который онъ велѣлъ захватить у купцовъ. Споръ дошелъ до того, что съ обѣихъ сторонъ послали жалобы государю [240]. Петръ, разумѣется, не могъ сердиться на Данилыча за его энергическую мѣру, спасавшую войско, особенно когда Апраксинъ, возвратившись въ Петербургъ, писалъ царю въ концѣ года: „Я всегда живу въ отлучкѣ, и, какъ я увѣдомленъ отъ другихъ, ежелибъ не было здѣсь свѣтлѣйшаго князя Меншикова, тобъ въ дѣлахъ могли быть великія помѣшательства.“ Энергическій Данилычъ былъ нуженъ, когда тотъ же Апраксинъ писалъ Макарову: „Истинно во всѣхъ дѣлахъ какъ слѣпые бродимъ и не знаемъ, что̀ дѣлать? Стали вездѣ великіе разстрои, и гдѣ прибѣгнуть и что̀ впредь дѣлать — не знаемъ, денегъ ни откуды не возятъ, дѣла почитай всѣ становятся.“ У Меншикова съ Апраксинымъ былъ постоянный союзъ, что видно изъ ихъ переписки. Такъ въ генварѣ 1716 года Меншиковъ спѣшилъ извѣстить адмирала о жалобѣ на нихъ обоихъ Кикина, который снова былъ въ милости у царя: „Извѣствую вашему сіятельству, писалъ Меншиковъ: были мы у Скляева съ его царскимъ величествомъ; пришелъ Кикинъ, и государь изволилъ его спросить, что̀ онъ худъ и не лежалъ ли боленъ? Кикинъ от-

вѣчалъ, что худъ онъ отъ меня и отъ вашего сіятельства, а какимъ образомъ, о томъ хотѣлъ онъ царскому величеству впредь донести пространно, а которыя были тутъ слова, и на тѣ я ему довольно отвѣчалъ, объявляя всѣ его бездѣльные между нами поступки, и просилъ его величество и государыню царицу, чтобъ тому его бездѣльному челобитью на меня и на тебя не вѣрили. Итакъ это дѣло уничтожено, къ тому же случился въ тотъ часъ и отъѣздъ въ Ревель. Если по возвращеніи произойдутъ къ вамъ какія слова, то ваше сіятельство постарайтесь также внушить государю пространно о всѣхъ бездѣльныхъ дѣлахъ Кикина, и просите, чтобъ доношенію его вѣрить не изволилъ." — „Итакъ это дѣло уничтожено", писалъ Меншиковъ Апраксину: но самъ безпокоился, что̀ видно изъ письма его къ Макарову, въ которомъ просилъ „господина секретаря и своего благодѣтеля", чтобъ увѣдомилъ, подано ли отъ Кикина доношеніе, и, если подано, то въ какой матеріи?

Любопытно также другое письмо Меншикова къ Апраксину, въ которомъ онъ проситъ адмирала не печалиться насчетъ царскаго выговора: „Что изволите ваше сіятельство изъ письма царскаго величества имѣть сомнѣніе, что его величество изволитъ какъ бы имѣть нареканіе въ укосненіи отъ васъ отправленія эскадры, и о томъ не извольте сомнѣваться, ибо оная остановка не отъ вашего сіятельства чинилась, понеже эскадры за непрошествіемъ льду отправить къ вашему сіятельству ни коимъ образомъ невозможно, что̀ его величество всемилостивѣйше разсудить изволитъ. Не могъ я и сего не объявить, какъ мнѣ его царское величество прежде о гаванной работѣ съ немалымъ нареканіемъ писать изволилъ, когда же изволилъ по моимъ доносительнымъ письмамъ увѣдомиться, что оное дѣло съ помощію Божіею добрымъ учинено порядкомъ, то не только оное нареканіе изволилъ оставить, но и всемилостивѣйшее благодареніе за труды мои прислать соизволилъ: того ради прошу ваше сіятельство, яко всегда приснаго моего друга и особливаго благодѣтеля, да не изволите въ томъ сумнѣнію себя предавать, отъ чего можетъ приключиться вашего

сіятельства здравію не малый вредъ, о чемъ весьма соболѣзную и отъ сердца желаю, дабы всемилостивый Богъ оное ваше сумнѣніе милостиво отъ васъ отвратилъ“ [291].

Меншиковъ не одними энергическими мѣрами и распорядительностію старался снова заискать милость Петра: зная любовь царя къ маленькому сыну, царевичу Петру Петровичу, онъ писалъ отцу за границу длинныя письма о „безцѣнномъ сокровищѣ, о своемъ дражайшемъ хозяинѣ,“ какъ онъ называлъ маленькаго Петра. 29 октября 1716 года онъ писалъ: „Понеже сей настоящій день есть преславной радости и неописаннаго веселія всего отечествія нашего, въ которой Всевышній Богъ изволилъ даровать намъ безцѣнное сокровище, т. е. дражайшаго вашего сына: того ради онымъ его преславнымъ и неизглаголанной радости исполненнымъ рожденіемъ ваше величество отъ всего моего вѣрнаго сердца всепокорнѣйше поздравляю, желая усердно, да сподобитъ васъ Всевышній и въ предыдущія времена многихъ такихъ торжественныхъ дней счастливо употреблять и его высочество въ такомъ видѣть достоинствѣ, какъ вы сами нынѣ есть; а мы въ сей день, благодаря Всевысшаго Бога, сей безцѣнный маргаритъ намъ даровавшаго, надѣемся равнымъ же образомъ повеселиться, какъ было и въ самый первый день его рожденія. Государь царевичъ между прочимъ за лучшую забаву нынѣ изволитъ употреблять экзерцицію солдатскую: чего ради караульные бомбардирской роты солдаты непрестанно въ большой палатѣ предъ его высочествомъ оную экзерцицію отправляютъ, и правда, что хотя сіе онъ изволитъ чинить по своей должности сержантской, однакожь зѣло изъ того изволитъ тѣшиться; рѣчи же его: папа, мама, солдатъ. Дай, всемилостивѣйшій Боже, самимъ вамъ вскорѣ его видѣть: то надѣюсь, что ничего того въ немъ увидѣть не изволите, чѣмъ бы не довольно мочно навеселиться“ [292].

Трудно было рѣшиться на явную борьбу съ Меншиковымъ; но Курбатовъ рѣшился: онъ подкупилъ служителя князя Меншикова Семена Дьякова, который укралъ нужныя Курбатову бумаги, содержавшія въ себѣ улики Соловьевымъ.

Имѣя въ рукахъ это сокровище, Курбатовъ написалъ изъ Петербурга Петру за границу въ октябрѣ 1716 года: „Соловьевы три брата, Дмитрій, Ѳедоръ, Осипъ превеликія казнѣ вашей учинили умышленно утраты кражею вашихъ государевыхъ пошлинъ, о чемъ и по нынѣшнему изслѣдованію будетъ явно, а паче изобличатся вины ихъ при пришествіи вашемъ, понеже я имѣю такія письма, противъ которыхъ они никакого оправданія принесть не могутъ, но повинны будутъ пыткамъ и сыщется интересъ вашъ многій. Ежели о здѣшнихъ Соловьевыхъ учиненъ будетъ розыскъ крутой, а братъ ихъ Осипъ о томъ увѣдаетъ, опасно, чтобъ онъ, убоясь, не остался вовсе жить въ Амстердамѣ или гдѣ индѣ, и богатство свое тамошнее могутъ они скрыть. И въ нынѣшнемъ году изъ С.-Петербурга отпустили на корабляхъ купленнаго изъ адмиралтейства поташу на 10,000 ефимковъ слишкомъ, подлогомъ, именемъ конторнаго своего писаря Гейтера и Англичанина Колензa, у которыхъ ни малаго своего нѣтъ имѣнія и живутъ нынѣ у нихъ Соловьевыхъ въ домѣ. И за тотъ поташъ договорились они платить въ адмиралтейство заморскою солью по 10 алтынъ пудъ, и тѣми жъ именами откупили въ адмиралтействѣ во всей Финляндіи торговать однимъ имъ солью и табакомъ, о чемъ я увѣдалъ съ оберъ-фискаломъ. И ежели повелитъ ваше величество того Осипа Соловьева какимъ способомъ выслать въ Россію, то для содержанія торговъ вашихъ коммиссіи на его Осипово мѣсто доношу по истинному моему усердію о двухъ, которые, надѣюсь, что могутъ содержать безъ поврежденія, Московскіе купцы — Иванъ Короткой, Аѳанасій Павловъ, люди умные и торговцы знатные и лѣтами не старые, и иноземцы ихъ имѣютъ за правдивыхъ купцовъ“ [293].

Курбатовъ выбралъ неблагопріятное время: царь былъ въ продолжительномъ отсутствіи за границею и все вниманіе его было поглощено дѣлами внѣшними и бѣгствомъ сына. Только въ октябрѣ 1717 года въ Петербургѣ разнесся слухъ, что Осипъ Соловьевъ захваченъ въ Амстердамѣ, книги его отобраны и самъ онъ отправленъ подъ стражею

въ Россію. Извѣстіе это поразило его братьевъ и Меншикова; послѣдній потребовалъ отъ своего управителя, Өедора Соловьева, чтобъ онъ составилъ подробный отчетъ обо всемъ, находившемся подъ его вѣдѣніемъ[294]. Началось дѣло, въ которомъ главною уликою были собственноручныя письма Соловьевыхъ, полученныя Курбатовымъ отъ Дьякова; уличенные собственными письмами, Соловьевы повинились. Въ декабрѣ 1717 года былъ разстрѣлянъ князь Волконскій, производившій неправильно слѣдствіе надъ Соловьевыми по прежнему доносу Курбатова. Въ другихъ воровствахъ Соловьевыхъ приговорено пытать секретаря ихъ Рязанова; днемъ розыска назначено 13 февраля 1718 года. Наканунѣ этого дня, въ именины Курбатова пріѣхали къ нему двое канцеляристовъ Меншикова, братья Артемій и Данила Астафьевы, какъ будто съ поздравленіемъ, а на другой день, 13 числа другаго рода посѣщеніе: явился къ Курбатову майоръ гвардіи князь Юсуповъ съ солдатами на извощикахъ, обыскивали весь домъ, никого не нашли, домъ запечатали со всѣми бумагами, приставили караулъ, а Курбатова съ сыномъ, прислугою и съ жившими при немъ подъячими посадили въ сани и отвезли сперва въ Зимній дворецъ, а оттуда въ крѣпость и поставили передъ свѣтлѣйшимъ княземъ. „Гдѣ мой секретарь Сергѣевъ и подъячій Каминскій? вчера мои канцеляристы Астафьевы видѣли ихъ въ твоемъ домѣ; и зачѣмъ ты принялъ къ себѣ Дьякова?“— „Вчера, отвѣчалъ Курбатовъ, на обѣдѣ и послѣ обѣда было у меня много постороннихъ людей, но Сергѣева и подъячаго не было, засвидѣтельствуютъ всѣ гости.“ — „Для чего ты Дьякова къ себѣ принялъ? кричалъ Меншиковъ: онъ воръ, покралъ у меня много бумагъ, потому и ты сталъ такой же воръ, что вора у себя держишь!“ — „Которыя Дьяковъ принесъ мнѣ бумаги о воровствѣ Соловьевыхъ, отвѣчалъ Курбатовъ, тѣ я объявилъ самому царскому величеству; этими бумагами Соловьевы и обличились; а Дьяковъ явился къ слѣдствію тѣхъ дѣлъ въ канцелярію генерала князя Долгорукаго, и этого намъ въ воровство причитать не слѣдуетъ.“ Курбатова отпустили, но Дьяковъ былъ взятъ

въ крѣпость и посаженъ скованный подъ крѣпкимъ карауломъ.—Курбатовъ въ письмѣ къ Макарову жаловался: „15 февраля свѣтлѣйшій князь прислалъ дьяка и велѣлъ всякія письма у меня пересмотрѣть. А у Соловьевыхъ, и по явному обличенію, домы, пожитки и письма не описаны и не запечатаны; розыскъ за тѣмъ и остановился, понеже доноситель Дьяковъ держится скованъ, а мать его и жена съ дѣтьми и людьми держатся изъ дома свѣтлѣйшаго князя въ домѣ своемъ за арестомъ. Въ тоже время свѣтлѣйшій князь бралъ въ крѣпость и дьяка Воронова и говорилъ ему: „Ты вороной конь, я тебя такую м... сдѣлаю граненымъ и разрушу вашу воровскую компанію.“ И за такимъ страхомъ дѣло мое остановилось и разыскивать не смѣютъ“ [293].

Но розыскъ могъ быть остановленъ только на время, въ отсутствіе царя, который былъ занятъ *своимъ* дѣломъ въ страшный для него 1718 годъ, и когда Меншиковъ могъ распоряжаться въ Петербургѣ. Розыскъ пошелъ своимъ чередомъ и оказалось, что съ Соловьевыхъ слѣдуетъ взыскать въ казну 675,040 рублей; а имѣнія у нихъ по описи явилось на 407,447 рублей, недоставало въ платежъ 302,177 рублей. Но рядомъ съ дѣломъ о воровствѣ Соловьевыхъ тянулось дѣло и о злоупотребленіяхъ самого Курбатова. Въ январѣ 1719 года онъ писалъ царю: „Вашимъ повелѣніемъ пункты о винахъ моихъ написаны; умилосердися, государь, разсмотрѣвъ и познавъ, каковыя вины мои, разрѣши своимъ милосердіемъ, понеже отъ печали и мнѣнія не могу излѣчиться чрезъ четыре года отъ болѣзни моей, и лѣкаря за тѣмъ отказываютъ, къ тому жь и оскудалъ едва не всеконечно и впалъ въ долги многіе, и въ Москвѣ домишко мой отъ непотребныхъ людей моихъ во всякомъ разореніи, не бывалъ я въ немъ слишкомъ три года; повели отпустить меня къ Москвѣ до половины марта мѣсяца; при семъ же молю: не благоволи имѣть на меня мнѣнія въ строеніи цитадельномъ семиградскія избы (въ Архангельскѣ): при мнѣ въ три года только въ расходѣ 13 или 14,000 рублевъ, а чаю и меньше. Ей, ей во всемъ работалъ вседушевно, но нѣтъ мнѣ хвалителей, ибо ни въ комъ, кромѣ васъ госу-

даря, не искалъ, и того ради отъ всѣхъ оставленъ. Еще молю слезно: помилуй, государь, повели мнѣ бѣдному хотя малое что выдать на пропитаніе, понеже шестой годъ не получалъ жалованья ничего, а о работѣ моей въ дѣлѣ о Соловьевыхъ извѣстно вашему величеству.“ Курбатову дали отпускъ въ Москву до 20 марта[296].

Прошло два года; дѣло приходило къ окончанію, но не такъ оно оканчивалось, какъ бы хотѣлось Курбатову. Въ мартѣ 1721 года онъ написалъ царю: „Вѣсть Богъ, что я предъ вашимъ величествомъ ничто же лукавное по совѣсти моей предъ Богомъ учинилъ и ничего тайно и умышленно казны вашея не похитилъ, а работалъ вамъ государю единому всѣмъ сердцемъ и душею, о чемъ не неизвѣстно вашему величеству. А нынѣ въ канцеляріяхъ, по немилости господъ судей, штрафуюся такъ тяжко, якобы совершенно виновный, и положили на меня штрафовъ и другихъ денегъ съ 20,000 рублевъ, въ томъ числѣ по дѣлу Шустовыхъ, о которомъ извѣстно вашему величеству и за которое я пожалованъ, и по дѣлу въ корабельномъ строеніи, за что я всемилостивѣйше былъ обнадеженъ, и выданное мнѣ въ Московской ратушѣ и въ губерніи жалованье правятъ и сего единаго произыскиваютъ, чтобъ хотя малое какое мое присмотрѣть погрѣшеніе, и не токмо къ великому штрафу, но и къ самому бѣдству склоняютъ, а вѣрныхъ моихъ работъ не только не упоминаютъ, но и ни во что вмѣняютъ, и въ выписки оправданій моихъ вписывать не велятъ, а которое оправданіе было и вписано и подписано моею рукою, и то вычеркиваютъ и доношеній моихъ къ оправданію не пріемлютъ. Умилися государь, не допусти меня погубить имъ напрасно, повели всѣ о мнѣ дѣла изъ ихъ канцелярій для собственнаго вашего разсмотрѣнія собрать въ кабинетъ или въ коммерцъ-коллегію. А ежели я по вашему богоподобному разсмотрѣнію явлюся виновенъ тяжко, то уже не прошу милости, отъ всего мя повели обнажить имѣнія и пустить нага, точію за прежде показанную мною государственную пользу и вѣрность молю соблюсти животъ мой, понеже и такъ отъ печали въ болѣзни моей чаю уме-

реть вскорѣ. О всемилостивѣйшій государь! изволь вѣдать, какъ погибаютъ на васъ единаго уповающіи, какъ я бѣдный всю мою надежду и упованіе имѣлъ на васъ государя единаго, не имѣя постороннихъ дядекъ, и того ради нынѣ погибаю напрасно. А ежели я нынѣ погибну напрасно, не безъ сожалѣнія потомъ будетъ о мнѣ вашего государева, понеже я бѣдный, при помощи Божіей, не безплоденъ явился въ государствіи вашемъ“ [297]

Вскорѣ послѣ этого письма, лѣтомъ 1721 года Курбатовъ умеръ, до рѣшенія своего дѣла. Судъ въ канцеляріи генералъ-майора Матюшкина, по приговору штабъ и оберъ-офицеровъ, рѣшилъ, что надобно взыскать съ Курбатова 16,000 слишкомъ рублей. Большая часть этой суммы, именно слишкомъ 12,000 рублей причиталась за взятыя имъ изъ казны безъ указу деньги; остальное за передаточное безъ торгу подрядчикамъ изъ-за взятокъ; взятокъ оказалось на 1085 рублей; при этомъ 15 дѣлъ не было рѣшено за справками по разнымъ губерніямъ [298].

Начетъ на Курбатова былъ ничтожный въ сравненіи съ громаднымъ начетомъ на свѣтлѣйшаго князя. Петръ обѣщалъ ему сложить часть штрафа, и онъ писалъ ему въ 1718 году: „Понеже ваше величество, по превысокой своей ко мнѣ милости, изволили обѣщать въ нынѣшнихъ штрафахъ предъ другими мнѣ польготить, того ради всепокорно прошу о милостивомъ того обѣщанія исполненіи, какъ вамъ Богъ обо мнѣ на сердце положитъ. Собственный мой полкъ (о которомъ вашему величеству извѣстно, что я не для чего иного, но съ единой своей ревности набралъ и вооружилъ) нынѣ по указу вашему раскосованъ, и оныхъ солдатъ велѣно зачесть мнѣ за рекрутъ моихъ деревень: прошу вашего величества, дабы въ тожъ число замѣнить драгунъ и солдатъ, которые во время нужды взяты къ дому моему изъ полковъ и изъ рекрутъ, которыхъ нынѣ на лице 150 человѣкъ, да матрозовъ 4 человѣка, кои взяты изъ Новгородскихъ дворянъ; да въ Копорьѣ и Ямбургѣ изъ стрѣльцовъ Торопецкихъ и Великолуцкихъ 300, итого 454 человѣка; да съ начала того полка по раскосованіе издержано

моихъ собственныхъ денегъ какъ на вооруженіе, такъ и на прочіе полковые расходы и на дачу жалованья 19,156 рублей, и о сихъ деньгахъ прошу, дабы милостиво были мнѣ возвращены или зачтены. Понеже ваше величество неоднократно милостивымъ вашимъ словомъ обнадеживать изволили, ежели какая въ пользу государственную учинится прибыль, то изъ нея дана будетъ десятая часть: а подъ моимъ правленіемъ въ канцеляріяхъ и въ здѣшней губерніи учинено прибыли и приложено въ повсягодный сборъ 476,849 рублей, да по особливымъ моимъ прошлой зимы вашему величеству поданнымъ пунктамъ учинено прибыли у соли 100,000 рублевъ, а ежели доброе будетъ смотрѣніе, то и еще прибудетъ: и по тому вышепомянутому вашему обѣщанію всепокорно прошу о милостивомъ награжденіи. Всѣ губернаторы каждый изъ своей губерніи всякое довольство имѣлъ, а иные сверхъ того и денежнымъ жалованьемъ снабдены, а я съ самаго того времени, какъ по вашей милости въ губернаторы пожалованъ, т. е. отъ 1702 года губернаторскаго жалованья никакого не имѣлъ, а трудовъ моихъ въ здѣшней губерніи сколько было, о томъ также не безъизвѣстно, ибо и всѣ прочія губерніи примѣръ отъ насъ брали; а что съ здѣшней губерніи за меня изошло, и то все до послѣдней деньги на мой счетъ положено: и того ради требую въ томъ милостиваго призрѣнія; если же чего не изволите мнѣ зачесть, и что по тѣмъ моимъ счетамъ на мнѣ останется, то да изволите повелѣть платить мнѣ погодно, дабы можно было исправиться, не допустя себя до всеконечной нужды. Притомъ чаю, ваше величество изволите милостиво припомнить, что во время нужныхъ случаевъ, по вашимъ особливымъ изустнымъ повелѣніямъ не малыя отъ меня дачи были, а особливо во время бытности въ Жолквѣ, когда господа Поляки, по отреченіи королевскомъ отъ короны, на обѣ ноги хромали, то, лаская ихъ, истинно изъ-подъ платья собольи мѣха выпарывая, также и прочими вещами ихъ дарилъ; и чтобъ порядочную тому записку имѣть, то какъ могло бъ статься, сами извольте разсудить, къ тому жъ ни мало мнѣ на умъ не прихаживало, чтобъ въ томъ

счетъ имѣть; и для того и прочіе многіе въ пришествія ваши къ арміи и въ другіе случаи, какъ деньгами, такъ и лошадьми, каретами и прочими вещами и всякими припасами, также и во время генеральныхъ, вашему величеству извѣстныхъ банкетовъ, бывшіе расходы уничтожалъ, все свое за ваше почитая, чего и нынѣ воспоминать и на счетъ ставить не хочу, но во всемъ на вашу превысокую отеческую ко мнѣ милость полагаюсь, и о милостивѣйшемъ на меня въ томъ призрѣніи всепокорно прошу."

Государь просмотрѣлъ самъ начетъ, противъ многихъ статей помѣтилъ *зачесть*; но все еще много осталось.

Въ 1719 году Меншиковъ опять писалъ ему: „По счету, который изыскивалъ князь Василій Долгорукій въ канцеляріи Ижорской, написано на меня нѣсколько сотъ тысячъ безъ всякаго явнаго свидѣтельства, о чемъ было надлежало отвѣтствовать президенту Анисиму Щукину, ибо онъ тою канцеляріею правилъ, и въ томъ я во всемъ отвѣтствовалъ; да снято съ меня 485,537 рублей; а за тѣмъ съ меня взято деньгами, пенькою и прочими матеріалами 615,608 рублей, да я же сверхъ того на счетъ принялъ къ заплатѣ 67,005 рублей. И хотя я милостивою вашего величества резолюціею удовольствованъ, ваше величество пожаловали меня, дабы изъ трехъ сотъ двадцати четырехъ тысячъ трехъ сотъ пятидесяти четырехъ рублей штрафныхъ прибыльныхъ съ подряднаго провіанта половину на мнѣ не брать, однакожъ, всемилостивѣйшій государь и отецъ! я есмь смертенъ, къ тому же при жизни моей всегда меня, что я еще не отъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ свободенъ, зѣло снѣдаетъ: того ради всенижайше ваше величество прошу, чтобъ я отъ всѣхъ канцелярій, гдѣ слѣдуютъ по моимъ дѣламъ, былъ свободенъ, дабы никто ничѣмъ меня не касались, а особливо для нынѣшняго моего отсюда отлученія; а тѣ деньги, что на мнѣ взять надлежитъ по счетамъ, удержать въ казнѣ вашего величества." Одновременно съ дѣломъ Меншикова шло дѣло о князѣ Мосальскомъ, котораго казенный грабежъ прикрылъ адмиралъ Апраксинъ; дѣло о взятіи княземъ Яковомъ Ѳед.

Долгорукимъ прибыльныхъ денегъ прежде нежели возвратился китайскій караванъ [299].

Тяжело было положеніе преобразователя, когда открылась передъ нимъ вся глубина раны, которою страдала Россія, когда онъ долженъ былъ взглянуть иными глазами на людей самыхъ близкихъ, когда эти люди, казавшіеся представителями новой, преобразованной Россіи, явились вполнѣ зараженными закоренѣлою болѣзнію старой Россіи. Удалось завести войско, флотъ, школы, фабрики, овладѣть морскими берегами, но какъ поднять благосостояніе народа съ тѣми понятіями, которыми руководились Меншиковъ съ товарищи? и гдѣ средства искоренить эти понятія? Рубить на право и на лѣво? но средства матеріальныя безсильны противъ зла нравственнаго. Были однако для преобразователя и утѣшительныя минуты: не даромъ вооружался онъ въ своихъ указахъ противъ казнокрадства, не даромъ толковалъ о необходимости собственныя выгоды приносить въ жертву общему добру, не даромъ внушалъ понятія о государствѣ, которое всѣ должны имѣть въ виду, которому всѣ должны служить съ забвеніемъ личныхъ интересовъ. Внушенія дѣйствовали, и то что̀ прежде казалось дѣломъ обыкновеннымъ, невиннымъ, явилось грѣхомъ, съ которымъ не хотѣли умереть и предстать предъ Верховнаго Судію. Въ мартѣ 1714 года Петръ получилъ письмо, подписанное Иваномъ Кокошкинымъ: „Пресвѣтлому монарху приношу, какъ самому Богу, чистое покаяніе, лежа на смертномъ одрѣ — виновенъ я предъ Богомъ и предъ тобою; какъ бы мнѣ явиться лицу Божію и вѣчныхъ скорбей избыть и въ винѣ своей отъ тебя прощеніе получить, покуда грѣшная моя душа съ тѣломъ не разлучилась. Были отъ меня рекрутскіе наборы въ Твери, и отъ тѣхъ рекрутскихъ наборовъ бралъ я себѣ взятки, кто что̀ приносилъ отъ наемщиковъ и отъ перемѣны и въ покупкѣ мундира. Да я жъ тебѣ государю виновенъ: отдалъ я за своихъ крестьянъ приводнаго человѣка, который былъ приведенъ въ Тверь въ приказную избу по оговору въ воровствѣ“ [300].

Въ то время, когда велась такая сильная борьба съ

людьми препятствовавшими народному благосостоянію казнокрадствомъ и взяточничествомъ, людьми, стоявшими на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣствицы, въ то самое время продолжалась ожесточенная борьба съ людьми, стоявшими на низшихъ ея ступеняхъ, и которые открыто вели войну съ обществомъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новоучрежденнаго Сената было принятіе мѣръ противъ воровъ и разбойниковъ: по его указу ихъ вѣшали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловили; для поимки бѣглыхъ рекрутъ, которые увеличивали число разбойниковъ, сдѣланы были заставы отъ Москвы до Смоленска.[301] Тихонъ Гѣевъ, посланный съ драгунами для сыску разбойниковъ на сѣверъ, въ іюнѣ 1711 года въ Карашевской волости Ростовскаго уѣзда, въ лѣсу сыскалъ воровской станъ; воры схватились съ драгунами, одного убили, но были разсѣяны; взятые въ плѣнъ указали товарищей, которые не только разбойничали, но и дѣлали мѣдныя деньги. Тогда же Тверской коммендантъ донесъ князю Меншикову, что въ Тверскомъ уѣздѣ воры и разбойники разорили многіе домы и ходятъ многолюдствомъ, вслѣдствіе чего всѣ денежные и хлѣбные сборы, особенно рекрутскій наборъ, остановились. Въ 1719 году въ Юстицъ-Коллегію поданы были вѣдомости о разбойникахъ изъ Новгородскаго, Можайскаго и Мещовскаго уѣздовъ: здѣсь разбойники по 100, по 200 человѣкъ и больше, верхомъ, вооруженные, *съ порядкомъ регулярнымъ*, не только многолюдныя деревни разграбили днемъ, все до конца пожгли и людей вырубили, но и знатный монастырь Георгіевскій близъ Мещовска днемъ разбили и разграбили, потомъ ворвались въ самый городъ Мещовскъ и пойманныхъ своихъ товарищей изъ тюрьмы выпустили.[302] Въ 1717 году жители Москвы увидали, какую потерю они понесли смертію князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго: какъ только не стало страшнаго Пресбургскаго Короля, „обливавшагося кровію въ Преображенскомъ,“ такъ разбои усилились въ столицѣ.[303] Въ іюлѣ 1718 года фельдмаршалъ Шереметевъ писалъ изъ Москвы къ Макарову: „О здѣшнемъ Московскомъ поведеніи не могу ничего полезнаго доносить: Москва

такъ состоитъ какъ вертепъ разбойничь, все пусто, только воровъ множится, и безпрестанно казнятъ.“[304] При такомъ положеніи дѣлъ царь, разумѣется, долженъ былъ озаботиться лучшимъ устройствомъ полиціи. Въ Петербургѣ былъ назначенъ Генералъ-полицеймейстеръ, въ Москвѣ — Оберъ-Полиціймейстеръ; въ главныхъ городахъ жители избирали уличныхъ надзирателей, подъ начальствомъ которыхъ находились надсмотрщики за каждымъ десяткомъ домовъ; изъ всѣхъ городскихъ жителей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, была устроена стража для охраненія спокойствія и порядка въ городѣ. Въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ полиціею завѣдывали комменданты, магистраты и старосты, въ уѣздахъ губернаторы, воеводы, земскіе коммиссары. Полиція вела постоянную войну съ нищими число которыхъ не уменьшалось, несмотря на повторительные противъ нихъ указы.[305] Въ 1718 году въ Москвѣ было 90 богадѣленъ, мужскихъ и женскихъ, въ нихъ нищихъ на жалованьи было около 4,000, при чемъ число женщинъ сильно превышало число мужчинъ; жалованья на нихъ выходило въ годъ около 12,000 рублей; кромѣ того безъ жалованья прибылыхъ нищихъ было 207 человѣкъ.[306] Сперва богадѣльни находились въ вѣдомствѣ монастырскаго приказа; а потомъ съ 11 ноября 1717 года переведены въ вѣдомство патріаршаго дворцоваго приказа. Въ тотъ же самый день, 11 ноября выставлены были указы по всѣмъ воротамъ кремлевскимъ, китайскимъ и бѣлогородскимъ и во всѣхъ рядахъ, чтобъ нищіе не бродили и по улицамъ не лежали. Для поимки и приводу такихъ нищихъ посланы были патріаршаго дома дворяне и богадѣленные солдаты, по всѣмъ улицамъ, и ежедневно приводили нищихъ, которыхъ наказывали и подтверждали „жестокимъ истязаніямъ,“ чтобъ по міру отнюдь не ходили; слѣпые и безногіе отсылались въ богадѣльни, а здоровые на прежнія мѣста жительства. Но дворяне и солдаты, приводившіе нищихъ записывали извѣты, что у нихъ нищихъ по всѣмъ улицамъ отбиваютъ и ихъ самихъ бьютъ, а за Срѣтенскіе ворота къ Пушкарямъ и входить не смѣютъ. И этого мало; однажды

въ Евпловскую богадѣльню (на Мясницкой) вломились три человѣка пушкарей и увели семь человѣкъ приводныхъ нищихъ.[307] Кромѣ нищихъ, полиція должна была воевать съ съ кликушами. Въ маѣ 1715 года изданъ былъ указъ:„ Если явятся гдѣ мужескаго и женскаго пола кликуши, то ихъ забирать, приводить въ приказы и розыскивать, потому что кричала въ церкви плотничья жена Варвара Логинова и потомъ призналась, что кричала нарочно, чтобъ оговорить плотника Григорья, которому мстила за то, что онъ билъ деверя ея.[308] Полиція захватывала замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, замѣченныхъ въ безнравственномъ поведеніи и отсылала ихъ на прядильный дворъ.[309]

Въ ноябрѣ 1715 года государь указалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквахъ, у которыхъ пристойно, подлѣ ограды, построить *гошпиталіи*, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя, точно такъ же, какъ „благотщательное и душеспасительное осмотрѣніе учинилъ преосвященный Іовъ митрополитъ въ Великомъ Новгородѣ.“ Указалъ избирать искусныхъ женщинъ для сохраненія зазорныхъ младенцевъ, которыхъ матери, стыда ради, отметываютъ въ непристойныя мѣста, отчего эти младенцы безвременно помираютъ, а иные матерями умерщвляются, и потому объявить, чтобъ младенцевъ не отметывали, а приносилибъ къ тѣмъ гошпиталямъ и клали въ окно тайно. Гошпитали построить и содержать изъ губернскихъ доходовъ: приставленнымъ женщинамъ на годъ давать денегъ по три рубля, да хлѣба по полъосмины на мѣсяцъ, а младенцамъ на день по три деньги. Въ 1719 году въ Московской губерніи такихъ младенцевъ было собрано 90 человѣкъ, при нихъ кормилицъ находилось 45. Въ 1720 году младенцевъ было 125, кормилицъ 63.[310] Въ 1714 году велѣно было собирать вѣнечныя деньги (вѣнчальныя пошлины) на содержаніе лазаретовъ.[311] Полиція должна была наблюдать, чтобъ нарынкахъ не продавали испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ, чтобъ въ Петербургѣ торгующіе съѣстными припасами носили бѣлый мундиръ и наблюдали бы во всемъ чистоту, въ мундирѣ, запонахъ и покровахъ на товарѣ; чтобъ мѣра и вѣсы

были прямые, чтобъ цѣну съѣстнымъ припасамъ не въ указную пору не поднимали; чтобъ подозрительные дома, зернь, картежныя игры и „всѣ таковыя мерзости были испровергнуты.[312]“

Но, разумѣется, одною изъ главныхъ заботъ полиціи были предотвращеніе и потушеніе пожаровъ. Для ослабленія „Вулканусовой“ силы велѣно было въ городахъ и деревняхъ строить домы по предписанному плану, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, запрещено застраивать улицы лавками, для которыхъ велѣно отводить особыя просторныя мѣста.[313] Какъ „Вулканусъ“ продолжалъ свирѣпствовать въ Москвѣ, видно изъ описанія пожара 13 мая 1712 года: пожаръ начался за Пречистенскими воротами, въ приходѣ Пятницы Божедомскія; сгорѣло 9 монастырей, 86 церквей, 35 богадѣленъ, 32 государева двора, частныхъ дворовъ около 4,000; людей сгорѣло и отъ гранатнаго двора побито 136 человѣкъ.[314]

Представленная борьба правительства съ противуобщественными привычками и стремленіями людей изъ разныхъ слоевъ общества вскрываетъ намъ нѣкоторые стороны нравственнаго состоянія этого общества; но для большаго уясненія дѣла мы должны обратить вниманіе, по возможности, и на другія стороны, поближе познакомиться съ дѣйствующими лицами описываемаго времени, съ ихъ воззрѣніями, бытомъ и взаимными отношеніями. Начнемъ сверху, съ главнаго дѣятеля, великаго преобразователя государственнаго и общественнаго.

Мы видѣли, что въ семейныхъ отношеніяхъ Петра произошла важная перемѣна: онъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской. Неудивительно, что къ сороковымъ годамъ возраста у Петра явилась потребность въ семейной жизни; но при его дѣятельности и привычкахъ ему нужна была *подруга,* которая бы сообразовалась съ этою дѣятельностію и привычками, и такую именно подругу нашелъ онъ въ знаменитой Маріенбургской плѣнницѣ. Царь рѣдко оставался долго на одномъ мѣстѣ, онъ двигался безпрестанно, съ необыкновенною быстротою пробѣгая громадныя про-

странства; царица, неспособная по своей природѣ къ подобному движенію, при всемъ сочувствіи къ нему, при всей преданности къ мужу, могла быть только титулярною женою Петра; чтобъ быть дѣйствительною его женою, подругою въ полномъ смыслѣ, царица должна была быть способна къ такому движенію, должна была быть походною, офицерскою женою. Такова была именно Екатерина: ей ничего не стоило разъѣзжать за мужемъ по всей Россіи и за границу; ей ничего не стоило привыкнуть къ любимому мѣстопребыванію царя, къ *парадизу* на болотѣ, представлявшему всѣ неудобства только что начавшаго строиться города; привычка къ жизни самой простой, равнодушіе къ неудобствамъ, неизбѣжнымъ, особенно въ то время, при постоянной перемѣнѣ мѣстъ, всегдашнее спокойствіе и веселость, умѣнье не теряться въ затрудненіяхъ и опасностяхъ, умѣнье прилаживаться къ взглядамъ и привычкамъ мужа, и умѣнье при этомъ сохранять свою свободу и самостоятельность, быть другомъ, подругою, а не рабою,—эти свойства дѣлали Екатерину драгоцѣнною для Петра и заставили его рѣшиться связать съ нею на всегда свою участь. Мы видѣли, какъ печальныя предчувствія передъ Прутскимъ походомъ заставили Петра серіознѣе взглянуть на свои отношенія къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; самый Прутскій походъ окончательно очистилъ для Петра эти отношенія торжественностію страшнаго времени, пережитаго имъ вмѣстѣ съ Екатериною. 19 февраля 1712 года былъ сдержанъ *пароль*, данный въ 1711 году: бракъ царя съ Екатериною былъ заключенъ торжественно. Въ воспоминаніе страшнаго Прутскаго времени царица учредила отъ своего имени орденъ св. Екатерины или орденъ Освобожденія. Въ уставѣ ордена (24 ноября 1714 года) учредительница говоритъ: „Я возжелала утвердить вѣчную память сего знаменитаго *свобожденія* (при Прутѣ) и заблагоразсудила учредить орденъ кавалеріи. Помянутый орденъ называться будетъ *Орденъ свобожденія*“.

Петръ развелся съ первою женою, потому что вмѣсто отдыха, успокоенія и удовольствія встрѣчалъ въ семьѣ не-

удовольствія. Новая царица привязывала его къ себѣ и къ семьѣ именно тѣмъ, что при нихъ находилъ онъ себѣ отдыхъ, удовольствіе, могъ повеселиться, посмѣяться, отвести душу. Въ разлукѣ переписка мужа и жены отличается веселостію, шутливостію, но изъ-за шутокъ проглядываетъ сильная привязанность *старика къ Катеринушкѣ, другу сердешнинкому,* къ матери его любимаго *шишечки* (царевича Петра Петровича); такъ въ 1719 году Петръ писалъ Екатеринѣ изъ Ревеля: „Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно.“ Въ другомъ письмѣ: „Мы поминаемъ огородъ: чаю, теперь зѣло хорошо. Дай Богъ вамъ сіе время вмѣсто меня веселиться; а намъ Богъ хотя сіе время не велѣлъ, только чтобъ впредь ужь безъ отволочки быть.“ Или: „А что пишешь, что скучно гулять одной, хотя и хорошъ огородъ, вѣрю тому, ибо тѣжь вѣсти и за мною; только моли Бога, чтобъ ужь сіе лѣто было послѣднее въ разлученіи, а впредь бы быть вмѣстѣ.“ Петру становилось скучно въ *отволочкѣ* отъ семьи: не даромъ онъ называлъ себя старикомъ. Екатерина въ своихъ письмахъ шутливо отрицала эту старость и старалась показать, что живетъ съ *дорогимъ старикомъ* одною жизнію, одними интересами. Если Петръ поздравлялъ ее со днемъ Полтавской битвы, *Русскимъ нашимъ воскресеньемъ*; то она спѣшила предупредить его и поздравить „предбудущимъ днемъ Полтавской баталіи, т.-е. началомъ нашего спасенія, гдѣ довольно было вашего труда.“ Екатерина не забывала поздравлять Петра и съ починкою корабля, зная, что это одна изъ самыхъ пріятныхъ новостей для старика: „Поздравляю васъ, батюшка моего, сынкомъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодарить Бога, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя къ кампаніи, такъ готовъ. Какимъ образомъ оный сынокъ свобожденъ, о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ киля, и конечно отъ якоря.“ Мы привыкли видѣть въ Петрѣ великаго человѣка, иногда человѣка ужаснаго въ выраженіи

своихъ страстей, употребляющаго крутыя средства для достиженія своихъ цѣлей, человѣка съ привычками дурнаго воспитанія; въ перепискѣ его съ Екатериною мы видимъ въ немъ добраго, веселаго человѣка, и, разумѣется, онъ не могъ не быть благодаренъ женщинѣ, которая поддерживала въ немъ эту доброту и веселость. Были ей благодарны и другіе, которые обращались къ ней съ просьбами о своихъ нуждахъ, объ избавленіи отъ гнѣва царскаго; просьбы принимались привѣтливо, исполнялись: новая царица, видя еще непрочность своего положенія, хотѣла и умѣла пріобрѣсти расположеніе многихъ.

Къ тону, господствовавшему между мужемъ и женою старались поддѣлываться и окружающіе. Одною изъ самыхъ приближенныхъ къ семейству Петра женщинъ была княгиня Настасья Петровна Голицына, жена боярина князя Ивана Алексѣевича. Вотъ что писала она Петру изъ Ревеля 14 іюля 1714 года: „Всемилостивый государь дорогой мой батюшка! Желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ; и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволитъ опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ безотступно сижу, а Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ; царица государыня изволитъ говорить: тетушка, дремлешь? она говоритъ: нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу; а Марья по палатѣ съ постелею ходитъ и среди палаты стелетъ, а Матрена по палатямъ ходитъ и совсѣми бранится, а Крестьяновна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу“[316].

Княгиня Голицына въ этомъ письмѣ не упоминаетъ о карлицахъ, хотя въ то время эти несчастныя существа считались необходимою принадлежностію дворцовъ и знатныхъ домовъ. Мы упоминали о ссорѣ Нарышкина съ Мазепою по поводу бѣгства карлицы. Явленіе карлицы въ семействѣ могло считаться не бѣдствіемъ, а счастіемъ: въ сенатскихъ дѣлахъ находимъ бумагу о дарованіи отцу карлицы Устиньи Никитиной съ семействомъ свободы отъ помѣщика его:

счастливое семейство! Меншиковъ писалъ Яковлеву въ 1716 году: „Понеже у одной моей дочери карлица есть, а у другой нѣтъ, того ради просимъ васъ благовременно ея величеству государынѣ царицѣ доложить, дабы изъ карлицъ, которыя остались послѣ царицы Мароы Матвѣевны изволила опредѣлить мнѣ указомъ одну карлицу взять“[317]. Кромѣ карлицъ знатные люди увеселялись болтавнею попугаевъ, а иногда вмѣсто попугаевъ служили и люди; въ 1708 году Меншиковъ писалъ своей женѣ: „Послалъ я къ вамъ нынѣ въ презентъ двухъ шляхтянокъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселить нежели попугай“[318]. Любили и великановъ: король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I-й собиралъ ихъ отовсюду въ свое войско, просилъ и царя прислать ему великановъ изъ Россіи, царь посылалъ, но такъ какъ нельзя было Русскихъ людей оставлять навсегда на чужой сторонѣ, то великановъ перемѣняли, посылали новыхъ. Великаны находились и въ Русскомъ войскѣ: въ 1718 году велѣно было при Сенатской ротѣ быть двоимъ великанамъ[319]. Необходимою принадлежностію дворца и домовъ знатныхъ людей считались также шуты, люди, у которыхъ всегда были на готовѣ остроты и шуточки, чтобъ посмѣшить хозяина и компанію. У Петра въ описываемое время главнымъ шутомъ былъ иностранецъ Лакоста, по просьбѣ котораго былъ сосланъ въ Казань знаменитый въ послѣдствіи лѣкарь Лестокъ.

Чтобъ познакомиться поближе съ житьемъ-бытьемъ Преобразователя и окружающихъ его, людей болѣе всего тронутыхъ преобразованіемъ, перенесемся въ Петербургъ, этотъ *парадизъ*, гдѣ Петру спорѣе работалось и веселѣе пировалось, чѣмъ гдѣ-либо. Городъ отстраивался быстро, иностранцевъ уже поражалъ своею красотою Невскій проспектъ, длинная и широкая аллея, вымощенная камнемъ, съ рощицами и лужайками по сторонамъ: плѣнные Шведы проложили проспектъ, они же каждую субботу и чистили его. Прочныхъ построекъ было немного: адмиралтейство, царскій лѣтній дворецъ (у лѣтняго сада), биржа,

почтовый дворъ, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, домъ князя Меншикова на Васильевскомъ острову; большая часть частныхъ домовъ строились на скорую руку и представляли большія неудобства, особенно въ Петербургскомъ климатѣ: въ домахъ знатныхъ людей потолки протекали, и за большими обѣдами разгоряченные виномъ гости прохлаждались крупными дождевыми каплями, падавшими имъ на лице. Дождь часто мѣшалъ праздникамъ, которые Петръ любилъ задавать въ Лѣтнемъ саду: тутъ праздновалась коронація царя, „преславная викторія“, царскіе имянины. Праздникъ начинался въ пять часовъ послѣ обѣда; на обширномъ мѣстѣ подлѣ сада (Царицынъ лугъ) становились два гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій: самъ царь угощалъ ихъ, подносилъ въ деревянныхъ чашкахъ пиво и вино. Въ саду, у одного изъ фонтановъ, помѣщалась царица со всею фамиліею и дамами, которыя съ изумительною для иностранцевъ быстротою переняли европейское обращеніе. Дворъ царицы великолѣпіемъ не уступалъ дворамъ германскимъ, за то дворъ царя отличался простотою, состоялъ изъ однихъ денщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ большой милости у Петра, но подвигались впередъ не самые любимые, а самые способные, какъ Ягужинскій, Девьеръ. Угощеніе въ саду происходило по старому Русскому обычаю: пей непремѣнно — хочешь— не хочешь, и ворота на запоръ! Запахъ хлѣбнаго распространялся по всему саду, являлось человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ, которые несли большія чаши съ виномъ. За солдатами идутъ майоры гвардіи и угощаютъ: нельзя не выпить за здоровье *ихъ полковника*. Гости развеселялись; высшее духовенство, постоянно приглашаемое на праздники, веселилось больше другихъ. Между тѣмъ въ открытой галлереѣ, построенной на сѣверной сторонѣ сада, подлѣ Невы, начинались танцы, и продолжались до двѣнадцатаго часа ночи.

27 іюня, въ день „Преславной викторіи“ утромъ совершалось богослуженіе на большой площади передъ Троицкою церковью. Здѣсь ставилась большая палатка съ алта-

ремъ внутри; шагахъ въ пятидесяти отъ алтаря стоялъ Петръ, одѣтый точно такъ, какъ былъ во время баталіи, въ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ надѣта черная кожаная портупея; на ногахъ зеленые чулки и старые изношенные башмаки, въ правой рукѣ пика, подъ мышкою старая шляпа. Вечеромъ пиръ въ лѣтнемъ саду и старое любимое удовольствіе Петра — фейерверкъ. Самое сильное угощеніе бывало при спускахъ кораблей: при концѣ пира адмиралъ Апраксинъ заливается слезами — знакъ, что много выпито, Данилычъ падаетъ замертво, жена и свояченица хлопочутъ около него, оттираютъ спиртами, кто ссорится; кто клянется въ дружбѣ.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра въ *парадизѣ* лѣтомъ было катанье по Невѣ. Петербургскіе жители, для удобства сообщенія въ городѣ, строившемся по берегамъ большой рѣки, имѣли парусныя и гребныя суда, полученныя ими безденежно изъ казны. Когда въ опредѣленныхъ мѣстахъ города вывѣшивались флаги, то всѣ суда должны были собираться у крѣпости, кто не явится платитъ штрафъ. Царь съ царицею и со всѣмъ дворомъ участвовалъ въ этихъ прогулкахъ. По увѣренію очевидцевъ, Невская флотилія представляли прекрасный видъ; удовольствіе прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку.

Мы видѣли, какъ въ молодости Петръ праздновалъ свадьбу шута. Въ 1714 году Кокуйскій патріархъ, Никита Моисеевичъ Зотовъ, вздумалъ на старости лѣтъ жениться. Петръ сначала былъ противъ этого страннаго брака, но потомъ уступилъ желанію старика, и не упустилъ случая, чтобъ отпраздновать свадьбу всешутѣйшаго съ особеннымъ блескомъ и торжествомъ. Это торжество происходило въ началѣ 1715 года. Всѣ приглашенные должны были явиться кто въ Польскомъ, кто въ Испанскомъ, кто въ старонѣмецкомъ, кто въ Турецкомъ платьѣ. Составленъ былъ списокъ, кого приглашать на свадьбу, составленъ былъ такимъ образомъ: „Позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не то-

ропясь, того, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта." Или: „Того бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика приискивалъ да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество приготовляется; того человѣка, кто въ Алепѣ родился, того, кто кушать пріуготовить умѣетъ; того, кто не по силѣ борца сыскалъ" и т. п. Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унизить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи, игра, понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій, шутовской патріархъ вздумалъ жениться и свадьбу его отпраздновали *приличнымъ* его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ насмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ насмѣяться и надъ своею собственною царскою властію, потому что у него былъ и шутовской Пресбургскій король, впослѣдствіи кесарь; со смертію старика Зотова шутовское патріаршество упразднилось, но остался князь — папа въ соотвѣтствіе князю — кесарю.

Изъ Петровскихъ вельможъ стариннымъ Русскимъ гостепріимствомъ особенно отличался адмиралъ графъ Апраксинъ. Нигдѣ не пили такъ много, какъ у него; хозяинъ наблюдалъ зорко за гостями, и бѣда, если кто-нибудь изъ нихъ неисправно осушалъ бокалы; хозяинъ хмурился, вставалъ съ мѣста, подходилъ къ гостю, умолялъ выпить, и когда тотъ соглашался наконецъ исполнить просьбу, то адмиралъ испускалъ радостный крикъ. Совершенную противоположность адмиралу представлялъ канцлеръ графъ Головкинъ, страшный скряга и потому угощавшій сухо; въ пріемной комнатѣ у него главное украшеніе составлялъ длинный

парикъ, повѣшенный тамъ только для вида, потому что Головкинъ, по скупости, никогда не надѣвалъ его. Ни наружностію, ни характеромъ не былъ на него похожъ ближайшій товарищъ его и врагъ, вице-канцлеръ Шафировъ: Головкинъ былъ высокаго роста и очень худъ, Шафировъ маленькаго роста и едва двигавшійся отъ толщины; онъ жилъ великолѣпно и отличался необыкновенно пріятнымъ обращеніемъ.

Въ ноябрѣ 1718 года объявлено было, какимъ порядкомъ должны были собираться ассамблеи; въ этомъ объявленіи говорится, что ассамблея, или вольное собраніе, составляется не для одной только забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и обо всемъ переговорить, также слышать что̀ гдѣ дѣлается. Хозяинъ того дома, гдѣ должна быть ассамблея, долженъ повѣстить, что каждому вольно къ нему приходить, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Ассамблея ранѣе 5 или 4 часовъ не начинается, а далѣе 10 пополудни не продолжается. Хозяинъ не обязанъ гостей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчивать, даже можетъ и не быть дома; онъ обязанъ только очистить нѣсколько покоевъ, приготовить столы, свѣчи, игры на столахъ, питье для тѣхъ, кто попроситъ. Каждый можетъ пріѣхать и уѣхать когда угодно между назначенными часами. Всякій въ ассамблеѣ можетъ ходить, сидѣть, играть; вставанья, провожанья и другія церемоніи запрещаются подъ штрафомъ великаго орла (осушенія огромнаго кубка), только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно. Въ ассамблею могутъ ходить съ вышнихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатные купцы и начальные мастеровые люди; лакеямъ и служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ.[320]

Петръ женился на Екатеринѣ въ то время, когда прежнія отношенія его къ *компаніи* рушились: одни дряхлѣли, умирали, другихъ Петръ долженъ былъ удалить отъ себя, долженъ былъ охладѣть и къ самому Данилычу; около царя образовалась пустота: тѣмъ сильнѣе онъ долженъ былъ

привязаться къ Екатеринѣ. Петръ до конца сохранялъ привязанность къ человѣку, который сдѣлалъ для него много добра, хотя и говорили, что царь былъ ему обязанъ нѣкоторыми дурными своими привычками: то былъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ: въ 1713 году старикъ, страдавшій подагрою и хирагрою, потерявшій сына Алексѣя, былъ утѣшенъ царемъ: Петръ прислалъ ему собственной работы *возило* или кресла, на которыхъ больной могъ ѣздить [321]. Оканчивалъ свое поприще и знаменитый Мальтійскій кавалеръ, фельдмаршалъ Шереметевъ. Отношенія къ нему царя въ послѣднее время любопытны: старикъ продолжалъ служить, хотя жаловался, что съ нимъ обходятся не очень почтительно. Въ февралѣ 1716 года онъ писалъ Макарову: „За писаніе твое по премногу благодарствую, что содержишь меня въ любви своей, за что тебѣ государю моему Богъ мздовоздатель. Пожалуй, государь мой, увѣдоми меня, нѣтъ ли вящаго на меня гнѣву его величества, а я отъ печали своей уже одна нога моя въ гробу стоитъ и болѣзнь моя умножается, а паче же безпамятство великое пришло, и прошу васъ моего государя, научи меня по милости своей: велѣть ли мнѣ себя больнаго вывезть на встрѣчу или ожидать указу, а я признаваю со всего на себя вящаго гнѣва, ибо не имѣю ни единыя литеры къ себѣ отъ его величества и по чужимъ указамъ управляю, а не управлять не смѣю“ [322]. Послѣдняя жалоба на чужіе указы относилась къ тому, что фельдмаршалъ долженъ былъ двигать войска по письмамъ пословъ — Долгорукаго изъ Варшавы и молодаго Головкина изъ Берлина. Въ слѣдующемъ году старикъ просилъ государя отпустить его въ Москву для устройства своихъ дѣлъ. Отвѣта не было; Шереметевъ обратился къ Макарову: „Просилъ я его царскаго величества о милосердіи, чтобъ меня пожаловалъ, отпустилъ въ Москву и въ деревни мои для управленія, и чтобъ успѣлъ я отдѣлить невѣстку свою со внукомъ и прочими дѣтьми, ибо показываетъ мнѣ старость моя и слабость здоровья моего скоро отходить сего маловременнаго вѣку; о чемъ меня и внукъ мой зѣло проситъ, чтобъ я его при себѣ от-

дѣлилъ, также крайняя моя нужда: сколько лѣтъ незнаю, что въ домишкѣ моемъ, какъ поводится и въ деревняхъ? чтобъ я могъ осмотрѣть и управить: ежели еще Богъ продлитъ вѣку моего гдѣ жить до смерти моей и по мнѣ женѣ моей и дѣткамъ. А какъ я управлю домишко свой и отдѣлю внука, въ то время домишко мой гдѣ мнѣ жить и умирать въ царствующемъ градѣ Петерѣ, и какъ содержатъ Московскія деревни и дальнія; а зимою бы нынѣшнею и на весну водою приготовилъ бы припасами и основательно бъ все могъ управить, ежели бъ что отъ Бога не зашло. А ежели бъ мнѣ нынѣ прямо итить въ Питербурхъ, я не имѣю себѣ пристанища, хоромишки, которыя были мазанки, и о тѣхъ пишутъ ко мнѣ, что сѣли, жить въ нихъ ни коими мѣрами нельзя, запасовъ ничего не имѣю, также и фуражу ни на пять лошадей не обрѣтается. Покорно васъ, моего государя, прошу: подай мнѣ руку помощи, чтобъ по желанію моему его царское величество меня пожаловалъ"[323]. О томъ же писалъ онъ и къ Головкину[324]. Желаннаго отвѣта не было; Шереметевъ видѣлъ, что царь на него сердитъ; онъ уже имѣлъ съ нимъ словесное объясненіе въ Данцигѣ на счетъ своего поведенія въ Польшѣ; теперь счелъ за нужное объясниться письменно. Въ сентябрѣ 1717 года онъ написалъ Петру: „Понеже я при отшествіи отъ Гданска вашего величества призналъ на себя гнѣвъ вашего величества за Польскіе квартиры, гдѣ я стоялъ, и я о томъ при Гданску вашему величеству словесно доносилъ, только не могъ исправиться и въ тонкость вашему величеству донесть сколько получено; а въ Польшѣ я раціоны получалъ какъ вашего величества указъ состоитъ, а именно 200 раціоновъ, и сверхъ того для своего собственнаго пропитанія и всего дома своего на кухню и на всякія нужды, такъ и на денщиковъ, а которыхъ лошадей я по своему рангу въ указаное число не имѣлъ, собралъ чрезъ всю бытность въ Польшѣ съ квартиръ по доброй волѣ и согласно съ обывателями, а не иными какими своими нападками, 8600 курантъ талеровъ; да чрезъ всю же бытность мою въ Польшѣ изъ своей воли и не для того,

чтобъ я интересъ вашего величества ради своей пользы отпустилъ, подарили меня воевода Познаньскій цугомъ лошадей и коляскою, да братъ его великопольскій генералъ лошадью съ сѣдломъ, противъ чего и я ихъ по своей возможности дарилъ же, и тѣхъ ихъ подарковъ я отъ вашего величества не утаилъ и устно доносилъ и челобитчиковъ на меня нѣтъ и впредь быть не чаю. А нынѣ за такимъ вашего величества гнѣвомъ прихожу въ крайнее живота моего разрушеніе, и съ печали при самой смерти обрѣтаюсь; и того ради не инымъ какимъ образомъ предъ вашимъ царскимъ величествомъ оправдать себя въ томъ могу или извиненіе представить, токмо всепокорно прошу показать надо мною рабомъ своимъ свое милосердіе, и то мое предъ вашимъ величествомъ погрѣшеніе по сему моему нижайшему откровенію, яко самъ Богъ, всемилостивѣйше презрить, не дай мнѣ безвременно безъ покаянія съ печали умереть." Въ тоже время князь Василій Лукичъ Долгорукій написалъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: «Умилосердися, всемилостивая государыня царица, для самого Бога, надъ фельдмаршаломъ, въ чемъ онъ погрѣшилъ предъ его величествомъ, чтобъ не учинено ему было на такой старости какого афронту, за всѣ его службы показана была высокая вашего величества милость, хотя-бъ то на немъ было взято, что дерзостью своею получилъ. Истинно въ такой онъ десперации, жалко на него смотрѣть, а у насъ у всѣхъ по Бозѣ надежда на ваше величество"[325]. Афронту учинено не было, но царь велѣлъ фельдмаршалу ѣхать прямо въ Петербургъ, а не въ Москву.

Шереметевъ просилъ, чтобъ царь своимъ гнѣвомъ не ускорялъ его смерти; сенаторъ графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, братъ адмирала, въ февралѣ 1719 года пораженъ былъ параличемъ, узнавши о царской опалѣ. До насъ дошло любопытное письмо объ этомъ случаѣ къ Макарову отъ Меншикова, который былъ друженъ съ обоими Апраксиными: „Графъ Петръ Матвѣевичъ отъѣзжалъ отсюда для поста первой недѣли въ Нилову пустыню, и когда поѣхалъ оттуда въ Петербургъ, остановился въ ближнихъ своихъ де-

ревняхъ, въ которыхъ увидалъ, что его служители забраны всѣ въ канцелярію полковника князя Голицына, зѣло тяжкая приключилась болѣзнь, и зашибъ его параличь, и правая рука отнялась и говоритъ съ нуждою и ротъ кривитъ на сторону: того для при удобномъ времени ежели потребно донесите государынѣ царицѣ, а брату его Ѳедору Матвѣевичу не вскорѣ, но также при способномъ времени извольте объявить, дабы не вдругъ его сіятельство оскорбить, ибо ваша милость довольно извѣстны каковъ онъ къ нему горячь“[326].

Всѣ обращались въ своихъ бѣдахъ и нуждахъ къ царицѣ Екатеринѣ; обратился къ ней и графъ Матвѣевъ, хотя его просьба могла быть съ трудомъ исполнена: Матвѣевъ, жалуясь на свое разореніе, просилъ денегъ, а Петръ не любилъ давать денегъ на частныя нужды. По возвращеніи Матвѣева въ Россію царь поручилъ ему морскую Академію; Матвѣевъ по этому поводу писалъ ему въ февралѣ 1716 года: „По указу вашего величества повелѣнное мнѣ дѣло и попеченіе о Академіи съ радостною душою я принялъ, вѣдая, что то къ угодности вашей есть. Токмо недостатокъ мой послѣдній къ исправленію двороваго строенія и къ покупкѣ двора отнюдь не допуститъ меня. Вся моя безродная фамилія по Бозѣ вручена вашему величеству, и никакого въ томъ своемъ безродствѣ себѣ покровителя, ни помощника кромѣ васъ и супруги вашей, всемилосердой государыни нашей царицы и матери отнюдь не имѣю.“ Жена Матвѣева, какъ опытная въ заграничныхъ поведеніяхъ дама, была назначена гофмейстериною ко двору герцогини Курляндской Анны Іоанновны; новыя издержки,—и Матвѣевъ обращается къ Макарову; пишетъ, что заложилъ свою подмосковную въ 1000 рубляхъ, что отъ Академіи ему жалованья нейдетъ, что домъ купилъ въ Петербургѣ въ долгъ; что у жены ни серегъ въ ушахъ нѣтъ, все въ Голландіи и въ Вѣнѣ осталось въ закладѣ, ее въ Курляндіи содержать не чѣмъ, и самому въ Петербургѣ придется въ нищетѣ и съ голоду таять; принуждаютъ на Васильевскомъ острову строить каменный домъ, но ему не только

каменнаго, и деревяннаго дома построить не начто. Для переѣздовъ назначена шлюбка, а въ гребцахъ отказано, и при такомъ лишеніи принужденъ онъ больше сидѣть дома. Графинѣ Матвѣевой назначили для поѣздки въ Курляндію 1000 рублей; но этого оказалось мало. Графинѣ Матвѣевой почему-то очень не понравилось въ Курляндіи, и графъ обратился къ вице-канцлеру Шафирову съ просьбою нельзя ли отозвать жену оттуда. „Воистину безъ всякихъ хитрословныхъ и политическихъ притворовъ объявляю вамъ, что я уже изъ послѣдняго моего отчаянія во всепагубномъ нахожу себя быть паденіи. Если возможно вашему превосходительству, вмѣстѣ съ общимъ нашимъ милостивымъ пріятелемъ, А. В. Макаровымъ, послѣднюю со мною сотворить милость, чтобы и фамиліи моей свободной отъ того дѣла быть? ибо я усматриваю тамошніе порядки изъ всегдашнихъ слезныхъ писемъ жены моей и хочу избѣжать на будущее время всякихъ неугодностей и злополучій; а если этого сдѣлать нельзя, то чтобы фамилія моя въ нуждахъ ея тамошнихъ, при такомъ ея сокрушеніи, не была оставлена“ [327]. Тогда же Матвѣевъ обратился къ Екатеринѣ, писалъ, что по смерти царицы Натальи Кириловны, оказывавшей горькому сиротству его высокія материнскія милости, у него не остается другаго покрова и прибѣжища, кромѣ царицы Екатерины Алексѣевны, всемилосердой матери и заступницы о всѣхъ сирыхъ, проситъ сотворить ему милость, припомнивъ разореніе, ссылку, смерть отца его и его собственныя многолѣтнія вѣрныя службы; милость должна была состоять въ томъ, чтобъ былъ взысканъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ, потому что онъ съ женою раздѣлился на двѣ службы денежнаго дохода со всѣхъ деревень своихъ имѣетъ только 300 рублей на годъ, впалъ въ неоплатные долги: „Къ тому же съ горькослезною моею фамиліею упадши къ ногамъ вашего величества, съ рыданіемъ плачевнымъ всенижайше прошу о свободѣ жены моей отъ нынѣшняго несноснаго ей дѣла и по всему тамъ неугоднаго, чтобъ ей при ея всегдашней болѣзни отъ тѣхъ повсевременныхъ печалей безвременно не умереть и быть

хотя послѣднею служительницею при вашемъ величествѣ, ежели то угодно, или ко мнѣ ее отпустить, только бы тамъ не быть, чего она отнюдь снесть больше не можетъ" [328].

Матвѣеву отозвали изъ Курляндіи въ 1718 году; но въ 1719 новыя просьбы со стороны ея мужа; въ это время онъ представилъ меморіалъ: „Сначала, когда я отправленъ былъ къ чужимъ дворамъ, жалованье мнѣ посылалось самое малое, а именно пять лѣтъ давали по 4000 рублей, къ которымъ принужденъ былъ прибавлять своихъ денегъ для имени и чести его величества. Въ продолженіе 17 лѣтъ (кромѣ Полтавской викторіи) всѣ торжества и тезоименитства его царскаго величества и прочіе разные расходы для дѣлъ государственныхъ исправлялъ на свои деньги. Къ тому же случилось несчастіе: когда изъ Парижа ѣхалъ въ Голландію, тогда разбило на морѣ погодою судно, гдѣ лучшій весь скарбъ и посуда серебряная вся пропала, и, пріѣхавъ въ Голландію, принужденъ былъ по чину своему все новое покупать и заводить. И отъ тѣхъ причинъ впалъ въ великіе долги, а деревни за мною самыя малыя и разоренныя. Безвинно у отца моего взято въ казну денегъ и пожитковъ продано на 85,232 рубля; отцу моему, какъ онъ изъ ссылки возвратился, сверхъ старыхъ деревень дано село Ландехъ съ 700 дворовъ, которое въ смутное время князь Иванъ Хованскій роздалъ разночинцамъ всякимъ; они и теперь безъ жалованныхъ грамотъ владѣютъ имъ, а вмѣсто того села мнѣ ничего не дано." Матвѣевъ занялъ у Меншикова 9000 рублей, отдавши въ закладъ алмазныя и серебрянныя вещи, съ обязательствомъ платить по шести процентовъ, и „сія облигація была ему зѣло несносная."— „По безприкладной милости" Макарова, Матвѣевъ получилъ близь Петербурга приморское мѣсто для сѣна и дровъ [329].

Матвѣевъ просилъ денежной помощи, выставляя на видъ многолѣтнюю разорительную службу. Съ такою же просьбою обращался къ Екатеринѣ и Макарову человѣкъ, относительно Матвѣева, еще молодой, Артемій Петровичъ Волынскій. Способности Волынскаго особенно обнаружились

въ трудныхъ обстоятельствахъ Прутскихъ и были выставлены передъ царемъ Шафировымъ, при которомъ онъ тогда находился. Въ 1719 году Волынскій пожалованъ въ полковники и сдѣланъ Астраханскимъ губернаторомъ. Въ томъ же году онъ писалъ Макарову: „Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости пріемлю смѣлость чрезъ сіе нижайше просить, припоминая ваше милостивое обѣщаніе, дабы изволили милостиво внушать о моемъ разореніи и убыткахъ всемилостивѣйшему государю и государынѣ царицѣ; а нынѣ поистинѣ пропадаю съ десператіи и паки прошу меня не оставить, понеже извѣстна вамъ моя одинокость и пустота. Отъ горести моей не радъ что и живъ, ибо себѣ ни что иное получилъ, токмо что отъ многихъ вижу злую ненависть и лаю (брань) кромѣ всякой моей вины“[330]. Въ послѣдствіи окажется, кромѣ ли всякой вины Волынскій видѣлъ отъ многихъ ненависть и лаю.

Съ жалобою на свое разореніе и съ просьбою о помощи обратился къ царю и иноземецъ Остерманъ, выставляя свои заслуги и усердіе. „Всекрайняя нужда, писалъ онъ, принуждаетъ меня вашему царскому величеству всеподданѣйше представить, что я вашему величеству съ 1703 года служить честь имѣю и могу смѣло о себѣ объявить, что я никому изъ природныхъ вашихъ подданныхъ въ вѣрности и усердіи къ службѣ вашей не уступаю. По возвращеніи моемъ отъ Прута отецъ мой покойный усильно требовалъ, чтобъ я, для услуженія ему въ старости его, въ отечество возвратился. По сему отца моего повелѣнію я неоднократно объ отпускѣ моемъ всеподданнѣйше просилъ, какъ у вашего величества самого, такъ и у представленныхъ мнѣ начальниковъ, но ваше величество сами такими милостивыми обнадеживаніями продолженіе малой моей службы требовать изволили, что я, несмотря ни на что, со всякою охотою и радостію остался, толь наипаче, понеже всегда натуральную склонность и любовь къ службѣ вашей имѣлъ и имѣю. Но по смерти отца моего я принужденъ былъ сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе повторить, понеже я, яко христіанинъ, о себѣ попеченіе имѣть долженъ былъ, а

здѣсь надежное основаніе будущей моей жизни не имѣлъ, и однимъ жалованьемъ честно пропитаться не могъ, ибо я за готовыя деньги жить принужденъ, а дороговизна въ С.-Петербургѣ извѣстна. Я тысячекратно, письменно и словесно, бѣдное мое состояніе представилъ и со многими горькими слезами начальниковъ моихъ просилъ, дабы для самого Бога милосердіе надо мною показали, и ежели малая моя служба угодна, мнѣ токмо честное пропитаніе исходатайствовали, ибо больше того я никогда не желалъ. Оные мои начальники меня изъ году въ годъ, отъ времени до времени высокимъ вашего величества именемъ обнадеживали, что ваше величество не токмо меня довольнымъ жалованьемъ, но и деревнями для лучшаго моего пропитанія пожаловать изволите. Въ той надеждѣ я чрезъ многіе годы нынѣ обрѣтаюся, отечество и многіе случаи къ утвержденію тамо фортуны моей и разныя мнѣ тамо представленныя полезныя супружества презрилъ, и не токмо изъ отцовскаго малаго моего имѣнія все то, чѣмъ я располагать могъ, истратилъ, но уже давно въ великіе долги впалъ. Нынѣ я вашему величеству вовсе себя отдалъ и со всемилостивѣйшаго соизволенія вашего женился, и отъ того, по обыкновеннымъ при такихъ случаяхъ расходамъ, понеже я ни копѣйки денегъ за женою не взялъ, не токмо долговъ моихъ умножилось, но и я, какъ истиннымъ и всевѣдущимъ Богомъ клянуся, насущнаго хлѣба не имѣю, но, занимаючи, изо дня въ день печальную жизнь мою пробавляю. Посему принужденъ я къ вашему величеству самому свое прибѣжище имѣть и о высокомъ вашемъ милосердіи со слезами всеподданнѣйше просить. Иноземцы, которые недавно въ службу вашего величества пришли и со мною въ одномъ степени обрѣтаются, получаютъ жалованье втрое противъ моего, а которые еще степенемъ ниже, и тѣ противъ моего получаютъ вдвое, кромѣ другихъ припадковъ (доходовъ) и отъ вашего величества имъ пожалованныхъ маетностей, а я оныхъ всѣхъ службою, вѣрностію и усердіемъ къ службѣ вашей далеко превзошелъ. Я о богатствѣ не прошу, и оное не ищу, ибо всѣ, которые меня знаютъ, вѣ-

даютъ, что сердце мое къ богатству не привязано; но я прошу токмо о хлѣбѣ, и чтобъ я себя и бѣдную мою фамилію честно пропитать могъ. А я обѣщаюсь вашему величеству вѣрно и отъ всего моего сердца служить, и, гдѣ потребно, за интересы ваши животъ мой всегда съ радостію положить“ [331].

Петръ имѣлъ право быть не очень чувствительнымъ къ такимъ просьбамъ, откладывать „изъ году въ годъ“ ихъ исполненіе, потому что въ отношеніи къ самому себѣ соблюдалъ строгую бережливость, уменьшая расходы двора до крайнихъ предѣловъ. Онъ служилъ, проходилъ разные чины какъ сухопутные такъ и морскіе, и получалъ слѣдующіе по нимъ оклады. Любопытно посмотрѣть, на что онъ тратилъ свое жалованье; до насъ дошла приходо-расходная его вѣдомость съ 1705 по 1716 годъ: „Въ 705 году, прежнихъ, которыя привезены изъ Воронежа къ Москвѣ за корабельную работу, окладъ 366 рублевъ. На Москвѣ принято у Гр. Писарева третнаго жалованья, капитанская дача 44 рубли. У него же принято, будучи въ Кіевѣ, на 706 годъ 156 рублевъ. Въ 707 году въ Гроднѣ полковничья оклада 460 рублевъ; въ 710 году жалованныхъ отъ полку Преображенскаго полковничьихъ 1572, и того въ приходѣ 2598. И того написано въ расходѣ: въ 707 году отдано въ Вильнѣ въ Духовъ монастырь на церковное строеніе и на милостыню 150 рублевъ. За матеріи, купленныя въ Вильнѣ 39 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги. Анисьѣ Кириловнѣ на штофъ 26 рублевъ; князю Юрью Шаховскому на штофъ 41 рубль 23 алтына 2 деньги; адъютанту Бартеневу для нужнѣйшей посылки 50 рублевъ; Прокофью Мурзину какъ онъ былъ боленъ 20 рублевъ; въ Вильнѣ въ богадѣльню нищимъ 11 рублевъ; Авраму арапу да Якиму карлѣ на платье 87 рублевъ 13 алтынъ 2 деньги, Ульяну Синявину на строеніе шпиталя и на раздачу неимущимъ 600 рублевъ“ [332].

Знаменитый Никита Моисеевичъ Зотовъ умеръ; не задолго передъ смертію онъ вздумалъ жениться на вдовѣ Стремоуховой. Тотчасъ по смерти старика между его сыновьями и мачихою началась тяжба. Самый живой

изъ братьевъ, уже извѣстный намъ Кононъ Никитичъ Зотовъ писалъ весною 1719 года два письма, одно къ царю, другое къ Макарову, любопытныя по отношенію къ лицу и къ нравамъ эпохи; къ Макарову онъ писалъ, возвращаясь изъ-за границы:“ Вящая моя печаль, что я знаю, съ чѣмъ ѣду, а къ чему ѣду, того не знаю, т.-е. нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни дому ни покрова. Хоть братья меня по своей милости и не оставятъ, только сердцу моему несносно быть у нихъ въ милостыни! мнѣ уже безъ года 30 лѣтъ, какъ еще 10 лѣтъ, то пора будетъ идти въ попы. Нынѣ я безсчастнѣе всякой твари, ибо птицы гнѣздо имутъ и лисы язвины имутъ, а я бѣдный не имѣю гдѣ головы моей приклонить, развѣ веселиться Невою рѣкою и пѣть пѣсню: „если кто хочетъ жити безъ кручины, тотъ бы ѣхалъ къ намъ на матушку на Неву рѣку“. Если къ слову, прошу донести о моей бѣдности гдѣ надлежитъ: истинно никакая милость меня не избалуетъ; а на шальныхъ топоръ и висѣлица еще есть!“ Къ Петру Зотовъ писалъ по дѣлу съ мачихою: „Отъ краткости времени и отъ превеликой моей печали о смерти отца моего, также и отъ чрезвычайной моей прискорбности, наносимой отъ госпожи Анны Еремеевны Пашковыхъ по отцѣ, предъ тѣмъ бывшей за капитаномъ поручикомъ Стремоуховымъ, а въ послѣднихъ изволившей быть за отцемъ моимъ, обрѣтающимся въ младенческомъ состояніи, — не могу иную челобитную принесть, только предисловіе къ читателю, которое я учинилъ для книги о морскихъ экзерцыціяхъ. Умилосердись, царь государь, и помилуй отъ обиды наглой, безбогобоязливой и безстыдной: наглая обида для того, что ея (мачихи) не зналъ, ни въ чемъ ни озлоблена была отъ меня также и отъ братьевъ моихъ: безбогобоязливая для того, что за такого шла въ противность Богу, а безстыдная, что вѣдала, что вашему величеству и всемъ тебѣ подражающимъ весьма было противно такого старика уморить плотскою похотію. Ученѣйшіе меня *легистаторы* во Франціи положили, что человѣкъ, который перешелъ за 70 лѣтъ, не можетъ ничѣмъ и ни въ чемъ опредѣлять, и тако женитьба въ лѣтахъ отца нашего

весьма не почитается женитьбою что надлежитъ до наслѣдства. Дай Боже, чтобы сенатъ всѣ сіи права зналъ. Не отъ помраченнаго ли ума сіе происходитъ и не во тьмѣ ли ходятъ нѣкоторые сенаторы, что вершатъ дѣло наше противъ намѣренія вашего величества, оставя уже духовную отца нашего? Намѣреніе вашего величества есть такое, чтобъ фамиліи всегда были въ неущербаемомъ состояніи, а они ущербаютъ нашу фамилію отдачею въ чужой родъ мачихѣ нашей четвертой части изъ движимаго и недвижимаго; какъ же еще къ тому, если изъ насъ трехъ братовъ (на прикладъ всѣ женаты) два умрутъ бездѣтны, то еще женамъ вдовамъ надобно также отдать по четвертой части, и такъ третій братъ останется при одной четверти имѣнія отца своего" [333]!

Относительно нравовъ эпохи, когда люди высшаго сословія принимали новые обычаи, но внутренно были очень близки къ домостроевскимъ временамъ, замѣчательно дѣло извѣстнаго намъ князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго съ зятемъ своимъ кравчимъ Салтыковымъ, дѣло, очень долго тянувшееся. Въ февралѣ 1721 года князь Долгорукій билъ челомъ, что зять его кравчій Салтыковъ жену свою, а его дочь имѣлъ въ любви не малое время, а потомъ обратился немилостію, по наговору людей своихъ безвинно билъ мучительски и голодомъ морилъ и хотѣлъ въ Митавѣ убить до смерти, и, что было ея, все ограбилъ, и, видя свое послѣднее житіе, принуждена съ дороги отъ Риги къ нему отцу въ Варшаву уходить. Салтыковъ отвѣчалъ: безвинно не бивалъ, а когда какую противность и непослушаніе мнѣ учинитъ, тогда ее своеручно бивалъ; къ милости она меня не привращала, всегда меня не слушала и невѣжничала многими досадными словами" [334].

Если старина такъ сильно сохранялась между людьми, стоявшими на верху, прежде всѣхъ тронутыми преобразованіемъ, то понятно, что еще сильнѣе сохранялась она вдали отъ двора. Мы не разъ встрѣчались съ крестьяниномъ Посошковымъ, видѣли, какъ чуть-чуть не попался онъ въ большую бѣду за связь съ людьми, которые рѣшились указать

молодому Петру черную сторону его правленія; потомъ видѣли его имя, соединенное съ именемъ прибыльщика Курбатова, въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Посошковъ, живой, талантливый, умный русскій человѣкъ ясно понималъ необходимость для Россіи выйдти изъ прежняго положенія, сочувствовалъ преобразователю, его благонамѣренности, но вмѣстѣ сильно тяготился тѣмъ, что преобразованіе идетъ не такъ скоро, что мѣры Петра встрѣчаютъ повсюду страшныя препятствія, и выставилъ всѣ эти препятствія въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: „О скудости и богатствѣ“. Нетерпѣливый Посошковъ предлагалъ самыя крутыя мѣры для истребленія застарѣлаго зла: „Если для установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ — быть уже такъ. Безъ такого страха не думаю я, чтобы можно было тотъ злой корень истребить: если какая-нибудь земля сильно задернѣетъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого тернія огнемъ не выжгутъ; такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надобно и истреблять. Не только у иноземцевъ-христіанъ, но и у бусурмановъ судъ чинятъ праведный; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годится, какіе указы ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И пока прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и все совершенно не укоренится, никакими мѣрами богатымъ намъ быть, какъ въ другихъ земляхъ, нельзя, также и славы доброй намъ не нажить, потому что всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, отъ неразсмотрительнаго правленія и отъ разбоевъ; крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды. Древнихъ уставовъ не измѣня, никакъ правосудія насадить и утвердить нельзя. Неправда вкоренилась и застарѣла въ правителяхъ, отъ мала до велика всѣ стали быть поползновенны — одни для взятокъ, другіе боясь сильныхъ лицъ. Оттого всякія дѣла государевы не споры, сыски неправы, указы недѣйствительны. Всѣ правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ норовятъ, власть имѣютъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а

нарочитымъ дворянамъ не смѣютъ и слова противнаго сказать. Сколько послано указовъ во всѣ города о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; если какого дворянина и именно указано выслать, то и того нескоро высылаютъ, но, по старому уложенью, дожидаются третьяго указа, и если ничемъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И при такомъ презрѣніи царскихъ указовъ иные дворяне уже состарѣлись, живя въ деревняхъ, а на службѣ и одною ногою не бывали. Въ уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидаться, и этимъ сдѣлана потачка плутамъ и царскаго величества презирателямъ. Какъ этимъ указомъ избалованы дворяне, вотъ примѣръ: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макѣевъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой ни одною ногою не бывалъ, и какія посылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: однихъ дарами угобзитъ, или притворится тяжко больнымъ, или возложитъ на себя юродство. За такимъ его пронырствомъ иные его и съ дороги отпускали, и когда изъ глазъ у посыльщиковъ выйдетъ, то юродство свое отложитъ, и, домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И хотя никакой службы великому государю не показалъ, а сосѣди всѣ его боятся. Въ Алексинскомъ уѣздѣ я видѣлъ дворянина Ивана Золотарева: сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козла. Въ Крымскій походъ вмѣсто себя послалъ убогаго дворянина; далъ ему лошадь и человѣка своего, и тотъ его именемъ былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ и сосѣдей своихъ разорялъ. И не только городовые дворяне, но и тѣ, которые въ Москвѣ служатъ и называются царедворцами, великому государю лгутъ: когда бываетъ имъ нарядъ на службу, то одни напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, возметъ указъ, заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудетъ военную пору; другіе напишутся въ выимщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, или къ другимъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, такъ и проживутъ военную пору. Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудится, да ни въ чемъ не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не-

много: онъ на гору хотя и самъ-десятъ тянетъ, да подъ гору милліонъ тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ? Сколько новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древняя неправда одолѣваетъ. И отъ того дѣло идетъ по-старому: кто кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ. На что бодрѣе и разумнѣе князя Дмитрія Михайловича Голицына? Въ 1719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокурный и водку взять на подрядъ: и невѣдомо за что велѣлъ меня за караулъ посадить; и сидѣлъ я цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно, что долго сижу, а за что сижу, не знаю; велѣлъ я урядннку доложить о себѣ, и князь Дмитрій Михайловичъ спросилъ: давно-ль онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ, уже цѣлую недѣлю сидитъ; и тотчасъ велѣлъ меня выпустить. А я, кажется, и не послѣдній человѣкъ, и князь меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Что же если какого-нибудь мизернаго посадятъ, да и забудутъ. Въ Нѣмецкихъ земляхъ очень людей берегутъ, особенно купецкихъ людей, оттого у нихъ купецкіе люди и богаты очень. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ. Что это у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ [335]?“

Богатые землевладѣльцы по-прежнему продолжали принимать бѣглыхъ крестьянъ отъ бѣдныхъ, которые, по словамъ Посошкова, если и найдутъ своихъ крестьянъ, то развѣ изъ подъ рукъ на нихъ посмотрятъ, а взять и помыслить нельзя; и воеводы въ такія вотчины посыльщиковъ посылать не смѣютъ. По-прежнему землевладѣльцы вели другъ съ другомъ войны при размежеваніи; но теперь, при расширеніи горизонта Русскаго человѣка, когда стали разумно глядѣть на явленія, доискиваясь ихъ причинъ и стараясь найти средства къ отстраненію явленій вредныхъ, — теперь явилась мысль о генеральномъ межеваніи: 18 марта 1719 года Василій Татищевъ подалъ предложеніе о генеральномъ размежеваніи „чтобъ не было между шляхетствомъ междоусобія.“ По словамъ Татищева, у Петра было намѣреніе

„для уравненія даней, сложивъ съ народа часть податей, расположить оную на земли, и сіе въ семъ же году въ заготовленномъ указѣ о межеваніи было уже и опредѣлено, однакожъ за неоканчаніемъ помянутаго межеваго наказа не вышло“[336].

По-прежнему, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ больше позволяли себѣ сильные люди. Въ февралѣ 1721 года Кудрявцевъ писалъ царю изъ Казани: „Прошу милосердія на сумазброднаго стараго Молоствова: ѣздилъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая Татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ вашего царскаго величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду и волю имѣетъ казнить и вѣшать какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ можетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все разорилось, разказываетъ, какъ древнія государства разорялись и пропали, и наше также разорилось и пропадаетъ. Также сказываетъ имъ, что ваше царское величество не указалъ нынѣ корабельнаго лѣса готовить и велѣлъ всѣмъ повольно дубъ рубить, и я работою корабельныхъ лѣсовъ будто мучу напрасно людей. Стакался съ Гаврилою Норовымъ, велитъ имъ дубовые лѣса всякому на свои нужды рубить, и письма давалъ, чтобъ рубили. Во свитѣтельство правды словъ своихъ говорилъ, что въ 1717 году многихъ людей перевѣшалъ, за что похвалу себѣ принялъ, и обѣщался Татарамъ, что до смерти своей будетъ имъ помощникомъ и предводителемъ всякому дѣлу; что хотѣлъ было постричься, но теперъ для нихъ до смерти не пострижется, и нынѣ имъ же, Татарамъ, сказалъ, что поѣдетъ въ С.-Петербургъ и привезетъ указъ, что меня передъ ними Татарами казнить[337].“

По примѣру царя и членовъ царскаго дома, русскіе дворяне въ описываемое время начали ѣздить за границу лѣчиться. Царь, разумѣется, не отказывалъ въ позволеніи желающимъ; но были другія препятствія. Въ этомъ отношеніи любопытна исторія того же семейства Зотовыхъ. Мы знакомы съ двоими сыновьями Никиты Моисеевича — Васильемъ и Кононом; но былъ еще третій братъ, Иванъ, кото-

рому отецъ не позволялъ служить, а употреблялъ для управленія имѣніемъ. Иванъ заболѣлъ и писалъ Макарову: „Извѣстно вамъ, что братъ мой Кононъ также чрезъ великую силу вашимъ предстательствомъ избылъ изъ дворничества въ службу государеву; я нынѣ бѣдный закоснѣлъ и въ скорби упалъ по волѣ отцовой, понеже держалъ меня для деревень подъ клятвою и ни въ какую службу не выпускалъ; а нынѣ какъ увидалъ, что я весьма боленъ, по желанію нѣкоторыхъ, считалъ меня въ расходѣ десять лѣтъ, отъ чего я едва не умеръ, однако отчетъ далъ; а потомъ и кормить, какъ сына надлежитъ, не соизволяетъ, а своимъ мнѣ прожить нечѣмъ." Иванъ просилъ позволенія ѣхать лѣчится за границу и поэтому поводу писалъ самому царю: „Премилосердымъ вашего величества природнымъ человѣколюбіемъ призирая на мою погибель, повелѣно мнѣ для исцѣленія тайной моей конечной скорби, чтобъ здѣсь не исчезнуть, ѣхать въ теплицы Французскія, о чемъ указъ изъ кабинета вашего величества и пашпортъ изъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ ко мнѣ былъ отправленъ; и тотъ указъ я получилъ, а пашпортъ и понынѣ удержанъ у господина моего отца, который за жалостію разлученія и для строенія дому и понынѣ меня не отпускаетъ, не разсуждая того, что я въ такой моей злой болѣзни безвременно погибну, и пока живъ, не токмо вашему величеству въ службу, ниже кому-либо годенъ быть могу. Слезно молю человѣколюбивыя ваши щедроты: повели мнѣ всемилосердымъ вашимъ собственнымъ указомъ ѣхать къ Архангельскому городу, и оттоль чрезъ Амстердамъ въ теплицы, гдѣ свободясь отъ скорби, возмогъ бы вамъ, государю служить подобно какъ и братъ мой, Кононъ, который, еслибъ не вашею взятъ былъ монаршею рукою, и понынѣ закоснѣлъ бы въ крестьянскихъ судейкахъ, какъ и я пребываю по се время [338]."

Нѣкоторые ѣхали за границу лѣчиться; другіе, волею-неволею, ѣхали туда же учиться; здѣсь, на западѣ Европы, вырвавшись на свободу, Русскіе молодые дворяне иногда позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Въ августѣ 1717 года

Кононъ Зотовъ писалъ царю: „Господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги." Въ сентябрѣ новое письмо: „Гардемаринъ Глѣбовъ пokололъ шпагою гардемарина Борятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (Французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицемъ къ лицу. Они же нынѣ всѣ по міру скитаются" [339].

Лѣнь, стремленіе отбывать отъ дѣятельности, слѣдствіе многовѣковаго застоя въ народной жизни, замѣчались повсюду, во всѣхъ сословіяхъ и вызывали насильственныя мѣры Преобразователя, безцеремонно будившаго Русскаго человѣка, безцеремонно гнавшаго его на работу. „Иные и посадскіе люди, говоритъ Посошковъ, такіе есть лежебоки, что живутъ своими домами, но, не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ, а иные, сковавшись, ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и, набравъ милостыню, дома лежа, ѣдятъ. А иные сами и промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыню просить. Нынѣ истинно стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ пройти невозможно." И это послѣ повторительныхъ строгихъ указовъ противъ нищенства! И на поведеніе Русскихъ ремесленныхъ учениковъ за границею слышались жалобы; царскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳедоръ Веселовскій писалъ въ сентябрѣ 1718 года: „ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины, также просятъ великаго себѣ жалованья и больше того, какъ прежнимъ ихъ товарищамъ опредѣлено, а именно по два ефимка Англійскихъ на четверть года (на праздничную забаву, ибо мастера обязаны были одѣвать ихъ и кормить пять лѣтъ). И хотя я ихъ добромъ и угрозами

уговаривалъ, чтобъ они воли вашего величества послушны были, однакожь они въ противности пребываютъ, надѣясь на то, что я ихъ наказать не могу безъ воли вашего величества, и что, по обычаю здѣшняго государства, наказывать иначе нельзя какъ по суду“[340].

Будучи самъ изъ крестьянъ, Посошковъ хорошо зналъ ихъ бытъ; и между ними онъ находилъ тотъ же главный порокъ: крестьянское житье скудно, по его словамъ, не отъ иного чего, какъ отъ собственной ихъ лѣни, и потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія и небреженія. Больше всего крестьяне терпятъ отъ пожаровъ, вслѣдствіе тѣсноты жилищъ, и отъ разбойниковъ, вслѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу: въ иной деревнѣ десятка два или три или и гораздо больше дворовъ, а разбойниковъ придетъ и небольшое число къ крестьянину, станутъ его мучить, огнемъ жечь, пожитки его на возы класть, сосѣди всѣ слышатъ и видятъ, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ. „Еще, говоритъ Посошковъ, не малая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Въ иной деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка нѣтъ ни одного, и отъ того случается, что если пріѣдетъ кто-нибудь съ указомъ, или и безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то ему вѣрятъ и принимаютъ на себя излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. Многіе пріѣзжаютъ и безъ указу и пакости имъ чинятъ великіе, а они оспорить не могутъ, и въ поборахъ много съ нихъ лишнихъ денегъ берутъ. Для охраненія отъ такихъ напрасныхъ убытковъ не худо бы крестьянъ и *поневолить*, чтобъ дѣтей своихъ отдавали дьячкамъ учиться грамотѣ, читать и писать. Не худо указъ послать и въ Низовые города, чтобъ у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ отдавать учить, хотя бы и насильно. А когда научатся, то и самимъ слюбится, потому что къ нимъ чаще чѣмъ въ Русскія деревни пріѣзжаютъ солдаты, приставы, подъячіе, иногда съ указомъ, иногда безъ указу, и дѣлаютъ что̀ хо-

тятъ, потому что Мордва люди безграмотные. Не очень справедливо и то, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ ни одного дня на себя что̀ сработать. Многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его какъ овцу до гола. Говоря такъ, царство пустошатъ, такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ такой нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ, иные въ понизовыя мѣста, другіе въ украинскія, нѣкоторые и въ зарубѣжныя: чужія страны населяютъ, а свою пусту покидаютъ. Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, отъ того они не очень ихъ и берегутъ, прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно.“ Мы видѣли, какія мѣры принимало правительство для улучшенія участи крестьянъ; дурное обращеніе съ ними помѣщиковъ, какъ скоро дѣлалось извѣстнымъ не оставалось безъ наказанія: въ 1721 году Василій Головинъ сосланъ былъ на каторгу на 10 лѣтъ за то, что билъ человѣка своего, и тотъ во время побоевъ умеръ[341].

Посошковъ требовалъ сильныхъ средствъ, чтобъ выжечь старую неправду; но тѣмъ, которые испытывали на себѣ эти сильныя средства, разумѣется, они не нравились. Въ 1720 году бурмистръ Новгородской ратуши Сыренскій въ приказной палатѣ сказалъ: „Кто со Христомъ водился, тѣ безъ головы стали, а кто и съ царемъ поводится, и тотъ безъ головы и безъ спины будетъ“[342]. У Астраханскаго подъячаго Кочергина найдено письмо, заговоръ: „Лежитъ дорога, черезъ тое дорогу лежитъ колода, по той колодѣ идетъ самъ сатана, несетъ кулекъ песку да ушатъ воды, пескомъ ружье заряжаетъ, водой ружье заливаетъ; какъ въ ухѣ сѣра кипитъ, такъ бы въ ружьѣ порохъ кипѣлъ, а онъ бы оберегатель мой повсегда бодръ былъ, а монархъ нашъ царь Петръ буди проклятъ (трижды).“ По доносу духовника тяглецъ Садовой слободы Василій Волкъ винился: онъ при исповѣди царское величество называлъ антихристомъ, потому что велѣлъ бороды брить и платье Нѣмецкое носить

и службы великія, и податьми и поборами солдатскими и иными нападками народъ весь разоренъ, и въ приказахъ судьи дѣлаютъ неправды и берутъ многія взятки, а онъ государь судей отъ того не унимаетъ и за ними не смотритъ и въ податяхъ милости нѣтъ; и пишутъ гербъ орла двоеглаваго, а о двy головахъ орла не бываетъ, а двоеглавый змѣй, т.-е. антихристъ, а пришло это ему въ мысль потому, что слыхалъ въ Евангеліи и въ другихъ книгахъ читали (самъ грамотѣ не умѣетъ): въ послѣднія времена возстанетъ царство на царство и народится антихристъ; и самъ онъ по дѣламъ разоренъ и указу ему не чинятъ въ земскомъ приказѣ, учинилось ему убытковъ 200 рублей и доправлена на немъ выть, безвинно; а когда онъ государь прямой царь, а не антихристъ, и судей въ неправдѣ унимаетъ, и ему Богъ въ помощь, а ему Василью дѣла нѣтъ." Попъ Будаковскій говорилъ: „Какой онъ царь? лучшихъ бояръ велѣлъ посадить на колья, Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ." Разглашали, что Петръ какую-то Бутурлину довелъ до смерти, въ Измайловѣ бояръ канатомъ таскалъ изъ проруби въ прорубь. Якова Степ. Пушкина сажалъ на куриныя яйца[343]. Письменное распространеніе подобныхъ слуховъ заставило въ августѣ 1718 года издать указъ: „Если кто станетъ запершись писать, кромѣ учителей церковныхъ, какія-нибудь письма, и кто объ этомъ узнаетъ долженъ извѣщать; если же кто не извѣститъ и про то сыщется и въ томъ повреждение царскаго величества чести или какое возмущеніе явится, то не донесшіе равную казнь или наказаніе примутъ съ нарушителями царской чести и возмутителями." Съ другой стороны, жестоко наказывали ложныхъ доносчиковъ и лжесвидѣтелей: въ 1713 году ложнаго доносчика колесовали и повѣсили за ребро, лжесвидѣтеля повѣсили[344].

„Службы великія!" Мы видѣли средства, какія употребляли тогдашніе дворяне, чтобъ избыть службы; но не всѣмъ могла быть удача въ этихъ средствахъ, не всѣ могли задаривать и притворяться юродивыми. Изъ двухъ бѣдъ на-

добно было выбирать меньшую, и въ 1715 году 280 человѣкъ недорослей, избывая службы, записались въ Славяно-латинскую школу[345]. Но средство было выбрано неудачное: нужна была наука, но нужна была и служба, и нельзя было позволить, чтобъ во время великой войны школы наполнялись на счетъ полковъ, тѣмъ болѣе, что *записываться* въ школы тогда еще не значило учиться. Недорослей выписали изъ Славяно-латинской школы. Отъ службы спасались въ школы; отъ заграничной школы уходили въ монахи, и то же понапрасну: Вологодскій помѣщикъ Иванъ Морковъ, посланный въ Венецію для навигацской науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся; но Петръ велѣлъ взять его изъ монастыря въ Петербургъ, несмотря на то, что это уже былъ не Иванъ Морковъ, но іеродіаконъ Іоасафъ[346]. И относительно школъ справедливы были слова Посошкова, что Петръ съ немногими тянулъ на гору, а многіе старались тянуть подъ гору. Въ февралѣ 1718 года префектъ Славяно-латинскихъ школъ, Ѳеофилактъ Лапатинскій билъ челомъ царю, что у него школы каменныя валятся и уже часть ихъ съ переходами каменными упала, также и дворъ школьный безъ починки и безъ очистки въ запустѣніи. Въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ деревянныя кельи, данныя учителямъ, очень обветшали и жить въ нихъ нельзя; въ томъ же монастырѣ большой недостатокъ въ кельяхъ, потому что обитель была малая, да часть новой отдана учителямъ, такъ что для братіи осталось только четыре кельи; а есть при томъ же монастырѣ вмѣсто стѣны часть ряда иконнаго. — Государь указалъ: школы и школьный дворъ починить и очистить, въ Спасскомъ монастырѣ кельи построить каменныя, иконный рядъ отъ монастырскихъ до школьныхъ воротъ отдать въ тотъ же монастырь и перестроить его на кельи.—Прошло полгода, указъ не былъ исполненъ, и Лопатинскій долженъ былъ подать прошеніе въ канцелярію сенатскаго правленія: „По именному указу въ монастырскомъ приказѣ ничего не сдѣлано; а учителямъ негдѣ жить и учениковъ не гдѣ учить, собрать ихъ послѣ вакаціи нельзя.“ Сенатъ послалъ указъ въ монастырскій

приказъ, чтобъ исполненъ былъ указъ великаго государя[347]. Учителямъ (осьми человѣкамъ) давалось жалованья по 150 рублей человѣку, архимандриту по 300 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ было очень достаточно; но иногда вдругъ выдача жалованья прекращалась—сенатскаго указа не было, и учителя должны были подавать прошеніе; прекращали выдачу и дровъ, ссылаясь также, что нѣтъ сенатскаго указа[348].

Ученики бѣгали, учителей били разбойники. Извѣстный уже намъ Московскій ученый Поликарповъ писалъ начальнику своему Мусину Пушкину осенью 1716 года: „Учители Греческіе роспись бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали, числомъ на 40 человѣкъ, и что будетъ по ней, доносить не умедлю, обаче сомнѣваюсь, дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука? А нынѣ и наипаче нужда умножить Греческую науку, понеже соученикъ и споспѣшникъ мой о Господѣ Никола справщикъ переселися ко отцемъ своимъ и отъ здѣшнихъ трудовъ воспрія покой смертію, и смертію внезапною, ибо шедша его изъ мыльни при вечерѣ, нападше всего обнажиша и бивше умертвиша и въ глубокую грязь повергоша, егоже на утріе мертва обрѣтше, вчера погребохъ; отправихомъ же погребальная изъ казны государевы десятью рублями, понеже по немъ кромѣ двухъ рублей не обрѣтеся“[349]. Поликарповъ отыскивалъ въ Москвѣ учителей и для новой столицы: въ 1715 году великій государь указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей Нѣмецкой и Французской школъ, принявъ у справщика печатнаго дѣла Ѳедора Поликарпова, и прислать, если они плѣнные, то за карауломъ, а если не плѣнные, то съ провожатымъ. По доношенію Поликарпова оказалось, что оба учителя свободные, а не плѣнные, одинъ Французской школы Іосифъ Ивановъ Гагинъ (родомъ Италіянецъ), другой Нѣмецкой школы Яганъ Вурмъ[351]. Въ 1711 году подъ вѣдѣніемъ графа Мусина-Пушкина были четыре разноязычныя Нѣмецкія школы; въ томъ же году упоминается о школѣ, которую вѣдалъ Павелъ Веселовскій: въ ней было 9 человѣкъ учителей, на содержаніе которымъ шло 1050 рублей, 38 учениковъ, на

которыхъ издерживалось 1894 рубля, школьный подъячій, получавшій по 9 рублей; всего выходило на эту школу 3000 рублей [352]. Въ Инженерной школѣ было 23 ученика; Петру казалось этого мало, и въ генварѣ 1712 года онъ написалъ: „школу инженерную умножить, а именно сыскать мастера изъ русскихъ, который бы училъ цыфири или на башню (Сухареву) для сего ученія посылать, а когда ариѳметику скончать, учить геометрію столько, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ отдавать инженеру учить фортификацію и держать всегда полное число 100 человѣкъ или полтораста, изъ которыхъ чтобъ двѣ трети было изъ дворянскихъ дѣтей [353].“ Указъ не былъ исполненъ, и въ Ноябрѣ 1713 года новый: „въ Инженерную школу въ прибавокъ къ прежнимъ ученикамъ къ 23 человѣкамъ набрать въ Военной канцеляріи изъ всякихъ чиновъ людей, также изъ царедворцовыхъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворовъ, 77 человѣкъ, чтобъ всѣхъ ихъ было 100 человѣкъ.“ Мы видѣли мѣры для первоначальнаго обученія дворянскихъ дѣтей; въ 1714 году велѣно было дьячьихъ, подъяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чина, архіерейскаго дома и монастырстырскихъ слугъ дѣтей, кромѣ дворянскихъ, отъ 10 лѣтъ до 15 учить цифири и геометріи, и для того послать въ каждую губернію изъ школы по два человѣка, которые ариѳметику и геометрію выучили; вѣдать эти школы въ адмиралтейской коллегіи. Сенатъ прибавилъ, чтобъ дѣтей посадскихъ людей неволею учиться не понуждать, принимать только такихъ кто сами собою къ наукѣ охоту возъимѣютъ, потому что дѣти посадскихъ людей въ эти годы начинаютъ заниматься торговлею, такъ чтобъ отъ этого государевымъ податямъ не было поврежденія [353].

Въ новой приморской столицѣ учреждена была Морская академія, директоромъ которой былъ сдѣланъ Французъ баронъ С. Илеръ, подъ главнымъ начальствомъ графа Матвѣева. Между ними скоро произошло столкновеніе: въ сентябрѣ 1716 года Матвѣевъ писалъ Макарову: „Въ Академіи здѣсь все идетъ порядочно: кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо

обучились какъ бы старые: только, присматриваясь къ дѣйствіямъ господина барона (С. Илера), нахожу, что деньги, которыя ему отпущены въ большомъ числѣ, все равно что въ окно выкинуты. Если бы не было у меня Англійскихъ профессоровъ, тобы некому было освидѣтельствовать кадетовъ; науки не оканчиваются, потому что баронъ въ нихъ не свѣдущъ; регламенты, имъ поданные, не были его практики, а переписаны съ печатныхъ правилъ Французской морской академіи, а онъ выдалъ ихъ за новость." С. Илеръ, вѣроятно узнавши мнѣніе Матвѣева о себѣ, подалъ графу Апраксину письменное доношеніе, въ которомъ Матвѣевъ назывался невѣждою. Тогда Матвѣевъ написалъ Апраксину въ декабрѣ 1716 года: „Срамно всѣмъ слышать, что С. Илеръ напрасно похитилъ назвище генеральнаго директора, который долженъ отличаться совершеннымъ знаніемъ своего дѣла и имѣть безстрастный надзоръ надъ всѣми профессорами, не только что надъ навигаторами и кадетами. Но онъ С. Илеръ, во время годоваго пребыванія своего въ академіи, ни одного кадета въ дальнѣйшую науку не произвелъ, и успѣховъ въ самой меньшой наукѣ свидѣтельтвовать не можетъ, не только не превосходитъ профессоровъ, но и навигаторской науки не знаетъ; еслибы не случилось Англійскихъ профессоровъ, то нельзя было бы и въ детять лѣтъ ни одного кадета изъ науки въ науку произвесть." Навигаторъ Угримовъ подалъ прямо царю челобитную, что С. Илеръ билъ его пощекамъ и палкою при всей школѣ. Апраксинъ въ генварѣ 1717 года написалъ царю: „Какъ я здѣсь могъ усмотрѣть, между господъ правителей академіи, графа Матвѣева и барона Сенталера происходитъ немалая противность и другъ на друга подаютъ письменныя доношенія, въ тѣхъ ихъ спорахъ въ академіи не безъ помѣшательства; и ежели не изволитъ ваше величество ихъ развести, то академія въ лутшее состояніе ниогда придти не можетъ, и ежели изъ нихъ поручить сіе правленіе которому одному, а другаго отпустить, то я бы надѣялся, что будетъ лучше, а по моему мнѣнію лучшебъ поручить графу Матвѣеву, чтобъ вамъ

можно было на одномъ взыскивать, однакожъ сего безъ воли вашего величества учинить не смѣю.“

Между тѣмъ С. Илеръ струсилъ, особенно послѣ бесѣды съ страшнымъ Данилычемъ, которому до всего было дѣло, и который, какъ всѣ русскіе, начиная съ царя, пользовался искусствомъ иностранцевъ, но при каждомъ удобномъ случаѣ любилъ дѣлать имъ сильныя внушенія, чтобъ они не забывались и не важничали. С. Илеръ почелъ нужнымъ помириться съ Матвѣевымъ, и вотъ что писалъ ему 1-го Марта 1717 года: „Узналъ я, что его царское величество извѣстенъ о спорѣ между вашимъ сіятельствомъ и мною. Я прихожу къ вамъ всепокорно просить, чтобъ оную прекратить. Я хочу ваше сіятельство гораздо обнадежить, что я забываю всѣ озлобленія, мнѣ учиненныя, потому что по вашимъ наговорамъ пресвѣтлѣйшій князь Меншиковъ грозилъ меня палками бить, чтобы, по его словамъ, выучить Французскій народъ какъ жить; вашему сіятельству извѣстно, что такихъ подчиваній не чинятъ шляхтичу въ нашей Европѣ. Ваше сіятельство можетъ быть обнадежено, что я буду имѣть всегда къ вамъ весь респектъ и все почитаніе, должное вашему характеру.“ Но обнадеживанія опоздали: Петръ, по письму Апраксина, велѣлъ поручить академію одному Матвѣеву[354].

Мы видѣли, что обученіе медицинѣ началось при учрежденіи Московскаго гошпиталя; въ маѣ 1719 года велѣно было отослать 30 учениковъ къ доктору Блументросту для наученія медицины[355]. Отсылка молодыхъ людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Въ генварѣ 1715 года Петръ писалъ Конону Зотову: „ѣхать во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ и тамъ, буде возможно и вольно жить и присматривать волонтиромъ, то быть волонтиромъ, будеже невозможно, то принять какую службу. Все что по флоту надлежитъ на морѣ и въ портахъ сыскать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинятъ, то пополнить и все перевесть на Славянской языкъ нашимъ штилемъ, токмо храня то, чтобъ дѣла не проронить, а за штилемъ ихъ не гнаться. Суворо-

ва и Туволкова отправить въ Мардикъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, также и на тотъ каналъ, который изъ океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ, чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могли тѣхъ фабрикъ учиться" [356]. Мы видѣли, что въ 1716 году были отправлены въ Кенигсбергъ молодые подъячіе для того, чтобъ по возвращеніи служить въ коллегіяхъ. За границею не всегда давали русскимъ людямъ возможность учиться. Царскій резидентъ при Англійскомъ дворѣ Ѳедоръ Веселовскій писалъ Петру въ сентябрѣ 1718 года: „Объ ученикѣ Третьяковѣ я у короля Англійскаго домогался, дабы оному повелѣно было учиться пушечному литью, и хотя его королевское величество изволилъ мнѣ того часу позволеніе свое дать и указъ къ коммиссарамъ артиллерійскимъ послать, однакожъ они тому не послѣдовали подъ претекстомъ, что его королевское позволеніе несходно съ правами здѣшняго государства [357]. Не за одну западную границу отправлялись русскіе люди учиться; ведя упорную борьбу у Балтійскаго моря, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, и въ генварѣ 1716 года далъ указъ: на Москвѣ изъ Латинскихъ школъ выбрать изъ учениковъ робятъ добрыхъ молодыхъ пять человѣкъ, такихъ, которые бы, по меньшой мѣрѣ, грамматику выучили, для посылки въ Персиду при посланникѣ г. Волынскомъ для ученія языкамъ Турецкому, Арабскому и Персидскому" [358].

Типографія работала. Справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ въ 1718 году билъ челомъ: „работаю я въ книжномъ прáвленіи и въ управленіи всего печатнаго двора 17 лѣтъ и приплодилъ казны съ 50,000 рублевъ. Еще сверхъ учрежденнаго дѣла, за десятилѣтнее гражданскихъ книгъ прáвленіе (въ которыхъ я одинъ всегда труждаюсь), также и за переводы разныхъ книгъ, какъ и нынѣ новопреведенная трудная книга географія свидѣтельствуетъ, я не взысканъ" [359]. Въ описываемое время мы видимъ особенныя заботы объ отечественной исторіи. Въ 1713 году въ Петербургѣ издана была „Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ цар-

скаго величества Россійскихъ, во взятіи преславныхъ фортификацій, и разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій, учиненныхъ надъ войсками его королевскаго величества Свейскаго." Въ слѣдующемъ году напечатанъ гражданскими буквами уже извѣстный намъ „Синопсисъ, или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ." Въ 1717 году издано было составленное подканцлеромъ Шафировымъ „Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ І-й къ начатію войны противъ короля Карла XII Шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ, во время сей пребывающей войны болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіанской и разореніемъ многихъ земель виновенъ; и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христіанскихъ и политичныхъ народовъ болѣе ведена. Все безъ пристрастія, фундаментально, изъ древнихъ и новыхъ актовъ и трактатовъ, такожь и изъ записокъ о воинскихъ операціяхъ описано, съ надлежащею умѣренностію и истиною." Цѣль книги видна изъ слѣдующихъ строкъ, внесенныхъ въ разсужденіе самимъ Петромъ: „Понеже всякая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, но тягость, того ради многіе о сей тягости негодуютъ, одни для незнанія, другіе по прелестнымъ словамъ ненавистниковъ, зря отечество наше возвышаемо Богомъ, третіи, понеже тунеядцы, нынѣ не вышней степени суть (т. е. тунеядцамъ теперь плохо); и того для противъ оныхъ отвѣтствую. Противъ вторыхъ: понеже зависть не вѣсть почитати полезное, а злоба ничѣмъ утолитися можетъ. Третіимъ же, яко отвѣта недостойнымъ, имъ же святый апостолъ и ясти воспрещаетъ, и яко корень всѣмъ злымъ праздность есть, того ради, не умножая къ онымъ разсужденія, обращаюсь къ первымъ, иже доброй совѣсти суть, но точію невѣдѣнія ради негодуютъ: того ради сіе имъ объявляю. Перво надлежитъ намъ взять слово св. Никодима въ Евангеліи сущее, къ негодующимъ на Христа жидамъ реченное: егда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него

прежде и разумѣетъ, что творитъ; тако и намъ надлежитъ прежде вѣдать и разсуждать. И аще бы изъ сихъ негодователей желалъ со мною преніе имѣть, мню не вящше бъ двухъ словъ вопрошалъ: 1) для чего сія война начата? 2) для чего такъ долго продолжается? Лучше бы мириться, хотя и съ великою уступкою. На второе пространно отвѣтствую. Продолженіе сея войны не отъ насъ, но отъ непріятеля, какъ явно является изъ посылокъ къ Шведамъ, не точію когда они въ силѣ были, но и крайнемъ силы ихъ разрушеніи подъ Полтавою. Отвѣщалъ бы негодующій, что непріятель для того не мирится, что много у него взято и не хочетъ уступить; а когда бъ отдали, то бъ былъ миръ, понеже и безъ того прежде жили, и съ ними жъ войны бывали, и, бравъ городы, отдавали; для чего нынѣ не такъ? Отвѣтствую: прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ, ибо Шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуфендорфъ пишетъ. Такожь, послѣдуя ему, графъ Штейнбокъ писалъ къ королю своему по побѣдѣ у Нарвы, дабы не продолжалъ войны долго, и тѣмъ бы не обучилъ Россіянъ, отъ чего великую опасность являлъ. Изъ чего довольно мочно вѣдать, что нынѣ такъ невозможно дѣлать, какъ прежде. Того ради разсуди, кая была всегдашняя злоба сихъ сосѣдей еще при начатіи рощенія Россійской славы и введенія добрыхъ порядковъ! Каково жь нынѣ, когда Господь Богъ такъ прославилъ, что оные, отъ которыхъ почитай вся Европа опасалась, нынѣ отъ насъ побѣждены суть? И могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ, за что Господу силъ да будетъ вѣчну хвала; намъ же помощію Его въ таковую высокую степень восшедшимъ, не негодовать или скучать подобаетъ, но терпѣливо понести и трудолюбно искати, съ Его же помощію, добраго и безопаснаго конца сея войны. Помысли, егда отдачею на семъ краѣ моря допустимъ такъ злобнаго сосѣда паки внутрь себя, то какого добра впредь ожидать имѣемъ? И не посмѣется ли весь свѣтъ, что претерпя уже 19 годъ и получа такія славы, паче же безопасства, паки подвержемъ себя всегдашнему бѣдству и вѣч-

ному стыду, безъ всякой нужды? Но хотя бъ славу, честь и прибытокъ уничтожа, учинить миръ и допустить паки такъ близко сего сосѣда, какъ предъ тѣмъ было, то какой покой обрящемъ! Воистину не покой, но бѣдство: ибо уже довольно видѣть изъ вышеписанныхъ мочно, что когда у насъ и на умѣ ничего не было, какіе промыслы и злохитрыя коварства оные имѣли. Нынѣ же, исполня то все, чего оные опасались, и такъ глубоко досадя, паки себя обнажимъ: то подумай, оставятъ ли они насъ въ покоѣ, дабы всегда могли насъ бояться? Воистину, никако! Но будутъ искать того, чтобы такъ насъ разорить, чтобъ вѣкъ впредь не въ состояніи были какія знатныя дѣла чинить, и не только чтобъ имъ насъ бояться, но всегда бъ такъ надъ нами быть, дабы никогда не смѣли ничего противъ ихъ учинить. И тако бы мы сами себѣ враги и разорители были!“ [360]

Шафировъ же въ описываемое время написалъ „Дедикацію или приношеніе царевичу Петру Петровичу о премудрыхъ, храбрыхъ и великодушныхъ дѣлахъ его величества государя Петра 1-го“. Въ этой дедикаціи авторъ говоритъ: „Истину реку, что не обрящется не токмо въ нынѣшнихъ нашей памяти вѣкахъ, но ниже въ гисторіяхъ прежнихъ вѣковъ его величеству равнаго, въ которомъ бы единомъ толико монарху надлежащихъ добродѣтелей собрано было, и который бы не во многія лѣта въ своемъ государствѣ толь многія славныя дѣла не токмо началъ, но и отъ большей части въ дѣйство произвелъ и народъ свой, который въ такихъ дѣлахъ до его государствованія отчасти мало, отчасти же и ничего не былъ искусенъ, не токмо обучилъ, но и прославилъ, и, тако рещи, весьма въ иное состояніе, обыкновеніе и обхожденіе внутрь, и почтеніе и знатность внѣ государства привелъ, такъ что хотя предъ нѣсколько десять лѣты о россійскомъ народѣ и государствѣ тако въ въ другихъ Европейскихъ государствахъ разсуждали и писали, какъ о индѣйскихъ, персидскихъ и другихъ народахъ, которые съ Европою кромѣ нѣкотораго купечества никакого сношенія не имѣютъ, тако и объ оныхъ не токмо ни въ какихъ Европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принад-

лежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія не имѣли, но и въ число Европейскихъ народовъ мало причитали: тако нынѣ никакое дѣло ниже въ отдаленныхъ краяхъ Европейскихъ не чинится, къ которому бъ или о его царскаго величества пріязни и союзѣ не старались, или осторожности и опасности въ противности отъ онаго себѣ не имѣли, и что удивительнѣе всего, что всѣ тѣ великія дѣла помянутое его величество началъ и даже до сего времени произвелъ токмо единымъ своимъ отъ Бога дарованнымъ талантомъ, охотно, высокимъ разумомъ и неусыпными трудами и стараніемъ безо всякой науки или къ тому понужденія и отъ кого-либо побужденія." Описавъ подвиги и учрежденія Петровы, Шафировъ говоритъ: „И како можетъ мое слабое и неискусное перо то описать и по достоинству прославить, что̀ бы и славному въ краснословцахъ Цицерону и премудрому въ философехъ Аристотелю и великому въ политикахъ Корнелію Тациту и славнымъ историкамъ Квинту Курцію и Титу Ливію не безъ трудности учинить возможно было. О счастлива и благополучна еси Россія, имѣя такого преславнаго монарха и должна еси призывати Вышняго, да пріумножитъ дней живота его преизобильно, даже и до лѣтъ Несторовыхъ, дабы за его премудрымъ государствованіемъ всѣ сіи отъ его величества начатыя и учрежденныя дѣла укоренилися и доброе основаніе получить могли, а наипаче дабы вы, о всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій государь царевичъ, яко надежда предбудущихъ Россіи благополучій, аки орличище, отъ орла престарѣла и высокопаряща обучитися могли въ солнце смотрѣти, т. е. славнымъ дѣламъ его отъ него и прикладу его обучитися и потомъ подражати. Имѣемъ на Всевышняго Бога надежду, что подастъ къ тому свое благословеніе, ибо не туне Онъ ваше высочество къ наслѣдствію такихъ великихъ и пространныхъ государствъ опредѣлилъ. Ни единъ монархъ отъ высочайшей фамиліи вашей не былъ на престолѣ, который бы коего плода къ пользѣ государственной не принесъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ уже къ самой погибели приведенное государство возставилъ. Алексѣй Михайловичъ возоб-

новилъ славу Россійскаго государства добрымъ учрежденіемъ воинскимъ, ибо многіе было регулярные полки по чужестранному обычаю учредилъ и оными, купно съ другими нерегулярными войски своими отмстилъ тогда клятвеннымъ непріятелямъ Россійскимъ, Полякамъ и Литвѣ, и возвратилъ наслѣдныя предковъ своихъ отъ Россіи отторгнутыя провинціи. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, хота и весьма слабой комплексіи и худаго здравія былъ, однакожъ славы родителя своего и попеченія о пользѣ государства не упустилъ, но елико силы его и здравіе и краткость времени допустили во введеніи лучшихъ и съ чужестранными народы сходныхъ обыкностей, во учрежденіи нѣкоторыхъ изрядныхъ зданій и въ премѣнѣ древней и неудобной одежды раченіе свое о государственной пользѣ показалъ.“ Петръ зналъ исторію лучше Шафирова, и потому здѣсь приписалъ своею рукою о царѣ Ѳеодорѣ: „паче же зѣло жестокой и вредительной обычай въ разрядныхъ случаяхъ (мѣстничество), которой какъ законъ почитали, премѣнилъ“ [361].

Возможность для людей, слывшихъ знающими, забыть или не знать, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ уничтожилъ мѣстничество, должна была побуждать Петра заботиться о доставленіи русскимъ людямъ средствъ знать свою исторію. Въ 1716 году Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: „*Исторія* твоя и лексиконъ хотя и не очень благоугодны были, но чрезъ стараніе и прошеніе мое нынѣ царское величество изволилъ приказать за оные твои труды выдать тебѣ съ печатнаго двора двѣсти рублевъ; да исправляй немедленно посланную прежде къ вамъ книжку географію.“ Поликарповъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, исполнить своей задачи, и Петръ обратился къ другому средству. Въ генварѣ 1719 года Головкинъ писалъ Макарову: „По его царскаго величества повелѣнію посылаю Краткій Лѣтописецъ или выписку о житіи великихъ князей Россійскихъ до государствованія царя Ивана Васильевича, которая дѣлана по указу его царскаго величества у насъ въ канцеляріи изъ книги большой, зовомой Степенной, и обрѣтающіяся въ той книгѣ многія излишества, которыя къ сей гисторіи не-

приличны, выпущены; но что надлежитъ къ житію великихъ князей, то все въ ту выписку внесено“ [362]. Въ декабрѣ 1720 года Петръ велѣлъ „во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ Россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьозныя письма оригинальныя, также книги историческія, рукописныя и печатныя, какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся“ [363].

Мы видѣли, что Петръ сослался на „славнаго“ Пуфендорфа; въ 1718 году вышло изъ печати „Введеніе въ исторію Европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія на Нѣмецкомъ языкѣ сложенное.“ На Русскій эта книга была переведена іеромонахомъ Гавріиломъ Бужинскимъ съ Латинскаго. Для переводчиковъ описываемаго времени былъ важенъ вопросъ о языкѣ, на который должны были они переводить: переводить ли на книжный славяно-церковный, или разговорный языкъ? Петръ требовалъ послѣдняго; но привычка тянула къ книжному языку. При рѣшеніи этого вопроса, разумѣется, сильное вліяніе долженъ былъ оказать лексиконъ, и Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: „Ѳедоръ Поликарповъ! По имянному царскаго величества указу присланы отъ его величества два лексикона, одинъ съ Латинскаго на Французскій языкъ, другой съ Латинскаго на Галанскій: и велѣно изъ оныхъ сдѣлать одинъ лексиконъ и подъ латинскія рѣчи подвесть словенскія слова; и оныя книги посылаю къ тебѣ при семъ писмѣ съ нарочнымъ, того ради оные лексиконы объяви какъ отцу Лопатинскому, такъ и прочимъ учителямъ, дабы въ семъ дѣлѣ приложили тщаніе, понеже сіе нужно есть его величеству, за что ты примешь милость и за трудъ воздаяніе немалое, для чего съ оными книгами посылаю къ тебѣ и твои лексиконы ради лучшаго исправленія, а по окончаніи онаго дѣла съ тѣмъ же лексикономъ сдѣлайте лексиконъ же изъ словенскаго языка на латинской по алфавиту; при семъ же посылаю къ тебѣ и географію переводу твоего, которая за неискусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ Русскимъ языкомъ, такожь и лексиконы. Со

всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ славенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова“ [364].

По смерти царевны Натальи Алексѣевны у ней найдено было 76 печатныхъ книгъ свѣтскаго содержанія: Гронографъ, Тріумфъ Польской музы, [365] Персональникъ Нѣмецкій съ переводомъ, рисунки разныхъ государствъ городамъ, о Полтавской баталіи, объ Александрѣ Македонскомъ, грамматика, объ освобожденіи Ливоніи торжество, Исторія Троянская, тестаментъ Василія царя Греческаго и проч. Сверхъ того послѣ царевны осталось нѣсколько рукописей, и между ними разныя театральныя пьесы письма̀ государыни царевны; означена также: связка синоксовъ разныхъ комедей, сказка про королевишну Резону и проч. [366]

Петръ зналъ, что кромѣ книгъ для науки нужны и собранія естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей, и потому въ февралѣ 1718 года издалъ указъ: „Понеже извѣстно есть, что како въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и въ птичьей случается, что родятся монстра, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ сбираются для диковинки, чего для предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть; но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чрезъ вѣдовство и порчу: чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ, но отъ поврежденія внутренняго и проч. Также ежели кто найдетъ въ землѣ или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенныя, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы передъ обыкновеннымъ, также какія старыя подписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно: такожь бы приносили, за что давана будетъ довольная дача“ [367].

Петръ хлопоталъ о переводѣ географическихъ книгъ на

Русскій языкъ; но относительно географіи Русской иностранными сочиненіями пробавляться было нельзя; надобно было самимъ Русскимъ изучить и для себя, и для другихъ. Въ концѣ 1720 года отправлены были ученики Петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ; [368] но еще прежде, въ генварѣ 1719 года, дана была инструкція геодезистамъ Евреинову и Лужину, которые отправлялись для описанія мѣстъ около Камчатки и для разрѣшенія вопроса, соединяется ли сѣверовосточная Азія съ Америкою? Первое внушеніе о важности этого вопроса приписывается Лейбницу, который до конца своей жизни не переставалъ переписываться съ царемъ. Въ генварѣ 1715 года онъ писалъ Петру, что нѣсколько занялся исторіею Скиѳскихъ народовъ, подвластныхъ Русскому монарху, и вывелъ заключеніе, что Гунны говорили Сарматскимъ или Русскимъ языкомъ, будучи одного племени съ Сарматскимъ или Славянскимъ народомъ, а не съ Венграми, какъ многіе думаютъ; что король Гунновъ, великій Аттила, властвовалъ отъ Каспійскаго до Балтійскаго моря, какъ и царское величество; что онъ, Лейбницъ, нашелъ въ одной старой Греческой книгѣ описаніе посольства, отправленнаго однимъ Византійскимъ императоромъ къ Аттилѣ; изъ этого описанія видно, что Аттила былъ разумный и воздержный государь, который подарилъ жизнь людямъ, умышлявшимъ известь его тайнымъ убійствомъ. Лейбницъ выражаетъ надежду, что преславныя побѣды царя поведутъ къ миру и дадутъ Петру время привести у себя въ цвѣтущее состояніе знанія и искусства [369].

И во время тяжкой войны преобразователь не ограничивался одними необходимыми знаніями, но старался пріютить въ Россіи и искусство, украсить его произведеніями свой неукрашенный природою *парадизъ*. Въ ноябрѣ 1715 года царь писалъ Конону Зотову во Францію: „Какъ вамъ при отъѣздѣ наказано стараться о механикѣ и прочихъ, тоже и нынѣ подтверждаемъ, къ тому же сіе прилагаю: понеже король Французской умеръ, а наслѣдникъ зѣло молодъ, то чаю многіе мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, чего для навѣдывайся о такихъ и

пиши, дабы потребныхъ не пропустить, также не будутъ ли что изъ двора продавать, а именно уборовъ какихъ шандерей и прочаго [370]." Въ то же время Петръ требовалъ отъ своихъ агентовъ во Франціи, Зотова и Лефорта: искать гисторическаго маляра, и особливо домогаться изъ такихъ, кто былъ въ подмостерьяхъ у славнаго мастера Лебрюнна [371]. Сохранилась роспись мастерамъ, отправленнымъ изъ Парижа въ Петербургъ: 1) Г. Растрели: онъ умѣетъ планы огородамъ и фонтанамъ дѣлать и палаты строить, рѣзать на самыхъ крѣпкихъ камняхъ статуры и всякія притчи; лить всякія статуры и фигуры изъ мѣди, свинцу и желѣза, какой бы величины ни были; умѣетъ также работать на стали, дѣлать чрезъ составы всякихъ цвѣтовъ марморы, дѣлать монету, дѣлать портреты изъ воску и изъ левкосу; умѣетъ всякія убранія и махины дѣлать для театровъ въ оперѣ и въ комедіи. Обѣщается учить людей россійскихъ всему, что самъ умѣетъ. 2) Г. Лежандръ, его подмастерье. 3) Г. Леблянкъ столяръ и рѣщикъ для архитектуры, т. е. для убранія въ домахъ на деревѣ и на камнѣ. 4) Лавале, литейный мастеръ пушекъ и прочаго. 5) Г. Люи-Каравакъ, миніатюрный мастеръ, т. е. партреты писать въ табакеркахъ, также и большіе партреты на холстахъ [372]. Въ 1717 году Меншиковъ извѣщалъ царя: „Живописца Коровака, по указу вашего величества, заставлю писать Полтавскую баталію и учениковъ ему, что возможно найти, придамъ." Въ Венеціи дѣлалъ заказы для царя Савва Владиславичъ Рагузинскій; въ декабрѣ 1717 года онъ писалъ Петру: „Двѣ статуи, а именно Адамъ и Ева, которыя я наилучшему здѣшнему мастеру Бонацѣ дѣлать заказалъ, скоро будутъ готовы, и надѣюсь такъ будутъ хороши, что въ славной Версаліи мало такихъ видали; также отсюда думаю положить на корабль сотницу-другую досокъ наилучшихъ орѣховыхъ для убору палатъ вашего величества [373]." Въ Римѣ хлопоталъ Кологривовъ, который писалъ оттуда царю въ мартѣ 1719 года: „На сихъ дняхъ купилъ я статую марморовую Венуса, старинная, найдена съ мѣсяцъ; какъ могу хоронюся отъ извѣстнаго охотника, и скультору ввѣрилъ починку ея;

не разнитъ ничемъ противъ Флоренской славной, но еще лучше тѣмъ, что сія цѣлая, а Флоренская изломана во многихъ мѣстахъ; у незнаемыхъ людей попалась, и ради того заплатилъ за нее 196 ефимковъ, а какъ купить бы инако, скульторъ говоритъ, тысячь десять и больше стоитъ; только за то опасаюсь о выпускѣ, однакожъ уже она вашего величества, и еще будетъ починки кругомъ ея мѣсяца на два [374]." Въ Петербургѣ при оружейной канцеляріи „ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы, противо обычаевъ государствъ Европейскихъ, зачата была небольшая академія ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ [375]."

Во всѣхъ сферахъ преобразовательное движеніе шло усиленно отъ 1711 до 1721 года, во вторую эпоху великой войны, когда отсутствіе опасности отъ страшнаго, побѣдоноснаго врага давало болѣе возможности заниматься дѣлами внутренними. При этомъ усиленномъ движеніи къ новому, что́ же дѣлалось въ церкви, обязанной охранять древнее православіе и въ тоже время обязанной воспользоваться новыми средствами и обязанной иначе опредѣлить свои отношенія къ государству и обществу вслѣдствіе новыхъ обстоятельствъ. Положеніе русской церкви въ описываемое время было попрежнему затруднительно: съ одной стороны расколъ, съ другой наплывъ иностранцевъ-иновѣрцевъ, протестантская и католическая пропаганда, и въ то же время новыя требованія гражданскаго правительства и переворотъ въ высшемъ управленіи [376].

Мы видѣли, какъ въ Олонецкихъ мѣстахъ по рѣкѣ Выгу поселились раскольничьи отшельники, какъ здѣсь образовалось знаменитое раскольничье пристанище, начальникомъ котораго былъ церковный дьячекъ Данила Никулинъ (или Викулинъ), какъ у Данилы, для обороны отъ присыльныхъ людей, были три пушки мѣдныя, много пищалей, бердышей, пороху. Къ этому Данилѣ пришелъ молодой человѣкъ, начитанный, школьно образованный, энергическій, рожденный для власти, для общественной организаціи: то былъ знаменитый Андрей Денисьевъ Втораго или Вторушинъ, ведшій

свое происхожденіе отъ князей Мышецкихъ. Какъ всегда и вездѣ около вождя собирается дружина; на Выгѣ образовалась большая община изъ братьевъ и сестеръ, принявшая характеръ монастырскій; пришелъ іеромонахъ Пафнутій, долго жившій въ Соловецкомъ монастырѣ, знающій чины церковные и монастырскіе и начали учреждать общежитіе и церковную службу по чину и уставу, поставили екклесіарха, пѣвцовъ, псаломщиковъ, конархистовъ. Но было еще скудное пустынное житіе: службу въ часовнѣ отправляли съ лучиною, иконъ и книгъ въ часовнѣ мало, колокола не было, звонили въ доску, дороги съ волостей въ пустыню еще не было, ходили на лыжахъ, Пришли два человѣка изъ Москвы, знатоки писанія, много пришло людей и изъ другихъ мѣстъ, и начали по праздникамъ пѣть всеночныя, по чину церковному; уставили все по чину монастырскому, келарей и подкеларниковъ, нарядниковъ, старостъ и надсмотрщиковъ; а въ хлѣбнѣ хлебы пекли, въ поварняхъ щи варили и квасы дѣлали сестры. Потомъ, кода народонаселеніе умножилось, начали пашни пахать и скотъ держать, поставили конскій дворъ на братской сторонѣ, коровій у сестеръ, по срединѣ монастыря поставили стѣну и обнесли весь монастырь оградой. Мужчины жили на своей сторонѣ, женщины на своей, между ними стѣна, въ стѣнѣ маленькая келья съ окномъ для приходу братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія и ради другихъ братскихъ нуждъ: двѣ старицы сидѣли въ кельѣ и наблюдали, о чемъ братья будутъ говорить съ сестрами въ окно. Сдѣлался голодъ, ѣли хлѣбъ изъ соломы, отказались отъ ужина, потомъ обобрали у всѣхъ деньги и цѣнныя вещи и отправили Андрея Денисова на Низъ по Волгѣ за хлѣбомъ. Денисовъ промыслилъ хлѣба чрезъ добрыхъ людей, частію купилъ, частію въ милостыню выпросилъ и привезъ въ монастырь. Въ 1702 году разнеслась страшная вѣсть: царь Петръ идетъ изъ Архангельска къ Финскому заливу, проложили прямую дорогу пустыми мѣстами черезъ Выгъ; одни изъ братьевъ и сестеръ начали готовится къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ, другіе сбирались бѣжать; но гроза про-

шла: когда государю доложили, что по Выгу живутъ раскольники, то онъ сказалъ: „пускай живутъ!“ и прошелъ смирно [377]. Мы уже знаемъ взглядъ Петра на отношенія своей власти къ совѣсти подданныхъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ“, говорилъ онъ [378]. Разсказываютъ, что однажды онъ спросилъ:„Каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли?“ Когда ему отвѣчали, что честны и прилежны, то онъ сказалъ: „Если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечь; а мучениками за глупость быть — ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ [379].“ Въ Олонецкихъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ съ раскольниками начали строиться желѣзные заводы, и въ Выговскую пустынь пришелъ указъ: „Вѣдомо его царскому величеству учинилось, что живутъ для староверства разныхъ городовъ люди въ Выговской пустынѣ, и службу свою къ Богу отправляютъ по старопечатнымъ книгамъ; а нынѣ его царскому величеству для войны Шведской и для умноженія ружья и всякихъ воинскихъ матеріаловъ ставятся два желѣзные завода, и одинъ близь ихъ Выговской пустыни: такъ чтобъ они въ работы къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей, а за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустыни и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять.“ „И отъ этого времени, говоритъ историкъ пустыни, начала Выговская пустыня быть подъ игомъ работы его императорскаго величества.“ Но, благодаря этому игу, Олонецкіе раскольники получили сильную защиту: всѣмъ Выгорѣцкимъ жителямъ позволено было выбрать къ мірскимъ дѣламъ старосту и при немъ выборнаго, которые обязаны были оберегать новопоселенныхъ жителей, доносить, какія Выгорѣцкимъ жителямъ для распространенія и въ прибавку надобны земли и угодья; пустынь изъята была изъ вѣдомства старосты и выборнаго, управлялась своимъ начальствомъ. По жалобѣ Андрея Денисова съ то-

варищи, Меншиковъ въ 1711 году издалъ указъ, чтобъ никто общежителямъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія. Потомъ Денисову позволено было разсылать своихъ людей для рыбной и звѣриной ловли, куда захочетъ [380]. Въ 1714 году братъ Андрея Денисова, Семенъ, былъ схваченъ въ Новгородѣ духовною властію; раскольники подали царю челобитную: „Вашего величества нижайшіе рабы, Олонецкаго уѣзда Выгопустынскіе общежители Данилъ Викуловъ съ товарищами: мы убозіи догматовъ и ересей никакихъ не нововведохомъ, ниже градскія церкви обладаемъ, ниже доходы ихъ духовныхъ себѣ отлучихомъ; но въ нужныхъ мѣстехъ живуще, отцепреданное благочестіе по старопечатнымъ книгамъ имѣемъ, по нихъ же о вашей милосердой державѣ Господа Бога молимъ и плачемся о грѣсѣхъ своихъ, а таковая безмилостивная отъ нихъ страждемъ паче всѣхъ вѣръ на землѣ, въ разбродѣ же отъ нуждъ сихъ опасаемся въ непоставкѣ работъ своихъ остановки повѣнецкимъ заводамъ, а нынѣ мы рабы твои опредѣлены къ другой работѣ на весь повѣнецкій заводъ известь ломаемъ.“ Просьба имѣла сильное подкрѣпленіе: начальникъ заводовъ Геннинъ писалъ царю: „Прошу ваше величество, пожалуй для лучшей пользы и отправленія на морской флотъ твоихъ дѣлъ, помилосердуй, учини противъ моихъ пунктовъ указъ, такъ я буду воистину посмѣлѣе ступать, понеже я опасаюсь отъ архіерея Новгородскаго погубленія, понеже онъ вѣритъ другимъ своимъ бездѣльникамъ, а не своимъ разсмотрѣніемъ управляетъ, и отъ нихъ нынѣ въ заключеніи сидитъ у архіерея Семенъ Денисьевъ, который въ здѣшнемъ подъемѣ и въ сыску рудъ былъ годенъ и предъ другими радѣтеленъ въ заводской работѣ; для иныхъ нуждъ и за челобитьемъ отъ нихъ посланъ былъ и захваченъ въ Новгородѣ въ архіерейскій приказъ. Прикажи архіерею его свободить и отъ твоихъ заводскихъ дѣлъ не трогать и не ловить.“ Пункты Геннина состояли въ слѣдующемъ: „Чтобъ государь велѣлъ отнять совершенно изъ-подъ архіерейскаго и монастырскаго управленія

погосты, опредѣленные къ заводамъ, ибо прикащики архіерейскіе и монастырскіе работныхъ людей не высылаютъ порядочно, старостамъ воли не даютъ искать воровъ, разбойниковъ и бѣглыхъ, отбиваютъ и не даютъ къ розыску, сбираютъ лишнее, берутъ взятки; пустынныхъ жителей, которые живутъ въ лѣсу, руду и известь на заводъ ставятъ безо всякаго ослушанія и радѣютъ лучше другихъ, архіерейскіе прикащики и закащики обижаютъ, бьютъ и стращаютъ. Попы здѣшніе владѣютъ многими деревенскими государевыми участками, кромѣ церковной земли, и съ нихъ не хотятъ съ другими тянуть въ равенство въ заводскомъ дѣлѣ; я для допросовъ посылаю, а они съ рогатинами отбиваются и въ допросъ нейдутъ. Для завода нужны грамотные люди, а у поповъ, дьяконовъ, пономарей и дьячковъ много сыновей, которые кромѣ гулянья и драки ничего не дѣлаютъ: не повелѣть ли ихъ взять въ то ученье“[381]? Но никакое ходатайство не помогло: Новгородскій митрополитъ, извѣстный намъ Іовъ, былъ силенъ, такъ силенъ, что церковные имущества его епархіи оставались въ его управленіи, а не были отданы въ управленіе монастырскому приказу. Іовъ возилъ Семена съ собою въ Петербургъ и представлялъ царю какъ опаснаго расколоучителя; Петръ, по словамъ историка Выговской пустыни, „взявъ онаго Симеона предъ себя и испытавъ изъ тиха на словахъ и поговоря мало, ни его отпустити, ни испытати жестоко не повелѣ, такожде и митрополиту не повелѣ, оставилъ его тако.“ Іовъ свезъ Семена назадъ въ Новгородъ, гдѣ онъ оставался въ неволѣ четыре года; много знатныхъ господъ заступались за него; братъ его Андрей въ эти четыре года мало жилъ въ монастырѣ, но все былъ въ отъѣздахъ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, все хлопоталъ за брата, и все понапрасну. Наконецъ Семену удалось тайкомъ уйти изъ Новгорода, но ушедши, не смѣлъ прямо явиться въ монастырь, полгода укрывался въ разныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ былъ такъ долго не показываться и потому, что въ это время новая бѣда постигла Выговскую пустынь: по доносу колодника, прежде жив-

шаго въ пустыни, схваченъ былъ Данила Викуличъ; Геннинъ опять заступился за раскольниковъ, и царь велѣлъ выпустить Викулича.

Петръ не хотѣлъ преслѣдовать раскольниковъ, продолжалъ заявлять свой основный взглядъ на дѣло: „съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать по апостолу — бых беззаконнымъ яко беззаконенъ да беззаконныхъ пріобрящу. и не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ.“ Петръ думалъ, какъ видно изъ этихъ словъ, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе съ перемѣною тона, ибо до сихъ поръ духовныя лица обращались къ раскольникамъ какъ строгіе судьи къ преступникамъ. Петръ нашелъ человѣка, который могъ быть способнѣе другихъ къ перемѣнѣ тона: то былъ Питиримъ, игуменъ Переяславскаго Никольскаго монастыря, самъ бывшій прежде въ расколѣ, и потому знавшій хорошо своихъ прежнихъ собратій. Въ 1706 году Петръ поручилъ ему обращеніе раскольниковъ увѣщательными средствами. Если царь не хотѣлъ преслѣдовать своихъ подданныхъ за религіозныя убѣжденія, то, съ другой стороны, смотря на расколъ какъ на заблужденіе, онъ не могъ позволить, чтобъ это заблужденіе распространялось въ народѣ: этимъ объясняется поведеніе его относительно Семена Денисова, котораго онъ, по представленіямъ митрополита Іова, оставилъ въ Новгородской тюрьмѣ; каковы были представленія митрополита, легко догадаться: Семенъ Денисовъ былъ учитель, искусный, школьно образованный распространитель раскола, который не переставалъ писать въ пользу своего ученія, и сидя въ Новгородской тюрьмѣ. Потомъ Петръ терпѣлъ расколъ только съ условіемъ, чтобъ раскольники исполняли обязанности добрыхъ гражданъ и подданныхъ: такъ онъ прямо объявилъ Выгорѣцкимъ раскольникамъ, что позволяетъ имъ молиться постарому, если только они будутъ усердно помогать ходу желѣзныхъ заводовъ. Выгорѣцкіе раскольники усердно работали, увѣряли царя, что они за него молятся, оказывали разныя знаки своей преданности, и потому безпрепятственно могли молиться постарому. Но Петръ хорошо зналъ,

что не всѣ раскольники были похожи на Выгорѣцкихъ, зналъ, что это самые злые противники преобразованія, самые ревностные распространители ученія о новыхъ временахъ, какъ временахъ антихриста, зналъ, что эти люди толпами бѣгутъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ, отбывая отъ службы. Петръ не хотѣлъ преслѣдовать безвредныхъ раскольниковъ; но чтобъ они были безвредны, чтобъ правительство могло терпѣть ихъ какъ безвредныхъ, нужно было знать, что они, гдѣ они и сколько ихъ? Въ февралѣ 1716 года велѣно было переписать всѣхъ раскольниковъ, какъ свѣтскихъ такъ чернецовъ и черницъ; но если Выгорѣцкіе раскольники получили право молиться постарому за усердную работу на заводахъ, такъ и всѣ раскольники за это право должны были помочь государству въ его великой денежной нуждѣ, должны были платить двойной окладъ[383]. Казалось бы, что ничего не могло быть лучше для раскольниковъ: правительство прекращало всякое преслѣдованіе, только брало лишнія деньги за право молиться постарому. Но раскольники глядѣли на дѣло иначе: объявить себя прямо раскольниками значитъ отдаться въ руки правительству, которое если и не будетъ преслѣдовать, то будетъ наблюдать и нельзя будетъ тайкомъ распространять свое ученіе: новоприбылые будутъ явны; да и не новое ли это ухищреніе врага антихриста втянуть православныхъ въ перепись и заставить платить себѣ дань? Такъ какъ перепись могла совершиться только съ помощію священниковъ, которые должны были показать, кто у нихъ въ приходахъ исповѣдуется и кто нѣтъ, то раскольники начали подкупать священниковъ, чтобъ тѣ показывали ихъ исповѣдующимися. Этимъ средствомъ перепись была остановлена, что̀ должно было сильно разсердить Петра и заставить его очень подозрительно взглянуть на раскольниковъ; а тутъ Питиримъ донесъ, что раскольниковъ во всѣхъ городахъ болѣе 200,000, и все еще размножаются (умножаются ученіемъ непрепинаемымъ); въ Балахонскомъ и Юрьевопольскомъ уѣздахъ ихъ больше 200,00. „Всѣ они благополучію государственному не ра-

дуются, но паче несчастію радуются и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на церковь и на гражданство; хотя они между собою и много несогласны, но на церковь всѣ злобою согласны. Надлежитъ размноженіе остановить, чтобъ нигдѣ они не учили; а гдѣ станутъ раскольщики учить, хватать ихъ и наказывать, а не худо учителей неявнымъ промысломъ смирить. Монахинь въ лѣсу тысячи четыре будетъ: надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ хлѣбъ да вода, а которыя обратятся, тѣмъ подобающая пища, немногія останутся изъ нихъ безъ обращенія. Старцамъ, старицамъ и бѣльцамъ въ лѣсахъ, поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ никому жить не велѣть подъ смертною казнію; а кому жить въ лѣсу кельею внѣ монастыря—отъ архіерея писаніе возьми, и если такъ будетъ сдѣлано, то раскольщикамъ изъ городовъ и уѣздовъ свозить будетъ некуда и постригать перестанутъ, только не надобно ослабѣвать, а вину положить для отводу, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разныхъ чиновъ всякіе люди, не хотя службы служить и податей платить. Безпоповщина твое царское имя въ молитвахъ не поминаютъ, а поповщина поминаютъ только благороднымъ, а благочестивымъ и благовѣрнымъ не называютъ, церковь, догматы и таинства разными хулами хулятъ. Я все это знаю, чтобъ мнѣ все это не положено было за укрывательство, что неизвѣщалъ, а если мнѣ извѣщать, такъ они со мною говорить и сходиться не станутъ и обращенію будетъ препятствіе. Указъ о томъ, чтобъ не исповѣдовавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать очень помогалъ обращенію; но сдѣлалось препятствіе большое: попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ, то писали исповѣдающимися, то никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи ландратамъ и поданы росписи, то ни штрафовъ, ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ этого только благочестивые и обратившіеся въ поношеніи и ругательствѣ. Требуемъ, чтобы, для лучшаго обращенія, штрафы на неисповѣдывавшихся и окладъ на раскольщикахъ ежегодно былъ правленъ

неотложно, а мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединять будемъ. По городамъ и по уѣздамъ въ старосты и бурмистры раскольщиковъ не выбирать для того, что они православнымъ и обратившимся творятъ великое утѣсненіе и обращенію сущую остановку."

Внушенія Питирима произвели желаемое дѣйствіе. Въ мартѣ 1718 года изданъ былъ указъ: „Велѣть взять у всѣхъ поповъ сказки съ подкрѣпленіемъ изверженія священства и лишеніемъ имѣнія, что въ поданныхъ росписяхъ въ 716 и 717 годахъ не написали-ль они неисповѣдавшихся исповѣдавшимися и раскольщиковъ не написали-ль подъ видомъ, что оные не противники церкви, и для того тѣ дѣла и *Тиманскую* избу вѣдать нынѣ Златоустовскаго монастыря архимандриту Антонію. И буде послѣ взятья сказки у котораго попа сыщется противу поданныхъ росписей неправда и утаеніе, и у такихъ поповъ, взявъ имѣнія ихъ, присылать ихъ архимандриту ради изверженія къ преосвященному митрополиту Рязанскому, а по изверженіи отсылать для наказанія къ гражданскому суду въ каторжную работу. Прежде взятья у нихъ сказокъ, чтобъ онъ объявлялъ имъ, аще кому зазираетъ совѣсть, и для того, чтобы о утаенныхъ нынѣ объявили правду своею волею, и аще-ли которые объявятъ своею волею, таковымъ вины ихъ прощати и въ томъ дать имъ сроку на три мѣсяца, а послѣ того сроку, хотя бы кто и принесъ вину свою, и такимъ не прощать." Антоній донесъ: изъ поповъ, которые написали въ росписяхъ неисповѣдавшихся исповѣдавшимися, явилось 109 человѣкъ, а изъ того числа нѣкоторые явились и раскольщиковъ укрыватели. Еще въ 1715 году Питиримъ жаловался царю, что опредѣленные отъ Нижегородской губерніи начальники, волостные прикащики и старосты препятствуютъ ему въ обращеніи раскольниковъ, такъ что и входъ ему къ раскольникамъ запрещенъ, священникамъ учить ихъ запрещаютъ. Царь написалъ: „По сему прошенію отца игумена Питирима запрещается всѣмъ ему возбранять въ семъ его равноапостольномъ дѣлѣ, но пове-

лѣвается паче ему вспомогать. Ежели же кто въ семъ святомъ дѣлѣ ему препятствовать будетъ, тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію, яко врагъ святыя церкви; а буде кто изъ начальствующихъ не будетъ помогать, тотъ лишенъ будетъ имѣнія своего.“

На помощь Питириму отправленъ былъ въ Нижній Новгородъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій: онъ долженъ былъ ссылать на каторгу тѣхъ раскольниковъ мірянъ, которые будутъ укрываться отъ платежа двойнаго оклада; монаховъ и монахинь забирать въ монастыри подъ началъ; о заводчикахъ и учителяхъ Петръ собственноручно написалъ въ инструкціи Ржевскому: „буде возможно *явную вину сыскать кромѣ раскола*, такихъ съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать на галеры, а буде нѣтъ причины явной, поступать съ ними по словесному указу“. Петръ не хочетъ наказывать за расколъ даже учителей и заводчиковъ. Ржевскій долженъ былъ обо всемъ совѣтоваться съ Питиримомъ, но „какъ можно тайно, дабы о томъ другіе никто не вѣдали,“ потому что Питиримъ писалъ, что онъ долженъ дѣйствовать осторожно, не подавать вида, что онъ участвуетъ въ преслѣдованіи раскольниковъ, иначе „обращенію будетъ препятствіе, раскольники перестанутъ приходить къ нему и бесѣдовать.“

Ржевскій и Питиримъ должны были дѣйствовать въ Нижегородской области, потому что здѣсь, въ лѣсахъ на луговой сторонѣ Волги и преимущественно на верховьѣ рѣки Керженца былъ одинъ изъ главныхъ раскольничьихъ притоновъ. Въ ноябрѣ 1718 года Ржевскій доносилъ царю: „Нынѣ до вашего величества послалъ раскольниковъ необратныхъ и замерзелыхъ, они же и указу твоему учинились противны, положеннаго окладу платить не хотятъ, и за то биты кнутомъ и вынуты ноздри и посланы въ каторжную работу числомъ 23 человѣка, а въ томъ числѣ посланъ раскольщикъ необратный Василій Пчелка, который подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ; да женска полу 46 человѣкъ замерзелыхъ послалъ

въ дѣвичьи монастыри, положеннаго окладу платить отреклись, и за то учительницы ихъ биты кнутомъ 13 человѣкъ."

Питиримъ былъ назначенъ епископомъ въ Нижній; онъ жилъ дружно съ Ржевскимъ, и въ 1719 году писалъ къ Макарову: „Прошу вашу милость Господа ради и ради святыя церкви, потщися о семъ просить царскаго величества, чтобы Ржевскому въ Нижнемъ быть вице-губернаторомъ неотложно, понеже по премногу сильно дѣло раскольничье ко обращенію и ко искорененію ихъ строится какъ лучше того быть невозможно. Съ раскольническими учителями, съ дьякономъ и прочими размѣнялись мы вопросами и отвѣтами, и та размѣна по премногу церкви святой благополучна, а на отвѣты ихъ я имѣю намѣреніе сдѣлать возраженіе. А люди изъ расколу нынѣ къ намъ зѣло стали быть къ обращенію наклонны, да и обращаются, и надѣемся на милость Божію, что обращеніе умножится. Только нынѣ насъ нечаянный случай попремногу опечалилъ и навелъ сомнѣніе: врагъ св. церкви, кормилицынъ мужъ (кормилицы кого-нибудь изъ царскихъ дѣтей) Стефанъ Нестеровъ къ намъ въ Нижній опредѣленъ съ двадцатаго года быть оберъ-ландрихтеромъ, и знатно отъ раскольщиковъ есть какой-нибудь злой и хитрый умыслъ, а не просто таковой врагъ въ Нижній къ намъ тщится на неустроеніе нашему дѣлу, но на разореніе, понеже раскольщики по сіе время у насъ весьма были безсильны, и ни отъ кого въ томъ помощи и надежды не имѣли, а сей врагъ хотя и неявно, но лестною станетъ ихъ помощію обнадеживать, и отъ того будетъ все неустроеніе. Юрья Алексѣевичъ Ржевскій впредь при томъ дѣлѣ быть попремногому боится, что кормилица Параскева Яковлевна, жена Нестерова, пріѣзжая въ Петербургъ, станетъ на него клеветать государынѣ царицѣ; отъ сего не точію господинъ Ржевскій, но и азъ не безъ опасенія. А я съ нимъ со врагомъ колико мучился, понеже онъ тогда не тайно раскольщиковъ защищалъ, но явно и нагло за нихъ противу насъ старался, а нынѣ у Юрья Ржевскаго въ сыску расколъ его Нестеровъ явно показанъ отъ многихъ свидѣтельствъ."

Нестеровъ не произвелъ неустроенія дѣлу; Питиримъ доносилъ царю, что въ 1719 году обратились отъ раскола больше 3000 человѣкъ, кромѣ Нижняго и другихъ мѣстъ, и всѣ крестятся тремя перстами. „А которые не крестятся тремя перстами, писалъ Питиримъ, не надобно имъ послаблять ради обратившихся, да не ослабѣваютъ и тѣ; хотя и во всемъ церкви повинуются, однако за двоеперстное знаменованіе брать съ нихъ штрафъ противъ сущихъ раскольниковъ вполовину, и отъ церкви не отлучать всякихъ тайнъ соединеніемъ. Многіе, не хотя платить за расколъ денегъ, побѣжали жить на рѣку Усту и на Метнаръ рѣку; эти рѣки хотя и Казанской губерніи, но смежны съ Нижегородскою: и тѣхъ бѣглыхъ раскольщиковъ не повелитъ ли ваше величество приказать Ржевскому вѣдать и перевести на старыя мѣста, такъ и другимъ бѣгать будетъ не повадно; да и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Казанской губерніи чтобы ихъ на старыя мѣста брать же. Юрья Ржевскаго по раскольническимъ дѣламъ, въ случаѣ какого челобитья и навѣта, кромѣ кабинета чтобъ не вѣдать изъ прочихъ коллегій.“ Въ 1721 году Ржевскій доносилъ царю: въ Нижегородской губерніи явилось раскольниковъ 46965 человѣкъ, изъ того числа обратилось 9194; въ числѣ 46965 утаено было прежде 16749. Патріархомъ своимъ раскольники называли разстриженнаго попа Авраміа Иванова, который въ 1719 году былъ наказанъ въ Нижнемъ и съ вырванными ноздрями отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими *замерзѣлыми* раскольниками въ Петербургъ на каторгу. Но дорогой въ Москвѣ Аврамъ съ четырьмя товарищами подкупилъ караульныхъ солдатъ тридцатью семью рублями и ушелъ; потомъ опять былъ пойманъ, въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отъ раскола обратился и, по рѣшенію Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, отосланъ въ Невскій монастырь на исправленіе.

Мы видѣли, что Питиримъ, совѣтуя мѣры строгости противъ раскольниковъ, хотѣлъ казаться чуждымъ участія въ этихъ мѣрахъ, и предоставлялъ себѣ дѣйствовать только средствами увѣщательными. Въ докладной запискѣ своей

царю Питиримъ между прочимъ писалъ:" Книга *Соборное Дѣяніе*, которая привезена изъ Кіева на еретика Мартина зѣло полезна ко обращенію. И дабы ихъ (книгъ), напечатавъ довольно, разослать по вся епархіи по церквамъ за достойную цѣну, понеже многіе попы не точію другихъ отъ расколу обращать, сами весьма правости церковной не знаютъ, и тою книгою исправляются." Въ этой книгѣ, очень неискусно составленной, разсказывалось, что въ 1147 году приходилъ въ Кіевъ монахъ Мартинъ, родомъ Арменинъ и написалъ книгу, въ которой изложено было раскольническое ученіе о двойной аллилуіа, о двуперстномъ сложеніи и т. д. по на соборѣ 1157 года Мартинъ былъ осужденъ. По представленію Питирима книга была напечатана въ 1718 г. какъ древнее, современное событію сочиненіе. Мы видѣли, какъ Питиримъ извѣщалъ Макарова, что размѣнялся съ раскольниками вопросами и отвѣтами. По его словамъ, онъ еще въ 1716 году, будучи игуменомъ въ Переяславлѣ, послалъ 130 вопросовъ на Керженецъ раскольникамъ Дьяконова согласія, дьякону старцу Александру, старцу Варсонофію, старцу Герасиму, старцу Іосифу, и всѣмъ старцамъ и бѣльцамъ; раскольники прислали къ нему свои вопросы, числомъ 240; онъ написалъ отвѣты на эти вопросы и много разъ посылалъ къ раскольникамъ съ требованіемъ, чтобъ они приняли его отвѣты при всемъ народѣ и дали свои отвѣты на его вопросы. Раскольники долго отговаривались, наконецъ 1-го октября 1719 года при многочисленномъ собраніи народа въ селѣ Пафнутьевѣ Балахонскаго уѣзда Дрюковской волости, Питиримъ и раскольничьи старцы размѣнялись вопросами и отвѣтами, при чемъ Питиримъ опровергъ ихъ не правое отвѣтствованіе и требовалъ праваго; дьяконъ Александръ и выборный старецъ Варсонофій съ товарищами подали доношеніе, что отвѣты ихъ неправые и отвѣчать право не могли, и просили въ своихъ неправыхъ отвѣтахъ при всемъ народѣ прощенія. Питиримъ донесъ объ этомъ царю и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо: „Преосвященный епископъ, письмо ваше мы получили съ великою радостію, что Господь Богъ чрезъ вашъ

трудъ истину святыя своея церкви прославити и противниковъ оной безотвѣтныхъ сочинити изволилъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ одинъ раскольникъ письмо въ соборной церкви на патріаршее мѣсто положилъ, и ему сіи отреченія Керженскихъ жителей объявлены, но онъ тому вѣры ять не хочетъ, и требуетъ видѣться съ тамошними ихъ учителями, и о томъ просилъ, дабы ему позволено къ нимъ писать, что̀ ему и позволено, которое его письмо при семъ прилагаю, и извольте призвать ихъ къ себѣ, и имъ оное объявить, и чтобъ они сюда ѣхали безъ опасенія для объявленія ему, что̀ они учинили; также и ты изволь съ ними пріѣзжать сюды, и подлинные пункты, отъ нихъ вамъ данные, и отъ васъ имъ отвѣтствованные, также и письмо ихъ отрицательное о своихъ пунктахъ и прочія тому подлежащія письма привезть съ собою.“ Къ этому письму приложена была записка: „Письмо раскольническое покажи имъ у себя въ кельѣ и дай прочесть, а имъ не отдавай; понеже въ ономъ есть увѣщательныя слова, чтобъ тѣмъ болѣе въ соблазнъ простой народъ не привесть, письмо же мое настоящее къ вамъ можешь имъ показать для увѣренія, а сего имъ не кажите.“ Въ генварѣ 1720 года Питиримъ и старецъ Варсонофій пріѣхали въ Петербургъ и явились къ царю, при чемъ Варсонофій подтвердилъ показаніе епископа. Но въ тоже время явился въ Петербургъ и дьяконъ Александръ и подалъ царю прошеніе, въ которомъ разсказывалъ, что они пришли къ Питириму въ монастырь и просили, чтобъ не требовалъ отъ нихъ отвѣтовъ на свои вопросы; Питиримъ велѣлъ ихъ взять и держалъ за карауломъ съ годъ, и они, по принужденію, сидя въ узахъ, писали къ своимъ, чтобы составили отвѣты; отвѣты были написаны и поданы епископу въ маѣ мѣсяцѣ 1719 года; послѣ этого Питиримъ велѣлъ заклепать ихъ въ кандалы и держалъ за крѣпкимъ карауломъ до конца сентября, когда, отправившись въ село Пафнутьево, велѣлъ и ихъ везти туда же. Здѣсь старецъ Варсонофій принесъ имъ черновое доношеніе, велѣлъ переписать его на бѣло, и, приложа руки, подать предъ народомъ и ни въ чемъ не спорить, „хотя и станетъ епископъ требовать, чтобъ вы на

вопросы отвѣчали, вы только кланяйтесь и говорите, что отвѣчать не можете.“ Они, истомленные заключеніемъ, боясь отъ епископа большихъ мукъ, ссылки, рванія ноздрей, не осмѣлились спорить и къ невольному доношенію приложили руки не праведно, а почему они провинились въ своихъ отвѣтахъ, не знаютъ: епископъ имъ объ этомъ ничего не объявилъ. „Теперь, писалъ Александръ въ заключеніе, испугавшись суда Божія и вѣчныхъ мукъ за приложеніе руки моей къ неправому доношенію, приношу предъ Господомъ Богомъ слезное покаяніе, и отъ вашего царскаго величества прошу правдиваго разсмотрѣнія чрезъ вопросы и отвѣты.“

Просьба дьякона Александра передана была Ворсонофію, какъ выборному старцу скита; тотъ, прочитавши ее, объявилъ, что она написана безъ согласія со скитомъ, неизвѣстно по какому умыслу, они всѣмъ скитомъ съ нею несогласны и стоятъ на первомъ доношеніи, которымъ объявили свои отвѣты неправыми. Петръ далъ собственноручно рѣшеніе: „Дьякона пытать, къ кому онъ сюда пріѣхалъ и приставалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ; а послѣ пытки послать въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что̀ мимо выборнаго старца воровски учинилъ.“ Дьяконъ не открылъ сообщниковъ и въ Нижнемъ потерялъ голову. И тутъ Петръ хотѣлъ показать, что Александръ казненъ не за расколъ, а за то, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ. Отвѣты Питирима на раскольничьи вопросы были напечатаны въ 1721 году подъ именемъ „Пращицы“ [383].

Въ Петербургѣ печатали Пращицу Питиримову, а изъ Сибири пришло извѣстіе, показывавшее, какъ трудно бороться съ раскольническими представленіями: въ 1721 году Верхотурскій таможенный подъячій Вавила Ивановъ подалъ Сибирскому губернатору, князю Черкасскому, извѣщеніе, что онъ видѣлъ видѣніе: „бѣлообразные мужи привели его въ поле, на полѣ пропасть великая, наполненная людьми, а иныхъ въ ту же пропасть гонятъ, а тѣ люди всѣ опалены какъ головни, а бороды и усы у нихъ какъ свиная ще-

тина, одежда на нихъ похожа на Шведское платье, а на головахъ шапки, которыя называются корабликами; и сказали мнѣ бѣлообразные мужи: люди въ пропасти — брадобривцы, а товарищъ твой Михайла Лосевъ безъ бороды явиться не смѣлъ, потому что когда по указу борода у него была обрита, то онъ ее сберегъ, и по смерти положили ее съ нимъ въ гробъ. Сего видѣнія оные бѣлообразные мужи таить не велѣли, а велѣли донести до царскаго величества чрезъ духовника, что при родителяхъ его въ Россіи брадобритія не было“ [384].

Въ то время, какъ Питиримъ на востокѣ боролся съ раскольниками, въ Москвѣ блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій долженъ былъ бороться съ распространителями протестантскаго ученія. Учителей иностранныхъ и иновѣрныхъ набралось много, сознаніе необходимости учиться у нихъ, перенимать у нихъ все болѣе и болѣе усиливалось между Русскими людьми; для нѣкоторыхъ трудно было уберечься, чтобъ не подпасть вліянію учителей и относительно религіозныхъ вѣрованій. Учители протестанты, пріѣхавшіе въ Россію, по характеру своей дѣятельности, да и по характеру своего исповѣданія, не могли быть ревностными распространителями своихъ религіозныхъ убѣжденій между учениками; они дѣйствовали отрицательно, свысока, съ презрѣніемъ и насмѣшкою относясь ко всему старому Русскому, а слѣдовательно и къ вѣрѣ; но ученики, подпавшіе авторитету учителей, какъ обыкновенно бываетъ съ новообратившимися, не могли удержать своей ревности: одни дѣйствовали съ бо́льшею или меньшею осторожностію, но другіе дошли до фанатизма.

Въ апрѣлѣ 1713 года префектъ Славенолатинской школы донесъ митрополиту Стефану, что ученикъ той же школы, Иванъ Максимовъ еретикъ, не почитаетъ угодниковъ Божіихъ, гнушается церковію апостольскою и многихъ къ себѣ привернулъ на люторскую и кальвинскую вѣру. Максимова взяли къ допросу въ духовный патріаршій приказъ, гдѣ онъ во всемъ заперся. Но свидѣтели показали, что онъ, въ присутствіи товарищей, сказалъ о Николаѣ Чудотворцѣ:

„вотъ и Никола будетъ въ пеклѣ!“ и когда другіе замѣтили, что этого нельзя говорить, онъ отвѣчалъ: „а кто съ Богомъ въ бесѣдѣ былъ?“ говорилъ, что не слѣдуетъ кланяться предъ св. Тайнами, потому что это простой хлѣбъ и вино, не слѣдуетъ почитать мощей. Максимова отправили въ Преображенскій приказъ: тамъ съ одной пытки онъ повинился, что о простомъ хлѣбѣ и винѣ говорилъ съ пьяна, объ иконахъ же и мощахъ говорилъ, наслышась отъ пасторовъ. Тутъ же онъ указалъ на единомышленника своего, лѣкаря Димитрія Тверитинова, который прежде носилъ фамилію Дерюшкина; оговорилъ овощнаго ряда торговаго человѣка Никиту Мартынова, что онъ къ Тверитинову хаживалъ и въ одной съ нимъ прелести пребываетъ; Мартыновъ показалъ, что Тверитиновъ приходилъ часто въ овощной рядъ и при рядовичахъ проповѣдывалъ, что не надобно кланяться иконамъ и его, Максимова, смутилъ. Максимовъ оговорилъ также торговаго человѣка Михайлу Минина, что учится той же прелести; оговорилъ фискала Михайлу Андреева; оговорилъ цырюльника Ѳому Иванова, двоюроднаго брата Тверитинову: Ѳома объявилъ, что иконамъ и мощамъ не кланяется, не исповѣдуется, не пріобщается.

Максимова со всѣми оговоренными взяли въ Петербургъ; здѣсь, въ канцеляріи сената, они стали показывать другое. Максимовъ объявилъ, что все взведено на него ложно, по мести префекта, который преслѣдовалъ его за то, что онъ билъ челомъ митрополиту Стефану на архимандрита Лопатинскаго и на него, префекта, за удержку жалованья школьникамъ; показанія товарищей справедливы; но все это онъ говорилъ въ шутку, а въ Преображенскомъ приказѣ винился, не стерпя жестокой пытки; на Тверитинова донесъ онъ въ безпамятствѣ отъ боли и отъ страха, съ Тверитиновымъ были у него только диспуты по обыкновенію школьному. И Тверитиновъ показалъ, что Максимовъ приходилъ къ нему и держалъ диспуты только для упражненія въ латинскомъ языкѣ; если же показалъ на него что̀ другое, то вѣрно по наученію Ѳеофилакта Лопатинскаго: съ Лопатинскимъ въ Симоновѣ монастырѣ по принужденію вице-губернатора

Ершова, онъ Тверитиновъ имѣлъ диспуты о призываніи святыхъ, причемъ Лопатинскій взялся защищать церковное ученіе, а онъ принялъ на себя роль лютеранина; Лопатинскій присылалъ сказать Максимову, чтобъ онъ оговорилъ его, Тверитинова, и за это получитъ свободу, въ противномъ же случаѣ умреть на пыткахъ; Максимовъ подтвердилъ, что дѣйствительно Лопатинскій присылалъ къ нему съ этимъ. Въ Петербургѣ Максимовъ сговорилъ и съ Мартынова; Мартыновъ, въ свою очередь, сговорилъ съ Тверитинова, показалъ, что послѣдній настаивалъ только на томъ, чтобъ покланяться не иконѣ, но изображенному на ней. И Ѳома Ивановъ въ Петербургѣ объявилъ себя православнымъ, только прибавилъ: на какомъ мѣстѣ прилучится ему творить поклоненіе, и онъ поклоненіе творитъ самому Богу и Отцу духомъ и истиною, а не написаннымъ иконамъ поклоняется; мощамъ не покланяется для того, что его Ѳому сотворили не они, но вышній Богъ.

Въ іюнѣ 1714 года состоялся указъ великаго государя: Максимова, Мартынова и Ѳому Иванова послать въ Москву къ митрополиту Стефану: хотя они и сказали, что пребываютъ въ православіи, однако все еще ихъ освидѣтельствовать духовно, истинно ли они православную вѣру содержатъ твердо, и если явится, что истинно, то взявъ у нихъ исповѣданіе на письмѣ, за ихъ руками, въ торжественный день, въ соборной церкви велѣть имъ самимъ о себѣ объявить, что они въ православной вѣрѣ пребываютъ твердо, дабы тѣмъ объ нихъ народное мнѣніе искоренить; Ѳому Иванова, такъ какъ онъ по розыску явился неисправенъ, духовно исправить, и если онъ въ познаніе придетъ, то и съ нимъ поступить также, если же нѣтъ, то отослать его къ гражданскому суду для казни; Тверитинову же, на основаніи свидѣтельства духовника, только объявить о себѣ всенародно въ соборѣ, дабы мнѣніе о немъ искоренить.

Но митрополитъ Стефанъ считалъ себя въ правѣ поднять снова дѣло: ему представлены были сочиненія Тверитинова, въ которыхъ ясно высказывалось неправославное ученіе, и которыхъ нельзя было оправдать цѣлію диспута. Явор-

скій предписалъ: еретиковъ разослать въ разные Московскіе монастыри и держать за крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нимъ никого, потому что въ приказъ приходятъ къ нимъ такіе же противники на бо́льшее развращеніе, да бумаги и чернилъ не давать, чтобъ писаніемъ больше ересей не разсѣвали; а если Тверитиновъ пожелаетъ написать полное отреченіе отъ ересей и объявитъ сообщниковъ, то позволить ему писать. При этомъ митрополитъ объявилъ, чтобъ всякій приносилъ доносы на еретика, кто что̀ знаетъ, а кто утаитъ, будетъ подъ соборною клятвою.

Доносчики явились. Префектъ славено-латинскихъ школъ, іеромонахъ Гавріилъ показалъ: „тому лѣтъ съ шесть или больше, когда я жилъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ одной кельѣ съ бывшимъ префектомъ Стефаномъ Прибыловичемъ, прихаживалъ къ нему Дмитрій Евдокимовъ Тверитиновъ съ своими сомнѣніями о догматахъ церкви восточной, и спорилъ съ нимъ, приводя писанія лютеранскія и кальвинскія; какъ ни старался Прибыловичъ утвердить его въ догматахъ церковныхъ, онъ остался при своемъ и говорилъ что всѣ преданія, кромѣ писанія, суть басни человѣческія. Ѣздили мы съ Прибыловичемъ и въ домъ къ Тверитинову; увидавши у него въ углу одну икону, Прибыловичъ сказалъ: „слава Богу, и у тебя есть икона!“ — „Эту икону, отвѣчалъ Тверитиновъ, держу я не для себя, а для жены, которая еще не совершенно познала истину; я же, по писанію, Единому Богу покланяюсь и Его Единаго почитаю.“

Священникъ отъ Пимена въ Воротникахъ, Иванъ Ивановъ донесъ: „въ 1708 году приходилъ я со святынею въ домъ къ дочери своей духовной, вдовѣ Евдокіи Тверитиновой, и сынъ ея Димитрій къ кресту не подошелъ; когда я спросилъ его: вѣруешь ли въ церковь? то онъ отвѣчалъ: „я самъ церковь живая.“ Я спросилъ у матери: „есть ли у твоего сына въ домѣ иконы?“ она отвѣчала: „Что ты, батюшка! какимъ у него быть иконамъ?“ Я спросилъ ее: „Какъ давно сынъ твой сталъ отвратенъ отъ св. церкви и отъ иконъ?“ Она отвѣчала: „Какъ отъ меня отошелъ прочь и сталъ ис-

кать науки у докторовъ и лѣкарей въ Нѣмецкой слободѣ, съ тѣхъ поръ и сталъ отвратенъ, и я къ нему за то стала мало ѣздить.“

Архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій объявилъ: „однажды встрѣтилъ я Тверитинова у графа Ив. Алексѣевича Мусина-Пушкина, который былъ боленъ; графъ говорилъ ему: „для чего это ты затѣваешь? для чего не отстанешь отъ своего злоумствованія? Бѣдный, бѣдный, жаль мнѣ тебя! Если ты не отъ ереси, а отъ любопрѣнія приводишь эти противности, то для чего говоришь передъ невѣждами? Для удостовѣренія о своемъ православіи отвѣчай на свои тетради.“ Тверитиновъ сказалъ на это: „не могу рѣшить я этихъ писаній, которыя собралъ отъ священнѣйшаго писанія.“ — „Вотъ тебѣ поможетъ архимандритъ Ѳеофилактъ,“ сказалъ графъ. Тверитиновъ промолчалъ.

Симоновскій архимандритъ Петръ Смиляничь, родомъ Сербъ, показалъ: „пріѣзжалъ въ Москву по Сербскимъ дѣламъ полковникъ Пантелеймонъ Божичь, которому отвели квартиру вмѣстѣ съ лѣкаремъ Дмитріемъ Тверитиновымъ. Полковникъ пріѣзжалъ къ Суздальскому митрополиту Ефрему (Янковичу, Сербу) и говорилъ ему: „мы думали, что въ Москвѣ лучше нашего благочестіе, а вмѣсто того худшее иконоборство, чѣмъ у Лютеранъ и Кальвиновъ, начинается какая-то новая ересь, что не только иконъ не почитаютъ, но ругаютъ и идолами называютъ, а поклоняющихся—заблудшими и ослѣпленными. Человѣкъ, у котораго отведена мнѣ квартира, какой-то лѣкарь, и кажется въ политикѣ не глупъ, а на церковь православную страшный хулитель, иконы святыя и священническій чинъ сильно уничижаетъ; всякій вечеръ приходятъ къ нему русскіе молодые люди, сказываются учениками Нѣмецкой школы, которыхъ онъ поучаетъ своей ереси, про священническій чинъ, про исповѣдь и причастіе такъ ругательно говоритъ, что и сказать невозможно. Я не могъ снести ругательства вѣрѣ христіанской и чуть въ бѣду не попалъ, вчера вечеромъ саблею чуть всѣхъ не перерубилъ, вынулъ саблю и всѣхъ еретиковъ выгналъ изъ хоромъ; а нынче поутру пришелъ

онъ ко мнѣ съ женою, упалъ въ ноги и просилъ прощенья: „пожалуй не гнѣвайся на насъ, нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, вольно всякому — кто какую вѣру себѣ изберетъ, такую и вѣруетъ, а мы при милости твоей больше объ этомъ не станемъ говорить, если тебѣ не нравится.“

Князь Семенъ Михайловичъ Козловскій сказалъ: „Тверитиновъ говорилъ мнѣ: „откуда вы взяли поклоняться иконамъ?“ и о многомъ церковномъ поведеніи толковалъ по лютерскому разумѣнію, монашество и посты уничтожилъ; я ему воспрещалъ градскимъ судомъ, а онъ мнѣ на это говорилъ: „вы истины познать не можете, только стращаете мучительствомъ.“

Московскій вице-губернаторъ Василій Ершовъ донесъ: „знаю подлинно, что лѣкарь Тверитиновъ еретикъ и учитель ереси, а ученикъ его Котельной слободы Михайла Андреевъ Косой ереси его излиха ревнитель: коммиссаръ Сергѣевъ, у котораго болѣли глаза, спросилъ Тверитинова, чѣмъ ему лѣчиться? Еретикъ отвѣчалъ: „у вашей милости есть лѣкарство изрядное: изволь купить глазокъ или оба серебряные, и отнеси къ Пятницѣ Прощѣ, что на Пятницкой улицѣ, и глазки твои здоровы будутъ; а ежели у вашей милости болятъ зубки, то изволь купить зубокъ серебряный Антипѣ Чудотворцу.“ При этихъ словахъ еретикъ такъ расхохотался, что повалился на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ. Однажды мнѣ случилось вѣшать иконы въ хоромахъ моихъ; случился тутъ еретическій послушникъ Косой и, смѣясь, говорилъ: „Для чего гвозди колотишь? поставь къ стѣнѣ такъ, чтобъ сами собою стояли безъ гвоздей, а на гвоздяхъ и все другое стоитъ.“ Во все время моего знакомства съ Тверитиновымъ и Косымъ не помню ни одного свиданія, чтобъ не слыхалъ отъ нихъ какой-нибудь противности.“

Игуменъ Макарьевой пустыни (Бѣльскаго уѣзда) Тихонъ сказалъ: „ночевалъ я однажды у Тверитинова въ домѣ, и онъ, вставши поутру, по обыкновенію умылся и обратясь къ картинѣ, что-то немного пошепталъ, а на картинѣ написаны золотыми буквами двѣ первыя заповѣди.“

Леонтій Магницкій показалъ, что Тверитиновъ при немъ

говорилъ: „святые по смерти ничего не чувствуютъ и себя не знаютъ, на что плѣнный Шведъ Брендеръ сказалъ: „И нашему лютерскому ученію противенъ.“

Справщикъ Θедоръ Поликарповъ объявилъ, что присутствовалъ при спорѣ между Тверитиновымъ и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ: „Нача убо графъ обличати Димитрія чиномъ діалектическимъ и аргументами; но Димитрій отречеся, сказуя себя тоя науки несвѣдуща, и потомъ отвѣщеваше на всякое предложеніе нерегулярно, но яко не вѣдая писанія ни силы Божія, опираясь токмо на писмо нагое, яко же древле и нынѣ Іудеи, къ нимъ же речеся: писмо убиваетъ, а духъ живитъ. И отъ правыя убо страны рать не безъ огня Иліины ревности яже по Бозѣ и по восточной церкви бяше; отъ лѣвыя же тихотинная вода изливаше глаголы потопныя, языкомъ льстивымъ и ласкательнымъ, но словесы ненавистными, обаче не сильными и чинными, но мужицкими неправильно.“

Подали доносъ на Тверитинова — теща его, купчиха, шурья, изъ которыхъ одинъ былъ ученикъ лѣкарскихъ дѣлъ, другой монахъ Пафнутій, написавшій противъ зятя-еретика книгу: „*Рожнецъ духовный*.“ Оказывалось, что учениками Тверитинова наполненъ Серпуховъ, что ученики его всѣ живутъ въ довольствѣ, потому что другъ другу помогаютъ. [385]

Вслѣдствіе этихъ доносовъ дѣло началось снова и тянулось долго. Въ маѣ 1715 года митрополитъ Стефанъ подалъ царю такое доношеніе: „По твоему великаго государя указу велѣно мнѣ въ св. Четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое зачалось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрепятно во всю седмицу крестопоклонную, и никто же мене тогда не изгонялъ; а нынѣ, мая въ 14 день, по прежнему указу, пришелъ я въ судебную избу для слушанія и рѣшенія того же дѣла, и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я, плачущъ исходя изъ палаты судебной, говорилъ: бойтеся Бога, для чего не по правдѣ судите? Сего же рѣченія мо-

его сія суть вины: а) книги, Дмитріемъ Тверитиновымъ писанныя и листъ на развращеніе народа отъ него жь писанъ и раздаванъ въ народъ, явѣ его показуютъ быти еретика. То все на судѣ уничижено, или на какое время оставлено, и вида тому не показано. б) Велятъ давать очныя ставки отвѣтчикамъ съ свидѣтельми, а въ прошломъ 205 (1697) именнымъ царскимъ повелѣніемъ писана статья: велѣно во всякихъ дѣлахъ допрашивать свидѣтелей и вѣрить свидѣтелямъ тремъ, и двумъ, и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ, а нынѣ на оныхъ раскольщиковъ многое число священнаго и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ, свидѣтельствуя ихъ неистовство, письменно обличаютъ: и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію не повѣрено, а для чего, тому вида не показано, а надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольщиковъ допрашивать, а они не противъ одного не вопрашиваны. г) Нѣціи отъ раскольщиковъ винились въ Преображенскомъ, и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали, а предъ сенатомъ всего того заперлись, и то мимо пущено и въ премѣнныхъ рѣчахъ не разыскивано“ [386].

Удивительно, что въ этомъ доношеніи митрополитъ не упомянулъ о происшествіи, случившемся еще 5 октября 1714 года. Одинъ изъ еретиковъ, Ѳома Ивановъ, былъ отданъ подъ началъ въ Чудовъ монастырь, и велѣно его въ оковахъ приводить въ церковь во время службы; 5 октября послѣ заутрени Ѳома вынулъ косарь, принесенный имъ тайно изъ кельи, и перерубилъ по лицу образъ св. Алексія митрополита „въ церкви Благовѣщенія, за желѣзною рѣшеткою стоящій по человѣчеству рѣзной на серебрѣ;“ монахи и лампадчики едва успѣли схватить его и удержать. Приведенный въ духовный патріаршій приказъ, Ѳома сказалъ: отецъ его былъ посадскій человѣкъ и жилъ въ Твери; онъ, Ѳома учился грамотѣ у попа; 22 года тому назадъ пріѣхалъ въ Москву, жилъ въ разныхъ домахъ, нанимался работать, на исповѣди не бывалъ, въ церкви хаживалъ и молился истинному Богу, а иконамъ не покланялся; въ прошломъ

1713 году велѣно сыскать его въ преображенскій приказъ, гдѣ распрашиванъ объ иконоборствѣ, посланъ былъ въ Петербургъ, оттуда въ Чудовъ монастырь и порубилъ образъ для того, что иконъ, креста и мощей не почитаетъ и не покланяется, ибо иконы и крестъ дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи его, Ѳому, не милуютъ; призыванія святыхъ и молитвы за умершихъ не пріемлетъ, въ евхаристіи не вѣруетъ быти истинному тѣлу и крови Христовой, но просвира и вино церковное просто, и въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта не нашелъ ничего этого. Ни укого не учился, до всего дошелъ самъ, другихъ не училъ и не знаетъ, кто бы съ нимъ одинаково думалъ; подалъ покаяніе, чтобъ получить свободу, а еслибъ получилъ свободу, творилъ бы прежнее; лѣкарь Тверитиновъ ему братъ двоюродный [387].

Дѣло протянулось весь 1715 годъ. 22 февраля 1716 года царь далъ указъ сенату: по дѣлу Дмитрія Тверитинова разыскавъ и оное конечно вершить, и которые по тому дѣлу приносятъ или принесутъ вины свои, тѣхъ разослать къ архіереямъ въ служеніе при ихъ домахъ, и чтобъ имѣли за ними крѣпкій присмотръ, дабы непоколеблемы были въ вѣрѣ, а которые не принесутъ винъ, казнить смертію [388]." Не принесъ покаянія одинъ Ѳома Ивановъ и былъ казненъ.

Только что кончилось дѣло о Тверитиновѣ съ товарищами, какъ началось другое о еретикахъ, между которыми главную роль играла женщина. Въ маѣ мѣсяцѣ 1717 года была захвачена жена ходока приказа земскихъ дѣлъ Ивана Зимы, Настасья, со многими другими людьми обоего пола. Въ патріаршемъ духовномъ приказѣ Настасья объявила, что она дочь бѣглаго дьячка, выучена грамотѣ, года съ четыре въ церковь не ходитъ, не исповѣдуется и не причащается, потому что купила она на печатномъ дворѣ книги и читала ихъ себѣ и другимъ людямъ, которые къ ней приходили и теперь взяты вмѣстѣ съ нею въ ея домѣ; въ этихъ книгахъ не написано, что иконамъ кланяться, хлѣбъ и вино почитать и вѣрить; она эти книги въ домѣ своемъ читала и толковала, они ее слушали и по тѣмъ книгамъ также дѣлали, а приходили къ ней въ домъ въ воскресные дни въ обѣдню;

иконамъ и кресту она, Настасья, не кланяется и за святыню ихъ не почитаетъ, потому что это дѣло рукъ человѣческихъ, а молится она и другихъ учитъ молиться Богу духомъ и истиною; креста на себѣ не носитъ, крестнаго знаменія на себѣ не полагаетъ и инымъ людямъ креститься не велитъ, церкви и преданія учителей церковныхъ не слушаетъ; а мужъ ея Иванъ въ церковь ходитъ и отца духовнаго имѣетъ, и ее, Настасью, отъ того унимаетъ, и она его не слушаетъ; молитву Іисусову говоритъ она такъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшную!“ а не читаетъ молитвы: „Господи Іисусе Христе *Боже нашъ*!“

Взятый вмѣстѣ съ Настасьею портной Алексѣй объявилъ, что однажды на дорогѣ встрѣтился съ нимъ священникъ изъ Устюжны, который говорилъ ему, что надобно Бога познавать изъ Евангелія и кланяться Ему духомъ и истиною, а не тѣломъ, и прибавилъ: „отъ другихъ поповъ ты этого не услышишь!“ Пришедши по своему ремеслу въ домъ Зимы и заставши его жену за чтеніемъ Евангелія, онъ, Алексѣй, познакомился съ нею и сталъ ея слушателемъ. Золоту, серебру и дереву поклоняться Богъ не велѣлъ; отца духовнаго онъ, Алексѣй не имѣетъ, потому что намъ отецъ духовный Царь Небесный; въ причащеніи питается хлѣбомъ и виномъ тѣло, а душѣ корысти нѣтъ, душа причащается словомъ Божіимъ. Товарищи Алексѣя объявили, что они прихаживали къ Настасьѣ для слушенія и поученія св. писанію, потому что Настасья умѣетъ грамотѣ и учительна отъ божественнаго писанія; сходились къ ней по слухамъ, что есть жонка, читаетъ Евангеліе; Иванъ Зима объявилъ, что держитъ такое же ученіе, какое и жена его, никто его тому не училъ, похотѣлъ такъ дѣлать волею своею.

Еретиковъ забрали въ *Бѣдность*: такъ называлась колодничья тюрьма въ Преображенскомъ Приказѣ. Многіе покаялись; но Иванъ Зима съ женою и шестеро другихъ остались при своемъ. Привели къ пыткѣ: одна женщина повинилась предъ пыткой; одинъ мущина повинился послѣ двухъ ударовъ кнутомъ. Настасья выдержала 40 ударовъ, мужъ ея и другіе по 30 — и говорили прежнія рѣчи. Настасьѣ

дали еще 15 ударовъ—прежнія рѣчи; но мужъ ея и другіе у дыбы, а иные съ подъему повинились. Настасью привели въ третій разъ, дали 30 ударовъ—прежнія рѣчи; но когда привели въ четвертый разъ, повинилась и Настасья [389].

Въ ученіи Тверитинова явно вліяніе учителей протестантовъ; ученіе Настасьи Зимы явилось, какъ видно, самостоятельно, но направленіе тоже. Рядомъ съ этою пропагандою шла католическая, какъ видно изъ царскаго указа о вторичномъ изгнаніи іезуитовъ. Мы упоминали о первомъ изгнаніи ихъ послѣ паденія Софьи, по настоянію патріарха Іоакима [390]. Но потомъ, когда начался усиленный приплывъ иностранцевъ разныхъ исповѣданій въ Россію, іезуиты успѣли опять пробраться въ Москву, завести здѣсь школу и начать пропаганду. 18 апрѣля 1719 года майоръ Румянцевъ получилъ собственноручный царскій указъ: „Пріѣхавъ къ Москвѣ и объявивъ тайно оберъ-комменданту, вечеромъ ѣхать въ слободу въ езувитскій монастырь, въ полночь осмотрѣть тамъ и взять всѣ ихъ письма, а какъ разсвѣнетъ, объявить имъ указъ, и потомъ давъ имъ убраться, послать съ Москвы за рубежъ съ добрымъ провожатымъ; однако велѣть ихъ задержать въ Можайску, а тѣмъ временемъ письма ихъ чрез учителей нашихъ школъ пересмотрѣть и буде какія письма явятся подозрительныя, то оныя перевесть и привезти съ собою, а ихъ неотпускать. Понеже слышимъ, что оные учениковъ многихъ въ свой законъ привели, а наипаче изъ мѣщанскаго, того такожъ освидѣтельствовать, а кои приличатся въ семъ или иномъ, ареставать [391].“

Въ то время, когда нужно было принимать сильныя мѣры, чтобъ остановить пропаганду католическую, протестантскую и раскольничью, съ другой стороны принимались мѣры для распространенія предѣловъ русской церкви на востокѣ. Въ 1714 г. Сибирскій митрополитъ схимникъ Ѳеодоръ (Филофей Лещинскій) получилъ указъ ѣхать въ землю Вогульскую и Вотяцкую, къ Татарамъ, Тунгусамъ и Якутамъ, и гдѣ найдетъ кумиры, кумирницы и нечестивыя чтилища, все пожечь, а всѣхъ иноземцевъ приводить въ христіанскую вѣру, и которые иноземцы крестятся, тѣмъ давать царскаго жалованья,

холстъ на рубахи и въ ясаку имъ льгота будетъ. Въ слѣдующемъ году новый указъ: если люди Магометской вѣры, за которыми есть Русскіе крестьяне, примутъ православную христіанскую вѣру, и за ними Русскимъ крестьянамъ быть попрежнему, а которые креститься не захотятъ, у тѣхъ Русскихъ крестьянъ съ пашнями и совсѣми угодьями отписать на государя[392]. Въ Казанской губерніи проповѣданіе христіанства между иновѣрцами, надзоръ за новообращенными и обученіе ихъ христіанскому закону возложены были на архіерейскаго казначея, іеромонаха Алексѣя, а вице-губернатору Кудрявцеву велѣно было помогать ему. Въ 1719 году Алексѣй просилъ у губернатора нѣсколько денегъ на покупку новокрещеннымъ иконъ, крестовъ и другихъ нужныхъ вещей; губернаторъ отказалъ, но вице-губернаторъ выдалъ ему изъ кабинетныхъ денегъ 30 рублей. Алексѣй, по возвращеніи съ проповѣди, объявилъ Кудрявцеву, что онъ крестилъ 379 Черемисъ и 30 рублей всѣ на нихъ издержалъ, объявилъ также, что если новокрещеннымъ предъ другими дана будетъ льгота въ податяхъ, то много обратится; при этомъ Алексѣй требовалъ царскаго указа, откуда ему впередъ брать деньги? Когда Кудрявцевъ далъ знать объ этомъ Макарову, то опредѣлено было давать Алексѣю деньги изъ сбора съ вѣнечныхъ памятей[393]; въ томъ же году сенатъ издалъ указъ о предоставленіи новокрещеннымъ свободы отъ всякихъ сборовъ и податей на три года[394].

Но, разумѣется, самымъ могущественнымъ средствомъ для успѣшной обороны и наступленія должно было быть внутреннее устройство и сила церкви. Монахи жаловались, что государство не щадитъ ихъ казны и доходовъ; у Троицкаго монастыря было взято въ 1696 году на ратныхъ людей 50,000 рублей; въ 1696 году 20000; въ 1697—20000; въ 700 году 30,000; въ 701—5000: всего взято въ разные приказы 125,000 рублей; да въ подношеніи великому государю: въ 700 году 5000 рублей; въ 701—25000 рублей, 2000 золотыхъ червонныхъ, 1000 ефимковъ; въ 702 году 25,000 рублей; въ 703—10,000; въ 704—5000; въ 705—3000; въ 707—3000;

въ 709—3000; въ 711—7000; въ 714—5000; въ 715—4000; въ 717—4000; въ 718—4000; въ 722—4000; кромѣ того отъ Троицкаго монастыря было отписано 4412 дворовъ (на Олонецкія верфи, Григорью Писареву и на Невскій монастырь [395]). Но жалобщики своимъ поведеніемъ уничтожали силу своихъ жалобъ, показывая неспособность употреблять доходы какъ слѣдуетъ. Уже извѣстный намъ по Астраханскимъ событіямъ Георгій Дашковъ, сдѣланный изъ Троицкихъ архимандритовъ Ростовскимъ архіепископомъ, писалъ царю въ 1718 году: „чернецы спились и заворовались; Второвъ монастырскихъ денегъ (Троицкаго монастыря) укралъ 500 рублей; Ремезовъ, будучи въ Астрахани, покралъ монастырскій клей; Киржацкій пьяница и блудникъ изъ монастыря бѣжалъ, а теперь явился съ такими же ворами, со Второвымъ и Ремезовымъ, хотя своего воровства избыть, на меня доводятъ, стараются чтобъ мнѣ нанести напасти, обвиняютъ меня въ похищеніи казны, отъ чего я себя мнѣніемъ безвременно смертельно убиваю. Клянусь Богомъ, что ни въ чемъ невиненъ. Слезно прошу о оборонѣ, потому что не одинъ уже годъ мнѣ отъ этихъ клеветниковъ волокита и разореніе и немилостивое руганіе; и если ваше величество не помилуетъ, то конечно меня, беззаступнаго старца, съ сего свѣта безвременно згонятъ [396].

Чтобъ усилить нравственное значеніе бѣлаго духовенства, главнымъ средствомъ было обратитъ вниманіе на поставленіе въ священники и дьяконы достойныхъ людей, противодѣйствовать обычаю, по которому мѣста передавались по наслѣдству, продавались, находясь въ зависимости отъ домовъ священнослужительскихъ. Наборъ дѣтей духовенства въ военную службу еще болѣе увеличилъ число недостойныхъ священниковъ и дьяконовъ, потому что молодые люди бросились на мѣста, чтобъ отбыть отъ военной службы. Въ мартѣ 1711 года новоучрежденный сенатъ, соединившись съ церковнымъ соборомъ, вмѣстѣ издали слѣдующее постановленіе: освященному собору и правительствующему сенату вѣдомо учинилось: когда начали брать на службу людей молодыхъ къ воинскому дѣлу пригодныхъ, то дьячки, по-

номари, сыновья поповскіе и дьяконовскіе, различными коварными образами и лжесоставными челобитными похищають себѣ чинъ священства и дьяконства неправильно и неправедно, иногда лѣтъ подобающихъ не имѣя, иногда посвящаясь въ лишніе попы или дьяконы, отъ чего бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священнымъ чиномъ, а государевой службѣ въ настоящихъ нуждахъ умаленіе. Освященный соборъ, совѣтовавшись съ правительствующимъ сенатомъ, приговорили послать къ преосвященнымъ архіереямъ слѣдующія статьи съ великимъ подкрѣпленіемъ: 1) не ставить въ дьяконы моложе 25, въ священники моложе 30 лѣтъ; 2) не посвящать лишнихъ, но гдѣ прежде было по одному, тамъ пусть и теперь такъ остается; 3) не вѣрить дьячкамъ, которые придутъ посвящаться на мѣсто попа больнаго или престарѣлаго, но самаго попа поставить передъ собою и взять у него сказку съ покрѣпленіемъ, что впередъ служить и требъ исправлять не будетъ; 4) въ скудные приходы дьяконовъ не посвящать; 5) перехожихъ грамотъ къ другой церкви и на крестецъ (наниматься служить въ домовыхъ церквахъ) отнюдь не давать, кромѣ самой большой нужды, напримѣръ, когда два попа будутъ у одной церкви, а приходъ оскудѣетъ; 6) заручныя челобитныя осторожно разсматривать, не ложныя ли? есть ли рука помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго? 7) послать указы къ поповскимъ старостамъ, чтобъ отписокъ не давали прежде чѣмъ сами побываютъ въ приходѣ и допросятъ крестьянъ, угоденъ ли имъ тотъ дьячекъ? 8) въ слушаніи ставленниковъ поступать осторожно и строго, если явится неумѣнье и косночтенье — отказывать; 9) если кто изъ архіереевъ тому указу противнымъ явится, такой подвергнется государеву гнѣву и удаленію отъ престола [397]. Въ 1718 году было подтверждено—дѣтей духовенства, кто пожелаетъ, учить въ школахъ заранѣе, чтобъ были годны въ попы, и посвящать только такихъ, которые по ученію будутъ достойны; постановлено также священникамъ своихъ домовъ не имѣть и не продавать, жить имъ въ домахъ, купленныхъ на сборныя церковныя деньги, для чего быть у всякой церкви ста-

ростамъ, которые сдаютъ дома новымъ попамъ и вновь пристроиваютъ на церковныя деньги[398].

Исключеніе изъ правила—не давать перехожихъ грамотъ отъ одной церкви къ другой было ограничено только однимъ случаемъ, когда нужно было освободить оскудѣвшій приходъ отъ двоихъ священниковъ; и потому когда прихожанамъ хотѣлось перевести къ себѣ извѣстнаго имъ священника отъ другой церкви, то они подавали объ этомъ прошеніе царю. Въ описываемое время для бѣлаго духовенства выборъ поповскаго старосты былъ очень важенъ, вслѣдствіе того, что оно неизъято было отъ разныхъ поборовъ; священники давали запись объ избранномъ ими старостѣ: „Будучи ему въ старостахъ поповскихъ, всякія государевы дѣла управлять съ радѣніемъ, окладные и не окладные денежные государевы доходы сбирать и отвозить въ патріаршій казенный приказъ; а онъ попъ человѣкъ добрый и смирный и не пьянствуетъ и въ сборѣ денежной казны мы ему вѣримъ.“ Для сбора денегъ на драгунскихъ лошадей священники выбирали иногда особаго сборщика; городскіе платили по два алтына три деньги, а уѣздные по 10 денегъ съ двора. При выборахъ поповскихъ старостъ случались злоупотребленія: священники Александровской десятины Переяславскаго уѣзда Залѣсскаго били челомъ царю, что священники Новоалександровской слободы и ближнихъ къ ней селъ, выбираются въ старосты по взаимному согласію, а дальнихъ священниковъ для выбора въ совѣтъ не призываютъ, и выбранные такимъ образомъ старосты пріѣзжаютъ въ отдаленныя села многолюдствомъ съ своими прихотями, причиняютъ духовенству большіе убытки, съ ними же пріѣзжаетъ подъячій Малыгинъ, безъ выбора отъ духовенства, всячески нападаетъ и беретъ великія взятки не по мѣрѣ. Въ началѣ 1721 года подана была любопытная просьба царю отъ Сѣвскаго духовенства: „Посвященъ въ Сѣвскій Спасовъ монастырь въ архимандриты Троице-Сергіева монастыря іеродіаконъ Пафнутій по прошенію Сѣвскихъ градскихъ обывателей, и повелѣно ему между нами всякое правленіе имѣть; а къ сбору казны на годъ съ перемѣною изъ нашей братіи

по два человѣка священниковъ; и выборные священники казну собираютъ въ домахъ своихъ, а не при немъ, архимандритѣ, и берутъ съ насъ на отвозъ себѣ излишнія деньги безъ вѣдома его, въ чемъ намъ бываетъ не безъ обиды; а отъ него архимандрита Пафнутія такихъ намъ обидъ не бываетъ: такъ чтобъ сбору быть у него, архимандрита, потому что онъ человѣкъ добрый, и мы ему въ томъ сборѣ вѣримъ, а тѣмъ выборнымъ за такія намъ обиды быть не довелось.“ Просьба была исполнена[399].

Приведенныя мѣры для поднятія духовенства объясняются словами Посошкова: „Священство столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольны. Я признаю, что отъ оплошки архіерейской такъ чинится, потому что архіереи полагаются на служебниковъ своихъ въ поставленіи поповскомъ; служебники примутъ отъ новоставленника дары и затвердятъ ему въ псалтыри псалма два-три, и передъ архіереемъ заставятъ вытверженное читать; ставленникъ ясно, внятно и поспѣшно пробѣжитъ, и архіереи, не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ въ пресвитеры, и отъ такого порядка у иныхъ грамота и плоха. Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; въ Великомъ Новгородѣ едвали и сотая часть найдется древняго благочестія держащихся. А пресвитеровъ хотя и много въ городѣ, однако не пекутся, чтобъ отъ такой погибели ихъ отвратить и на правый путь направить; есть и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и потому церкви всѣ уже запустѣли. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у церкви три попа, а на св. Пасху только два дня литургіи были, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на св. Недѣлѣ прежде не бывало, теперь меня поопаслись и отслужили двѣ. Я такихъ стариковъ много и въ Москвѣ видалъ, что лѣтъ имъ подъ 60 и больше, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обы-

чай былъ, что, не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали.“ Такое положеніе дѣлъ повело къ указу 1716 года о хожденіи на исповѣдь повсягодно и штрафѣ за неисполненіе этого правила; въ 1718 году указъ былъ повторенъ; велѣно было также ходить въ церковь въ воскресные дни и господскіе праздники и запрещено торговать въ эти дни; выбирать въ должности позволено было только такихъ, которые ежегодно исповѣдовались. Съ цѣлію религіозною соединялась еще здѣсь и другая: въ церквахъ послѣ обѣдни читались новые указы, о которыхъ народъ могъ узнавать только этимъ средствомъ, ибо листы, прибитые къ городскимъ воротамъ не были доступны для безграмотныхъ. Въ указѣ 1719 года говорится: „Понеже есть такіе отчаянные, что никакой доброй совѣсти не имѣютъ и не хотятъ того слышать, что̀ имъ судомъ Божіимъ и здѣшнимъ запрещается, и тѣ мѣста противны имъ, гдѣ слово Божіе и повелѣніе монаршеское читается: того ради не токмо въ недѣльные дни, но и въ господскіе праздники въ церковь не ходятъ, дабы отнюдь того не слышать, что противу совѣсти ихъ читается, и для того всѣхъ такихъ, которые въ день воскресный или въ господскій праздникъ во время Божіей службы будутъ гдѣ шататься, кромѣ самой крайней и необходимой нужды, а на молитву къ слушанію слова Божія и указовъ, которые въ народъ въ такіе дни при церквахъ публикуются, не пойдутъ, ловить и ими розыскивать, понеже и такіе за недобрыхъ людей почитаются, которые отъ христіанскаго собранія удаляются“ [400]. Въ томъ же году государь велѣлъ объявить въ Москвѣ, чтобъ въ церквахъ во время пѣнія литургіи стояли съ безмолвіемъ, а если кто начнетъ разговаривать, съ того брать штрафъ, не выпуская изъ церкви, по рублю съ человѣка, и употреблять на церковное строеніе; для надзора употребить кого пристойно изъ людей добрыхъ [401].

Высшее церковное управленіе продолжало находиться въ переходномъ состояніи: патріарха не было. Блюстителемъ патріаршаго престола оставался попрежнему Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, и попрежнему нахо-

дился не въ ладахъ съ свѣтскимъ правительствомъ. Прежде Мусинъ-Пушкинъ былъ непрошеннымъ совѣтникомъ блюстителя патріаршаго престола; теперь учрежденъ былъ сенатъ, и церковный соборъ вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ постановленіе о томъ, какъ должно происходить поставленіе священниковъ; блюститель безъ сената не можетъ назначить архіерея на епархію; въ 1711 году Яворскій сдѣлалъ представленіе объ архіереяхъ; отвѣтомъ былъ указъ: „Въ Ростовъ дается на соизволеніе архіерейское *купно съ сенатомъ*, только быть епископу, а не митрополиту“[402]. Мы уже упоминали о проповѣди Стефана на 17 марта 1712 года, гдѣ заключалась выходка противъ фискаловъ; но не одна эта выходка заключалась въ проповѣди: „Се, говорилъ митрополитъ, имате мзду закона Божія разорители, и слышите громы заповѣдей Божіихъ преступницы: того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется, не удивляйся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира; кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ; гдѣ правда, тамъ и миръ. Море свирѣпое, море — человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? берегъ есть законъ Божій, берегъ есть, воеже непрелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть, воеже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу, берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: аще кто церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“[403]. Такъ какъ проповѣдь говорилась 17 марта, въ день св. Алексія человѣка Божія и въ день имянинъ царевича Алексѣя, то Стефанъ заключилъ ее молитвою къ св. Алексію: „О угодниче Божій! незабуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился отъ родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде; ты человѣкъ Божій; онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо,

святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу едину надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго своего птенца, яко зеницу отъ всякаго зла соблюди невредимо."

Въ церкви присутствовали сенаторы; на другой день они явились къ митрополиту съ упрекомъ за возмутительную для народа и оскорбительную для царской чести проповѣдь; они вытребовали проповѣдь на письмѣ для отсылки къ государю и запретили Стефану проповѣдовать. Петръ, получа проповѣдь и прочтя въ ней обличеніе человѣку, бросившему свою жену, не хранящему постовъ, не слушающему церкви и потому долженствующему быть для членовъ церкви какъ язычникъ и мытарь, замѣтилъ собственноручно: „*Перво одному, потомъ съ свидѣтели.*" Изъ этого видно, что Петръ не считалъ проповѣдника обязаннымъ щадить слабости и пороки сильныхъ; но, въ свою очередь, замѣтилъ, что и Стефанъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго сначала обличить наединѣ, потомъ со свидѣтелями, и наконецъ уже въ церкви. Стефанъ написалъ ему оправдательное письмо: „Извѣстно вашему царскому величеству, какъ я на едино повелѣніе царское оставилъ свое схимническое житье, которое обѣщалъ Господу Богу на смертной постели лежачи, и хотя ужасно мнѣ было сломати обѣтъ, однакожъ монаршей воли не дерзалъ противитися и нынѣ послушаніе свое по силѣ моей Божіею помощію управляю, въ проповѣди слова Божія какъ могу такъ труждаюся. Но врагъ, ненавидя добра человѣческаго, различныя мнѣ въ томъ препятія творитъ, и нынѣ сотворилъ таковымъ образомъ: говорилъ я казанье, крычалъ къ народу, увѣщавая, дабы хранили заповѣди Господни, если хотятъ имѣть и на семъ свѣтѣ благополучіе и въ небѣ животъ вѣчный. Были на томъ казаніи господа сенаторы: на другой день они пришли ко мнѣ и стали меня, бѣднаго, обличать, укорять и претить за то, будто я въ бунтъ и мятежъ народъ возмущалъ и будто царской чести касаюся дерзословіемъ. Богу свидѣтельствующу, ниже въ помышленіи моемъ, кольми паче въ намѣреніи такого лукаваго дѣла

я и не думалъ. Уже тринадцать лѣтъ, какъ въ царствующемъ градѣ, по вашему монаршему указу, проповѣданіемъ слова Божія труждаюся, и вся Москва меня слушала, да и самъ ваше царское величество изволили слушать моей убогой бесѣды, и никто не ощутилъ въ моихъ словахъ мятежа. А господа сенаторы ставятъ мнѣ въ вину то, что я говорилъ о фискалахъ, и хотѣли послать слова мои къ вашему царскому величеству, а мнѣ отселѣ запретили казанья говорить." Стефанъ, попрежнему, просился въ Донской монастырь, гдѣ бы могъ посхимиться; попрежнему онъ остался митрополитомъ и блюстителемъ патріаршаго престола; адмиралъ Апраксинъ далъ ему знать объ этомъ, и Стефанъ писалъ царю: „Яко радостни бываютъ корабленицы, по страшныхъ шумахъ водныхъ получивши ведро, тако и я, волнами печалей смущаемъ, нынѣ получилъ радостную тишину, егда извѣстился писаніемъ его милости господина адмирала о премилостивомъ вашего царскаго величества на мене, раба своего, призрѣніи. Аще же сподоблюся хотя едину литеру, самою монаршею ручкою ко мнѣ начертанну, видѣти, то и паче возрадуюся и всѣхъ печалей, сердце мое снѣдающихъ, забуду" [404]. Дѣло Тверитинова съ товарищами произвело новые шумы водные: въ дѣйствіяхъ Стефана царь видѣлъ превышеніе власти, и Яворскій счелъ нужнымъ умолять царя о прощеніи „писаніемъ, слезами, а не чернилами писаннымъ."

Между тѣмъ царь принялъ мѣры для обезпеченія и себя отъ „шумовъ водныхъ": въ 1716 году Константинопольскій патріархъ Іеремія прислалъ ему разрѣшеніе, по причинѣ нездоровья, ѣсть мясо во всѣ посты, кромѣ недѣли передъ причастіемъ [405]; у того же патріарха испрошено разрѣшеніе употреблять скоромную пищу въ посты солдатамъ за границею во время похода [406]. Въ началѣ 1716 года Стефану хотѣлось съѣздить въ Нѣжинъ, гдѣ онъ строилъ монастырь; для этого онъ обратился къ новорожденному царевичу Петру Петровичу, поздравилъ его съ пришествіемъ на сей свѣтъ и билъ челомъ, чтобъ исходатайствовалъ ему у отца отпускъ [407]. Отпускъ былъ данъ, но, еще прежде митропо-

литъ получилъ отъ царя любопытное письмо: „Понеже архіереи хотя по положеніямъ обѣтами и обѣщаются хранить церковные уставы вкупѣ; но ради нѣкоторыхъ у насъ небрегомыхъ дѣлъ изъясненіе особливое написавъ, при семъ посылаю.“ По этому особливому изъясненію, архіерей при поставленіи долженъ былъ обѣщаться; 1) „Еже кого-либо по моей страстной волѣ или какихъ ради ссоръ со мною или съ моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ или противъ церкви еретикомъ; а по Христову словеси по тріехъ увѣщаніяхъ непокоршагося и неисправившагося токмо единолично, а не вседомовно проклинать и отлучать. 2) Съ противными церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать. 3) Монаховъ содержать по положеннымъ имъ правиламъ и уставамъ, не дая скитаться изъ монастыря въ монастырь и ниже въ мірскіе домы входить. 4) Церквей свыше потребы для прихотей вновь самому мнѣ не строить и другимъ не попускать, дабы потомъ не пустѣли. 5) Такожде священниковъ и дьяконовъ и прочихъ церковниковъ свыше подобающія потребы сквернаго ради прибытка не умножать, ниже для наслѣдія ставить. 6) Паству всю на всякое лѣто, аще возможно будетъ, покрайней же мѣрѣ въ два или въ три года, самому посѣщать и назирать, не ради лихоиманія и чести, но апостольски; запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, дабы невидимыхъ и отъ церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали, притворныхъ бѣснующихъ въ колтукахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и мірскому суду отсылать; дабы св. иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего противнымъ способъ дается поношенію на православныхъ, но почитали бы оныя по разуму св. православныя каѳолическія церкви. 7) Въ мірскія дѣла и обряды не входить ни для чего, развѣ какая явная неправда показана будетъ, о томъ первѣе увѣщать, а потомъ и писать на таковыхъ къ его царскому величеству, по апостолу, заступати немощныя [408].

„Водные шумы“ не прекращались. Въ томъ же 1716 году Рязанскій дьячекъ Поповъ донесъ, что митрополитъ держалъ на своемъ архіерейскомъ дворѣ Мазепина купчину, который умеръ, оставилъ пожитковъ на 100,000 и больше, а Яворскій объ этомъ не объявилъ. Поповъ доносилъ также, что архіерейскимъ жалованнымъ людямъ въ 1705 году велѣно давать половинное жалованье, а другую половину высылать въ монастырскій приказъ; но Яворскій этой половины не отсылалъ, а взялъ себѣ въ келью больше 6000 рублей; держитъ у себя на оброкѣ посадскихъ людей съ тягла, дворовыхъ и пришлыхъ людей и оброчныхъ денегъ къ великому государю не высылаетъ; изъ крестьянства съ тягла въ подъячіе, приставы и въ другіе всякіе чины переводитъ; въ 1715 году потаилъ дѣло въ смертномъ убійствѣ и въ винномъ куреньи игуменьи Марѳы Пустынскія; рукополагаетъ церковниковъ въ попы и въ дьяконы, въ томъ числѣ бѣглыхъ и записныхъ солдатъ, изъ крестьянства съ тягла, изъ подъячихъ и пытанныхъ воровъ, не умѣющихъ грамотѣ и школьному ученію, ставитъ по два и по три попа туда, гдѣ прежде столько не бывало, ставленнику становится поповство по 20, 30 и 40 рублей, а дьяконство по 15 и 20; даетъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ патрахильныя и постихарныя грамоты на всякій годъ по 4 рубля и больше, и отъ того освященный чинъ весь разорился безъ остатка. Во время дѣла о Мазепиныхъ пожиткахъ захваченный по подозрѣнію малороссіянинъ Савостьянъ Кондратьевъ говорилъ. „губернаторъ Кіевскій князь Дм. Мих. Голицынъ святымъ Печерскимъ не вѣруетъ, а вѣруетъ еретичествующей бабѣ, которая ему волшебствуетъ, и какъ ему уволшебствуетъ, то онъ и поѣдетъ въ Петербургъ явиться къ царскому величеству; ту бабу князь поитъ и кормитъ, и держитъ та баба у себя многое число кошекъ вмѣсто сатаны“[409].

Дѣло затянулось, а въ слѣдъ за нимъ новые водные шумы: дѣло царевича Алексѣя. Петръ сильно подозрѣвалъ Рязанскаго архіерея, который торжественно называлъ Алексѣя „единою надеждою;“ но ничего преступнаго не

оказалось. Стефанъ остался съ прежнимъ значеніемъ, но столкновенія съ царемъ не прекращались. Въ 1718 году Яворскій получилъ указъ пріѣхать въ Петербургъ; онъ думалъ, что пребываніе будетъ временное, но 16 іюля великій государь указалъ преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому жить въ С.-Петербургѣ, а при немъ въ первой очереди быть Игнатію, епископу Суздальскому, а прочихъ архіереевъ изъ С.-Петербурга отпустить въ свои епархіи, а по прошествіи первой чреды въ С.-Петербургъ архіереямъ пріѣзжать поочередно противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали. Стефанъ, недовольный указомъ, подалъ царю пункты, на которые получилъ рѣзкіе отвѣты. 1) Выѣхалъ я изъ Москвы, писалъ Яворскій, на почтовыхъ подводахъ, не взявъ съ собою ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди, и для скораго выѣзда порядка никакого не учинилъ, ни въ соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ, чая скораго возвращенія; нынѣ, скитаясь въ Петербургѣ, живу въ наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды, и въ такомъ дворѣ, въ которомъ зимою мнѣ немощному отнюдь жить невозможно, и ожидаю милостиваго отпуска, чтобъ зимою совсѣмъ собраться и здѣсь жить вовсе, и о томъ что̀ великій государь укажетъ? Отвѣтъ: О житьѣ здѣшнемъ уже за три года сказано, и самъ ваша милость на просухѣ хотѣлъ быть, какъ я съ вами прощался на Москвѣ, а за чѣмъ въ три года не собрался и не распорядился, незнаю, ибо и болѣе того дѣлано, ѣздилъ на Украйну для освященія церкви. 2) Было милостивое слово о дворѣ и написано было ко мнѣ рукою монаршескою: пріѣзжай, а дворъ для тебя будетъ готовъ; сего милостиваго обѣщанія будетъ ли исполненіе или нѣтъ? Отвѣтъ: мѣсто готово, а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается, а вамъ все какъ было прежде, еще жь и Тамбовское епископство поддано. 3) Во многихъ епархіяхъ архіереевъ нѣтъ. Отвѣтъ: Выбрать напримѣръ, и подать роспись; также и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ мо-

настырь Невскій привезть, дабы здѣсь жили, чтобъ такихъ не поставить, какъ Тамбовскій и Ростовскій были; а для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно[410].

Въ Петербургѣ Яворскій долженъ былъ встрѣтиться съ человѣкомъ, противъ котораго не за долго передъ тѣмъ дѣйствовалъ какъ противъ еретика, встрѣтилъ товарищемъ по архіерейству и въ приближеніи у царя. Мы уже упоминали о префектѣ Кіевской академіи, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, о которомъ губернаторъ Голицынъ отзывался какъ о единственномъ человѣкѣ изъ Кіевскаго духовенства преданномъ правительству. Этотъ отзывъ и блестящая предика, сказанная Ѳеофаномъ по поводу „преславной викторіи" остановили навсегда на немъ вниманіе Петра, который взялъ его съ собою въ Прутскій походъ. Преобразователь нашелъ наконецъ между духовными человѣка съ обширною ученостію, съ блестящими дарованіями и вполнѣ сочувствующаго преобразованію, и понятно, что чѣмъ сильнѣе становились столкновенія царя съ Яворскимъ, тѣмъ болѣе сближался онъ съ Прокоповичемъ. Несмотря на всѣ столкновенія съ блюстителемъ патріаршаго престола, несмотря на то, что послѣдній провозгласилъ его достойнымъ отчужденія отъ церкви, Петръ не удалялъ Стефана, за которымъ, въ его глазахъ, были достоинства и заслуги. Говорятъ объ умѣньѣ Петра отыскивать повсюду способныхъ людей; но какъ бы ни было велико подобное умѣнье, все же оно одно недостаточно, потому что способныхъ людей никогда очень много не бываетъ, и нужно еще другое умѣнье, умѣнье сохранять способныхъ людей. Этимъ умѣньемъ, требующимъ особеннаго нравственнаго величія, также обладалъ Петръ, чему разительнымъ примѣромъ служитъ его поведеніе относительно Яворскаго послѣ знаменитой проповѣди 17 марта 1712 года. Но если онъ хотѣлъ сохранить Стефана, то понятно однако, что все сочувствіе его обратилось къ Ѳеофану. На горизонтѣ явилось новое свѣтило; въ Кіевѣ сказана была предика, какихъ не слыхивали прежде въ

Москвѣ, и въ Москвѣ не могли остаться равнодушными; здѣсь, вслѣдствіе долгаго управленія Стефана, его естественно окружали люди преданные, которыхъ выгоды были тѣсно связаны съ его выгодами. Что это тамъ явился за человѣкъ, что за новый ораторъ? Приблизился къ царю: должно быть хочетъ далеко уйти! Молодъ: двадцатью тремя годами моложе преосвященнаго Стефана. Освѣдомились очень подробно о новомъ ораторѣ, разобрали его сочиненія, и нашли, что еретичествуетъ. А между тѣмъ Ѳеофанъ уже говоритъ предики въ Петербургѣ, скоро будетъ архіереемъ. Стефанъ внушаетъ благочестивѣйшему государю, что Ѳеофанъ „имѣетъ препятіе къ великому, архіерейскому сану, потому что въ своемъ ученіи не согласенъ съ православною церковію[411], зараженъ язвою кальвинскою"[412]. Ѳеофанъ оправдывался; кому разсудить? Противники говорили, что Ѳеофанъ зараженъ язвою Кальвинскою; Ѳеофанъ обличалъ ихъ въ католическихъ стремленіяхъ; онъ пользовался благопріятнымъ временемъ, судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, раздраженіемъ Петра противъ архіеревъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ сочувствіе къ царевичу, сочувствіе, происходившее отъ вражды къ дѣлу преобразованія. Ѳеофанъ, громя въ своихъ проповѣдяхъ враговъ царскихъ, въ тоже время громилъ и собственныхъ враговъ: „многіе мыслятъ, говорилъ онъ, что не всѣ люди обязаны повиновеніемъ властямъ, что нѣкоторые исключаются, именно священство и монашество. Это тернъ, жало змѣиное, духъ папскій, неизвѣстно какъ насъ коснувшійся; священство есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое государство въ государствѣ. Дошло до того, что самые бездѣльные люди пустились въ дѣло, и въ дѣло мерзкое и дерзкое; дрожди народа, души дешевыя, люди, родившіеся только для поядѣнія чужихъ трудовъ, и тѣ возстаютъ на государя своего, на Христа Господня! Да вамъ, когда вы хлѣбъ ядите, надобно было бы удивляться и говорить: откуда мнѣ это"[413].

1 іюня 1718 года Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископы Псковскіе. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ Яворскій, Петръ поручилъ Мусину-Пушкину свести съ нимъ Ѳеофана, и

между обоими архіереями произошло примиреніе, по крайней мѣрѣ, видимое.

Царь уже объявилъ, что „для лучшаго управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи.“ Яворскій не раздѣлялъ этого мнѣнія царскаго; Ѳеофанъ раздѣлялъ его, и потому онъ долженъ былъ принять на себя составленіе регламента для новой коллегіи. Современники передавали слѣдующій разговоръ Петра съ Ѳеофаномъ: Петръ: Скоро ль нашъ патріархъ поспѣетъ (регламентъ)? Ѳеофанъ: Скоро, я дошиваю ему рясу.—Петръ: А у меня шапка для него готова[414].— Въ генварѣ 1721 года изданъ регламентъ Духовной Коллегіи, исправленный и дополненный царемъ; регламентъ былъ изданъ при такомъ манифестѣ: „Между многими, по долгу богоданныя намъ власти, попеченіями о исправленіи народа нашего и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный по совѣсти нашей возымѣли мы страхъ да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшества въ исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ Отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтны. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ такъ и въ Новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, восприявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видя лучшаго къ тому способа паче Соборнаго правительства (понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; къ тому-жь не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ), уставляемъ Духовную Коллегію, т.-е. духовное соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла управлять.“

Въ первой части регламента излагаются причины учрежденія коллегіи: 1) Коллегіальное правленіе способнѣе для изслѣдованія истины, чѣмъ единоличное; 2) приговоръ соборный имѣетъ болѣе силы, чѣмъ приговоръ одного лица; 3) дѣла скорѣе рѣшаются; 4) нѣтъ мѣста пристрастію, ковар-

ству, лихоимному суду; 5) коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію; 6) отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе происходятъ отъ единаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивленный, помышляетъ, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство; такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ: что же когда приложатся плевелные разговоры властолюбивыхъ духовныхъ лицъ и къ сухому хворосту огонь подложатъ? Простыя сердца такъ мнѣніемъ этимъ развращаются, что не столько смотрятъ на самодержца своего, сколько на верховнаго пастыря, и когда услышатъ между ними распрю, то всѣ болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, хотя слѣпо и пребезумно, за духовнаго ратовать и бунтовать дерзаютъ, и льстятъ себя окаянные, что по самомъ Богѣ побораютъ и руки свои не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились. Такому въ народѣ мнѣнію очень рады бываютъ коварные люди, враждующіе на своего государя: увидавъ ссору государя съ пастыремъ, они пользуются этимъ случаемъ, чтобъ подъ видомъ церковной ревности поднять руки на помазанника Божія, и на такое же беззаконіе, какъ на дѣло Божіе, подвигаютъ простой народъ. Что же если и самъ пастырь, надмѣнный о себѣ такимъ же мнѣніемъ, спать незахочетъ? Трудно сказать, какое бѣдствіе можетъ произойдти отсюда.

Во второй части регламента излагаются дѣла, подлежащія Духовной коллегіи: ей вмѣнено въ обязанность истребить всѣ существующія суевѣрія; для распространенія свѣдѣній о законѣ Божіемъ сочинить три книги: о догматахъ вѣры, о должностяхъ всякаго чина, собраніе проповѣдей св. Отецъ о догматахъ и должностяхъ. Епископы обязаны имѣть въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ, обязываются не высоко мыслить о своей чести. Для укро-

щенія весьма жестокой епископовъ славы запрещено водить ихъ подъ руки пока здоровы, кланяться имъ въ землю. „Оные поклонники самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтобъ степень исходатайствевать, себѣ не подостоинству, чтобъ неистовство и воровство свое покрыть.“ Въ главѣ о домахъ училищныхъ, учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ регламентъ говоритъ: „Дурно многіе говорятъ, что ученіе пораждаетъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко взбѣсновались? Если посмотримъ чрезъ исторію какъ чрезъ зрительную трубу, на мимошедшіе вѣка, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ. Регламентъ опредѣлилъ и кругъ предметовъ, долженствующихъ преподаваться въ духовныхъ училищахъ: 1) грамматика вмѣстѣ съ географіею и исторіею; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика или діалектика, ибо это двоименное ученіе составляетъ одно; 4) реторика, вмѣстѣ съ стихотворнымъ ученіемъ, или отдѣльно; 5) физика съ присовокупленіемъ краткой метафизики; 6) политика краткая Пуффендорфова, если найдется потребною; 7) богословіе. На первыя шесть наукъ полагается по году, на богословіе два года[415].

Президентомъ Духовной коллегіи или Синода былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; за нимъ по старшинству слѣдовали члены: Ѳеодосій (Яновскій) архіепископъ Новгородскій, Ѳеофанъ архіепископъ Псковскій, Петръ архимандритъ Симоновскій, Леонидъ архимандритъ Петровскій, Ѳилофей архимандритъ Донской, греческій священникъ Анастасій Кондоиди, Іоаннъ протопопъ Троицкій, Петръ протопопъ Петропавловскій, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ. Мы знакомы съ первымъ и третьимъ членомъ Синода; надобно познакомиться со вторымъ, потому что еще должны будемъ съ нимъ встрѣтиться послѣ. Ѳеодосій Яновскій, архимандритъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря въ первыхъ годахъ вѣка, вовсе не отличался ни образованіемъ ни талантами, не могъ нисколько соперничать въ этомъ отношеніи ни съ Прокоповичемъ, ни съ Яворскимъ;

человѣкъ энергическій, неудержливый въ дѣлѣ и словѣ, властолюбивый и корыстолюбивый, монахъ вовсе безъ призванія къ монашеской жизни, Θеодосій хотѣлъ, во что бы то ни стало, выдвинуться впередъ; онъ нашелъ для этого вѣрное средство — поддѣлываться подъ преобразовательное направленіе правительства, говоримъ—поддѣлываться, потому что не считаемъ себя въ правѣ признавать за Θеодосіемъ какія-нибудь сильныя убѣжденія. Петръ былъ радъ, что нашелъ между духовными, между монахами, человѣка умнаго, дѣятельнаго, распорядительнаго и вовсе не похожаго на большинство своихъ собратій, человѣка передоваго относительно церковныхъ преобразованій. Въ 1710 году Θеодосій былъ переведенъ въ архимандриты основаннаго Петромъ въ Петербургѣ Александроневскаго монастыря, и черезъ пять лѣтъ поѣхалъ лѣчиться *за границу!* Но пусть онъ поговоритъ самъ и покажетъ, какими средствами заискивалъ расположеніе, царя. Въ 1719 году Мусинъ-Пушкинъ донесъ государю, что въ Новгородскихъ церквахъ по ночамъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола; Петръ поручилъ Θеодосію обстоятельнѣе разузнать, въ чемъ дѣло, и тотъ отвѣчалъ ему: „Толкованіе такое можетъ приложиться: чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить; явь, яко отъ противника: рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ Россійскихъ, первое изъ кликушъ чрезъ Петра *Великаго*; второе чрезъ новоприданные въ хиротонію архіерейскую отъ тогожь пункты, дабы иконъ не боготворили и тымъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе, изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ. А противникъ, хотя обновитъ прежнюю свою прелесть, которую прежде при иконѣ Богородичной на Тихвинѣ чрезъ нѣкоего Юрыша и тому подобныхъ прелесниковъ и кликушъ въ простомъ народѣ разсѣвалъ, какъ въ той бабской исторіи обрѣтается, чему послѣдовали суевѣрные и не простаки. Такъ, мнится, и нынѣ при такой же иконѣ, (понеже помянутая въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ которой оное гудѣніе было, церковь во имя Тихвинской иконы) такожде тщится оную свою

прелесть обновить[416]." Любопытно также письмо Өеодосія къ Петру о причинахъ, почему у него, Өеодосія, такъ много враговъ между духовными и свѣтскими людьми: „Всенижайше доношу вашему величеству мизерный: умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, сутъ сія: *изъ духовныхъ*: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ мимо архіереевъ въ резыдующемъ семъ мѣстѣ; 2) за взятье изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ доброжительныхъ священниковъ и дьяконовъ къ С.-Петербургскимъ церквамъ по поданнымъ отъ меня реестрамъ; 3) Рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, не мало оному; 4) за приписаніе изъ Новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и Сергіева монастыря вотчинъ къ Невскому монастырю; 5) за взятье изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ меня реестрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а именно судей, келарей, казначеевъ, соборныхъ старцевъ и прочихъ лучшихъ въ Невскій монастырь; 6) за перемѣну Тихвинскаго архимандрита. Изъ недуховныхъ принципальныхъ и непринципальныхъ персонъ; 7) за крестовыхъ и прочихъ волочащихся поповъ, старцевъ и старицъ, которыхъ перестерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и непомѣщики знатные защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Синявина, который во флотѣ іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ по должности моей, а по просьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ. *Изъ всего посполъства* 10) за свѣчи по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу нежгли; 11) за Пречистыя Тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лѣкарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи причастивъ единою, оставлялибъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не

вмѣстятся на сей бумагѣ, изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ и могутъ вредить всякимъ злорѣчіемъ, не токмо въ народѣ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ, и усумнѣваюся, негли и поврежденъ давно; того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю: да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горшее что безвинно пострадаю[417].

Въ спискѣ синодальныхъ членовъ останавливаетъ наше вниманіе имя греческаго священника Анастасія Кондоиди. О своей судьбѣ онъ разказываетъ самъ въ челобитной къ царю объ увеличеніи содержанія: „Будучи въ Константинополѣ, получалъ я годоваго оклада по 2000 талеровъ: 500 какъ проповѣдникъ патріаршества и 1500 какъ второй переводчикъ Оттоманской Порты. Но по склонности къ православной вѣрѣ сталъ я служить вашему царскому величеству, и когда объ этой службѣ узнано, то я не только лишился годоваго оклада, имѣнія и обѣщанной епархіи, но если бы патріархъ не ухоронилъ меня въ своемъ погребѣ въ продолженіе 26 сутокъ, то преданъ былъ бы и смерти, какъ случилось съ товарищемъ моимъ, капитаномъ Франциском Грекомъ, котораго поймали и посадили на колъ. Будучи лишенъ имѣнія, я нахожусь въ нуждѣ и между всѣми синодскими членами нѣтъ никого бѣднѣе меня; для пропитанія своего, одѣянія, содержанія верейки (лодки), сухопутнаго поѣзда и служителей, для убранія двора какъ прилично синодской особѣ, шестью стами рублями въ годъ исправиться никакъ нельзя“[418].

14 февраля 1721 года новоучрежденный Синодъ обратился къ царю за разрѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ прежде возносилось патріаршее имя, надобно ли вмѣсто него возносить именованіе правительствующаго духовнаго собранія въ такой формѣ: „о святѣйшемъ правительствующемъ собраніи, честнемъ пресвитерствѣ“ и проч.? Титулъ святѣйшаго будетъ присвояться только цѣлому собранію, а никому въ частности. Царь отвѣчалъ: возносить о святѣйшемъ синодѣ или о святѣй-

шемъ правительствующемъ синодѣ. 2) При сношеніяхъ съ сенатомъ и коллегіями какимъ образомъ письменное обхожденіе имѣть? прежде на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, духовная же коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или еще бо́льшую, потому что соборъ. Отвѣтъ: въ сенатъ *вѣдѣніемъ* и за подписью всѣхъ, а въ коллегіи такъ какъ изъ сената пишутъ, и за подписью только секретарскою. 3) На́ праздныя епархіи въ духовномъ собраніи избирать ли въ архіереи и, по доношенію царскому величеству, къ поставленію и къ мѣстамъ опредѣлять ли? Отвѣтъ: выбирать по двѣ персоны, а которую опредѣлимъ посвящать. 4) Опредѣленнаго въ Хинское (Китайское) государство іеромонаха Иннокентія Кунчицкаго архіереемъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, для близости къ оному государству, посвятить ли, и, для удобнѣйшаго обхожденія, отъ Сибирской епархіи его отдѣлить ли? Отвѣтъ: въ архіереи посвятить, но лучше бъ безъ титула городовъ, понеже сіи города порубежные къ Хинѣ: чтобъ Іезуиты не перетолковали инако и бѣдства бъ не нанесли. 5) Патріаршія, ярхіерейскія и монастырскія вотчины, которыя сборами и правленіемъ вѣдомы были въ Монастырскомъ приказѣ, въ одной Духовной коллегіи вѣдать ли? того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная коллегія присягою обязалася какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса царскаго величества противъ прочихъ коллегій не меньше; а въ регламентѣ духовномъ положено, что такое правленіе надлежитъ до духовной коллегіи? Отвѣтъ: Быть посему[419].

Резолюціею о возношеніи именованія одного синода не былъ доволенъ президентъ Стефанъ Яворскій. Онъ подалъ мнѣніе: „Преосвященнѣйшіе іерархи и прочіе отцы святіи и братія! Понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ члены коллегіи, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ ектеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ можно обоя вмѣстити, напримѣръ такъ: о св. православныхъ патріарсѣхъ и о св. правительствующемъ синодѣ. Какой въ томъ грѣхъ? какой убытокъ

славы и чести св. Россійскому синоду? Кое безмѣстіе и непристойность? паче же Богу пріятно и народу велми угодно было бы. Въ главѣ 6-й регламента написано: ежели дѣла сумнительныя и какого изъясненія требуютъ, чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельству напередъ докладывать и справиться, откуду надлежитъ. Понеже убо сія тако глаголютъ, то сіе дѣло требуетъ послѣдняго рѣшенія и опредѣленія отъ самыя превысочайшія всѣмъ коллегіямъ и всему государству главы. А что помѣта монаршеская написана на первый пунктъ доношенія, отъ сего то только дается знати, какъ нарицатися имать коллегіумъ духовный въ молитвахъ, а объ отставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничего не говорится.“ Подписано: „Стефанъ недостойный митрополитъ, старецъ немощный.“ Но Синодъ не согласился съ президентомъ на такомъ основаніи: „У самихъ Грековъ нѣтъ обычая возносить имена патріаршія внѣ епархіи или власти патріаршей. Чего же намъ еще больше? на Грековъ смотримъ, отъ Грековъ чину и обычаю учимся, не изобидимъ ихъ, имени патріаршаго не поминая, когда и сами они не поминаютъ; и въ Россіи послѣ патріарховъ Россійскихъ никакого другаго патріарха, ни вообще именъ патріаршескихъ не поминали“ [420].

Святѣйшій правительствующій синодъ тотчасъ послѣ учрежденія своего столкнулся съ правительствующимъ сенатомъ и разными сильными особами; синодъ подалъ жалобу царю: „Изволилъ ваше величество установить духовное соборное правительство съ такою властію, что всѣмъ, и духовнымъ и мірскимъ людямъ указовъ его во всемъ, подъ великимъ наказаніемъ слушать и быть ему въ дѣйствіяхъ своихъ важну и сильну. Но въ самомъ началѣ его дѣйствій являются уничтоженіе и противность, а именно: передано намъ дѣло князя Долгорукаго съ Салтыковымъ, и мы послали къ князю Ив. Ѳед. Ромодановскому, чтобъ отправилъ въ синодъ содержащихся въ Преображенской канцеляріи подъ арестомъ дворовыхъ людей Салтыкова, посланъ указъ вашего величества за руками всѣхъ коллегіа-

товъ; но этотъ вашего величества указъ Ромодановскимъ уничтоженъ, и не только требуемаго исполненія лишенъ, но какъ неважный присланъ къ намъ обратно. Если это оскорбленіе останется безъ сатисфакціи, то и прочимъ еще большая подастся къ презрѣнію смѣлость и данная духовному правителсству власть не будетъ имѣть достойнаго дѣйствія и очень будетъ не важна. По пунктамъ, собственною вашего царскаго величества рукою опредѣленнымъ, церковныя вотчины должны быть въ управленіи духовномъ, какъ были въ монастырскомъ приказѣ, а теперь, по опредѣленію сената, велѣно имъ и служителямъ ихъ быть подъ судомъ юстицъ-коллегіи. По всемилостивѣйшему опредѣленію вашего величества духовное правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнено, равно какъ сенатъ, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителямъ прежнее отъ мірскихъ властей утѣсненіе будетъ." На это Петръ отвѣчалъ собственноручно: „Опредѣлю по пріѣздѣ, а однакожь видится, что инако нельзя, понеже вѣдѣніе вотчинъ у васъ опредѣлено для поборовъ и между ими расправы и тому подобнаго, дабы въ лучшемъ охраненіи были; а чтобъ съ посторонними случающимся дѣламъ всѣмъ быть у васъ чаю невозможно, понеже при такихъ дѣлахъ казни и наказанія бываютъ, чего вамъ подписывать невозможно, а одному свѣтскому вручить нельзя; другое, что столько будетъ хлопотъ, что настоящаго вашей должности дѣла управить будетъ неколи, которое и безъ иныхъ дѣлъ великихъ трудовъ и времени требуетъ, къ тому жь крестьяне и служители суть равные гдѣ бы ни были."

Далѣе синодъ просилъ: „Въ сенатскомъ приговорѣ опредѣлено, что быть въ синодѣ тѣмъ секретарямъ и подъячимъ, которые не у дѣлъ, вслѣдствіе чего опредѣляются такіе, которые уже къ дѣламъ негодны, и которыми не только такого важнаго и великаго дѣла, но и легчайшихъ дѣлъ управлять невозможно. Въ томъ же сенатскомъ приговорѣ опредѣлено, чтобъ синодъ довольствовался дьяками и подъячими монастырскаго и патріаршихъ приказовъ, ар-

хіерейскими и знатныхъ монастырей: но изъ этихъ мѣстъ лучшіе приказные люди разобраны уже давно къ дѣламъ въ коллегіи и въ губерніи, оставлены только негодные.“ На это Петръ отвѣчалъ: „Которые (секретари и подъячіе) противъ сего желаются, и что оные ни въ сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, но у другихъ дѣлъ, и таковыхъ безъ спору отдать въ синодъ духовной.“

Синодъ просилъ: „Духовныя персоны, до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ браны были въ разныя канцеляріи и приказы; а отнынѣ дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, что̀ бы до духовныхъ персонъ ни касалось, по оговорамъ, производить слѣдствія о томъ въ духовномъ правительствѣ, пока кто-нибудь изъ нихъ не долженъ будетъ подвергнуться розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали съ злодѣями въ темницахъ. А ежели какая-нибудь духовная персона взята будетъ въ явномъ злодѣйствѣ, то слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, и только для снятія чина присылать въ духовное правительство попрежнему.“ На это былъ отвѣтъ: „На которыхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ синоду, противъ сего пункта силы, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи или гдѣ индѣ и не держать, и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ синодѣ; сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ и прочихъ тому подобныхъ дѣлъ, а не о тѣхъ, которыя тяжебныя дѣла, къ которымъ сами себя духовные привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобно, еже гдѣ опредѣлено, всѣмъ тамъ и на духовныхъ бить челомъ, напримѣръ въ иностранныхъ торгахъ въ коммерцъ-коллегіи, во внутреннихъ торгахъ и промыслахъ, откупахъ въ камеръ-коллегіи и прочее тому подобное.“

Синодъ просилъ: „О требованіяхъ духовнаго правительства въ сенатѣ бываетъ докладъ какъ о партикулярныхъ

дѣлахъ по реестру, отъ чего происходитъ въ духовныхъ дѣлахъ замедленіе и остановка: просимъ чтобъ дѣла духовнаго правительства предлагались къ резолюціи немедленно, мимо реестра.“ Отвѣтъ: „О духовныхъ дѣлахъ надлежитъ прежде всѣхъ коллегійскихъ дѣлъ, первые по нашихъ указахъ, слушать и рѣшить, а что̀ касается до внѣшнихъ дѣлъ, тѣ по реестру съ прочими яко партикулярные.“

Сенатъ разсердился на синодъ за подачу царю этихъ пунктовъ; онъ писалъ въ своемъ вѣдѣніи синоду: „Велѣно подъячимъ въ синодѣ быть, которые не у дѣлъ, къ тому же опредѣлено взять монастырскаго и патріаршихъ приказовъ, архіерейскихъ и знатныхъ монастырей дьяковъ и подъячихъ, вѣдая, что тѣхъ мѣстъ помянутыми служителями удовольствоваться могутъ; а тѣ, которые требованы изъ синода по реестру, поименно, не опредѣлены для того, чтобъ тѣхъ дѣлъ, у которыхъ они обрѣтаются, не остановить къ поврежденію интереса; и еслибы тѣмъ опредѣленіемъ духовный правительствующій синодъ былъ и недоволенъ, и о томъ бы надлежало опять писать въ сенатъ, не трудя тѣмъ царское величество.“

Получивъ отъ царя позволеніе взять секретарей и подъячихъ, которые хотя и у дѣлъ, но не въ коллегіяхъ, синодъ взялъ къ себѣ канцеляриста Корнышова, который находился при постройкахъ на Котлинѣ островѣ. Но постройками завѣдывалъ Меншиковъ: не давши знать въ синодъ, онъ велѣлъ схватить Корнышова и привезти на Котлинъ островъ, гдѣ избилъ его жестоко. „Такими неумѣренными поступками (писалъ синодъ царю) благоразсудно уставленное отъ вашего величества духовное собраніе, которое всѣмъ повелѣно почитать за важное и сильное правительство, уничтожено“[421]. На первыхъ же порахъ синодъ долженъ былъ жаловаться на Астраханскаго губернатора Волынскаго, который взялъ насильно въ Астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ каменныя кельи, гдѣ жили старцы, и помѣстилъ въ нихъ канцеляріи, велѣлъ взять шесть келлій кладовыхъ и положилъ въ нихъ свою кладь, приказалъ сломать монастырскіе каменные ворота, караульную каменную

келью, деревянную конюшню и разбросать монастырскіе оградные заборы, наконецъ отрѣзалъ монастырскую землю подъ площадь[422].

Дѣятельность новоучрежденнаго Синода высказывалась не въ однихъ этихъ спорахъ: онъ разослалъ указъ, чтобъ священники отвращали своихъ прихожанъ отъ богопротивнаго обычая обливать водою и купать въ рѣкахъ и прудахъ тѣхъ, которые не бываютъ у заутрени на Св. Недѣлѣ, при чемъ иногда люди тонутъ, обливаемые съ просонья и съ похмѣлья лишаются ума, наконецъ тутъ же воспоминается мерзскій идолъ Купало[423]. Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка русская церковь перестала смотрѣть на католиковъ какъ на некрещеныхъ, перестала требовать перекрещиванія ихъ при переходѣ въ православіе; при Петрѣ, съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха, перестали требовать перекрещиванія отъ протестантовъ[424]. Послѣ этого сдѣланъ былъ третій шагъ: Синодъ издалъ посланіе къ православнымъ, въ которомъ доказывалъ, что браки съ иновѣрцами позволительны[425]. Это посланіе вызвано донесеніемъ капитана Василія Татищева, отправленнаго въ Сибирь для горнаго дѣла; онъ писалъ, что Шведскіе плѣнники охотно приняли бы Русское подданство, еслибы имъ позволено было жениться на Русскихъ дѣвицахъ безъ перемѣны вѣры; но такъ какъ многіе изъ нихъ поженились, но потомъ за разностію вѣры, женъ у нихъ отняли и выдали за другихъ, то они не хотятъ вступать въ русскую службу, потому что своей вѣры женщинъ достать не могутъ, а Русскихъ за нихъ не выдаютъ. Для увеличенія церковныхъ доходовъ, которые могли бы быть употреблены для бѣдныхъ, постановлено, чтобъ продажа свѣчей производилась отъ церквей; на деньги, отъ этой продажи выручаемыя, построить вездѣ при церквахъ богадѣльни для больныхъ нищихъ; для завѣдыванія церковными доходами учреждены были церковные старосты, избираемые прихожанами[426].

Надобно было приступить къ учрежденію въ Петербургѣ спеціальнаго духовнаго училища; Ѳеофанъ Прокоповичъ подалъ объ этомъ свое мнѣніе: „Мой совѣтъ не принимать

мальчиковъ свыше десяти лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, и если обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить, также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученыхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять. Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Не надобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія, языки, философію, юриспруденцію, исторію и проч., а не богословскіе догматы, которымъ ученики будутъ учиться у единовѣрныхъ учителей. Если не опасаются господа Русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, гдѣ учителя свободно свои мнѣнія предлагаютъ, то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они артикулами и надсмотромъ связаны будутъ. Но къ начатію ученій можно будетъ пріискать и между нашими людьми. Желаемъ и его величества милостиваго соизволенія просимъ, да прозванъ будетъ домъ сей *Садъ Петровъ*, или иноземскимъ парѣчіемъ *Петеръ-Гартенъ*[427].

Въ то время, когда въ Великой Россіи повсюду шли коренныя преобразованія, Малая Россія, разложеніемъ своего стараго быта, торопила дѣлоприравненія своего къ Великой Россіи.

Несмотря на постоянное присутствіе при гетманѣ *министра* государева, доносы продолжали зрѣть на Малороссійской почвѣ, взрытой шатостію и недавними измѣнами. Не поладитъ гетманъ съ какимъ-нибудь сотникомъ, и сотникъ несетъ доносъ на гетмана Кіевскому губернатору, князю Дм. Мих. Голицыну, о которомъ было извѣстно, что живетъ несогласно съ гетманомъ и смотритъ на него подозритель-

но. Еще въ 1710 году Коропскій сотникъ Логвиненко донесъ Голицыну, что запорожскіе колодники говорили провожавшему ихъ есаулу Шепелю, будто гетманъ Скоропадскій писалъ Орлику, чтобъ тотъ съ своими запорожцами держался какъ можно долѣе при противной сторонѣ; Логвиненко приводилъ свидѣтелей разсказамъ Шепеля объ этомъ; тотъ же Логвиненко доносилъ, что бывшій дворецкій Орлика, бурмистръ Гроевскій, сказалъ въ Коропской Ратушѣ: „Мы съ сотникомъ Безносымъ пили за здоровье Орлика, и Безносый говорилъ: Орликъ въ Бендерахъ гетманомъ, и надобно думать, что будетъ скоро опять у насъ паномъ.“ Голицынъ далъ знать объ этомъ въ Москву. Правительство, обезпеченное пребываніемъ въ Глуховѣ при гетманѣ министровъ государевыхъ, не ждало или не боялось измѣны Скоропадскаго, и при наступавшей войнѣ съ Турціею не хотѣло возбуждать неудовольствія гетмана и волненія на Украйнѣ. Головкинъ отвѣтилъ Голицыну, чтобъ выслалъ въ Москву Логвиненка со всѣми людьми, прикосновенными къ дѣлу Гроевскаго и Безносаго, но свидѣтелей разсказа Шепеля не высылалъ, потому что запорожцы, говорившіе о перепискѣ Скоропадскаго съ Орликомъ, казнены, и потому производить слѣдствіе нельзя. Гетмана Головкинъ старался успокоить на счетъ нерасположенія Голицына, писалъ: „Я писалъ къ князю Голицыну, чтобъ онъ ни изъ какихъ городовъ и мѣстъ регименту вашего никого не велѣлъ брать, не списавшись съ вами и безъ согласія вашей вельможности, и ежели случится какое дѣло государственное, то дѣлалъ бы согласно съ вами; указовъ ему къ вашей ясновельможности писать не велѣно. Какъ мы видимъ, что у вашей вельможности съ воеводою Кіевскимъ несогласно: однакожь царское величество на вашу вѣрность есть благонадеженъ, и безъосновательнымъ никакимъ доносамъ повѣрено не будетъ, въ чемъ изволите вельможность ваша быть надеженъ.“

Въ Москвѣ бурмистръ Гроевскій разсказалъ какъ было у него дѣло съ Безносымъ: „Въ прошломъ 1710 году пришелъ ко мнѣ въ корчму бывшій Короповскій сотникъ Код-

ратъ Безносъ, спросилъ меду и мы пили медъ вмѣстѣ, только не были гораздо пьяны; и говорилъ мнѣ Безносъ, чтобъ я былъ къ нему ласковъ; я отвѣчалъ: теперь, когда ты, Безносъ, уже не сотникомъ, то желаешь моей ласки, а когда былъ сотникомъ, то ходилъ надувшись и на меня не смотрѣлъ. Безносъ мнѣ сказалъ: когда и ты былъ у Орлика дворецкимъ, то также былъ надутъ и мало на меня смотрѣлъ. Я ему сказалъ: еслибъ Орликъ не измѣнялъ, то добрый былъ панъ, сколько я ему ни служилъ, лихаго слова отъ него не слыхалъ. И Безносъ мнѣ сказалъ, что большое пріятство отъ Орлика имѣлъ и сотничество чрезъ него получилъ. Говоря это, мы оба пили за Орликово здоровье и, выпивши, разошлись.“ Гроевскій и Безносъ были наказаны за свои непристойныя слова и отпущены домой на Украйну.

Правительство отстранило доносъ Логвиненка на гетмана, сослало въ Архангельскъ знатнаго козака Забѣлу, старавшагося выставить въ подозрительномъ свѣтѣ поведеніе Скоропадскаго; но доносы продолжались, и въ маѣ 1713 года гетманъ писалъ Головкину, что объятъ размышленіемъ: отъ начала гетманства своего имѣетъ несносныя скорби отъ злобныхъ и безбожныхъ клеветниковъ, не только мірскихъ, но и духовныхъ. Канцлеръ попрежнему увѣрялъ его, что царское величество о вѣрности его довольно извѣстенъ. Скоропадскій, по характеру своему, былъ мало опасенъ, но могли быть опасны полковники. Фельдмаршалъ Шереметевъ въ началѣ 1713 года писалъ о необходимости перемѣнить четырехъ подозрительныхъ полковниковъ — Стародубскаго, Лубенскаго, Нѣжинскаго и Прилуцкаго. Головкинъ отвѣчалъ ему: „Ваше сіятельство объ нихъ уже давно были свѣдомы, а въ бытность свою здѣсь прошлаго лѣта царскому величеству не доносили и послѣ не писали, а теперь, при наступленіи кампаніи, въ ожиданіи непріятельскаго прихода, перемѣнить вдругъ четырехъ полковниковъ видится непристойно и небезопасно, къ тому же не знаемъ заочно, кого на ихъ мѣсто опредѣлить добрыхъ и вѣрныхъ.“

Кромѣ подозрительныхъ полковниковъ безпокоило правительство сильное неудовольствіе въ нисшемъ слоѣ Мало-

россійскаго народонаселенія. Измѣнничій гетманъ Орликъ писалъ Крымскому хану, что Малороссійскій народъ, приведенный въ отчаяніе Московскимъ тиранствомъ, ждетъ его, Орлика, какъ избавителя. Малороссійскій народъ дѣйствительно терпѣлъ много, только не отъ Московскаго тиранства. Стольникъ Протасьевъ, остававшійся при гетманѣ въ качествѣ министра государева, писалъ Головкину, въ 1714 году, что черный народъ сильно отягощенъ своими полковниками и сотниками, крестьяне и козаки безпрестанно на нихъ работаютъ, мельницы строятъ, сѣно косятъ, домы въ городахъ и на хуторахъ строятъ, да кромѣ того на ратушскіе расходы бываютъ безпрестанно денежные поборы. Протасьевъ писалъ также, что Полтавскому полковнику Черняку нельзя долѣе оставаться на своемъ мѣстѣ, потому что „кромѣ всякаго своего непостоянства и легкомыслія,“ онъ непросыпный пьяница, а Полтавскій полкъ ко всякимъ шатостямъ другихъ полковъ склоннѣе. Полтавская старшина просила гетмана, чтобъ быть у нихъ полковниникомъ Василью Кочубею; Протасьевъ, съ своей стороны, писалъ, что надобно Кочубею дать это мѣсто: пусть, смотря на это, и другіе служатъ царскому величеству такъ же вѣрно, какъ отецъ Кочубея; Василій Кочубей хотя и молодъ, но человѣкъ изрядный и умный, а въ Полтавскомъ полку такой вѣрный человѣкъ нуженъ. На Черняка донесъ Полтавскій житель Данила Кондакъ, котораго полковникъ посылалъ въ Запорожскую Сѣчь сказать Кошевому Косткѣ Гордеенку и прочимъ козакамъ: „Не кланяйтесь царю: еще висѣлицы Московскія не наполнились, и если поклонитесь, то конечно наполнятся вами.“ Отпуская Кондака въ Сѣчь, Чернякъ говорилъ ему: „Видишь меня теперь паномъ, а впередъ надѣюсь быть чѣмъ-нибудь и больше.“

Вслѣдствіе донесеній Протасьева въ началѣ 1715 года гетманъ получилъ царскую грамоту, въ которой говорилось, что полковники выбираютъ во всякія полковыя должности и въ сотники по своей волѣ, не объявляя гетману, выбираютъ по своимъ страстямъ, изъ взятокъ, и нѣкоторые изъ выбранныхъ ими подозрительной вѣрности и люди недо-

стойные; кромѣ того полковники и выбранные ими старшины и сотники отягощають козаковъ и простой народъ разными налогами и взятками. Вслѣдствіе этого государь приказывалъ, чтобъ впередъ, когда опростается въ полку мѣсто старшины или сотника, то полковникъ обязанъ созвать раду изъ полковой старшины и сотниковъ, по общему приговору выбрать двоихъ или троихъ людей заслуженныхъ и неподозрительной вѣрности и прислать ихъ къ гетману, который изъ нихъ выбираетъ одного, и избранный приводится къ присягѣ на вѣрность царю въ присутствіи стольника Протасьева; тѣхъ которые были въ явной измѣнѣ и опредѣлены въ полковую старшину и сотники, смѣнить; наконецъ гетману приказывалось смотрѣть накрѣпко, чтобъ козакамъ отъ полковниковъ и другихъ чиновниковъ никакихъ обидъ не было. При посылкѣ этой грамоты Головкинъ писалъ Протасьеву: „Развѣдайте и отпишите, какъ эта царская воля въ Малороссіи будетъ принята; извольте всѣмъ вбивать въ голову то, „что царское величество дѣлаетъ это, жалѣя о нихъ.“

Полковникамъ, разумѣется, царское распоряженіе не понравилось: на нихъ жаловались, что разоряютъ простой народъ, они жаловались, что разоряютъ народъ Москали своими войсковыми поборами, а виноватъ былъ гетманъ, который по своей слабости все позволяетъ. Вмѣсто слабаго Скоропадскаго назначали въ гетманы Черниговскаго полковника Полуботка, говорили: „Нынѣшній гетманъ человѣкъ смирный, за Украйну стоять не умѣетъ, кто ни нападетъ, всѣ дерутъ; еслибы дождаться какъ будетъ гетманомъ Черниговскій полковникъ, не такъ бы онъ за Украйну стоялъ и Москалямъ ее разорять не давалъ; въ его полку безъ его указа Москали ничего не берутъ.“ Въ Сосницѣ 27 Іюня праздновали Полтавскую побѣду; случился тутъ слуга Полуботковъ Ѳедоръ Стычинскій и къ молебну не пошелъ; когда его одинъ изъ Сосницкихъ жителей спросилъ, отчего онъ не былъ въ церкви, Стычинскій сказалъ: “Чему вы праздновали, за что Бога благодарили?“ — „За то, что царь побѣдилъ Шведа и проклятаго Іуду Мазепу,“ отвѣчали

ему. — „Не Мазепа проклятый Іуда, сказалъ Стычинскій, а нынѣшній гетманъ проклятый Іуда, потому что не стоитъ за Украйну и Москали ее разоряютъ; и какъ будетъ нашъ полковникъ гетманомъ, не такъ будетъ за Украйну стоять, и не будутъ ее Москали разорять. Вся Украйна надѣется, что нашему полковнику быть гетманомъ, и намъ, слугамъ его, больше гетманскихъ, почесть отдаютъ.“ Стычинскаго били кнутомъ и сослали въ ссылку.

Слабый Скоропадскій, боясь всѣхъ и желая угодить всѣмъ, разумѣется не угождалъ никому: въ Малороссіи жаловались на него, что онъ позволяетъ все Москалямъ; а въ Москвѣ знали, что гетманъ позволяетъ все Малороссіянамъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Несмотря на то, правительство не желало перемѣны гетмана и избѣгало случаевъ оскорблять его. Были поданы доносы о злоупотребленіяхъ Гадяцкаго полковника Черныша, зятя гетманскаго. Доносы оказались справедливыми, Черныша нельзя было долѣе оставлять въ Гадячѣ; но не хотѣли обидѣть гетмана, и Головкинъ въ генварѣ 1715 года писалъ Протасьеву: „Надлежитъ вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральные старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего Гадяцкаго полковника Черныша, потому что, по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ, царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; по сіе время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ зазору. Надѣюсь, что г. гетманъ приметъ это объявленіе за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто.“ Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, гетманъ не сдѣлалъ ничего относительно Черныша, и въ іюлѣ получилъ царскую грамоту: „Въ Малороссіи для управленія войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано

было къ тебѣ, подданному нашему, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ. Поэтому мы, милосердуя о народѣ Малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику Гадяцкому Ивану Чернышу.“ Вмѣсто Черныша полковникомъ Гадяцкимъ былъ назначенъ уже извѣстный намъ Сербскій выходецъ Милорадовичъ.

До насъ дошла длинная перечень злоупотребленій, какія позволяли себѣ полковники и сильные люди въ Малороссіи: 1) Много селъ роздано людямъ замѣшаннымъ въ измѣну Мазепину; много селъ роздано измѣнничьимъ сродникамъ, попамъ и челядникамъ, которые служатъ въ дворахъ. 2) Гетманъ долженъ запретить полковникамъ разорять простой народъ и отягощать работами, тогда какъ слухъ пущенъ въ народъ, будто онъ отягощенъ вслѣдствіе сбора провіанта на царскую армію и будто Малороссійскіе жители отъ этого отягощенія врознь расходятся. 3) Гетманъ жалуется, что во всѣхъ полкахъ козаки обезконѣли, давая подводы проѣзжимъ великороссійскимъ людямъ, и поэтому козаковъ теперь мало; а по доношеніямъ Малороссійскихъ обывателей оказывается, что число козаковъ уменьшается отъ работъ на полковниковъ и отъ того, что полковники многихъ старинныхъ козаковъ въ подданство себѣ завели. Нѣжинскій полковникъ въ одной Верклеевской сотнѣ поневолилъ больше 50 человѣкъ; Полтавскій полковникъ Чернякъ почти цѣлую сотню Нехворащенскую поневолилъ, а другими козаками помѣнялся на мужиковъ съ чернецами Нехворощинскаго монастыря; Переяславскаго полка Березинской сотни баба Алексѣиха Забѣловна Дмитрящиха больше 70 человѣкъ козаковъ поневолила. 4) Полковники, безъ воли гетманской, въ полкахъ своихъ села, деревни и мельницы раздаютъ не только роднѣ своей и другимъ постороннимъ, но и челяди своей. 5) Многіе, которые оказались въ явной измѣнѣ, живутъ свободно, а инымъ уряды и маетности даны, генеральная старшина и полковники къ такимъ особливый респектъ имѣютъ: писарь генеральный Григорій Ша-

рогородскій былъ въ явной измѣнѣ, но когда пришелъ изъ Бендеръ отъ Орлика, то поставленъ въ мѣстечкѣ Городищѣ урядникомъ. 6) Гетманъ жалуется, что генералы и офицеры, стоящіе на квартирахъ, на кухни свои съ ратушей требуютъ всякихъ запасовъ, и отъ того въ иныхъ городахъ ратуши стали пусты; но здѣсь Малороссіяне сами доносятъ, что хотя такіе запросы и бывали, и съ народу для того на ратуши многіе поборы идутъ, однако тѣмъ корыстуются полковники, сотники, атаманы и войты. Въ 1709 году положено было на дачу компанейскимъ и сердюцкимъ полкамъ брать со всякой продажной куфы горѣлки по два рубля; полковники, пріѣзжая къ гетману, показываютъ, сколько изъ этихъ покуфовныхъ денегъ издержано бываетъ на ратушные расходы: зачѣмъ же еще сбирать на рутушу? 7) Полковники козаковъ сосѣдей своихъ по маетностямъ принуждаютъ за дешевую цѣну продавать свои грунты, мельницы, лѣса и покосы. 8) Многіе изъ Малороссіянъ покупаютъ земли, мельницы, лѣса и покосы въ великороссійскихъ городахъ, въ Путивльскомъ, Рыльскомъ и Сѣвскомъ уѣздахъ, а Малороссіянамъ продавать свои земли великороссійскимъ людямъ запрещено.

Должны были смѣнить полковниковъ Полтавскаго и Гадяцкаго; въ томъ же 1715 году Протасьевъ далъ знать, что дѣло дошло и до Нѣжинскаго полковника Жураковскаго. Верклеевскій сотникъ Самуилъ Аѳанасьевъ и знатный козакъ Евоçровскій донесли, что Жураковскій выбралъ въ полковые судьи Романа Лазаренка, въ полковые есаулы Тарасенка, въ сотники Пыроцкаго—все людей подозрительной вѣрности, которые и послѣ измѣны Мазепы остались его совѣтниками. Тотъ же Жураковскій накинулъ на одну Верклеевскую сотню куфъ съ пятнадцать вина, кромѣ того въ соль рыбу и сыръ накладываетъ предорогою цѣною; изъ одной Верклеевской сотни изъ старинныхъ козаковъ написалъ насильно въ подданство къ себѣ въ мужики многое число (доносители подали реестръ). Когда король Шведскій и Мазепа были еще въ Украйнѣ, то козаки Верклеевской сотни охотою ходили съ сотникомъ Самуиломъ Аѳа-

насьевымъ въ войско: въ ихъ отсутствіе отцовъ ихъ и братью держали забивъ въ колодки, а иныхъ безъ милосердія били, и все это дѣлалъ Журавковскій по совѣту своей полковой старшины, измѣна которой явна. Нѣкоторые козаки приходили къ гетману и били челомъ на Журоковскаго; гетманъ далъ имъ универсалы, чтобъ полковникъ впередъ ихъ необижалъ; но когда они съ этими универсалами явились къ нему, то онъ обобралъ ихъ, билъ, посадилъ въ тюрьму и держалъ до тѣхъ поръ, пока они дала ему на себя записи, что будутъ жить за нимъ на вѣки въ подданствѣ.

Государь писалъ гетману, чтобъ полковники крѣпко смотрѣли за своевольнными козаками, которые ходятъ на полевыя рѣчки за добычею и сообщаются съ Запорожцами. Когда въ маѣ 1716 года полковники съѣхали къ гетману въ Глуховъ, и Скоропадскій прочелъ имъ царское письмо и потребовалъ, чтобъ они подписались въ исполненіи воли государевой, то они отказались подписываться, говоря, что имъ нѣтъ никакой возможности въ своихъ полкахъ удерживать своевольныхъ козаковъ отъ ухода въ степи; наконецъ подписались Гадяцкій, Прилуцкій, Полтавскій и Лубенскій, а другіе такъ и разъѣхались, обѣщая вскорѣ прислать *ассекурацію* за своею и сотниковъ своихъ подписью. Извѣщая объ этомъ Головкина, Протасьевъ писалъ: „хотя гетманъ ихъ и принуждалъ, чтобъ прислали ассекурацію немедленно, однако они на его принужденіе обращаютъ немного вниманія и конечно у нихъ то долго не исправится."

Уже давно, при предшественникахъ Петра, однимъ изъ средствъ тѣснѣйшаго сближенія Малороссіи съ Великою Россіею признавались браки Малороссіянъ на Великоросс іянкахъ и наоборотъ. Гетманъ Брюховецкій женился въ Москвѣ; Самойловичъ выдалъ дочь за Шереметева; теперь Петръ потребовалъ и отъ Скоропадскаго, чтобъ выдалъ дочь за Великороссіянина. Гетманъ или жена его воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ выпросить себѣ имѣній. Настасья Марковна Скоропадская писала царицѣ Екатеринѣ: „Понеже его графское сіятельство (Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей

единственной мужа благоволитъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволенію весма благодарны; у великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даются зятьямъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать, и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всесмиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маетностей нѣсколько.“

Маетности были получены и единственная дочь была выдана въ 1718 году за Петра Толстаго, сына Петра Андреевича, который, по возвращеніи изъ Турціи, былъ въ большей милости у царя, особенно послѣ того, какъ привезъ изъ-за границы царевича Алексѣя. Петръ Петровичъ Толстой былъ усыновленъ гетману и сдѣланъ Нѣжинскимъ полковникомъ. Скоропадскій получилъ въ сватѣ могущественнаго покровителя, а Протасьевъ нашелся въ затруднительномъ положеніи. Гетманъ прежде всего нажаловался на него свату, что онъ постарался отдать другимъ землю, которую гетманъ хотѣлъ взять себѣ, и Протасьевъ въ униженныхъ письмахъ долженъ былъ оправдываться предъ сильнымъ человѣкомъ и просить, чтобъ его отозвали изъ Малороссіи: „Дай всемогущій Творецъ вѣчно тому такъ радоваться, кто ваше превосходительство неправыми своими доношеніями на мое мезерство подвигъ такимъ гнѣвомъ. Всепокорно съ горькими слезами вашего превосходительства прошу: умилосердися надо мною рабомъ своимъ, какъ милостивый Богъ, благоволи исходатайствовать, прежде даже не погибну, чтобъ мнѣ при господинѣ гетманѣ не быть. Умилосердися премилосердый государь, отецъ мой и патронъ мой, пожалуй не имѣй на меня своего гнѣву, и уже ни о чемъ болѣе не прошу, только чтобъ былъ я отъ немилости ясновельможнаго господина гетмана отлученъ.“

Протасьевъ не былъ отлученъ отъ гетмана; униженный тонъ писемъ долженъ былъ обезоружить Толстаго, и трудно было найти другаго человѣка, столь же хорошо знакомаго съ Малороссіею, въ которой продолжались прежнія явленія. Въ томъ же 1718 году Стародубовскіе жители по-

дали жалобу на своего полковника Журавку, жители Новгорода на своего сотника Лисовскаго, Прилуцкая полковая старшина на своего полковника Галагана. Стародубскій полкъ хотѣлъ имѣть своимъ полковникомъ Андрея Миклашевскаго, сына стараго полковника, и полчане подали о томъ гетману заручную челобитную. Но гетманъ, думая, что съ помощію Толстаго, теперь можно проводить своихъ, прочилъ въ Стародубскіе полковники извѣстнаго намъ Черныша; Миклашевскій, ненавидимый старшинною, былъ извѣстенъ за человѣка, преданнаго Россіи, и потому Меншиковъ, во время бытности своей въ Малороссіи, настаивалъ у царя, чтобъ далъ указъ о назначеніи его полковникомъ: „о Чернышѣ изволите знать, что оный не безъ противности есть,“ писалъ Данилычъ Петру. Меншиковъ хлопоталъ также о доставленіи полковничества Переяславскаго или другому Милорадовичу Гаврилѣ или Молдавскому полковнику Танскому, что очень не нравилось гетману и старшинѣ. Любопытна просьба Гаврилы Милорадовича, поданная царю въ апрѣлѣ 1720 года: „Билъ челомъ я въ С.-Петербургѣ, какъ насъ опредѣлили на Украйну: тогда П. А. Толстой при графѣ Гаврилѣ Ивановичѣ и баронѣ П. П. Шафировѣ сіи слова объявилъ: Ну, господа Милорадовичи! царское величество жалуетъ васъ, полковнику Гаврилѣ 300 дворовъ (а тѣхъ дворовъ и полутораста не получилъ), и при первой аказіи быть вамъ полковниками на Украйнѣ. Брату моему сказали въ то время быть полковникомъ Гадяцкимъ; и вскорѣ потомъ Переясланскаго полка полковникъ Тамара умеръ; я билъ челомъ въ 1717 году, и ваше величество изволили повелѣть мнѣ быть полковникомъ; о семъ же просилъ и на Москвѣ и напоминалъ ея величеству государынѣ царицѣ; въ 1718 году ѣздилъ я паки въ Петербургъ и просилъ милости у государыни царицы, которая изволила господину гетману о семъ говорить и изволила призывать тайнаго совѣтника П. А. Толстаго и сказала ему: сходи отъ меня къ гетману и скажи ему, что я сама просила царское величество и Гаврилѣ Ивановичу приказапо, чтобъ быть Милорадовичу полковникомъ. Петръ Андреевичъ говорилъ господину гетману, на что гетманъ

сказалъ: коли на то воля царскаго величества есть, тогда и будетъ, лишь бы былъ мнѣ послушенъ, а я къ нему буду милостивъ. Прошу вашего величества, да повелитъ мнѣ быть полковникомъ Переяславскимъ.“ Меншиковъ переслалъ и просьбу Милорадовича, и просьбу Танскаго къ Макарову, прося его *въ удобный часъ* доложить царскому величеству. „Службы ихъ обоихъ довольно извѣстны, писалъ Меншиковъ: Танскій при Валахахъ довольно услугъ своихъ и вѣрности показалъ, а о Милорадовичѣ вамъ самимъ извѣстно, что лишился дому и имѣнія своего.“ Въ Петербургѣ сочли нужнымъ послать вѣрнаго и способнаго человѣка на степную границу Малороссіи. Въ концѣ 1720 года полковникъ Скорняковъ-Писаревъ назначенъ былъ коммендантомъ въ Полтаву и Переволочну и получилъ слѣдующую инструкцію: 1) Когда о чемъ-нибудь надобно будетъ съ гетманомъ пересылаться письмами, то списываться съ нимъ учтиво. 2) Съ Полтавскимъ и Переволочинскимъ полковниками и старшиною и съ козаками и съ простымъ народомъ имѣть доброе и ласковое обхожденіе; такъ какъ полки эти пограничные, то смотрѣть, чтобъ тамошніе жители были во всякой вѣрности. 3) Чтобъ Малороссіяне на Запорожье съ товарами и ни съ чѣмъ не ѣздили, а Крымцы Запорожцевъ съ собою не привозили; Запорожцевъ ни для чего не пропускать, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить съ повинною къ царю. 4) Если полковники и старшины будутъ обижать народъ, то говорить, чтобъ не обижали; если не уймутся, принимать челобитныя у обиженныхъ и присылать въ Коллегію иностраннымъ дѣлъ, а самому ни въ какія судебныя и расправныя дѣла не вступать и никого не обижать.

Извѣстія изъ новой Запорожской сѣчи объясняли предосторожность правительства, которое запрещало всякія сношенія съ нею. Въ 1720 году въ сѣчь явился проѣздомъ въ Крымъ Нахимовичъ съ письмами отъ короля Шведскаго и Орлика. Въ кругу Нахимовичъ говорилъ: „Я только одинъ къ вамъ пришелъ, а въ Варшавѣ оставилъ Герцыка и Мировича съ коммиссарами, и они будутъ меня дожидаться тамъ. Когда я возвращусь изъ Крыма, то изъ Варшавы бу-

дутъ къ вамъ присланы съ Герцикомъ клейноты и деньги, и войско Запорожское будутъ просить къ королю Шведскому, которому противъ царя будутъ помогать четыре короля, да пятый цезарь.“ На это говорилъ кошевой: „Паны молодцы! вотъ видите, что объ насъ и другіе государи стараются, только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, то кто хочетъ, пусть идутъ куда угодно, а я ни съ мѣста не ворохнусь; пусть себѣ дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ, намъ надобно сидѣть тихо; а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ.“

На югѣ безпокоила смута Малороссійская; на востокѣ не переставали волноваться Башкирцы. Въ 1712 году Казанскій губернаторъ Апраксинъ писалъ Головкину: „Со стороны пограничныхъ бусурманъ все благополучно; только всегдашніе намъ домашніе злодѣи Башкирцы: отъ нихъ никакого покоренія и добра не видимъ и живемъ во всегдашнемъ отъ нихъ опасеніи.[429] Весною 1720 года полковникъ графъ Головкинъ (сынъ канцлера), стоявшій съ войскомъ въ Мензелинскѣ, получилъ отъ сената приказаніе ѣхать въ Уфу, призвать Башкирцевъ, всѣхъ дорогъ батырей и старшину, объявить имъ прежнія ихъ вины — какъ они въ прошлыхъ годахъ съ Караколпаками и съ измѣнникомъ Алдаркомъ, во многихъ тысячахъ, въ Уфимскомъ и въ другихъ уѣздахъ ясашныя Мордовскія, Черемисскія и другихъ народовъ многія села и деревни выжгли, разорили и многихъ людей побили и въ полонъ побрали; также которые русскіе и иновѣрцы бѣжали къ нимъ, тѣхъ бѣглецовъ они принимали, по многимъ требованіямъ не высылали и противные отвѣты дѣлали, посылаемыхъ для переписи въ высылкѣ бѣглыхъ не слушались, а нѣкоторыхъ били и за карауломъ держали. Объявивши имъ эти вины, Головкинъ долженъ былъ имъ говорить, чтобъ они перестали такъ поступать и прежнія подати платили, потому что они сами прислали къ великому государю челобитчика Татарина съ заручнымъ челобитьемъ, чтобъ мимо Казанскихъ судей для сыску послать кого добраго человѣка, для чего теперь онъ, полковникъ, и посланъ.

Въ этой челобитной Башкирской царю говорилось: „Великому государю, поцѣловавъ землю и поклонясь на колѣни рабски, мы нижеподписавшіеся Башкирскаго народа всѣхъ четырехъ дорогъ батыри и старшины симъ объявляемъ: разореніе было не отъ насъ; мы ясаки платили и подводы давали и службы служили; а пріѣхали въ Уфу городъ Михайла Духовъ, Андрей Жихаревъ и наложили на насъ тягости, которыхъ на отцахъ и дѣдахъ нашихъ положено не было, 72 статьи прибыли наложили. Надѣясь на твою высокую милость, мы съ ними спорили. Да послѣ того пріѣхалъ къ намъ Александръ Савичъ Сергѣевъ со многими полками и бралъ много подводъ, многими бѣдами насъ изнурялъ; призвалъ нашихъ добрыхъ выборныхъ людей, поилъ ихъ зельемъ и виномъ и порохомъ жегъ на взлетъ, многихъ людей тѣмъ до смерти поморилъ, билъ, мучилъ и въ крѣпкія мѣста запиралъ, стращалъ, что повѣситъ и изрубитъ и бралъ сказки, что великому государю дать бы 5000 лошадей да 1000 человѣкъ людей, и выборные люди по неволѣ сказки дали. Послѣ того Хохловъ выѣхалъ со многими полками на Ногайскую дорогу для разоренія насъ, да за нимъ же выѣхалъ Сидоръ Аристовъ со многими полками, разорилъ деревни наши и пожегъ и въ полонъ людей бралъ. Пріѣхалъ князь Петръ Ив. Хованскій и сказалъ намъ, что великій государь съ насъ всякія прибыли снялъ и насъ простилъ, и съ того числа по сіе время мы тебѣ ясаки платимъ со всякимъ послушаніемъ, и плѣнныхъ у насъ нѣтъ, бѣглыхъ возвратили и возвращать будемъ.“

Головкинъ началъ возвращать бѣглыхъ, причемъ главное препятствіе встрѣтилъ въ Мещерякахъ; онъ писалъ къ отцу-канцлеру: „Изъ бѣглецовъ служивые Татары, здѣсь называются они Мещеряки, ябедники великіе и самыхъ большихъ препятствій ожидаю отъ нихъ; не надѣюсь я твердости у Башкирцевъ пока Мещеряки будутъ между ними.“ Головкинъ вывелъ отъ Башкирцевъ бѣглыхъ Татаръ, Чувашъ, Черемисъ 594 семьи, 2271 человѣка обоего пола; но этимъ дѣло, какъ увидимъ, не кончилось.[430]

ПРИМѢЧАНІЯ.

—

1) Кабинетъ I, кн. № 28.
2) Тамъ же, II, кн. № 5. Письмо отъ 9 іюля 1706 года.
3) Начало службы Остермана съ 1703 года показано имъ самимъ въ челобитной къ Петру, хранящейся въ Госуд. Архивѣ.
4) Кабинетъ II, кн. № 2, 4.
5) Тамъ же, кн. № 5.
6) Тамъ же, кн. № 7. Письмо Виніуса отъ 10 сент. и 27 дек.
7) Тамъ же, кн. № 4. Голикова — Дѣянія Петра В. X, 194.
8) Пол. Собр. Зак. № 2028.
9) Кабинетъ II, кн. № 4.
10) Тамъ же, № 5.
11) Пол. Собр. Зак. № 2127, декабря 18, годъ 1706.
12) Кабинетъ II, кн. № 5.
13) Тамъ же, № 11.
14) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ 1704 года: „Государь Александръ Даниловичъ! Дерзнулъ я отъ ревности своея ко всемилостивѣйшему чрезъ труды своя сочинить статьи о умноженіи пѣхотныхъ и конныхъ войскъ и пѣхотныхъ о поселеніи въ городахъ, которыя и послалъ къ тебѣ государю. Истинно доношу тебѣ, государю: ни мало есть въ разборѣ Москвичь усмотрѣнія, ты усмотри и, и по своей вѣрности ко всемилостивѣйшему, покажи услуги своя, и что не могли никто управителей тѣхъ сдѣлать, ты усердіемъ своимъ обнови, да славится ввѣкъ имя твое и отъ силы въ силу преуспѣваеши въ милости Божіи и всемилостивѣйшаго нашего государя. Благоволи, государь, всѣхъ Москвичь и городовыхъ дворянъ, служивыхъ и отставныхъ и прежде бывшихъ рейтаръ изо всѣхъ приказовъ взять списки подъ управленіе своего имени, и въ товарищи къ себѣ выбрать кого изъ знатныхъ особъ и къ нему дьяковъ; а о таковомъ товарищѣ тебѣ государю доношу истинно, безъ всякаго притворства, подъ свидѣтелемъ самого Бога. Князь Андрей Ѳеодоровичъ Шаховской, который нынѣ въ пѣхотномъ полку пол-

ковникомъ, сказывалъ мнѣ, что былъ онъ у прибору сначала драгунъ и разбиралъ многіе городы со всякимъ усердіемъ и скоростію, и при тѣхъ словахъ говорилъ о Москвичахъ, якобы болѣзнуя, что ни малаго о нихъ нѣтъ усмотрѣнія, лучшіе люди мало бываютъ въ службахъ, а многіе и никогда, всегда по воеводствамъ и у разныхъ дѣлъ подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ. А ежели бы де разобрать Москву нынѣ подъ управленіемъ Александра Даниловича, чтобъ де разрядъ и иные приказы того не вѣдали, мочно де великое коннымъ войскамъ учинить умноженіе. Онъ же говорилъ, чтобъ ему быть у того разбору подъ твоею командой, въ чемъ обѣщался работать всеусердно. Истину доношу тебѣ государю: зѣло призналъ я его быти усердна, по тому что хощетъ со всѣми принять остуду, точіюбъ твое къ нему было милосердіе, и зѣло подъ многою клятвою служить въ томъ обѣщался. О чемъ я прошу тя государя: ей отъ ревности моея ни для чего, прикажи ему князь Андрею быть у того дѣла подъ командою милости твоей; и въ томъ дѣлѣ повели, да не отлученъ буду и я, точію для моихъ многихъ суетствъ временемъ."

15) Кабинетъ II, кн. № 4, 5.

16) Тамъ же, I, кн. № 56.

17) Письмо Петра въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д. т. VII, № 5. Письмо отъ 24 февраля 1711 года; Кабинетъ II, кн. № 27.

18) Пол. Собр. Зак. № 2007 и 2009.

19) Тамъ же, № 2014, 2015, 2132.

20) Тамъ же, № 2032.

21) Тамъ же, № 2045.

22) Тамъ же, № 2153.

23) Тамъ же, № 2011, 2058.

24) Тамъ же, № 2013.

25) Тамъ же, № 2012.

26) Пол. Собр. Зак. № 2017.

27) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ, бумаги 1708 года.

28) Пол. Собр. Зак. № 2117.

29) Тамъ же, въ декабрѣ 1707 года.

30) Тамъ же, № 2072.

31) Тамъ же, № 2225.

32) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго приказа 1706 г.

33) Кабинетъ II, кн. № 15.

34) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго приказа.

35) Тамъ же.

36) Пол. Собр. Зак. № 2310.

37) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія означеннаго года.

38) Подробности см. у Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В.

39) Кабинетъ II, кн. № 9. Голикова — Допол. къ Дѣян. Петра В., т. VIII, стр. 219.
40) Пол. Собр. Зак. № 2040.
41) Подробности см. у Пекорскаго Наука и Литература въ Россіи I, 72 и слѣд.
42) Пол. Собр. Зак.
43) Кабинетъ II, кн. № 5.
44) Архивъ Мин. Юст. Дѣла Преображ. приказа означ. года.
45) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1864 года.
46) Кабинетъ II, кн. № 6.
47) Тамъ же, № 11.
48) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ.
49) Тамъ же.
50) Кабинетъ II, кн. № 11, 8. Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій; Чтенія Москов. Историч. Общества, годъ 1866, кн. 2.
51) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображ. приказа, годъ 1705.
52) Тамъ же.
53) Тамъ же.
54) Тамъ же, годъ 1708.
55) Государств. Архивъ, письма временъ Петра В.
56) Пол. Собр. Зак. № 2235.
57) Тамъ же, № 2243.
58) Тамъ же, № 2261.
59) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, 1711 годъ; тамъ же дѣла Малороссійскія 1710 года.
60) Кабинетъ II, кн. № 10.
61) Чтенія Москов. Историч. Общ., годъ III, № 1.
62) Кабинетъ I, кн. № 34. — Подробности расходовъ на войско: генеральному штабу 184 человѣкамъ 91,090 рублей. Кавалеріи 33 полка; въ полку 1040 человѣкъ служащихъ, да 288 человѣкъ не служащихъ (писарей, трубачей и т. д.), на каждый полкъ 18,753 рубля, на всю кавалерію 43,824 человѣка 618,873 рубля; на лошадей 42,900 рублей, на полкъ по 1300 рублей, на припасы 102,898 руб., на полкъ 3118 рублей, всего на кавалерію 764,671 рубль. Инфантеріи 42 полка, 62,454 человѣкамъ 815,077 рублей, на полкъ 1487 (служащихъ и не служащихъ) 19,406 рублей; всего на людей, лошадей и припасы 882,435. Гарнизоннымъ 58,000 человѣкъ 422,980 рублей; всего на войско 2,161,176 рублей, въ томъ числѣ на два гвардейскихъ полка 42,020 рублей.
63) Пол. Собр. Зак. № 2321.
64) Тамъ же, № 2328.
65) Тамъ же, № 2329.
66) Тамъ же, № 2330.

67) Тамъ же, № 2331.
68) Тамъ же, № 2339.
69) Письма Петра В. къ Меншикову въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
70) Гисторія Свейской войны; письма Петра къ Екатеринѣ въ письмахъ Рус. Госуд. I, 14.
71) Пол. Собр. Зак. № 2293.
72) Кабинетъ II, кн. № 11.
73) Тамъ же, № 2277, 2278, 2279, 2301, 2312, 2303, 2304, 2495, 2496, 2501.
74) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Курляндскія 1710 года.
75) Тамъ же, дѣла Турецкія 1709 и 1710 годовъ.
76) Тамъ же, дѣла Датскія 1710 года.
77) Тамъ же, дѣла Англійскія и Ганноверскія.
78) Московъ. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія означ. лѣтъ.
79) Тамъ же, письма Петра В. къ Меншикову.
80) Тамъ же.
81) Кабинетъ II, кн. № 6.
82) Тамъ же, кн. № 10.
83) Тамъ же, I, кн. № 28.
84) Дѣла Меншикова въ Московъ. Архивѣ Мин. Ин. Д.
85) Исторія Россіи, XV, 293.
86) Кабинетъ I, кн. № 63: Извѣстіе о фамиліи Лифлянскова обывателя Карлуса Самуелеза сына Скаворонскова (брата Императрицы Екатерины I-й). Жилище его въ Лифляндіи въ мѣстечкѣ (шляхтича Молевскаго) называемомъ Вышки Озеры, разстояніемъ отъ Риги въ 36 миляхъ, отъ Друи 7 миль.
87) Тамъ же, II, кн. № 2.
88) Гордонъ — The history of Peter the Great, II, 258.
89) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
90) Письма въ Государств. Архивѣ.
91) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
92) Гисторія Свейской войны.
93) Дѣла Меншикова въ Московъ. Архивѣ Мин. Ин. Д.
94) Кабинетъ I, кн. № 14.
95) Тамъ же.
96) Дѣла Меншикова въ Московъ. Архивѣ Мин. Ин. Д.
97) Дѣла Меншикова въ Академ. Наукъ.
98) Кабинетъ II, кн. № 14.
99) Петръ В. на берегахъ Прута. Журн. Мин. Народ. Просв. 1847 года, № 1 и 2.
100) Тамъ же, и Пол. Собр. Зак. № 2347. Пункты, напечатанные въ Пол. Собр. Зак., разнятся съ помѣщенными въ статьѣ: „П. В. на берегахъ Прута“, составленной по молдавскимъ источникамъ. Различіе состоитъ преимущественно въ томъ, что пунк-

ты статьи содержатъ ограниченія княжеской власти и доходовъ, тогда какъ пункты Пол. Собр. составлены въ противномъ духѣ. Можно догадываться, что въ пунктахъ, составленныхъ въ Молдавіи для показа боярамъ, именно говорилось о правахъ боярскихъ, а въ пунктахъ, доставленныхъ Кантемиромъ царю, вмѣсто этихъ правъ упоминалось только о правахъ господаря.

101) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Сербскія означенныхъ годовъ. Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 248.

102) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 307.

103) Тамъ же, стр. 313.

104) Петръ В. на берегахъ Прута.

105) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 334 — 342; печатныя письма Шереметева къ Петру.

106) Halem — Leben Peter's d. Gr. II, 33; Moreau de Brasey Comte de Lion, Mémoires politiques I, 22.

107) Голиковъ — Дѣянія Петра В. XII, 342 и слѣд.

108) Кабинетъ I, кн. № 30.

109) Пол. Собр. Зак. № 2410.

110) Гисторія Свейской войны.

111) Кабинетъ I, кн. № 30. — Петръ В. на берегахъ Прута.

112) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1711 года.

113) Кабинетъ I, кн. № 30.

114) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1711 года.

115) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 354.

116) Тамъ же, 355.

117) Mémoires du Comte de Lion I, 91.

118) См. мою статью: Птенцы Петра В. (Разсказы изъ Рус. Исторіи XVIII вѣка, въ Русскомъ Вѣстникѣ).

119) См. слѣдующій XVII томъ нашей Исторіи, въ разсказѣ о судьбѣ царевича Алексѣя.

120) Пол. Собр. Зак. № 2399.

121) Кабинетъ II, кн. № 13.

122) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 364, 368, 370.

123) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1711 года.

124) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 357.

125) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1711 года.

126) Кабинетъ II, кн. № 14.

127) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 402.

128) Тамъ же, 425.

129) Кабинетъ I, кн. № 30.

130) Тамъ же.

131) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 422.

132) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1711 и 1712 г.

133) Кабинетъ I, кн. № 30.

134) Тамъ же.

135) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1712 года.

136) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 431. Это письмо здѣсь неправильно помѣщено подъ 1711 годомъ.

137) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1712 года.

138) Кабинетъ I, кн. № 23.

139) Theils, авторъ: Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII.

140) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія 1713 года; Кабинетъ II, кн. № 18.

141) Тамъ же, дѣла Сербскія означенныхъ годовъ.

142) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 366.

143) Тамъ же, 418.

144) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1712 года; Кабинетъ II, кн. № 17.

145) Кабинетъ II, кн. № 15.

146) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1714 года.

147) Кабинетъ II, кн. № 17.

148) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1715, 1716 и 1717 годовъ.

149) Голикова — Дѣянія Петра В. XII, 320.

150) Тамъ же, стр. 324; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

151) Голиковъ, стр. 352.

152) Тамъ же, стр. 415.

153) Кабинетъ II, кн. № 14.

154) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сенатскія 1711 года.

155) Пол. Собр. Зак. № 2957.

156) Кабинетъ II, кн. № 21.

157) Тамъ же, № 35; Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Кіевской губерніи 1717 года.

158) Кабинетъ II, кн. № 15, 33; Архивъ Мин. Юстиц., копіи съ именныхъ указовъ Сенату; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

159) Кабинетъ II, кн. № 13; Пол. Собр. Зак. № 3264 и 3294.

160) Briefe von Chr. Wolff, предисловіе.

161) Пол. Собр. Зак. № 2928; въ томъ же году Ягужинскому было поручено достать въ Даніи во всякую коллегію по хорошему члену, а лучше, чтобъ они были не старыхъ лѣтъ, дабы могли россійскому языку удобнѣе научиться, а безъ того (т. е. безъ людей) по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ циркумстанцій никогда не пишутъ. Голикова — Дѣянія П. В. V, 93.

162) Пол. Собр. Зак. № 2967.

163) Тамъ же, № 3101.

164) Кабинетъ II, кн. № 35.
165) Пол. Собр. Зак. № 2986, 2997.
166) Тамъ же, № 3255.
167) Тамъ же, № 3133.
168) Тамъ же, № 3128.
169) Кабинетъ II, кн. № 34; Петру хотѣлось учредить еще особаго рода Коллегію; въ одной изъ памятныхъ книжекъ его записано: „О такой коллегіи, которая-бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, наченше отъ порядковъ прибыли даже до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ, плантажи въ безлѣсныхъ мѣстахъ и винограды, всякія строенія, работы и прочія такія дѣла, когда указъ объ оныхъ будетъ, прежде не начинать, не распорядя кѣмъ и чѣмъ оныя содержать, сдѣлавъ. О экономическихъ книгахъ, также и о политическихъ, какъ всякому чину должность свою исполнять домовно и генерально." Голикова — Дѣянія Петра В. VI, 243.
170) Пол. Собр. Зак. № 3384.
171) Кабинетъ II, кн. № 43, 52.
172) Тамъ же, № 52.
173) Тамъ же, № 56.
174) Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ.
175) Тамъ же, протоколы Сената за 1719 годъ.
176) Пол. Собр. Зак. № 2710, 2673, 2762; Архивъ Мин. Юстиц., протоколы Сената 1720 года. Здѣсь читаемъ: въ С.-Петербургѣ быть въ Нижнемъ судѣ оберъ-ландрихтеромъ Манукову.
177) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Москов. губерніи. Пол. Собр. Зак. № 3298.
178) Пол. Собр. Зак. № 3295, 3296.
179) Кабинетъ I, кн. № 32.
180) Пол. Собр. Зак. № 3202.
181) Кабинетъ II, кн. № 35.
182) Пол. Собр. Зак. № 3463.
183) Кабинетъ II, кн. № 57.
184) Пол. Собр. Зак. № 3140.
185) Кабинетъ II, кн. № 53.
186) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ годъ 1711.
187) Пол. Собр. Зак. № 2789, 2796; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.
188) Кабинетъ I, кн. № 32; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Военной коллегіи.
189) Пол. Собр. Зак. № 2762.
190) Тамъ же, № 2775.
191) Тамъ же, № 2795.

192) Тамъ же, № 3003; Пол. Собр. Закон. № 3006; въ началѣ Военнаго Устава царь говоритъ: „Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ въ 1647 году началъ регулярное войско употреблять, и Уставъ Воинскій изданъ былъ. И тако войско въ таковомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны; и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и со Шведами война ведена была. Но потомъ оное не токмо (не) умножено при ростущемъ въ наукахъ свѣтѣ, но едва и не весьма оставлено; и тако, что̀ послѣдовало потомъ? не точію съ регулярными народы, но и съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ, умалчивая старѣе) и не только тогда, но и гораздо недавно, какъ съ Турками при Азовѣ, такъ и съ начала сея войны при Нарвѣ. Но потомъ, когда войска распорядили, то какія великія прогрессы съ помощію Вышняго учинили, надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! И тако всякъ можетъ разсудить, что не отъ чего инаго то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка: ибо всебезпорядочной варварской обычай смѣху есть достойный, и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли сію книгу Воинскій Уставъ учинить, дабы всякой чинъ зналъ свою должность, и обязанъ былъ своимъ званіемъ, и невѣдѣніемъ не отговаривался, еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено.“

193) Кабинетъ II, кн. № 43.

194) Тамъ же, № 33.

195) Пол. Собр. Зак. № 3058.

196) Кабинетъ II, кн. № 33.

197) Тамъ же, № 42.

198) Тамъ же, I, кн. № 32; Архивъ Мин. Юст., копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

199) Пол. Собр. Зак. № 3520.

200) Тамъ же, № 3708.

201) Кабинетъ II, кн. № 33; Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Приказному столу.

202) Донесенія Голландскихъ резидентовъ; рукоп. Библіотеки Академіи Наукъ; Архивъ Мин. Юст., копіи съ именн. указовъ.

203) Кабинетъ II, кн. № 27. — Письма Никиты Зотова къ сыну въ Госуд. Архивѣ.

204) Пол. Собр. Зак. № 3464.

205) Тамъ же.

206) Кабинетъ II, кн. № 49, 43.

207) Тамъ же, № 23, 49.

208) Пол. Собр. Зак.
209) Пол. Собр. Зак. № 2963, 2966.
210) Кабинетъ I, кн. № 32.
211) Тамъ же, II, № 28.
212) Тамъ же, № 40, 43.
213) Тамъ же, № 43; Голикова — Дѣянія Петра В. II, 213.
214) Пол. Собр. Зак. № 4345.
215) Кабинетъ II, кн. № 32, 42.
216) Тамъ же, № 49 и 51.
217) Тамъ же, № 54, 43.
218) Архивъ Мин. Юст., Сенатскія дѣла по губерніямъ 1718 года; Кабинетъ I, кн. № 64.
219) Кабинетъ II, кн. № 40.
220) Тамъ же.
221) Тамъ же.
222) Тамъ же, № 43.
223) Пол. Собр. Зак. № 2867.
224) Тамъ же, № 2943.
225) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Архангельской губ. 1718 года.
226) Кабинетъ II, кн. № 35; Пол. Собр. Зак. № 3163, 3543, 3677.
227) Кабинетъ II, кн. № 34.
228) Пол. Собр. Зак. № 2949.
229) Кабинетъ II, кн. № 42.
230) Тамъ же, № 48.
231) Тамъ же, № 43.
232) Тамъ же, № 54.
233) Пол. Собр. Зак. № 2800.
234) Тамъ же, № 3127.
235) Кабинетъ II, кн. № 43.
236) Кабинетъ II, кн. № 54, 43; Пол. Собр. Зак. № 3176.
237) Пол. Собр. Зак. № 2668.
238) Тамъ же, № 3770, 3294; Архивъ Мин. Юстиц, дѣла монастырскаго приказа.
239) Кабинетъ II, кн. № 21.
240) Тамъ же, № 26.
241) Тамъ же, № 40; Архивъ Мин. Юст., копіи съ именныхъ указовъ Сенату.
242) Пол. Собр. Зак. № 2683.
243) Тамъ же, № 2707.
244) Тамъ же, № 2726.
245) Кабинетъ I, кн. № 32.
246) Тамъ же, Архивъ Мин. Юстиц., копіи съ именныхъ указовъ Сенату; Пол. Собр. Зак. № 3721.

247) Кабинетъ II, кн. № 15.
248) Тамъ же, I, кн. № 58.
249) Тамъ же, II, кн. № 17.
250) Тамъ же I, кн. № 58.
251) Тамъ же.
252) Тамъ же, II, кн. № 19.
253) Пол. Собр. Зак. № 2877, 3479.
254) Кабинетъ I. кн. № 31.
255) Пол. Собр. Зак. № 2786.
256) Кабинетъ II, кн. № 21.
257) Тамъ же, № 24.
258) Тамъ же, № 49.
259) Тамъ же, № 15.
260) Тамъ же, № 95.
261) Тамъ же, № 49.
262) Тамъ же, № 35.
263) Тамъ же, № 40.
264) Записка въ Государственномъ Архивѣ.
265) Письма разныхъ лицъ въ Госуд. Архивѣ.
266) Кабинетъ II, кн. № 42; Архивъ Мин. Юстиц., протоколы Сената 1720 года.
267) Кабинетъ II, кн. № 93.
268) Тамъ же, № 41.
269) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова.
270) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
271) Исторія Россіи, XV, 93.
272) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
273) Кабинетъ II, кн. № 1, 5.
274) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
275) Тамъ же.
276) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената 1711 года.
277) Пол. Собр. Зак. № 2681.
278) Кабинетъ II, кн. № 17, 34.
279) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
280) Кабинетъ II, кн. № 17.
281) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
282) Кабинетъ I, кн. № 32.
283) Тамъ же, II, кн. № 20.
284) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
285) Тамъ же.
286) Кабинетъ II, кн. № 53; Донесенія Голланд. резидентовъ.
287) Кабинетъ II, кн. № 23.
288) Тамъ же, № 27.
289) Тамъ же, № 28.

290) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

291) Кабинетъ II, кн. № 26; Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Меншикова.

292) Кабинетъ II, кн. № 28.

293) Тамъ же, № 95.

294) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

295) Кабинетъ II, кн. № 35.

296) Кабинетъ II, кн. № 41.

297) Тамъ же, № 55.

298) Тамъ же, № 56.

299) Тамъ же, № 41; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла князя Меншикова; Письма Петра В. 1720 года; подробности о коммиссіяхъ надъ Меншиковымъ см. у Голикова Дополненія къ Дѣяніямъ Петра В. XI, 25 и слѣд.

300) Кабинетъ II, кн. № 22.

301) Пол. Собр. Зак. № 2373, 2374.

302) Архивъ Мин. Юстиц., дѣла Сената 1711 года; Пол. Собр. Зак. № 3415.

303) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

304) Кабинетъ II, кн. № 38.

305) Пол. Собр. Зак. № 2470.

306) Кабинетъ II, кн. № 91.

307) Тамъ же, № 89.

308) Пол. Собр. Зак. № 2906.

309) Кабинетъ II, кн. № 40.

310) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Москов. губерніи.

311) Тамъ же, дѣла Сената по монастырскому приказу.

312) Пол. Собр. Зак. № 3203, 3210, 3212, 3236.

313) Тамъ же.

314) Кабинетъ II, кн. № 15.

315) Пол. Собр. Зак. № 2860.

316) Кабинетъ II, кн. № 20; Письма Русскихъ Государей, изд. Архива Мин. Ин. Д.

317) Тамъ же, № 53.

318) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова.

319) Кабинетъ II, кн. № 35; Архивъ Мин. Юст., Сенатскія дѣла по Москов. губерніи.

320) Кабинетъ II, кн. № 42, 43, 48; Андрей Ушаковъ Макарову 17 іюля 1719: „Прошу о указѣ о лѣкарѣ Лештокѣ, что̀ съ нимъ дѣлать? ибо я изъ его и изъ другихъ допросовъ больши не могъ уразумѣть, что его вящшей вины нѣтъ, развѣ что въ томъ воля Государева, и какъ я его видѣлъ, конечно онъ въ великой десперацін пребываетъ, опасно дабы не учинилъ какой надъ собой причины.“ — 1719 г. апрѣля 17, лѣкарь Лестокъ былъ отданъ за

караулъ, потому что обнажилъ шпагу и хотѣлъ рубить хлопца Лакостина и другаго работника. Послѣдній сказалъ, что по приказу Лакостину стерегъ онъ Лештока по многія ночи, чтобъ когда онъ придетъ къ его Лакостиной дочери, которая сидитъ за карауломъ, тогдабъ его съ нею поймать; онъ его и поймалъ, когда онъ съ дѣвицею выходилъ изъ захода, вмѣстѣ съ другимъ работникомъ, а Лештокъ вынулъ шпагу, и они закричали караулъ. Лестокъ сказалъ, что онъ того дня спрашивалъ у генералъ-адъютанта Ягужинскаго, какъ бы ему помириться съ Лакостою? Ягужинскій сказалъ, чтобъ онъ написалъ Лакостѣ письмо и отдалъ ему Ягужинскому. Возвращаясь ночью отъ князя Трубецкаго и идучи мимо двора государева, пошелъ видѣться съ Лакостиною дочерью, которая за карауломъ сидитъ, для того, чтобъ ее спросить, какъ лучше къ отцу ея помянутое письмо написать, и только пришолъ къ дверямъ кухмистра Матиса, гдѣ Лакостина дочь, пришли какіе то люди и начали его бить и грабить, а Лакостиной дочери онъ тогда и не видалъ, и приходилъ онъ къ Лакостиной дочери и прежде того, потому что имѣетъ съ нею любовь и хочетъ на ней жениться. — Когда Лестокъ былъ сосланъ въ Казань, то губернатору велѣно было содержать его покрѣпче, смотрѣть, чтобъ не ушелъ и не имѣлъ корреспонденцій; на жалованье велѣно давать по 20 рублей на мѣсяцъ. — О жизни въ Петербургѣ см. Дневникъ Берхгольца, часть I-я до 160 страницы по русскому переводу Аммона; о свадьба Зотова у Голикова, Дополн. къ Дѣян. Петра В., X, 232; объ ассамблеяхъ Пол. Собр. Зак. № 3246.

321) Кабинетъ II, кн. № 17.

322) Тамъ же, № 29.

323) Тамъ же, № 33.

324) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, 1717 года.

325) Кабинетъ II, кн. № 33; письмо Долгорукаго въ Государственномъ Архивѣ.

326) Кабинетъ II, кн. № 41.

327) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ 1717-й годъ; Кабинетъ II, кн. № 28.

328) Письмо Матвѣева къ царицѣ 17 февраля 1717 г. въ Государственномъ Архивѣ.

329) Кабинетъ II, кн. № 41.

330) Тамъ же, № 40.

331) Письмо, безъ означенія года, въ Государст. Архивѣ.

332) Кабинетъ I, кн. № 64.

333) Тамъ же, II, кн. № 35.

334) Тамъ же, № 56.

335) Сочиненія Ивана Посошкова, изд. Мих. Погодина, 1842 г.
336) Кабинетъ II, кн. № 93; Татищева въ примѣчаніи на Судебникъ, стр. 76.
337) Кабинетъ II, кн. № 55.
338) Тамъ же, № 32.
339) Тамъ же.
340) Тамъ же, № 35.
341) Тамъ же, № 65.
342) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по статсъ-конторѣ означеннаго года.
343) Тамъ же, дѣла Преображ. приказа 1712, 1719 года.
344) Пол. Собр. Зак. № 3223. Дѣла Преображ. приказа 1713 г.
345) Кабинетъ II, кн. № 24.
346) Тамъ же, № 41.
347) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Москов. губерніи 1718 года.
348) Тамъ же, дѣла по монастыр. приказу 1712 года.
349) Переписка Мусина-Пушкина съ Поликарповымъ въ Государственномъ Архивѣ.
350) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Монастырскому приказу 1715 года.
351) Пол. Собр. Зак. № 2389.
352) Кабинетъ I, кн. № 32.
353) Пол. Собр. Зак. № 2739; Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Москов. губерніи.
354) Кабинетъ II, кн. № 28, 31; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1717.
355) Пол. Собр. Зак. № 3682.
356) Письмо въ Государ. Архивѣ.
357) Кабинетъ II, кн. № 35.
358) Пол. Собр. Зак. № 2978.
359) Каб. II, кн. № 58.
350) Тамъ же, I, кн. № 19.
361) Письма Петра В. въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, т. IX, № 21.
362) Кабинетъ II, кн. № 34; Голикова — Дополн. къ Дѣяніямъ Петра В. XI, 8.
363) Пол. Собр. Зак. № 3693.
364) Письмо въ Государ. Архивѣ.
365) Стихи на побѣду при Калишѣ, соч. Данилы Гургина, 1706 года.
366) Архивъ Мин. Юст., Сенатскія дѣла по статсъ-конторѣ.
367) Пол. Собр. Зак. № 3159.
368) Тамъ же, № 3682.

369) Кабинетъ II, кн. № 24.
370) Письмо въ Государ. Архивѣ.
371) Тамъ же.
372) Кабинетъ II, кн. № 23.
373) Тамъ же, № 33.
374) Тамъ же, № 41.
375) Тамъ же, № 57.
376) Исторія Россіи, т. XIV, стр. 159, 160.
377) Исторія Выговской пустыни, по рукописи Ивана Филипова, стр. 107 и слѣд.
378) Исторія Россіи, XIV, 358.
379) Голикова — Дѣянія Петра В. III, 157.
380) Православное Обозрѣніе, ноябрь 1865 года.
381) Кабинетъ II, кн. № 20.
382) Пол. Собр. Зак. № 2991 и 2996.
383) Кабинетъ I, кн. № 31; II, кн. № 41, 42, 56, 57. См. также Есипова: роскольничьи дѣла XVIII столѣтія; Голикова Дополн. къ Дѣяніямъ Петра В. X, 275; XII, 302.
384) Кабинетъ II, кн. № 57.
385) Дѣло о Тверитиновѣ въ Синодал. библіотекѣ; см. также статью Терновскаго: Москов. еретики въ царствов. Петра I, въ Православномъ Обозрѣніи 1863.
386) Кабинетъ II, кн. № 24.
387) Тамъ же, № 20.
388) Архивъ Мин. Юст., копіи съ именныхъ указовъ.
389) Тамъ же, дѣла тайнаго Преображ. приказа.
380) Исторія Россіи XIV, 152.
391) Кабинетъ I, кн. № 32; Пол. Собр. Зак. № 3356.
392) Пол. Собр. Зак. № 2868, 2920.
393) Кабинетъ II, кн. № 48.
394) Пол. Собр. Зак. № 3637.
395) Кабинетъ II, кн. № 73.
396) Тамъ же, № 35.
397) Пол. Собр. Зак. № 2352.
398) Тамъ же, № 3175.
399) Архивъ Мин. Юст., дѣла Патріаршаго приказа, годы 1712, 16, 18, 19 и 21.
400) Пол. Собр. Зак. № 2991, 3169; Голикова — Дѣянія Петра В., VII, 21.
401) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по монастыр. приказу.
402) Тамъ же, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.
403) Кабинетъ I, кн. № 31.
404) Тамъ же, II, кн. № 15.
405) Пол. Собр. Зак. № 3020.

406) Тамъ же, № 3178.
407) Кабинетъ II, кн. № 28.
408) Тамъ же, I, кн. № 31; Пол. Собр. Зак. № 2985.
409) Архивъ Мин. Юст., дѣла тайнаго Преображ. приказа.
410) Тамъ же, дѣла Сената по монастыр. приказу; Пол. Собр. Зак. № 3239.
411) Рукописи Румянцев. музея, № CCCCVII.
412) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1864 года, іюнь.
413) Пекарскаго — Наука и Литература при Петрѣ В. I, 486.
414) Нартовъ, № 106.
415) Пол. Собр. Зак. 3718.
416) Кабинетъ II, кн. № 41.
417) Письмо въ Государств. Архивѣ.
418) Кабинетъ II, кн. № 58.
419) Пол. Собр. Зак. № 3734.
420) Синодальный Архивъ, годъ 1721, № 9.
421) Кабинетъ II, кн. № 57; дѣла Меншикова въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.
422) Синодальн. Архивъ, 1721 годъ, № 265.
423) Пол. Собр. Зак. № 3771.
424) Голикова — Дѣянія Петра В., VI, 56.
425) Пол. Собр. Зак. № 3814.
426) Тамъ же, № 3746.
427) Кабинетъ II, кн. № 57.
428) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Малороссійскія дѣла означенныхъ годовъ; тамъ же приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1713. Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Малороссійской экспедиціи означенныхъ годовъ; Кабинетъ II, кн. № 35, 47.
429) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1712.
430) Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по Казанской губерніи, 1720 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

—

I. *Грамота Петра Великаго Черногорцамъ.*

Божіею милостію мы Петръ Первый царь и самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Преосвященнымъ митрополитомъ, превосходительнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ господамъ губернаторомъ, капитаномъ, княземъ и воеводамъ, и всѣмъ христіаномъ православно-греческаго такоже и Римскаго исповѣданія духовнаго и мірскаго чина въ Сервіи, Македоніи, Черногорцамъ и Приморцамъ, Герцеговцемъ, Никшичамъ, Баняномъ, Пивляномъ, Дробнякомъ, Гачаномъ, Перебиняномъ, Кучамъ, Бѣлопавличамъ, Пиперомъ, Васейвичамъ, Братоножичамъ, Климентамъ, Граховляномъ, Рудинаномъ, Поповляномъ, Зубуемъ наше царскаго величества благоволеніе.

Понеже намъ великому государю нашему царскому величеству извѣстно какъ въ прошломъ 1711 году, когда противъ насъ салтанъ Турецкій безъ всякія отъ насъ данныя причины войну всчалъ, вы по нашему желанію и къ вамъ писмянному напоминанію чрезъ полковника нашего Михайла Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича отъ Подгорице, которые отъ нихъ вручены преосвященному Даніилу Счепчевичу Негошу, который своею ревностію и вашею христіанскою и ради единовѣрія и единоязычія съ нами, и подражая древнія славы предковъ вашихъ словенскаго единоплеменнаго съ вами народа, вооружившеся всенародно показали воинскія противъ того общаго христіанству непріятеля храбрыя и славныя дѣйства, за что потомъ когда

тотъ салтанъ Турецкій паки съ нами миръ возобновилъ прислалъ въ провинціи ваши Турецкія свои войска которые многихъ изъ вашихъ народовъ порубили и мучительски умертвили, иныхъ же по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари, и ваши пожитки разграбили, о чемъ мы какъ изъ постороннихъ вѣдомостей такъ и чрезъ присланныхъ вашихъ ко двору нашему извѣстилися и по христіанской должности соболѣзнуемъ. И повелѣли во всемъ нашемъ православномъ царствіи въ Божіихъ церквахъ и монастыряхъ за оныхъ пострадавшихъ за вѣру христіанскую и венчавшихся мученическимъ венцемъ соборнѣ Бога молить, и поминовеніе творить. Вамъ же въ животѣ оставшимся ратоборцамъ мы великій государь наше царское величество восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вамъ тотъ сначала оной войны ревностной по христіанству и единовѣрію съ нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйства всемилостивѣйше похвалить, и за показанные въ тотъ случай къ намъ великому государю и ко всему нашему имперію вспоможенія возблагодарить, и хотя за нынѣшнею долгопротяжною съ еретикомъ королемъ Швецкимъ войною, на которую многія иждивенія употреблять мы принуждены дабы оную какъ наискоряе окончать, не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденія учинить; однакожъ во знакъ нашія къ вамъ милости посылаемъ нынѣ съ преосвященнымъ Даніиломъ Негушу Счепчевичемъ митрополитомъ Скендерійскимъ и приморскимъ чиноначальникомъ вашимъ 160 золотыхъ персонъ нашихъ да денегъ пять тысячъ рублевъ на вспоможеніе разореннымъ людемъ и большей въ той случай трудъ понесшимъ, да ему преосвященному митрополиту на расплату долговъ его въ семъ случаѣ полученныхъ и на созиданіе разоренныхъ въ митрополіи его церквей и монастырей пять тысячъ рублевъ. А впредь когда мы миръ благополучный получимъ, и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся не оставимъ за ту вашу вѣрную службу нашею царскою милостію вяще наградити. И понеже мы имѣемъ нынѣ съ салтаномъ Турецкимъ миръ, и съ нашей стороны желаемъ оной ненарушимо содержать. Сего ради

совѣтуемъ и вамъ имѣть съ ними миръ, ежелижбы оный паки на насъ и на государство наше войну (чего въ нынѣшнее время не чаемъ) всчалъ, и въ такомъ случаѣ желаемъ отъ васъ паки по единовѣрію и единоязычію оружію нашему помощи и обнадеживаемъ васъ всякою нашею царскою милостію и награжденіемъ, которая наша милость отъ васъ всѣхъ никогда и впредь неотъемлема будетъ. Впротчемъ объявитъ нашу къ вамъ милость бывшей здѣсь при дворѣ нашемъ преосвященный Даніилъ митрополитъ Скендерискій. Данъ въ царствующемъ нашемъ градѣ Санктпитербурхѣ лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1715, іюля въ 9, государствованія нашего 34.

(Изъ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.)

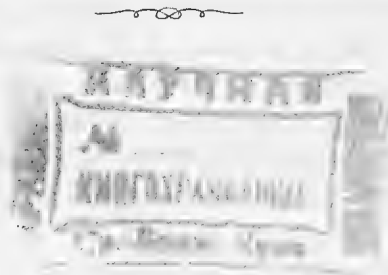
II. *Письмо князя Меншикова въ Ревель*: „Почтенные господа бурмистры и раты ревельскіе! Понеже до сего времени не малые конфузіи происходили отъ здѣшней мѣры локтевъ, ибо великую разницу съ нашимъ аршиномъ имѣютъ, и того ради чрезъ сіе повелѣваемъ, дабы учрежденіе вы учинили, чтобъ россійскіе аршины всеконечно ввести подъ тяжкимъ штрафомъ царскаго величества, какъ въ прочихъ Россійскаго государства земляхъ употребительно.

(Изъ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.)

III. *Подметное письмо одного Русскаго изъ Голландіи.* 1) Сенатъ, оставя главныя дѣла государственныя, вступилъ въ расправы, занимается челобитными и розысками, для своей корысти. 2) Губернаторы радѣютъ токмо о своихъ кормахахъ: Кіевская губернія истощена до конца, также Казанская; слышно, Кіевскій губернаторъ высылаетъ въ свой московскій домъ деньги не мѣшками, но уже возами. 3) Купечества весьма мало и, можно сказать, что уже нѣтъ, ибо всѣ торги отняты у купцовъ и торгуютъ высокія персоны и ихъ люди и крестьяне. Извольте, ваше величество, вопросить новыхъ всероссійскихъ купцовъ т. е. князя Меншикова, Сибирскаго губернатора князя Гагарина и имъ подобныхъ, могутъ ли они прокормить многое число разорен-

ныхъ чрезъ отнятіе торговъ? Бѣдный Строгоновъ! гдѣ онъ нынѣ и ему подобные, и кто нынѣ можетъ возрастить толикое многое число отраслей въ интересъ вашего величества, т. е. произведеніе бѣдныхъ въ богатые купцы? 4) Иностранные купцы высылаютъ серебро и золото изъ Россіи, что запрещено въ чужихъ земляхъ. Вельможи кладутъ деньги въ чужестранные банки, Меншиковъ, Куракинъ, коммиссаръ князь Львовъ. Львовъ въ Голландіи получалъ по 1000 ефимковъ жалованья, на секретаря и священника по 400, но сихъ персонъ при себѣ никогда не имѣлъ, а жалованье бралъ, хаживалъ самымъ нищенскимъ образомъ, всей Голландіи былъ на посмѣшище, бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ, бывшимъ въ Англіи и Голландіи, отъ чего многіе изъ мотросовъ разошлись въ службы другихъ государствъ; также своею лукавою потачкою избаловалъ многихъ Русскихъ господчиковъ, присланныхъ сюда за навигацкою наукою; нѣкоторые изъ нихъ уже по закладнымъ и попродали вещи и деревни и деньги иждиваютъ въ безчинін: три брата Шереметевыхъ, бывъ въ Венеціи, задолжали и не были выпущены, чего ради мусилъ (долженъ былъ) одинъ изъ нихъ ѣхать въ Русь для денегъ на окупъ братьевъ, кои между тѣмъ сидѣли за карауломъ. Салтыковъ посланъ для самыхъ нужныхъ дѣлъ въ Лондонъ, прибывъ сдѣлалъ банкетъ про нечестныхъ женъ и объявилъ свой характеръ и свое дѣло, и многіе корабли были отъ сего остановлены; имѣетъ метресу, которая ему втрое коштуетъ, чѣмъ жалованье.

(Кабинетъ I, Кн. № 58).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
16	31	станть	станетъ.
21	27	донесеніе	донесенія
35	33	смамовольно	самовольно
36	28	въ Малороссіи	въ Малороссію
38	36	подлежитъ	надлежитъ
45	37	сдѣлалъ	сдѣлавъ
48	8	опустошалъ	опустошали
60	21	нанесеннымъ	нанесенномъ
65	1	выведены„	выведены,
67	32	мѣстностяхъ	маетностяхъ
76	21	къ нимъ	къ намъ
89	13	и главная	а главная
96	27	есть:	есть
132	37	возможностію	отъ возможности
146	24	писали	послали
148	6	особенво	особенно
225	26	мойората	майората
229	30	Къ 1713 году	Въ 1713 году
233	6	отъ князей	отъ князя
254	23	въ городъ	въ Городъ
—	31	и коммиссаромъ	а коммиссаромъ
256	5	города	Города
—	—	содержатся	содержится
259	21	Горо	Горе
281	28	его, людей	его людей,
290	30	службы	службы,
306	18	Лапатинскій,	Лопатинскій
—	25	новой	келій
307	15	умножитъ	умножить
309	24	детять	десять
—	34	ниогда	никогда
325	5	житетей	жителей
327	37	200,00	20,000.
349	16	съ покрѣпленіемъ	съ подкрѣпленіемъ
361	23	Отъ него	отъ Него
369	6	правителеству	правительству
375	27	перемѣнпть	перемѣнить
381	9	дала	дали
384	28	иностраннымъ	иностранныхъ

